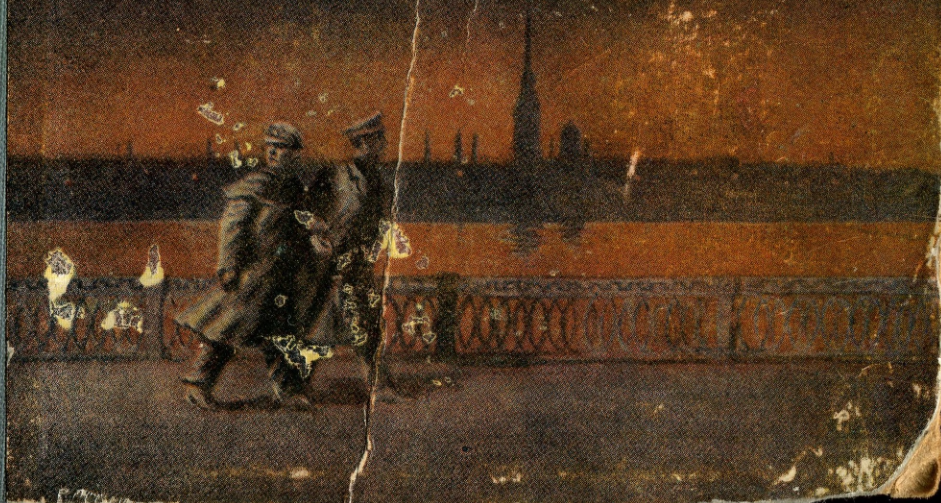

Ваграм Анресан

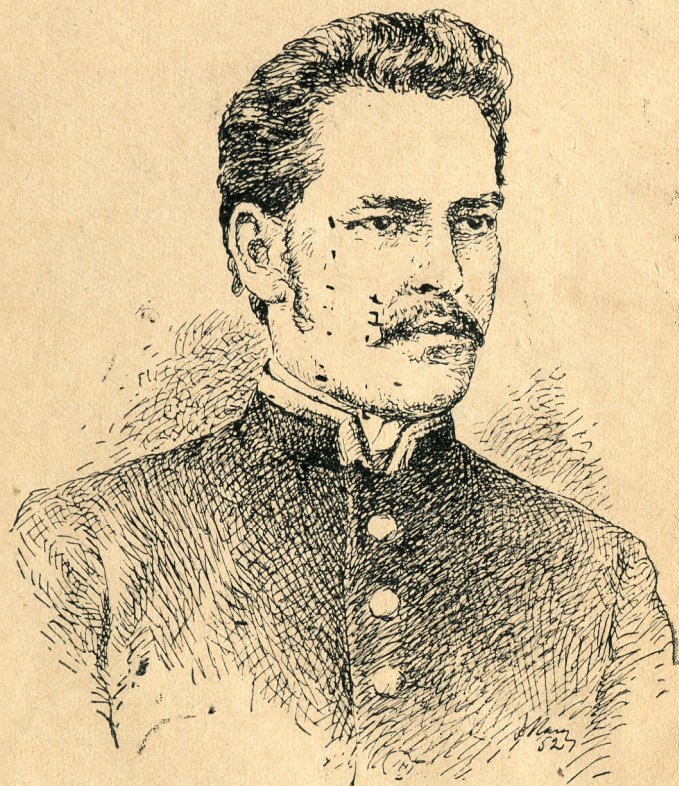
Время
не
ждет

Цена 6 руб. 10 коп.

А. Маманба

P2
A-77.

Ваграм Апресян

Внесено
в каталог

Время не усдет

23785

ПОВЕСТЬ

Книжная библиотека
ЛЕН КОМИТЕТА
РАДИОИНФОРМАЦИИ

8

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ
МОСКВА 1952

Включено
в каталог

79

ПРЕДИСЛОВИЕ

Повесть В. Апрессяна «Время не ждет» рисует жизнь и кипучую творческую деятельность выдающегося русского ученого, изобретателя и активного участника революционного движения Александра Михайловича Игнатьева, отдавшего все свои силы и незаурядный талант на служение своей Родине и своему народу.

А. М. Игнатьев принадлежал к числу тех людей науки, которые никогда не останавливаются на достигнутом, двигают науку вперед, обогащают ее новыми открытиями, поддерживают в науке все новое и передовое. Он был и по сей день остается представителем той науки, о которой говорил товарищ Сталин в своей речи на приеме работников высшей школы 17 мая 1938 года, — той науки, «которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки».

А. М. Игнатьев еще в юные годы вступил на путь революционной борьбы против русского самодержавия. Будучи революционером в общественной жизни, он проявил себя таким же революционером и в области техники. Ему принадлежат такие замечательные изобретения, как знаменитый оптический зенитный прицел, созданный им во время первой империалистической войны, лентосварочные машины, самозатачивающиеся инструменты: резцы-столбики, резцы-кубки, резец-мортира, бритвы, ножи, буровые коронки и т. д.

Биолог по образованию, Игнатьев всесторонне изучил принцип самозатачивания режущих органов животных — зубы бобров, клювы птиц, когти хищников — и пришел к замечательному открытию самозатачивания инструментов, сказав новое слово в технике.

В 1913 году, когда Игнатьев впервые в истории техники пришел к этому блестящему открытию, западноевропейские и американские ученые даже не ставили перед собой такой проблемы. Они и не могли ее ставить, потому что над ними властвовала страшная сила традиций, тормозящая движение науки вперед, задерживающая развитие передовой научной мысли, ведущая к застою и косности.

В свое время считавшиеся непрекаемыми авторитетами в науке о металлорезании западные ученые Бах-Шлезингер и другие

сделали немало ценного, но их последователи своими теориями тор- мозили все новое в науке о резании. Они оказали отрицательное влияние и на некоторую часть русских специалистов советского времени, встретивших враждебно новаторские принципы Игнатьева. И только при поддержке партии и правительства, при помощи товарищей Орджоникидзе, Куйбышева и при постоянном дружеском содействии Горького и активной настойчивости самого изобретателя ему удалось осуществить многое из задуманного.

А. М. Игнатьев был человеком скромным, бескорыстным, горячо любящим свое дело. Благодаря этим качествам и незаурядному таланту он смог добиться больших результатов.

Знакомясь с повестью В. Апресяна, читатель увидит, какой многогранной, необычайно интересной и привлекательной личностью был Игнатьев. Автору повести удалось показать Игнатьева убедительно и впечатляюще и как человека, преданного большевистской партии, патриота своей Родины, и как человека необыкновенной душевной отзывчивости, целеустремленности, непреклонного в достижении поставленной жизненной цели. Особенно хороши и подкупающе искренни в повести те страницы, на которых раскрываются сложный творческий процесс, показывающий, какими трудными путями приходит человек одной отрасли знаний — биологии — к открытиям в другой отрасли — в технике.

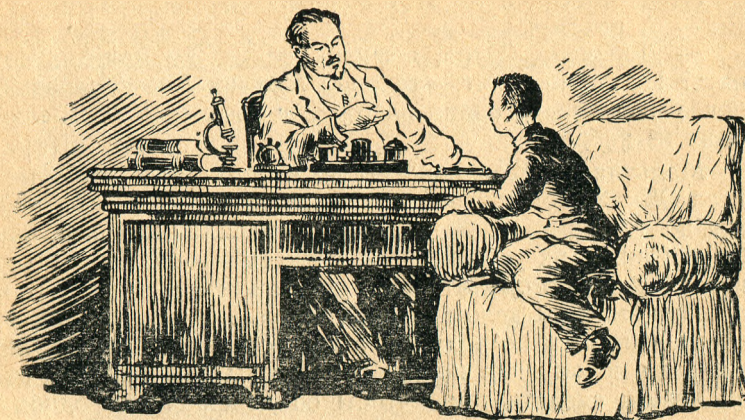
Сильное впечатление производят и те места повести, где раскрываются новые факты биографии великого русского писателя — А. М. Горького, находившегося в многолетней сердечной дружбе с А. М. Игнатьевым.

Молодому советскому человеку, вступающему на самостоятельный жизненный путь, повесть В. Апресяна несомненно принесет большую пользу. С неменьшим интересом и пользой ее прочтут и люди, много пожившие и много знающие. В ней они найдут немало того, что поможет им понять, каким должен быть подлинный советский ученый, как надо жить и трудиться на благо своего народа и своей великой социалистической Родины.

Несмотря на то, что советская наука добилась огромных успехов в обработке металлов, ушла далеко вперед после смерти Игнатьева, его открытиям принадлежит широкое будущее. Эти открытия создают более совершенную методику обработки металлов, дающую громадную экономию энергии, металлов и человеческих сил. Наша металлообрабатывающая промышленность несомненно вернется к изобретениям Игнатьева. Она создаст применительно к новой технике высоких скоростей резания новые самозатачивающиеся инструменты. Страна получит большую экономию энергии при изготовлении деталей во всех отраслях машиностроения, на преодолении вредных сопротивлений. Книга В. Апресяна сыграет в этом отношении бесспорно положительную роль.

Академик Н. Гудцов

5 июля 1952 г.

Глава первая

ЗАГАДКИ МИРА

МИР состоял из сплошных загадок, и на долю Шуры выпала нелегкая забота разгадать все, что он видит. В самом деле: разве можно оставить без ответа мучительный вопрос о том, почему железные пароходы не тонут в Неве? Или почему солдаты охраняют царский дворец, как тюрьму? Почему конка бежит по рельсам? Почему в морозные дни окна украшаются узорами? Почему кошка скребет когтями ковер? Почему арбузы не растут на даче в Ахиярви? И еще много «почему», на которые в одиночку не ответишь, сколько ни ломай голову. Одна надежда на папу. И Шура тихо открывает дверь в кабинет отца.

— Папа, а почему в фотографическом аппарате люди стоят вверх ногами?

— Ух, замучил ты меня своими вопросами, — шутливо вздыхает Михаил Александрович, скидываясь на спинку кресла и приступая к трудному для мальчика объяснению законов оптики.

— А почему в подзорной трубе, наоборот, люди стоят правильно — вверх головой?

Отец ответил и на этот вопрос.

— А почему...

— Довольно, Шура, я очень занят. Ты можешь понять? По горло занят,— говорил Михаил Александрович, показывая краем ладони на горло и со смехом выставя сына из кабинета.

Мальчик задавал вопросы не из праздного любопытства. Живя в окружении любопытных и еще непонятных для него предметов, он нередко размышлял над тем, как бы улучшить их устройство. А сделать это без папы было невозможно, потому что папа знает все на свете. Вот и приходится то и дело беспокоить его. Почему, например, поезд двигается по рельсам, а не по шоссе, мальчик уже знал, но почему для поезда проложены два рельса? Разве нельзя сделать так, чтобы он побежал по одному рельсу?

Фантазия работает усиленно, и Шура начинает нарушать порядки в доме: ложится спать поздно, и то, по правде говоря, не спит, а только, закрыв глаза, притворяется спящим. Надо же ему, в конце концов, решить сложную задачу об однорельсовом поезде.

За обедом и ужином мать часто напоминает: «Жуй лучше». Легко ей говорить так, но каково Шуру, который очень спешит. Встав раньше всех из-за стола, он запирается в своей комнате и самозабвенно рисует что-то. Настает, наконец, день, когда рисунки удивительного поезда уже готовы. Паровоз напоминает цаплю, стоящую на одной ноге. Каждый вагон снабжен рулем, с помощью которого проводник, как велосипедист, должен держать вагон в равновесии. Шуру кажется, что все рассчитано правильно, и он идет к отцу.

— Папа, смотри, какой я поезд придумал.

— Придумал? Что же такое ты придумал? Что-нибудь необычное, да?— откликается улыбающийся отец и приступает к просмотру рисунков. Михаил Александрович в отличном настроении, и это радует мальчика. Но ответ отца ошарашивает его:

— Зря старался, родной мой, в Америке уже есть однорельсовая железная дорога,— говорит он и оборачивается к жене.— Ты видела, Адель, сын наш хочет перешеголять Америку, каково, а?.. Для этого у тебя еще нос не дорос,— добродушно посмеивается Михаил Александрович, нежно гладя сына по голове.

Разумеется, никаких однорельсовых железных дорог, проложенных по земле, в Америке не было и нет. Михаил Александрович вычитал где-то о необычном поезде и поверил в его существование.

— Не огорчайся, Шура, ты еще придумаешь что-нибудь такое, чего нет даже в Америке,— утешает мать.

Но мальчик безутешен. Он уходит в свою комнату, бросает рисунки на подоконник и садится. На лице его скорбь, а в ушах звенят смех и слова отца: «Для этого у тебя нос не дорос... Нос не дорос...»

Михаил Александрович Игнатьев — крупный петербургский ветеринарный врач — не одобрял увлечения своего первенца техникой и старался возбудить в нем интерес к естественным наукам. Он давал ему читать книги о природе, сам мастерски рассказывал удивительные истории из жизни животных. В доме его, на Забалканском проспекте, книжные полки гнулись под тяжестью книг Дарвина, Тимирязева, Сеченова, Палладина, Турского, Брэма и других авторов по зоологии, ботанике и физиологии. Особенно Шура любил читать журналы и больше всех — журнал «Природа и люди». Чего-чего только он не находил в нем! Кажется, не было вопроса, на который этот журнал рано или поздно не давал бы ответа.

Как-то мальчик открыл свежий номер журнала «Природа и люди» и вскрикнул от неожиданности. В нем было напечатано изображение поезда, движущегося по одному рельсу, проложенному по земле. В пояснительной статье говорилось, что каждый вагон снабжен огромным тяжеловесным жироскопом, который вращаясь, держится устойчиво, как волчок, и поддерживает в равновесии вагон. Это был всего лишь проект, но автор статьи уверял, что через десять-пятнадцать лет все железные дороги мира станут однорельсовыми.

Шура решил, что отныне, прежде чем изобретать, он будет спрашивать у отца, — не создана ли уже такая машина. Однако и это не помогло. Каждый раз при попытке посоветоваться о новой идее изобретения отец предлагал сыну бросить ненужную затею, потому что придуманное Шурой давно уже существует в России или еще где-нибудь.

«Странное дело: люди, должно быть, все уже изобрели? И как только они успевают? Прямо не угонишь-

ся», — заключал с горестью Шура. Так, терпя разочарования, он постепенно охладевал к технике. Но ее место в душе мальчика заняло другое, не менее интересное увлечение.

Он читал много книг о животных и растениях. Нелзя было оторваться от страниц, описывающих жизнь и повадки медведей, лис, волков, львов, разных птиц, зебров, жирафов, слонов. Да что там слоны! Жизнь самой крохотной букашки — комарика, муравья — тоже представляла для него мир еще неизведанный, загадочный. Но самое главное, конечно, обезьяны. Оказывается, они — наши предки. В книгах пишут и отец подтверждает, что прежде на земле не существовало ни одного человека. Вместо людей были лишь человекообразные обезьяны.

И вот человекообразные обезьяны начали ходить на задних ногах, а передними хвататься за ветки, рвали плоды или сбивали их палками. Постепенно — за многие, многие годы — передние ноги развились и начали работать, как настоящие руки, а сама человекоподобная обезьяна стала первобытным человеком. Потом такие первобытные люди сделали из камней и палок молотки, потом топоры, ножи, копья. И чем больше делали они вещей, тем умнее становились. Дети учились у старших, а выросши, сами придумывали что-нибудь новое... Удивительно!

Об этом, само собой понятно, нельзя было и заикнуться в гимназии. Попробуй-ка скажи, что наши предки — человекообразные обезьяны, и тебя накажут за «ложь богомерзкую», хотя все знают, что это не ложь, а чистая правда.

А почему нельзя говорить правду? Загадка! Новая жгучая загадка! Шли годы, и чем старше становился Шура, тем она больше занимала его мысли.

ЛАБИРИНТ

В восьмидесяти верстах севернее Петербурга, от станции Райвола идет на восток шоссе. Она прорезает рощи и сосновые леса, часто извиваясь, огибает овраги, лощины, каменистые кручи, холмы и мелкие озера, притаившиеся в лесных впадинах, то взмывает в гору, то летит вниз. На двадцать шестой версте дорога снова бежит в гору и, точно по волшебству, неожиданно внизу открывается чудесное озеро Ахиярви.

На берегу самого озера расположилось имение, полученное в наследство матерью Шуры — Аделаидой Федоровной. Из озера вытекает прозрачный ручей Пескарка и бежит по земле Игнатьевых, вливаясь в Ганнину речку, названную так по имени сумасшедшей старухи Ганны, живущей одиноко в соседнем лесу.

Двухэтажный деревянный особняк с верандами, облицованный снаружи тесом и украшенный ажурной резьбой, завершался башенкой-балконом. Рядом с домом стоит сарай, позади изба работника Микко, поодаль — небольшой скотный двор и другие строения.

Михаил Александрович вырастил на участке крыжовник, малину, смородину, сирень. Но больше занимался животными. У него была лошадь, две коровы, куры, утки, гуси. Он улучшал породы птиц, выводил новую породу свиней.

По соседству в лесах водятся волки, лисы, лось, зайцы, во множестве белки, дятлы, куропатки, изредка рысь. Что же касается многочисленных озер и прудов, рек и ручьев, то это сплошное царство рыбы.

Малорослый для своих тринадцати лет, подвижной, Шура исходил своей семенящей походкой все окрестные леса и поля, неутомимо коллекционировал птичьи яйца, цветы, насекомых, пылливо наблюдал, как они копошатся. Не довольствуясь этим, он и дома создал уголок зоолога: завел белок, птичек, кроликов, содержал рыб в аквариуме. Юный натуралист по-серьезному изучал жизнь своих пленников, особенно белок, любясь тем, как удивительно ловко они работают своими коричневыми лапами и острыми резцами. Он углублялся в наблюдения настолько, что порой не слышал, когда к нему обращались, смотрел на вопрошающего и не видел его. Шура дополнял свои наблюдения сведениями из книг. Однако у него было много и других интересов, которым он отдавался с неменьшей силой.

Взрослые начали замечать, что мальчик куда-то уходит вместе с десятилетним братом Федей. Отец подозревал, что у ребят завелась тайна, но, не видя в этом ничего дурного, не беспокоил их. Однажды утром братья проснулись очень рано. Поспешно позавтракав, они направились к Ганниной речке. Михаила Александровича начало одолевало любопытство. Надев белый форменный

китель надворного советника и фуражку с черным околышем, он отправился вслед за сыновьями.

В русле быстрой речки громоздились огромные валуны, а сама она и берега ее были полны камней и гальки. С левой стороны почти отвесно возвышался оползающий желтый илистый берег, дойдя до края которого Михаил Александрович остановился, оглядывая местность.

Сквозь шорох деревьев и шум речки он услышал восторженные взвизги ребят и обернулся. Шура и Федя стояли по колени в воде в одних трусиках. Речка в этом месте была пошире, мельче и протекала спокойно. Мальчики по локти опустили руки в воду, хватая на дне рыбу и с радостным визгом бросали ее на берег.

— Держи, держи, Федя!

— Уф-фрр, ух, какая студеная вода!

— Да ты хватай, растяпа, хватай скорее, ну!

— Хватаю, поймал, поймал, во!

И рыбка, серебристо сверкая на солнце, шлепалась о камни и беспомощно билась. Михаил Александрович был озадачен: каким же образом эти маленькие фокусники берут, не ловят, а именно берут, голыми руками рыбу прямо из реки? Он зашагал к детям вдоль высокого берега, снедаемый острым любопытством. Между тем ребята только входили во вкус. Резвые выкрики их прерывались звонким смехом, вызванным очередной удачей. Что-то подкупающее, заразительное было в этой чистой, как брызги воды, детской радости. Михаил Александрович вдруг почувствовал себя мальчишкой и, приложив ладони трубой к губам, озорно закричал:

— Эге-ге-е-ей, Шура, Федя! Что вы там делаете? Примите и меня в компанию!

Ребята разом вскинули головы и увидели в тени березы отца.

— Папа, папа! Мы лабиринт сделали,— запрыгав, кричал Федя.

— Какой лабиринт?— не поняв сына, спросил отец.

— Как у царя Миноса,— ответил Шура.

— Ого!— понимающе поднял брови отец, затем бочком, с трудом соблюдая равновесие, спустился по крутизне берега к ребятам.

— Как же ты сообразил это, Шура?

— Так... Я подумал: Тезей вон какой был умный, а без нити Ариадны не смог бы выбраться из лабиринта.

А рыба глупая, без нити Ариадны тем более не выпутается из лабиринта.

— Ах, умница, ах, какой ты молодец!— произнес Михаил Александрович, чувствуя, как сердце переполняется родительской гордостью.

Теперь он отчетливо увидел, что речка перехвачена валом из камней и гальки, поднятым выше уровня воды. Шагов на восемь в длину и на всю ширину речка была разбита на каменные клетки с узенькими входами и выходами. Рыба, идущая по течению, попадала в лабиринт и блуждала по запутанным ходам. Шура и Федя строили лабиринт несколько дней. Как они и рассчитывали, за ночь в клетки лабиринта попало много рыбы. Братья загораживали выходы, запирая свою маленькую жертву в тесной клеточке, и после короткой борьбы ловили ее. Если рыба ускользала, то они настигали ее в соседней клетке.

Желая блеснуть своей ловкостью перед отцом, Шура и Федя вновь заработали. Висмотрев очередную жертву, они шарили руками и бросали добытую рыбку к ногам сияющего от удовольствия Михаила Александровича. Захваченный азартом детей, он начал давать советы, кричал, по-ребячески волновался. С шумом летели брызги воды, отчего ребята визжали и еще больше смеялись. Смеялся и Михаил Александрович, задрав бородку и трясясь всем телом.

Рыбу подали к обеденному столу. Она была мелкая, но, как показалось Шуре и Феде, очень вкусная. Зажарены были пескари и карасики, но их называли тезейками, несчастными тезейками, попавшими на сковороду за неимением нити Ариадны.

ВСЯКИЙ ЖИВЕТ, КАК МОЖЕТ

Зима. В 10-й классической гимназии на улице Первая рота идут уроки. За окнами густо падает снег. Законоучитель протоиерей отец Виссарион Некрасов рассказывает ученикам третьего класса о премудростях закона божия.

— Вера без дела мертва есть!— говорит он, поглаживая седую бороду.— Ты должен любить бога, сотворившего тебя; во-вторых, люби ближнего, как самого себя,— продолжает законоучитель, перечисляя дела, без

которых «вера мертва есть»;— не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы сделали тебе. Благословляйте тех, кто обижает вас, ибо что за заслуга любить только тех, кто вас любит, так все язычники поступают, вы же любите тех, кто вас ненавидит...

Класс слушает молча. Один Толя Белоцерковец, сидящий за одной партой с Шурой Игнатьевым, кощунственно фыркает:

— Чудеса,— говорит он,— у тебя кто-нибудь оторвет нос, и ты за это люби его. А потом, что это значит: люби бога, сотворившего тебя?.. Выходит, не только Адама и Еву, но и тебя бог сотворил, и меня сотворил... А знаешь что, Шура, скажи батюшке про обезьяну, посмотрим, что он скажет.

Игнатьев усмехнулся.

— А слабо,— подзадоривал Толя, толкая друга локтем.

— Захочу, так скажу.

— Не скажешь!

— Скажу!

— Не скажешь, духу не хватит,— искушающе нашептывал Толя.

Игнатьев упрямо насупил брови и поднял руку.

— Вот и скажу, на зло тебе скажу,— произнес он, бледнея, и обратился к священнику:— Я читал книгу, в которой говорится, что люди от обезьяны произошли...

Отец Виссарион глянул на гимназиста из-под густых нахупленных бровей и пробасил:

— Не пристало тебе читать богомерзкое сочинение отступника христовой веры!

Шура несогласно качнул головой, возразив:

— Нет, ее написал знаменитый ученый...

Законоучитель решительным жестом остановил гимназиста.

— Мы с тобой поговорим об этом отдельно, после уроков,— сказал он.

Во время перемен Шура нарочно попадался на глаза отцу Виссариону, но тот забыл или делал вид, что забыл об обещанной беседе. В конце концов Шура напомнил о ней сам, встретив священника на крутой лестнице школы.

— Вы думаете, я забыл о вашем обещании?— спросил мальчик лукаво.

— Хорошо, Игнатьев, мы побеседуем. Приходи ко мне в субботу к восьми часам вечера,— с напускной любезностью ответил священник.

В назначенный день Игнатьев нарядился в новый мундирчик гимназиста, надел серо-голубую шинель со сверкающими пуговицами и отправился к отцу Виссариону. Квартира протоиерея находилась в доме, смежном со школой. Отец Виссарион хорошо относился к Шуре, и все же, когда он медленно и неохотно поднимался по лестнице, им вдруг овладела робость. Дверь отворила служанка, и гимназист растерянно замешкался.

Вся передняя была увешана шинелями чиновников, офицеров, мужскими и дамскими шубами. Из глубины квартиры доносились оживленные голоса, перебиваемые взрывами смеха. Шура потоптался на месте и пробормотал удивленной служанке:

— Извините, кажется я ошибся этажом,— и хотел дать волю ногам, но был остановлен голосом законоучителя.

— Нет, Игнатьев, не ошибся, разденься!

Священник пригласил маленького атеиста в субботу, забыв, что это день именин попадьи. Он ввел мальчика в просторную комнату, где за длинными столами, загроможденными графинами, бутылками, тарелками и вазами с едой и фруктами, расположились гости. Сверкая орденками, нашивками, перстнями, браслетами, мужчины и женщины с любопытством оглядели стушевавшегося гимназиста. Выручила сама именинница, полная сияющая попадьа, усадив Шуру на свободное место в конце стола.

Чувствуя себя совершенно лишним, мальчик без аппетита поел немного хлеба с ветчиной, страдальчески озираясь, высидал, как на иголках, минут двадцать. Именинница не спускала глаз с его покрасневших ушей и что-то шептала дородной соседке. Соседка улыбалась в ответ, выставляя большие, редкие и кривые зубы. От этого недвусмысленного шопота уши Шуры стали пунцовыми. Наконец, набравшись смелости, чувствуя себя оскорбленным, Шура встал, извинился перед хозяевами и направился к двери. Ему, видите ли, надо еще готовить уроки. Звон бокалов на секунду затих, потом опять возобновился. Никто больше не интересовался мальчиком. Один хозяин дома лукаво взглянул на Шуру и встал, чтобы проводить его.

В передней он помог мальчику просунуть руку в рукав шинели, пытливо всматриваясь ему в лицо. Шура считал себя обманутым. «Все равно не сегодня, так завтра спрошу ответа на свой вопрос», — прочитал отец Виссарион на обиженном, упрямом лице гимназиста и решил успокоить его. Нагнувшись над ухом Шуры, он прошептал с вкрадчивой ласковостью:

— Ты думаешь, я забыл о нашем разговоре? Нет, Игнатьев, я все помню, — помолчал и вдруг спросил: — А сколько тебе лет?

— Четырнадцать, — неохотно буркнул мальчик.

— Большой уже!.. Ты умный и добрый юноша, Игнатьев, и я желаю тебе добра. Я вижу, что ты многое знаешь. Ну, и я ведь немало знаю, понял? — священник отечески похлопал гимназиста по плечу.

Хмурость сошла с лица Шуры. Он доверчиво кивнул отцу Виссариону, ожидая, что тот расскажет ему, что именно он знает. Законоучитель собрал в руку бороду, спрятал глаза под густыми бровями, задумался. Оглянувшись в сторону кухни, — нет ли служанки, — он с видом заговорщика продолжал:

— Мой добрый тебе совет, Игнатьев: обуздай свой юный разум, жаждущий истины, не спорь о бытии божием, учись воздержанию и воздержись, не роняй также семена неверия в души ближних, не искушай их. Всякий мыслит, как умеет, живет, как может. Обещай, стало быть, не мешать и мне в классе, согласен?

Шура машинально кивнул головой, без конца застегивая и расстегивая пуговицу шинели. Собственно, почему он кивнул, молчаливо и быстро соглашаясь с законоучителем, — мальчик и сам не понимал. Он собрался, было, спросить ответа на вопрос о происхождении человека, но язык почему-то не повиновался. А отец Виссарион, сделав вид, что беседа уже закончена, сказал напутственно, отворяя дверь на лестницу:

— До свидания, сын мой, передай поклон отцу своему.

Гимназист споткнулся на ступеньках, размышляя о том, что ему пришлось услышать, хотя законоучитель не сказал ему ничего особенного. В то же время Шуре показалось, что священник сказал ему что-то многозначительное, произнося фразу: «и я немало знаю». Выходит, что он знает и правду о происхождении человека.

Почему же тогда он преподает «закон божий»? «Все называют отца Виссариона образованным и правдивым человеком, а он, оказывается, не совсем правдивый», — взволнованно думал Шура, шагая по Забалканскому проспекту с поднятым воротником шинели.

«Всякий живет, как может», — говорит священник. Как же живет этот толстый самодовольный коммерсант, что едет в карете? Наверное, он не мучается угрызениями совести, когда разоряет своих ближних? А этот, вышедший из конторы адвокатов, юрист защищает на суде вора или убийцу; этот акцизный кладет себе в карман часть казенных сборов; на улице Третья рота живет интендант, который — Шура слышал — продал солдатские сапоги из цейхгауза. От суда интенданта спас генерал, видимо, тоже не задаром... Словом, всякий живет, как может.

В свете газовых фонарей то и дело мелькали мертвенно бледные, с резко очерченными тенями, лица аристократов, чиновников, коммивояжеров, приказчиков, офицеров, и на каждом лице Шура видел печать дурных поступков, совершенных ими ради личных выгод. Совсем еще недавно мир взрослых представлялся Шуру чистым, справедливым и добродетельным. Потом он начал узнавать о дурных поступках взрослых, и мир этот предстал в ином свете, обнажив перед ним свои уродливые стороны. В этот вечер Шура был сосредоточенно задумчив, искал уединения. Все люди вдруг показались ему нечестными, неискренними, лжецами.

«Неужели все?» — спрашивал он себя. — «Нет, не все. Не может этого быть. Отец не такой. Он старший врач скотобойни Петербургского городского самоуправления, получивший за свои честные труды ученую степень магистра ветеринарных наук. А таких людей, умеющих жить без обмана, тоже немало на свете. Почему же священник Виссарион не пожелал стать ученым, подобно отцу Шуры, не захотел жить правдой? Эх, спросить бы у него!»

НЕ ВСЕ НА СВЕТЕ ЧЕРНОЕ

Скотобойня была расположена на большой территории в конце Забалканского проспекта и Обводного канала. Главный вход в бойню украшали два могучих бронзовых быка. Недалеко от этих скульптур стоит

трехэтажный кирпичный дом, верхний этаж которого занимает семья магистра ветеринарных наук. Вдоль набережной Обводного канала тянется длинная ограда. За ней находится широкий сенной двор. Сюда по Варшавской ветке пригоняют скот и ставят на откорм в ожидании дня торгов.

И что это за представление — торги? Два раза в неделю мимо бронзовых быков идут на скотобойню мясопромышленники и торговцы скотом — прасолы. Это — здоровенные раскормленные мужчины в теплых шубах и широких штанах, заправленных в начищенные до блеска сапоги гармошкой. Волосы у них острижены под скобку, аккуратно причесаны и смазаны маслом. На животах красуются неизменные золотые цепочки часов. Словом, все более или менее внешне похоже друг на друга. Но как только объявляется начало торгов, — обнажается их внутреннее несходство, различие характеров, темпераментов. Слышится неистощимо разнообразный говор, поднимается неугомонный крик, ругань, божба, страстные заверения; сыплются пословицы, каламбуры, шутки. И до чего же необычен и сочен язык приезжих купцов и сгонщиков скота! Один клянется другому именами всех святых, что продает скот «так на так», в убыток. Делает он это лишь из уважения к нему, Ивану Ивановичу, а другому — «бог свидетель» — ни за что бы не отдал гурта за такой бесценник. Не сумев надуть Ивана Ивановича, он оборачивается к Петру Петровичу, которому тоже из уважения и желания дать заработать, готов уступить за малую цену, почти даром. Но Петра Петровича не проведешь на мякине, поэтому прасол подступает к третьему мясопромышленнику — Исидору Фомичу, затем к Титу Калистратовичу, Андрею Африкановичу и так далее. Потом, сбавив цену, — «уж совсем даром», — снова обращается к Ивану Ивановичу, к стреляному воробью Петру Петровичу. Так помногу раз он обходит всех, и все обходят его и друг друга. В глаза один другому расточают медовые речи, за глаза же шельмуют друг друга, никто не верит никому, все лгут и кривят душой. Всякий живет, как может. Здесь обман и надувательство — профессия: не обманешь, не продашь; ложь возведена в степень искусства, а «честный» купец — это лишь неуличный обманщик.

Купцов поддерживают, хваля товар, сгонщики скота, вконец охрипшие горькие пропойцы, с обветренными жесткими лицами, красными припухшими веками, одетые в кафтаны и армяки, местами подпаленные огнями ночных костров.

В конечном счете кто-то кому-то уступает или уступают обе стороны, и раздается громкое хлопанье рук. Вот двое стоят в цепком рукопожатии через полу шубы или поддевки, в зависимости от сезона, трясут друг другу руки. Торг состоялся. Один хлопок иногда означает покупку полуторы тысяч голов скота с барышом по пять-семь тысяч рублей купцу или мясопромышленнику. Вот почему в торжественный момент заключения сделки со всех сторон лезут к ним сгонщики скота, хриплыми голосами вымаливают магарыч и, получив «синенькую» — пять рублей — или «зелененькую» — три рубля, спешат в третьеразрядный кабачок обмыть куплю-продажу.

Идя от священника мимо одного из таких кабаков, Шура услышал знакомые голоса сгонщиков и вспомнил, что днем происходили торги. В такие дни Михаил Александрович больше обычного бывал занят проверкой состояния убойного скота и качества мяса. Мальчик пожалел, что не скоро удастся поделиться с отцом мыслями, которые его сейчас так волновали.

Сгонщики скота пьяными хриплыми голосами пели какую-то заунывную песню. С сенного двора доносились рев и тревожное мычание животных. Навстречу попался городской. Он вел молодого парня по мосту Обводного канала, скрутив ему за спиной руки. Лицо арестованного было искажено от боли и страха.

Все виденное и услышанное в этот вечер имело какую-то внутреннюю связь и подействовало на Шуру удручающе. Подойдя к дому, он услышал знакомые звуки фортепьяно, на котором хорошо играла его мать.

Контраст между музыкой Шопена и горлодерством хмельных сгонщиков скота, — контрасты противоречивой жизни, в которой, неизвестно как и почему, уживаются прекрасное и безобразное. Шура снял фуражку, шинель, зачесал короткие волосы ежиком и присел, застыв в кресле. Как всегда хорошая музыка вызвала у него хорошее, радостное настроение, отодвинув куда-то отталкивающее и бесчеловечное, что он увидел сегодня...

Разговор с отцом состоялся в следующее утро — в воскресенье. Выслушав сына, Михаил Александрович нахмурил брови. Затем поднял их и, взглянув сыну в глаза, заговорил с ним откровенно, решив, что наступило время поделиться с Шурой некоторыми своими взглядами на жизнь, поговорить о поступках людей. Михаил Александрович начал порицать чиновников за бездушие и угодничество, за карьеризм и продажность, говорил о сложной игре вокруг людских судеб, затеваемых юристами, о лицемерии духовенства, об алчности промышленников, о прожорливости департаментов. Он приводил множество ярких примеров, изливал свои чувства, забыв о возрасте сына.

Но отец был далек от мысли изображать все одними черными красками. Была и другая сторона жизни, чуждая, противоположная той, о которой он только что говорил. В большинстве бедные, простые люди не лукавят, не лгут, работают в поте лица, творят добро и довольствуются малым. Магистр и о них рассказал, приводя множество фактов их честной жизни, и вдруг замолк, осененный, как видно, какой-то новой мыслью. В глазах его вспыхнул знакомый Шуру блеск. Сейчас отец скажет что-нибудь исключительно интересное и приятное. Загорелись и глаза Шуры, точно такие же серые, как у отца. Михаил Александрович провел пухлой ладонью по высокому лбу, погрузил пальцы в седеющие волосы и с жаром воскликнул:

— А почему бы тебе, Шура, не поехать в Белый колодезь. Там близко увидишь, как живет нашему народу, познакомишься с нашими родственниками, поживешь с ними и тогда многое поймешь сам.

БЕЛЫЙ КОЛОДЕЗЬ

Поезд шел на Москву. Ветер мотал длинный султан дыма. За окном мелькали разреженные лоскутки пара, мимо медленно проплывали болотистые поля, рощи, одетые в молодую яркую зелень, а вдали неясно вырисовывались очертания огромного города.

Провожая сына в родное село, Михаил Александрович не прочь был бы и сам наведаться туда, но задержался по делам, обещав Шуру выехать недели через две. Поездка без отца представлялась не такой прият-

ной, но, с другой стороны, мальчик необычайно гордился первым самостоятельным путешествием в такую даль, как Воронежская губерния. С особым удовольствием он забрался на верхнюю полку вагона, прилег ничком и положил подбородок на кулаки. Глядя в окно, он задумался над напутственными словами отца:

«... Люди там обездоленные, придавленные нуждой, обиженные судьбой. Увидишь у них много убогого, темного, необыкновенного с точки зрения наших привычек и понятий, — не удивляйся этому, по крайней мере, не показывай им своего удивления. Это их обидит. Обращайся с ними, как с равными, помни, что и отец твой вышел когда-то из их среды».

«Ког-да-то, ког-да-то, ког-да-то!..», — повторяли колеса безумолку на стыках, назойливо, до самой Москвы.

В Москве Шура решил осмотреть памятники старины. Он пошел от Каланчевской площади, через Красные и Мясницкие ворота, до Лубянки и дальше по Никольской улице до Красной площади. Здесь задержался, любуясь величавыми зубчатыми стенами Кремля с его высокими остроконечными башнями с двуглавыми орлами; поднялся по ступенькам на Лобное место и постоял, задумавшись, на том самом месте, где казнили Степана Разина. «Василия Блаженного» Шура оглядел со всех сторон и вошел внутрь храма. От всего виденного в Москве на него повеяло историей древней Руси — любимейшим предметом на уроках в гимназии. Потом он двинулся в Зарядье, покружился по узеньким переулочкам и заблудился. Пора было уже возвращаться на Каланчевскую площадь. Шура попробовал: повернул направо — переулок, налево — тупик, назад — опять кривой узкий переулок... и запутался безнадежно. Вдруг мальчик вспомнил свой прошлогодний лабиринт и улыбнулся. В Москве он оказался вроде маленькой рыбки, попавшей в лабиринт. Но Шура совсем не испытывал страха. Ведь можно же узнать дорогу на вокзал у прохожих. Вот, например, у этого дяденьки, одетого по воскресному в светлую рубашку с вышивкой и подпоясанного тесьмой с кисточками.

— Как мне попасть на Каланчевскую площадь? — спросил он у него.

— А ты кто будешь? — в свою очередь спросил по-

жилой мужчина, приветливо улыбаясь. Шура охотно рассказал о себе.

— И с утра ходишь-бродишь не евши? Ай-яй-яй, — сокрушился незнакомец и предложил: — идем!

Гимназист доверчиво последовал за ним, забыв о том, что дома его предостерегали от общения со случайными людьми. Шагая, Шура думал о куполах «Василия Блаженного», стараясь запомнить, какие из них с шишками, какие с витыми, какие с прямыми полосками... Опомнился он в полутемной комнате с низким потолком в глухом переулке. Вот и «вышел» из «лабиринта»! Сердце слегка сжалось от недоброго предчувствия: ну, не глуп ли он, как одна из тех рыбок, которые вместо выхода из лабиринта, угодили на сковородку? Между тем усатый вышел за дверь и начал с кем-то шептаться. Сердце сжалось сильнее. О чем они там шепчутся? И кто такой этот человек с большими обвисшими усами? Что у него на уме?..

Вошла женщина с оханкой сосновых, пахнущих смолой, стружек и щепок и скрылась за другой дверью. Шура сообразил: значит, этот дядька столяр, и ему стало радостно от этого открытия и стыдно за свои недобрые мысли. Нахмутив брови, он отважно сел, заботливо зачесал свой ежик. За дверью зашипела сковородка, вкусно запахло жареным луком и мясом. Вошел хозяин и, потирая руки, оживленно сообщил:

— Сейчас пообедаем, а потом погуляем по Москве.

Хозяйка накрыла стол и накормила обоих простым, но вкусным и сытным обедом.

Пообедав, Григорий Иванович — так звали хозяина — и его случайный гость сели на конку и поехали на Театральную — поглядеть на Большой театр, потом — на Сухаревскую площадь. Весь длинный летний день они осматривали город. Вечером Григорий Иванович усадил Шуру в поезд и пожелал ему счастливого пути. Поезд тронулся. При тусклом свете привокзального фонаря Григорий Иванович махал цветным платком, улыбаясь подростку, как родному сыну. Растроганный Шура с чувством признательности думал: «Что за человек — Григорий Иванович? Он наверно из того «сорта» людей, о которых так тепло отзывался отец, говоривший, что их много на Руси».

Когда сумерки и расстояние поглотили Григория

Ивановича, мальчик вдруг вспомнил, что не спросил его фамилии и адреса. Ах, как жаль! И крепко же они подружились за день — водой не разольешь.

На станции, недалеко от Белого Колодезя, Шуру встретил родственник — Иван Котречев, предупредивший письмом. Котречев положил чемодан в телегу, полную мягкого пахучего сена, усадил мальчика и весело покати по проселочной дороге. Выехали в поле. Вокруг спокойно колыхалось бескрайное море зеленых, с серебристым отливом, хлебов. Безоблачное синее небо казалось более просторным и синим, нежели холодное петербургское небо. Солнце здесь тоже было другое; оно палило нещадно, и перед глазами Шуры, словно река, могучим потоком двигался горячий воздух, насыщенный пьянящим запахом полевых цветов и тонким перезвоном кузнечиков.

Вот и Белый Колодезь. Село раскинулось на условной границе России и Украины и по виду ничем не отличалось от украинских сел с белыми хатами — мазанками, бахчами, подсолнухами, выглядывающими из-за плетня, и журавлем над колодцем. Людей не было видно на улицах, они ушли в поле или находились на огородах, в хатах.

Первыми встретили Шуру собаки, с лаем бросаясь к телеге. Куры, принимавшие на середине улицы пыльные ванны, вскакивали и с криком, махая запыленными крыльями, устремлялись прочь. На шум выбегали босногие полуголые мальчишки и, увидя Шуру, громко объявили: «Барич едет, барич едет!». А на их голоса уже выходили парни, бабы, бородатые мужики в латаной и перелатанной одежде и с любопытством рассматривали гимназиста.

Среди могучих деревьев, бросающих на домики густую прохладную тень роскошных садов, бахчей, необъятно раскинувшихся полей и лугов — среди всей этой несказанной красоты природы одни только люди выглядели серыми и невзрачными. Сказочное богатство здешней земли и беспросветная, иссушающая душу бедность крестьян — вот что с первой минуты поразило Шуру.

Котречев подготовил для него и Михаила Александровича чистую комнату, увешанную иконами, вышитыми полотенцами, картиной с бравым генералом на коне, кружевными вырезками из старых газет. Все это сдела-

ли заботливые руки хозяйки. У Котречева был сын Петя, года на три старше Шуры. Они познакомились, быстро подружились, и Петя всюду сопровождал своего гостя.

Через день оба мальчика сидели под вечер на заваulinке и беседовали. Шура рассказывал о Москве и Петербурге, стараясь живее представить Пете бурливую жизнь этих городов. Их обступила гурьба ребят, с жадностью ловивших каждое слово рассказчика. Прошел час, но никто не проронил ни слова, никто не ушел. Шура с трудом вызвал на разговор одного из ребят — мальчика примерно своих лет.

— Как тебя звать? — спросил он.

Парень, переминаясь с ноги на ногу, глядя в землю, сопел и заставил трижды повторить вопрос, после чего с трудом выдавил:

— Лешка.

— А по фамилии?

— Игнатъев.

— Игнатъев? — Шура удивился, услышав свою фамилию. Он поговорил с мальчиком, затем с другими ребятами. Все они оказались Игнатъевыми, и многие бабы и мужики, с которыми он знакомился позже, — тоже звались Игнатъевыми. Сколько же бедняков носит его фамилию? Почти все старики оказались бывшими крепостными, и отец Шуры был сыном крепостных. Из всего села одному Михаилу Александровичу удалось «выйти в люди».

Михаил Александрович с детства обнаружил склонность к наукам. Тем не менее ему с большим трудом удалось поступить в Воронежскую гимназию. Жил он в тяжелой нужде, зарабатывал на хлеб, репетируя отстающих учеников. Гимназию он окончил с золотой медалью. Далее учился в ветеринарном отделении Петербургской военно-медицинской академии и окончил ее также с золотой медалью. Участвовал в Русско-турецкой войне. После фронта бессменно работал старшим ветеринарным врачом петербургской скотобойни, получил ученую степень магистра наук. Он стал создателем первого в России музея мясоведения и патологии, занимался лекционной и просветительской деятельностью.

Таков был Михаил Александрович, недосыгаемо поднавившийся над родичами и односельчанами. Только те-

перь, увидя других Игнатъевых, Шура понял по-настоящему, кем был и кем стал его отец, и полюбил его новой, осмысленной любовью. А крестьяне — родственники, обделенные жизнью, замордованные помещиками и кулаками, вызвали у юноши щемящее чувство сострадания и желание еще больше сблизиться с ними, облегчить как-то их тяжкую жизнь. Но как? Об этом он еще не думал.

Шура выезжал с мальчиками в поле — полоть барские посевы, косить траву, управлял лошадей. Нет, нелегко было равняться на деревенских ребят в полевых работах, в ужении рыбы, в беге босиком по жесткой, кочковатой земле, но зато в одном деле он коноводил всеми. Вечерами хлопцы собирались в горнице Котречева. Приходили родственники всех ответвлений — Игнатъевы, Котречевы, Чучупалы — от мала до велика. Шура с удовольствием рассказывал им занятные истории, вычитанные в книгах; читал стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, особенно Некрасова, которого крестьяне понимали лучше и любили больше других поэтов.

Но не только слушать умели эти неграмотные парни. Среди них нашлось немало рассказчиков, сочинителей частушек, шутников и певцов. Рассказы их отличались простотой, народной мудростью, веселым юмором и сознанием внутренней силы простого человека. Вдоволь поговорив, хлопцы переходили к песням. Гремел хор. Запевалой выступал Сережа — статный, бронзоволицый парень, с искрящимися голубыми глазами. Его широкая загорелая грудь звенела, когда он пел своим сильным тенором. Как только он начинал запевать, лица окружающих расплывались в улыбке и все разом подхватывали песню. Сидя на земле и обнимая руками колени, проникновенно тянули широким грудным голосом крестьяне. Им подпевали юноши и девушки звонкими голосами, а позади гудели басы. Пели до позднего вечера народные украинские песни. И сколько было в них задухновенности, любви, страдания и грусти! Грусти, необъяснимо приятной сердцу.

В скором времени приехал в родное село и Михаил Александрович. Он был одет очень скромно, как полагалось «при хождении в народ», однако встречен был с большими почестями. Магистр наук побывал в доме каж-

дого из родственников, роздал гостинцы, осведомился о состоянии скота и помог лечить кому — корову, кому — лошадь.

Михаил Александрович покорила всех своей общительностью, простотой в обращении с односельчанами. Он сам начал бывать на вечерах ребят, называя их «Вечерами на хуторе близ Диканьки», где рассказывали о разных суеверных случаях.

Чем больше хороших качеств открывал Шура в деревенских парнях, тем яснее сознавал несправедливость их доли. На эту тему он не раз говорил с Сережей, с которым очень сдружился.

— В самом деле, — спрашивал Шура, — вот вы трудитесь помногу, выращиваете рожь, пшеницу, а едите житный хлеб с мякиной...

— Рожь и пшеница не наши, господские.

— Они же всего не съедят, ведь лопнуть можно.

— Бирюк вола ест и не лопаётся, — отвечал Сережа.

Приближался день отъезда. Михаил Александрович начал собираться. Он сказал сыну, что если ему хочется сделать доброе дело, то он должен снять мерки с ног всех родственников, не имеющих обуви. Шура понял, улыбнулся. Однако, неужели папа в состоянии купить всем обувь? Их же пропасть — босоногих!

— В состоянии, — ответил Михаил Александрович.

Шура, Петя и Сережа горячо взялись за дело. Они обходили избы, снимали мерки. Шура записывал в тетрадь фамилию, имя, отчество и размер обуви. Часто сам нагибался и снимал точную мерку. В таких случаях родственники с ужасом отдергивали ногу: разве можно молодому барину заниматься таким делом?

Отца и сына провожала вся родня. Петя и Сережа сопровождали их до самой станции, а на прощание договорились с Шурой переписываться. Сережа знал грамоту.

Вернулись в Петербург через Киев. В Киеве остановились на два дня, чтобы закупить обувь. Михаил Александрович с сыном подбирали по размерам, записанным в тетрадь, сто пятьдесят одну пару сапог и отправили в Белый Колодезь.

В ответ в Петербург прибыло благодарственное письмо по адресу: «Санкт Питер Бурх, город скотобой, его величеству Михаилу Александровичу».

— Смотрите, дикий адрес, без фамилии, город какой-то придумали... и дошло, а! — смеялся Михаил Александрович... — Но, позвольте, меня ведь могут арестовать как самозванца. Пишут «его величеству», в царя меня возвели, ха-ха-ха!..

В ПЕТЕРГОФ

Самым близким, неразлучным другом Шуры был его сверстник Толя Белоцерковец. Их сблизили сходные интересы, увлечения, вкусы. Шура и Толя дружили давно, сидели за одной партой, вместе переходили из класса в класс.

Вернувшись из села Белый Колодезь, Игнатьев первым делом поспешил к Белоцерковцу и застал у него братьев Наумовых.

— О, Шура приехал, Шура приехал, вот кстати! — подскочил Толя и обнял друга.

Коля и Володя Наумовы тоже вскрикнули от радости. Это были красивые стройные парни, дети начальника петергофской почты. Коля был на год старше Шуры, Володя — на год моложе. Все четверо дружили.

Наумовы зашли к Белоцерковцу позвать его на несколько дней к себе в гости и очень жалели, что Шура в отъезде. Но вот и он явился, как в сказке.

— Ну, ты молодчина, Шура, что поспел. Едем, едем к нам в Петергоф, — говорили братья наперебой. — Там у нас замечательный буер есть! Поплаваем, Шура, на море покатаемся, рыбы половим, из «монтекристо» постреляем. Знаешь, мы купили три «монтекристо», ей-богу!

Шура принял приглашение, весь засияв, но сказал, что должен предупредить родных. Через двадцать минут он уже просил у отца разрешения.

— Из мужицкой халупы, да в царский дворец? Ха-а! Ты, брат, у меня чудеса творишь, — сказал Михаил Александрович, отпуская сына.

Прибыли юноши в Петергоф поздно и направились к парку Александрия. Здесь, рядом с Фермерским дворцом, в каменном доме жили Наумовы. Усталые друзья вошли в дом, поужинали, легли и вскоре заснули крепким сном...

Утром их разбудил резкий голос, повторявший одну и ту же фразу:

— Коля, Володя, вставайте, в гимназию идти!

Шура открыл глаза и увидел огромного нахохлившегося попугая с выпученными бельмыстыми глазами.

Друзья весело рассмеялись и начали одеваться.

Шутка Михаила Александровича о том, что Шура попадет из крестьянской халупы в царский дворец, была близка к истине, хотя к роскошным царским чертогам никого не подпускали на пушечный выстрел. Главные здания, цветочные клумбы Верхнего сада можно было видеть лишь издали. В Александрию пускали только в отсутствие царя, которого как раз не было. Юноши пошли к фонтанам. Шура и Толя застыли на месте, как зачарованные. Увидя, какое сильное впечатление произвело на них это красивое зрелище, Володя прочитал стихи Пушкина:

Летят алмазные фонтаны
С веселым шумом к облакам
Под ними блещут истуканы...
...Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной огненной дугой
Валятся, плещут водопады...

Водную феерию можно было наблюдать сколько угодно. Что же касается всего внутреннего великолепия дворцов — сверкающих залов, анфилад, ажурной резьбы, скульптур, ослепительного блеска люстр, позолоты, то они были совершенно недоступны глазу простого смертного. Шура высказал сожаление, что не может увидеть всех достопримечательностей Петергофа.

— Близок локоть, да не укусишь, — ухмыльнулся Коля.

— Понятное дело, ведь все это царское, — заметил Толя.

— И ты считаешь справедливым, что один царь владеет такими богатствами? — спросил Володя.

— А кто же должен владеть ими? — удивился Шура.

— Народ.

— Кто сказал?

— Многие, и твой тезка, в том числе, — ответил Коля.

Речь шла о старшем брате Наумовых, студенте Александре. Дсма он открыто говорил о революции, требуя

при этом, чтобы братья держали язык за зубами. Ведя такой же разговор с друзьями, младшие Наумовы в свою очередь строго предупреждали:

— Только держать язык за зубами.

— А вы слышали про садовода? — спросил вдруг Володя, расширив красивые глаза. — Его застрелили на глазах у царя.

— Кто его застрелил? — в один голос спросили Шура и Толя.

— Конвоец. Во время прогулки царя в Верхнем саду. Царь зачем-то позвал садовода, возделывающего клумбы. Садовод — отставной бравый солдат — вскинул лопату на плечо и затопал к царю. Вдруг, бац!.. и нет человека. Конвоец подумал, что садовод без спроса пошел к царю и выстрелил. Сразу пятеро ребят осиротели...

— А что государь? Наказал убийцу?

— Чего ты захотел!.. Для него человек — хуже собаки. Он как ни в чем не бывало продолжал свой моцион.

Шура и Толя слушали рассказ, онемев от ужаса. Наумовы знали много неприглядных историй из придворной жизни и рассказали о жестокостях, творившихся на глазах царя, разрушая веру друзей в справедливость «божьего помазанника».

Парк Александрия раскинулся по морскому побережью вширь и вглубь. Это была великолепная панорама зеленого массива с густыми вековыми деревьями. Извилистые дорожки то спускаются, то поднимаются по пересеченной местности и на каждом повороте взору открывается новый пейзаж, один живописнее другого. В пейзажи эти, с видом на морские дали, искусно вписаны различные строения: Фермерский дворец, церковь Александра Невского. Котедж, царская дача и домики сельского типа.

Наумовы знали Александрию, как собственный дом. Вместе с Шурой и Толей они «прочесали» весь парк, лазали на деревья, бегали, боролись, кувыркались, ловили рыбу, купались в море, катались на лодке, словом вели себя как полновластные хозяева. Но только в одном деле не было им приволья — в охоте. Охота в радиусе 25 верст вокруг Петергофа запрещалась под страхом тюремного заключения. Царские егери и конвойцы особо охраняли Александрию. Зайцев и фазанов могли бить только особы царской фамилии и немногие придворные.

* * *

...Шумит, волнуется море, нарушая покой ночного леса. Лес отвечает шорохом миллионов листьев. Из-под деревьев слышится хриплое, короткое, как бы недоконченное кукареканье. Таким же голосом поет на вершине дерева птица, хлопая крыльями.

— До чего же точно подражает тебе, Коля,— усмешается Шура.

— Тише, тс-с,— цыкает Володя,— егери услышат.

Тишина. Юноши ползут на голос фазана, вдыхая прохладный воздух. Коля повторяет фазаний пароль, как бы спрашивая: «Ну где же ты?» «Я здесь, а что тебе надо?», — кричит с ветки петух, как бичом, хлопая крыльями. Охотники подкрадываются поближе, смотрят вверх. Видны кроны деревьев, зубчатые силуэты сосновых лап. Четыре пары острых глаз замечают на фоне неба фазана, поворачивающего на вытянутой шее голову. Рядом на ветках шевелятся смутные клубочки... Курицы. Коля снова поет фазанью серенаду. Петух отвечает голосом и хлопаньем крыльев. Вдруг тишину нарушает выстрел: «хлоп-хлоп, трах-тах-тах!..» Фазан кувыркается, рассыпая перья и падая вниз. Курицы срываются с веток, свистя крыльями. На все лады спросонья перекликаются обитатели потревоженного леса. Неожиданно тьму пререзает желтый луч ручного фонаря. Егери и конвойцы вместе с собакой ищут нарушителей ночной тишины. Ребята хватают убитого фазана и спешат к берегу моря. Стража — за ними. Поздно! Буер уже отчалил от берега. Он подымает свой белый парус, длинный и острый, как крыло чайки. Конвойцы не стреляют, зная, что беглецы — дети петергофских чиновников. Лихо наклонив парус, буер взмывает на гребне волны и проваливается вниз. Егери грозятся озорникам кулаками.

А юноши летят вперед. Море становится злее, бросая посудинку то вверх, то в стороны. Вскоре егери видят в мгlistой дали лишь один парус. И кажется, что это большая чайка отважно бьется с волнами. Юношам страшно и радостно. Володя обращается к морю и, подняв руку, читает во весь голос:

Играют волны, ветер свищет,

И мачта гнется и скрипит;

— В самом деле скрипит,— говорит Шура, крепко держась за мачту.

... А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

— Володя, а Володя, почитай стихотворение, которое ты недавно написал,— просит Толя.

Но Володя молчит, мечтательно устремив взгляд в плотный сумрак морской пучины.

„ПРЕМУДРЫЙ ПЕСКАРЬ“

У Наумовых было хорошо. Однако как ни хорошо в гостях, а дома лучше,— гласит пословица. Дома, то есть в Ахиярви, Шура снова по-серьезному увлекся естествознанием. Прежде всего он пошел осматреть лабиринт и, конечно, не нашел его. Снесли внешние воды. Восстанавливать лабиринт юноша не стал и занялся изучением повадок рыб. Михаил Александрович был доволен своей педагогической победой. Ему казалось, что он сумел-таки повернуть сына от техники к естествознанию. Подымая свою пухлую руку, магистр ветеринарных наук торжественно изрекал:

— Техника — это примитив, а в природе все совершенно. Простейшие живые существа гениальнее по устройству, чем твой паровоз или телеграф. Наблюдай побольше, и ты убедишься в этом!

И Шура наблюдал.

Прозрачный ручей Пескарка, берущий свое начало из озера Ахиярви, манил к себе юного натуралиста своим ласковым умиротворяющим журчанием. По ручью рыбы совершают путешествие из Ганниной речки в озеро и обратно. Шура ложится ничком на зеленый бережок и жадно, без усталости наблюдает за маленьким подводным мирком. Приминая траву то тут, то там, он много дней изучает жизнь и повадки рыб.

Подумать только, каким изяществом форм и гибкостью обладают тела рыб! В ясный день эти юркие существа точно заряжаются солнечной энергией и показывают сказочную прыть. Их будто выстреливают из пистолета. Рыбки летят пулей, и в глазах Шуры стираются очертания их тел. Ударит здесь хвостиком, метнет хрустальные бусинки пузырьков, а в следующее мгновение — новые бусинки уже в пяти-шести шагах.

Но вот настоящее чудо: на быстром течении воды стоит не шевелясь маленький пескарь. Вода стремится

вперед, журчит, напирает, а пескарь стоит, словно привязанный незримой нитью. Вдруг он вяло шевелит плавниками и плывет против течения, почти не прилагая усилий. Загадка! Немало еще придется Игнатьеву потратить времени на пескаря, поломать голову, прежде чем удастся открыть его тайну. Оказывается, рыбка находит в воде невидимые завихрения, зоны равновесия сил — водоворотиков и прямого течения — и становится туда отдыхать. В этих крохотных нейтрализованных зонах вода не сдвигала пескаря с места. И достаточно рыбке сделать едва уловимое движение, как она плывет против течения. Премудрый пескарь!

Шуре и прежде приходилось наблюдать удивительные примеры использования животными сил природы или читать об этом в книгах. Он знал, что орел часами парит в небе, очень редко взмахивая крыльями. Пользуясь силой ветра, он летит против ветра же. Чайка и буревестник почти вертикально взмывают ввысь, подставляя крылья сильным порывам ветра. Лебедь превращает свои крылья в паруса.

Птицы носятся по воздуху, а рыбы плавают в воде без усилий или прилагая очень небольшие усилия. А сколько все же они работают мускулами? Шура ищет ответа в книгах. Однако книги отвечают на другой вопрос — какие вкусные блюда можно приготовить из мяса птиц и рыб. А какая сила таится в мышцах фазана или пескаря, — ни слова. Вот о силе лошади говорится точно — 75 килограммов в секунду. Лошадь тоже «устроена», как выразился отец, гениально. Вся энергия ее мышц используется для различных движений. Не то мы видим в паровозе, у которого 93 процента энергии вылетает в трубу и пропадает на трении. А пароход? Интересно знать, например, насколько больше расходует пароход энергии на пуд веса по сравнению, скажем, с китом?

Так, ища ответов на вопросы, Шура добывает технические книги, журналы, обкладывается ими, вновь погружившись в мир технических загадок. Он изучает законы движения тел: динамику, гидродинамику, аэродинамику. Одна книга рассказывает о строительстве пароходов. В ней даны расчеты мощности паровой машины, расхода топлива, сопротивления воды. А о ките или хотя бы о гусе — нигде ни слова. Между тем гусь и пароход двигаются по воде одинаковым способом: оба отталкивают от

себя воду. Лебедь еще интереснее. Он плывет, как парусно-паровое судно, гребет воду перепончатыми лапами и подставляет ветру крылья.

Михаил Александрович меньше всего мог ожидать, что, подогревая страсть сына к естествознанию, он откроет ему дорогу обратно в мир машин. Отец увидел на столе Шуры литературу по технике и зоологии, чертежи машин и анатомические рисунки. Что это значит? Если Шура питает одинаковую страсть к двум наукам, то из этого ничего путного не выйдет. Двум богам не поклоняются. Шура уже взрослый, и пора ему выбрать одну профессию, если он хочет выйти в люди, думает отец. Уж он-то, опытный ветеринар, хорошо знает, что, кроме плавания по воде, ничего общего между гусем и пароходом быть не может. Сын, напротив, видит много общего и удивляется, что этого не замечают другие. В подтверждение своей мысли он может привести новый пример.

Шура сделал еще одно открытие, более интересное, чем разгадка «тайны» пескаря. Юноша увидел на дне ручья рака, передвигающегося силой течения против течения. Поворачивая ось корпуса то влево, то вправо, рак попеременно подставлял потоку воды перья хвоста. Вода напирала на перья, корпус рака отводился сперва в одну сторону, затем в другую, как маятник часов. В такт маятнику рак втыкал в дно ручья то одну, то другую клешню, подобно циркулю, «шагающему» по бумаге. С бьющимся сердцем следил юный натуралист за довольно быстрым движением этого простого существа, столь разумно использующего силу воды. Как интересно!

Шура окунул ладонь с выпрямленными сомкнутыми пальцами в ручей. Напор был так силен, что рука быстро устала. И на этот раз не обошлось без вопроса: а что если каждое перо на хвосте рака было бы величиной с лопату или с лемех плуга?

Каждое перо с лемех, а сам рак побольше гиппопотама. Вот бы силища у кого была!

Лет пять назад Шура, как и многие дети, бывало, мысленно увеличивал размеры насекомых. Он ясно видел божью коровку величиной в заправскую корову — ярко-красная, с белыми пятнами на полированной спине, огромная красавица; жука величиной с носорога; большую пеструю гусеницу — с поезд.

Мысль о раке размером с бегемота и даже больше не была праздной. Раздумывая над этим явлением много дней, Шура пришел к выводу, что, пожалуй, можно было бы построить такого большущего механического рака, который потянет на буксире грузы вверх по рекам силой их течения. И он начал изобретать. Шура делал эскизы чертежей, рисовал варианты причудливого аппарата, не похожего на рака, но который должен был напором воды идти против течения.

В гости приехал Толя. Шура очень обрадовался. С другом веселее и, кроме того, — Толя всегда дает хорошие советы. Толя влюблен в технику и твердо решил стать инженером. Шура повел своего друга по лестнице на башенку-балкон и развернул перед ним чертежи и рисунки. Он рассказал ему о своих наблюдениях и о задуманном изобретении. Толя удивился и заметил:

— Здорово! — А потом спросил: — А на что это нужно? Очень уж медленно будет ползти твой железный рак.

— Ну и что? Он будет перегонять плоты вверх по реке. Им же большие скорости не нужны.

— Да-а!? — воскликнул Толя, глядя на дальний берег озера, — это, кажется, мысль.

— Хочешь вместе будем строить модель?

Толя медлил с ответом. Он долго любовался колеблющимся отражением сосен в озере и сказал:

— Откровенно говоря, я хотел предложить тебе другое дело. У меня есть журнал и книжка, где рассказано, как самому сделать динамомашину. И я уже строю ее. Я ходил на электрические станции на Мойке, у Казанского собора, и смотрел работу динамомашин. Правда, там их вращают паровыми машинами, а мы пока будем крутить вручную.

— Пока, а потом?

— А потом водяным колесом.

У Шуры возникла мысль о Ганниной речке, о водяном колесе, работающем на том месте, где был лабиринт. Это куда заманчивее, чем «рак» для плотов.

— Хорошо, будем строить динамомашину, а потом «рака», идет? — сказал он, чтобы не совсем уступить Толе.

— Идет, — ответил Толя.

В одной из комнат технологического института студенты собрались на митинг. Один из них вдруг громко вскрикнул:

— Друзья, среди нас предатели!

Студенты замерли, смятенно переглядываясь. Кричавший рывком открыл дверь большого шкафа. Там стоял человек, прикрывшись висящими пальто. Видны были лишь его ноги в знакомых штанах с полосками. Рослый студент отдернул пальто, и глазам присутствующих представился сам субинспектор Евгений Михайлович Ляпин. Он дрожал от страха. С минуту студенты смотрели на него молча, соображая, как с ним быть. Кто-то дал команду:

— Бей слухача! Бей доносчика!

— М-миленькие, р-родненькие, я не доносчик... не доносчик, я... случайно попал в шкаф, — взмолился субинспектор.

— Что-о?! Дураками нас считаете?! — загремел рослый студент, выволакивая субинспектора из шкафа.

Десятки рук потянулись к бархатному воротнику его мундира, крича:

— Выбросить подлеца в окно!

Вспомнив, что дело происходит на четвертом этаже, субинспектор Ляпин вцепился всеми пальцами в штаны двух из своих карателей и, вытянув ноги вперед, уперся каблуками в пол. Так, скользя по полу подошвами штиблет, он и поехал вперед, толкаемый в спину множеством рук. Его погнали по лестнице вниз, щедро угощая пинками.

— Помогите, спаси-ите! — кричал обезумевший от страха Ляпин, обнимая перила.

Внизу распахнули дверь и разъяренные студенты поддали субинспектору пинка. Он кубарем вылетел на улицу, грохнувшись о мостовую. Хрястнули шейные позвонки.

Выздоровел субинспектор через три месяца, однако шея осталась кривой на всю жизнь. Он носил высокие накрахмаленные воротнички, но это не обманывало людей, потому что голову он держал набок. Вернуться в институт, к ненавистным студентам, он не имел охоты, в виду чего поступил в 10-ю гимназию классным наставником. Ляпин продолжал подслушивать и в школе, и даже с гораздо большим рвением, нежели прежде.

Встанет поудобнее возле закрытой двери, намертво прильнет к ней ухом...

Однажды Ляпин так же, по старой привычке, присох к двери шестого класса. Он подслушивал, чтобы узнать, как проходит урок греческого языка. Преподавал этот предмет Рихард Карлович — толстый немец с маленьким красным носом. Ребятам было весело с ним. Рихард Карлович рассказывает им разные истории по-гречески, а затем сказанное повторяет по-русски:

— Царь Менелай имел собаку, отрубленную по отношению к хвосту...

Класс дружно гогочет. Немец сам дипломатически смеется, продолжая «ломать дрова»:

— Менелай послушный собака любил...

Снова смеются ребята.

— Послушную собаку, послушную надо говорить! — кричит с места Шура, спасая грамматику русского языка.

Рихард Карлович багровеет:

— Игнатьев Александр, зачем научаешь сказать меня, зачем смотришь глазами? Нехорошо! — злится он.

— А чем же смотреть? — спрашивает Шура, недоуменно пожимая плечами.

— Что хочешь, Игнатьев Александр?

— Хочу знать, какая была у Менелая собака.

— Я сказал на руски язык.

— Повторите, повторите, Рихард Карлович, — озорно просит весь класс.

Немец знает, что ребята забавляются им, и идет на хитрость.

— Который не понял, рука верх!

— Я не понял, я, я, я! — кричат все.

— О, плохо слушались! Двойка ставлю, — говорит немец, делая отметки в журнале.

По классу прокатывается глухой ропот возмущения: «Это еще что! Ему самому надо поставить двойку за «собаку, отрубленную по отношению к хвосту». Шура и Толя протестуют вслух. К их голосам присоединяются другие. Не желая раздувать конфликт, Рихард Карлович говорит, что он поправит отметки, если они будут «послушный мальшик».

Раздается звонок. Гимназисты бурливой гурьбой высыпают из класса, на ходу изливая свой гнев на учителя.

— Он не научит нас греческому языку и от русского языка отучит!

— К чорту косноязычного Рихарда.

Ляпин не вмешивается в разговор. Не время еще «пресекать». Обстановка между тем накаляется. Шестиклассники шумят, готовые натворить что-нибудь неслыханное. Случай вскоре подвернулся.

Учитель Чевакинский, мягкий, добродушный человек, преподает историю России. Проходят тему восстания Разина. Учитель спрашивает урок у своего любимца Коли Наумова. Юноша встает и начинает без запинки рассказывать. Все идет хорошо до тех пор, пока Коля не говорит:

— Степан Разин был справедливым человеком, храбрым революционером. Он поднял восстание против угнетателей...

— Что?! Как ты его назвал? Степаном? Он Стенька, разбойник, он учинил бунт! — с неожиданной яростью обрушивается на любимца Чевакинский.

— Нет, не бунт, а революцию поднял он, поэтому я буду называть его Степаном, — невозмутимо отвечает Коля, оглядываясь на Шуру. Тот одобрительно кивает головой и хохочет.

— ... И Степан хотел идти на Москву...

— Ты дерзкий юноша. Говори Стенька!

— ... Степан думал установить в России справедливую власть.

— Стенька! Стенька, тебе говорят! — надрыдается учитель.

Ответный визг и гул заглушает голос Чевакинского.

— Степан! Степан! — дразнит его весь класс. Шура становится на сиденье парты и, размахивая рукой, кричит во всю глотку:

— Степан!! Степан!!!

Чевакинский пытается утихомирить разбушевавшийся класс, но, возбудив еще больший гвалт, бессильно опускается на стул. Победителю рукоплещут. Из-за шума они не замечают, как входит классный наставник Ляпин. Он хмур и грозен. Шура спрыгивает с парты. Но поздно, Ляпин заметил его. Наступает мертвая тишина.

Ученики ненавидели Ляпина. Иногда в его присутствии какой-нибудь гимназист нарочито громко спрашивает у другого:

— Почему Евгений Михайлович носит такие высокие воротнички?

Ляпин и виду не подавал, что слышит. Но он запомнил говорившего и долго мстил ему, несправедливо снижая отметки.

... Ляпин постоял с минуту перед притихшим классом и, не сказав ни слова, вышел. В просторном фойе он выждал конца урока, чтобы поговорить с Игнатьевым и Наумовым. Наумов ускользнул (он спешил на поезд, идущий в Петергоф), и классному наставнику удалось поймать одного Шуру.

— Александр Игнатьев, что у вас случилось с Чевакинским? — спросил Ляпин, хватая юношу за рукав.

— Вы знаете, что случилось, — ответил Шура, выдернув рукав. — Учитель неправильно назвал имя Разина, а мы его поправили.

— Ты и Рихарда Карловича поправлял! Не считаешь ли ты себя умней всех?

«И греческий подслушал Кривошейка», — подумал Шура, с ненавистью глядя в мутные глаза Ляпина.

— Чтобы поправить русскую речь Рихарда Карловича, вовсе не надо быть умным, — ответил юноша.

К спорящим подходили ученики.

— Какая гадкая нескромность!..

— Нисколько! Я говорю только правду. Рихард Карлович слаб в грамматике, — упрямо отчеканил Шура.

— А ты в чем силен? Ты силен мутить воду в классе, болтать чушь, недозволенный вздор!..

— Против вздора дозволенного! — ловко отпарировал юноша.

— Боже, что я слышу! — схватился за голову Ляпин. — Молчать!

Шестиклассники обступили их теснее, перешихиваясь. Все замолкли, кроме Шуры. Закусив «удила», он продолжал спорить.

— Разин стоял за бедных крестьян, которых до нитки обирали бояре и домовитые казаки.

— Это неслыханно, чудовищно! — затрясся Ляпин, подняв руку. Но ударить он не посмел. Слишком плотно стояли гимназисты. В 11-й гимназии учитель ударил гимназиста и между ним и учениками пошла свара. Вражда кончилась самоубийством гимназиста и забастовкой старших классов, которых поддерживали нес-

колько гимназий города. Ляпин вспомнил все это и, опустив руку, злобно сказал:

— Бедность твоих мужиков — пагубное следствие их беспробудной лени. — Закатив глаза, классный наставник уверял стоявших, что именно нерадивость и лень мужиков порождает нищету и голод, а нищета и голод порождают преступность. Поэтому бунты бывают там, где много бедных и таких разбойников, как сподвижники Стеньки.

Стоя в боевой позе, с взъерошенным, смятым ежиком, Шура разбивал «доводы» Ляпина примерами из жизни крестьян, разоряемых помещиками, ссылаясь на свои личные впечатления из поездки в Белый Колодезь. Перестав улыбаться, гимназисты слушали Шуру с большим вниманием. И вдруг Ляпин сообразил с ужасом, что разговор превратился в самый настоящий, непозволенный властями митинг. Он замахал руками и закричал истерически:

— Довольно, довольно! Замолчи! Я вижу, ты отравлен ядом народничества и идешь, как слепой щенок, по стопам царевубийц. Но помни — ты дурно кончишь свою жизнь — в петле! На виселице! На виселице!.. — поднял он грозно палец и запнулся.

Учитель Борис Константинович Лодыгин, подойдя незаметно, несколько минут сверлил Ляпина сквозь сверкающие очки острым, ненавидящим взглядом. Ляпин тоже ненавидел Лодыгина, но вместе с тем почему-то испытывал перед ним страх.

— Что вы столпились, прочь по домам, прочь, прочь! — прикрикнул Ляпин на гимназистов и первым направился к выходу. Лодыгин кинулся вслед и остановил его. Он выждал, пока гимназисты разойдутся, и тихо, гневно выговорил сквозь зубы:

— Странная, непостижимая у вас система воспитания, Евгений Михайлович, — запугивать подростков петлей, виселицей.

— С этими маленькими каторжниками нельзя говорить иначе.

— Однако многие ваши коллеги обращаются с нами как раз иначе, пользуясь более гуманными мерами воздействия.

— И я пользуюсь, но... с нормальными юношами. А этот, как его... Игнатьев — висельник, и Наумов, и

Белоцерковец — все они будущие висельники, — ответил Ляпин, полагая, что нападение — лучший способ обороны.

Лодыгин приблизил лицо к лицу своего врага, сжав кулаки. Нервно шевеля желваками, он с негодованием сказал:

— Так рассуждал тот негодяй из 11-й гимназии, который довел своего ученика до самоубийства. У того изверга с вами — один метод: сначала моральный террор, потом — террор физический, сначала виселица на словах, потом виселица на перекладине чердака школы.

Ляпин растерянно заморгнул блудливыми глазами. Вдруг, опомнившись, с возмущением спросил.

— Что вам нужно, что вам, собственно, угодно от меня, сударь?!

Лодыгин продолжал наседать, обдавая его горячим дыханием.

— Мне, как и любому порядочному педагогу, угодно, чтобы классный наставник не подслушивал у дверей, показывая детям гаденький пример. Мне нужно, чтобы вы из корыстных побуждений не снижали бы отметок лучшим ученикам; мне нужно, наконец, чтобы вы не измывались над юношами. Случай самоубийства гимназиста не первый в Петербурге, а третий за последнее время. Трагедии эти произвели сильное впечатление в городе. Вам несдобровать, если четвертое самоубийство случится в нашей школе. Взамен метода преследований вам следует избрать метод убеждения.

Лицо Ляпина выражало одновременно испуг и смятение. Косо, по-собачьи держа голову, он соображал, как бы отвязаться от разъярившегося учителя, однако так, чтобы сохранить «честь мундира», не очень явно капитулировать перед ним.

— Я поступлю по-вашему, сударь, если вы докажете, что ваш хваленый метод убеждения применим к Игнатьеву, — сказал он уже спокойнее.

— Я докажу это, и очень скоро, — уверенно ответил Лодыгин.

— Тогда давайте, Борис Константинович, продемонстрируйте, так сказать, ваш педагогический эксперимент, — фальшиво засмеялся Ляпин.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Осень 1896 года выдалась особенная, беспокойная. Директор гимназии Костев увещевал и стыдил гимназистов за «недостойное их поведение». Как-то, собрав их, он поучающе говорил: «Среди вас расцветают дурные наклонности — выводить свое собственное суждение об истинных, свято чтимых порядках на Руси, богом и государем predetermined. Иные юноши распространяют опасные мысли, каковые сеют в народе зачинщики беспорядков — безбожники и бунтовщики. Чаша христианского терпения нашего переполнилась, и нам повелено свыше строжайше пресечь беспорядки. Однако к мерам суровым мы не прибегаем, полагаясь на благоразумие ваше и на склонность души вашей выйти из заблуждения, в каковое вы введены опасными сеятелями крамолы. О послушании, прилежании и о верности царю и отечеству вызываем мы к вам!».

Летняя забастовка тридцати тысяч текстильщиков, растущее революционное брожение в народе сильно встревожили деятелей «просвещения», призванных обуздать быстрые и строптивые умы юношей. Но нередко напыщенные речи увещавателей лишь повышали интерес гимназистов к политике. В самоубийствах, вызванных невыносимым режимом в школах, юноши обвиняли уже не дирекцию, а существующий строй. Часто возникали конфликты с учителями, и зачинщики их в глазах учащихся вырастали в героев.

Из-за одного из таких конфликтов в 11-й гимназии были изгнаны ученик Зеленко и поддерживающие его товарищи, а из 9-й гимназии ученик Комаров. Все они поступили в 10-ю гимназию, где пользовались особым расположением сверстников и находились как бы на положении политических эмигрантов. Игнатьев и Белоцерковец завязали дружбу с «эмигрантами» и составили ядро учеников, объединившихся на почве недовольства установленным в гимназии режимом.

Лодыгин не знал, но инстинктом опытного человека чувствовал, что эти несдержанные, готовые на все поборники правды крепко связаны между собой каким-то товарищеским обетом. Только спустя некоторое время, когда юноши за прямоту, честность и ум полюбили учителя, они открыли ему свою заветную тайну: все они,

как оказалось, состояли в ученическом «Союзе северной школы».

Группы «Союза северной школы» имелись в сорока столичных гимназиях. Он ставил перед собой задачу объединения учеников средних школ для совместных чтений, организаций лекций, диспутов на волнующие социально-политические темы и на темы о революции. Разумеется, члены «Союза» не имели верного представления о том, что такое революция. Несколько лучше разбирались в вопросах революции ученики 10-й гимназии. С ними много занимался Лодыгин, состоявший членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Встречаясь с Игнатьевым на тайных сборах, Лодыгин мог с уверенностью сказать Ляпину, что он легко добьется от юноши послушания. Будто случайно встретив Игнатьева на улице, Борис Константинович сказал ему:

— По некоторым соображениям ты должен сейчас вести себя, как самый тихий, покорный ученик.

— Это почему же? — удивился Шура, подняв на учителя серые глаза. — Я обязан сохранить конспирацию как член «Союза», но как ученик могу открыто бороться против существующих порядков, — с пафосом закончил он.

— Нужно, Игнатьев. Я держу с Ляпиным нечто вроде пари. Разве ты допустишь, чтобы он выиграл пари и посрамил меня?

Шура отрицательно покачал головой.

— Значит, договорились?

Юноша утвердительно кивнул.

— А теперь по существу вчерашнего скандала. Я считаю, что не следует подымать шума по всякому пустяку. Я не одобряю демонстрации, которую учинили вы на уроке истории. Зачем ты вскочил на парту и махал рукой, крича? Это мальчишеская выходка! — Шура залился краской до ушей. — Нужно быть выдержаннее и скромнее. Чевакинский хороший учитель, любит ребят, добродушный, но безвольный человек. Я уверен, что он недурно относится к памяти Разина, но назвал его Стенькой, видимо подозревая, что Ляпин подслушивает. Не всякий умеет идти на жертву ради убеждений... Впрочем, мы вернемся к этому вопросу, когда будет в сборе вся группа. До свидания.

Шура пожал ему руку. Застыв на месте, он долго провожал учителя благодарным взглядом. Что за человек!..

Лодыгин много времени отдавал ученикам, подготавливая их умы к восприятию идей марксизма, однако ученики не все знали о нем. Учитель не только состоял в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Он слушал лекции Владимира Ульянова и был лично с ним знаком. Лодыгин усердно занимался теоретическими вопросами марксизма, вел пропаганду среди рабочих и старших школьников.

Однажды, столкнувшись в коридоре с классным наставником Ляпиным, Лодыгин спросил:

— Кстати, как ведет себя ваш ученик Игнатьев?

— М-м-м, Игнатьев? П-понимаете, я его не узнаю — тихий, кроткий — полная метаморфоза. Я подумал, что он на день, на два заделался агнцем, но вот прошел месяц, — и он... примерный из примернейших.

— Вот как! Не каторжник, значит!

— Нет, нет, он агнец, агнец. Хи-хи... Однако же не методом убеждения вы одержали победу, Борис Константинович. Дозвольте заметить, что в вашем педагогическом эксперименте есть секрет, который вы скрываете от меня.

— Секрет? — переспросил Лодыгин, загадочно улыбуясь. — Есть у меня секрет, и большой! Неужто поделиться с вами?

— Непременно, непременно-с, ведь коллеги-с, так сказать, — угодливо ослабившись, сказал Ляпин.

— Так и быть, откроюсь вам, — мотнул головой Лодыгин и, внезапно нахмутив брови, сердито, почти гневно выпалил:

— Секрет — в любви к детям... — резко повернулся, сделал три шага, потом обернулся и добавил: — ...и в любви к человечеству!

СНОВА В ПУТЬ

В одной из комнат на квартире Белоцерковца было организовано нечто вроде слесарной мастерской. В углу стоял верстак с тисками и инструментами, на полке — лампа, а возле нее лежали чертежи. Изготовление динамо сопровождалось непредвиденными перерывами и сильно затянулось. Детали цилиндрической формы Шу-

ра и Толя заказывали токарям-кустарям, а слесарно-обмоточные работы выполняли сами. Увидев, что сын окончателью «завяз в технике», ослабив интерес к естественновзанию, Михаил Александрович махнул рукой. Неисправимый изобретатель!

Динамо, в конце концов, построили. Наступила волнующая минута испытания. Шура взял концы отводных проводов «плюс» и «минус», собираясь принять на себя первый удар. Толя опасливо предостерег друга от возможного несчастья. Шура не послушался, решив пасть жертвой науки. Но наука на сей раз обошлась без жертв. Отчаянный испытатель взял концы проводов в рот. Толя покрутил большое приводное колесо... Даже язык не пощекотало.

Много раз пробовали таким образом, перематывали обмотку, меняли детали машины, увеличивая диаметр приводного колеса, чтобы ротор вращался быстрее.

И вот Толя снова рванул за рукоятку колеса. Шура вздрогнул, искривив рот, лицо исказилось смешной гримасой испуга и радости. В комнату набились любопытствующие дети: двоюродная сестра Толи Ольга, брат Шуры Федя и другие. При виде гримасы Шуры они тоже испугались, но ничего не поняли. Шура подключил гровода к пятисвечевой лампочке. Она тускло светилась, вызывая восторженные крики и визги присутствующих. Конструкторы были на вершине счастья.

Этим они и ограничились, позабыв о водяном колесе на Ганниной речке. Занятые уроками и делами «Союза северной школы», юноши перестали пользоваться динамо для практических целей. Впрочем, когда ребята занимали вопросами и ни под каким предлогом их не удавалось выдворить, тогда друзья прибегали к помощи динамо. Толя крутил его, а Шура, взяв в руки концы длинных проводов, гонялся за ними, пугая их. Те бросались врассыпную и визжали, наскakивая друг на друга.

Чтобы сбить ребят с толку и не выдать существования Союза, придумали, что в комнате должен собираться «электрический кружок», а они, мол, мешают. В подтверждение сказанному, друзья развешивали на стенах чертежи и электрические схемы, на большой стол ставили батареи с сухими элементами, клали лампочку, рубильник. К «верстаку», который представлял собой ста-

рый крепкий стол, была прикреплена динамомашина. Вскоре один за другим приходили юноши, а затем — учитель Лодыгин. Собиралось человек тринадцать-четырнадцать. Сначала все кружились около динамо, пробуя на себе силу тока, потом тихо усаживались, кто за стол, кто прямо на «верстак».

— Кто будет сегодня читать? Комаров? Давайте, — говорит Лодыгин и вдруг, вспомнив что-то, останавливает чтеца. — Впрочем, погодите. Я хотел бы прежде всего договориться с вами об одном деле — это о ваших выходках, не выступлениях, а именно выходках, против педагогов-ретроградов. Я полагаю, например, что не следует по всякому пустяку подымать шума, вызывать необдуманных демонстраций. Нам нужна серьезная, планомерная работа, а не буря в стакане воды. Вы согласны с этим?

Ученики переглядываются и останавливают взгляды на Игнатеве. Зеленко просит слова и говорит, что в 11-й гимназии ребята обожглись на стихийных стычках. Дирекция расправилась со многими учениками, поочередно исключив их из школы. За Зеленко выступают другие. Некоторые считают, что всякое выступление, стихийное или организованное, расшатывает гнилой режим гимназии, поэтому оно целесообразно. В конечном счете побеждает мнение, что пора им стать серьезными людьми, ведь им стукнуло уже по пятнадцать-восемнадцать лет! Если назревает необходимость политического выступления, они должны немедленно обсудить вопрос на кружке, снестись с другими гимназиями и действовать сообща. Всех учеников дирекция не исключит из гимназии. Главная, конечная задача, в которую входит, как часть в целое, и борьба с дирекцией, заключается в свержении существующего строя. Поэтому надо изучить литературу о революции и распространять ее идеи в народе.

— Можете начинать, Комаров, — говорит Лодыгин.

Над столом висит большая керосиновая лампа. Белоцерковец подкручивает фитиль, в комнате водворяется полумрак. Юноши подвигаются поближе, устраиваются поудобнее, прильнув тесным кольцом к столу. Тишина. Перед чтецом развернуты страницы размноженной на мимиографе самодельной книги с засаленными, потрепанными краями. Это сброшированы некоторые

статьи Энгельса. Ими занимались и на прошлых сборах кружка. Теперь Комаров приглушенным голосом продолжает чтение.

Энгельс пишет о существенном отличии человеческого общества от общества животных. Животные в лучшем случае накапливают, между тем как люди производят. Это резкое отличие делает невозможным механическое перенесение законов органического мира на человеческое общество, живущее другими законами — социальными, классовыми. Люди производят гораздо большее количество средств существования, чем может потреблять капиталистическое общество. И все люди могли бы жить хорошо, в достатке, если бы капитализм искусственно не отстранял огромную массу действительных производителей от пользования продуктами их труда. Капитализм каждые десять лет уничтожает массу продуктов. Какая дикая бессмыслица, какое преступление! В человеческом обществе «борьба за существование может еще заключаться только в том, что производящий класс отнимет руководство производством и распределением у класса, в руках которого это руководство находилось до сих пор, но который уже более неспособен быть попрежнему руководителем, а это уже будет социалистическая революция».

Комарова прерывает Толя. Порядок занятий был таков, что любой член кружка мог прервать чтение, если у него возник вопрос. Белоцерковец спрашивает у Лодыгина: скоро ли наступит в России революция и какой она будет по своему характеру, кто займет в ней руководящую роль? Учитель делится своими знаниями, объясняет роль пролетариата в революции. Начинается обсуждение прочитанных страниц.

Темы занятий учитель выбирает самые разнообразные. Он знакомил юношей с теорией революции по философским трудам. В кружке последовательно изучали произведения Маркса и Энгельса: «Манифест коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке» и другие. С необыкновенной предосторожностью, со свойственной молодости торжественностью кто-нибудь извлекал из-за пазухи выпущенную года два назад книжку Владимира Ульянова «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В дальнейшем, с ростом выпуска русских подпольных изданий, добывали и читали бро-

шюры, листовки, наконец, номера нелегальной ленинской «Искры».

Более четырех лет — до самого окончания гимназии — Шура посещал кружок. С особенным увлечением он читал Энгельса, удивляясь необычайной широте его знаний. Материализм как наука немыслим без развития естествознания, а историю развития человеческого общества нельзя было объяснить без материализма. С помощью этих наук можно было раскрыть все загадки мира. Ознакомившись с трудами Энгельса, юноша по-новому полюбил естествознание и окончательно решил вопрос о выборе профессии. Напрасно Михаил Александрович, махнув рукой, назвал его неисправимым изобретателем. Шура будет биологом!

После жаркого обсуждения книги электрические предметы убрали. Прислуга накрывала стол и подавала большой медный самовар. Белоцерковец просил ее оставить их и сам, стоя, разливал чай, накладывая в розетки варенье, обслуживал весь «электрический кружок». После чая снова начиналось обсуждение, на этот раз — текущих вопросов и практических дел по распространению литературы.

Первый день рождественских каникул. Толя вызвался помочь Шуре дотащить чемоданы до конки. Два чемодана — один тяжелый, другой — полегче. Тот, что полегче, Шура взял из дому, а тяжелый — попросил у Белоцерковца. Большой чемодан на две трети набит нелегальными книгами и брошюрами. С короткими передышками, во время которых юноши обогревали пальцы дыханием, они пересекли улицу и зашагали по скользкому тротуару. Вдруг они увидели классного наставника Ляпина и законоучителя отца Виссариона, шедших им навстречу.

— Далеко собрался, Игнатьев? — спросил приотставившись, священник. Борода и усы его подернулись инеем.

— Здравствуйтесь, батюшка! Здравствуйтесь, Евгений Михайлович! — звонко, в один голос приветствуют их Шура и Толя, ставя тяжелую ношу на тротуар. Ляпин удивлен. Впервые юноши так радушно приветствуют его.

— Еду на родину отца, в Белый Колодезь, — отвечает Шура.

— Гостинцев родичам везешь?

Шура и Толя переглядываются, не сумев скрыть лукавинку в глазах. Но отец Виссарион и Ляпин не замечают этого двусмысленного взгляда.

— Угадали, батюшка, гостинцы, — отвечает Шура.

— Однако ноша твоя зело грузна. Видно, родитель твой истинно христиански щедр. С богом, Игнатьев! Господь да благословит твой путь! — Закопучитель и классный наставник удаляются. Шура и Толя хохочут.

— Ну, и умора! Ай да батюшка! Всю «сатанинскую крамеслу» благословил. Ха-ха-ха!

Юноши взбираются на верх конки и хохочут до слез. Городовой косо смотрит на них, его, видно, раздражает их искренний раскатистый смех. А они, не обращая ни на кого внимания, не переставая продолжают заливаться звонкими голосами до самого Московского вокзала. Здесь их встречает Михаил Александрович. Он пробует вес незнакомого большого чемодана и спрашивает удивленно:

— Что это за свинцовый груз?

— Романы и старые учебники, папа, я давно их обещал нашим родственникам, — с завидным спокойствием отвечает сын.

Михаил Александрович одобрительно кивает головой и подзывает носильщика. Он помогает сыну сесть в вагон, пожелав ему счастливого пути.

...Снова в Белый Колодезь. Мимо окна вагона плывет не яркая зелень весны, а унылый белый неоглядный саван. Но на душе так же радостно, как и три года назад. Однако в эту поездку Шура испытывает что-то новое, особенно волнующее, оттого, видимо, что поездка связана с опасностью, что есть в ней что-то такое, чего он не испытывал ни разу за все семнадцать лет своей жизни.

Приехав на родину, Игнатьев завязал через Петю и Сережу знакомство с учителями трех сел. С помощью родственников и учителей он роздал литературу, вместе с ними вел беседы с крестьянами в длинные зимние вечера. И он, и эти люди, и темы бесед были другими, непохожими на то, что он видел три года назад. Все изменилось, все двигалось вперед.

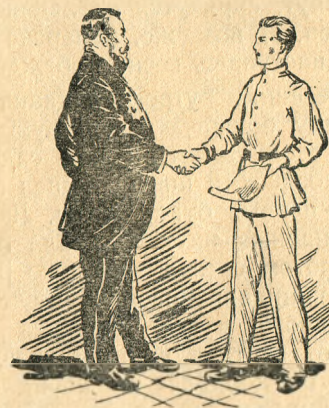
...Прошло еще три года. Настал день очередного выпуска в 10-й петербургской классической гимназии.

В актовом зале за длинным столом, накрытым зеленым сукном, сидели в парадных мундирах педагоги. Нафиксатуренная голова директора гимназии Костева выделялась на фоне сапог большого портрета Николая второго. В напряженной тишине выпускники и их родители ожидали церемонии вручения аттестатов зрелости.

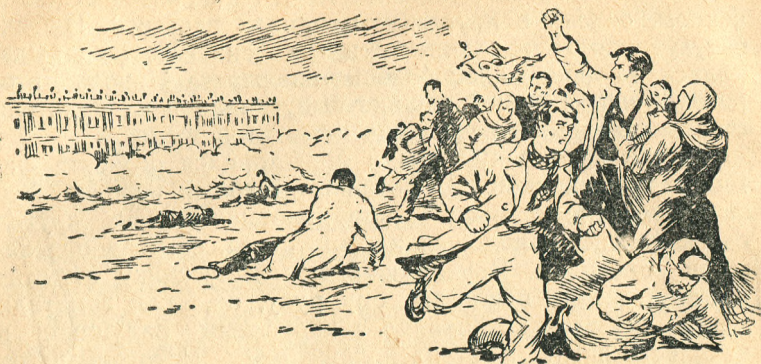
Ляпин взял документы и приготовился огласить фамилии выпускников. Высоченный твердый воротник тер его кривую шею, и он беспрерывно надоедливо крутил головой. Костев подошел к краю стола, сверкая орденами и регалиями. Вручая каждому выпускнику аттестат и напутственно пожимая ему руку, он, как заметили многие, не всех поздравлял с напускным радушием и начальственным благорасположением. Некоторым он протягивал всю пятерню, а иным совал в руку всего два пальца.

— Два или пять? Пять или два? — гадали Игнатьев и Белоцерковец, каждый про себя.

Белоцерковцу достались два пальца. Затем Ляпин, скособочившись, произнес фамилию Игнатьева. Молодой человек с усиками неторопливо подошел к столу, принял аттестат. Костев, приосанившись, небрежно протянул ему два пальца. Игнатьев с минуту помешкал. И вдруг, озорно подмигнув оторопевшему директору, он с силой стиснул левой рукой ладонь Костева, а правой, на глазах у всех присутствующих разжал ему согнутые пальцы и энергично тряхнул директорскую руку. Это было не приветствие, а протест против существующего режима.

Глава вторая

БЕДНЫЕ СТУДЕНТЫ

В АХИЯРВИ весна наступает с оглядкой на зиму. Подернется земля легким покровом травы, порадует глаз свежей зеленью, а утром проснешься — кругом опять все бело; на ветках дружно набухнут почки и никак не распустятся, скованные неожиданными заморозками; запоеют птицы, радуясь живительному теплу солнца, а потом притихнут, спрячутся от ледяного ветра в темных ветках сосен. И все же, наперекор всем капризам климата, весна наступает, весна побеждает.

Погожим весенним утром Михаил Александрович вынес на веранду большую цветочную вазу и бережно поставил ее на стол. Затем он взял садовые ножницы и неторопливым хозяйским шагом пошел по саду настричь букет сирени — первый букет весны. Любил это занятие магистр ветеринарных наук. Сначала он осмотрел веточки сирени, потом срезал засохшие прошлогодние черенки, выбрал понравившуюся крупную кисть и, закончив работу у одного куста, перешел к следующему. Так, переходя от куста к кусту и увеличивая чудесный пахучий букет, он добрался до конца сиреневого ряда, за которым начинался малинник, а еще дальше рас-

стился цветистый ковер бархатно зеленеющей лужайки.

Букет получился огромный и красивый. Довольный своей работой, Михаил Александрович хотел было повернуть к дому, но вдруг остановился. Он услышал приглушенный говор в малиннике. Раздвинув ветви сирени, магистр увидел уютно расположившихся на траве студентов, среди которых был и его старший сын Александр. Один из них по имени Виктор, сидя на корточках, читал не очень громко книгу, временами затягиваясь папирсой и шуря от дыма один глаз. Александр лежал ничком, опираясь подбородком на ладони, и внимательно слушал. Михаила Александровича вдруг разобрало любопытство, и он, приложив ладонь к уху, уловил:

«Свобода — великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда — грабили трудящихся...» Ветер зашевелил листья деревьев, и в шорохе их утонули слова чтеца, потом снова голос студента долетел до магистра:

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения...» читал Виктор с нарастающим душевным подъемом.

— Так вот, оказывается, какие они, эти «бедные студенты» моего Шуры, — прошептал Михаил Александрович. Он тихо сдвинул ветки сирени и вановато глянул на букет. — По обрывистому и трудному пути... Мы окружены со всех сторон врагами... Выбрали путь борьбы, а не путь примирения... — повторил про себя магистр обрывки услышанного.

Он смутно догадывался о значении этих слов. Что-то важное узнал он в эту минуту о Шуре. Оно не было неожиданно, но все же взволновало Михаила Александровича. Расстроенный, огорченный, чувствуя себя незаслуженно обманутым, он повернулся и пошел обратно к дому.

«Бедные студенты!» Так Шура представил домашним друзей по факультету. Он рассказывал, будто эти парни — дети неимущих родителей — приехали в Петербург учиться почти без средств. Они якобы работали и грузчиками в порту и уроки давали детям богачей, а чаще всего жили впроголодь.

— Ты пригласи их, пускай отдохнут у нас несколько дней, — предложил отец сыну. И друзья Александра стали часто бывать в имении Игнатьевых.

Поднявшись на балкон, Михаил Александрович поставил букет в вазу и тяжело опустился в плетеное скрипучее кресло. Нужно было решить вопрос о том, должен ли он вмешиваться в дела Шуры? Допустим, что он не вмешается, а потом Александра постигнет трагическая участь тех, кто гибнет в неравной борьбе с властью. Тогда... тогда утрату не возвратишь. А с другой стороны, как же вмешаться? Не запретишь же двадцатичетырехлетнему мужчине общаться со своими друзьями? В двадцать четыре года человек должен быть свободен в выборе жизненного пути, а тем более — от назойливой родительской опеки.

«Свобода — великое слово, — повторил Михаил Александрович услышанную фразу, — свобода убеждений, действий, борьбы за высокие идеалы. Так и он думал, будучи молодым. А нынче, выходит, — дело идет к старости — его тянет к спокойной жизни в сторону от бурь и в эту-то тихую, мертвящую заводи он хочет увлечь и Шуру? Нет, нет, он несколько не изменил своих прежних взглядов о свободе личности и не допустит этого — убеждал он себя. Впрочем, он понимал бесполезность попытки воздействовать на упрямого сына уговорами или нажимом отцовской власти. Заглушая тревожный голос родительского сердца, обманывая самого себя, Михаил Александрович склонен был приуменьшить значение происшедшего. «А что собственно случилось? — спрашивал он. — Молодые люди собрались и читают книгу, пусть даже запрещенную. Разве он сам не делал когда-то то же самое?! Опасность? Роковой исход? Но, помилуйте, они не могут послужить порядочному человеку причиной отречения от своих убеждений».

Успокоенный столь возвышенными выводами, Михаил Александрович встал и спустился с балкона. Любуясь

яркими красками природы, он подумал о сходности, хотя и отдаленной, в развитии молодых побегов в природе и человеческом обществе: и там и тут они обновляют жизнь; подумал и о том еще, что увлечение Шуры и его друзей новыми веяниями естественно, а следовательно — хорошо. «Да, да, хорошо!» — говорил себе Михаил Александрович, но от этого сердце не переставало щемить.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

После обеда, прошедшего не так оживленно, как обычно, студенты уехали в город. Попрощавшись с ними, Александр недалеко от дома разостлал на траве ковер и уселся читать книгу по сравнительной анатомии. Михаил Александрович, собиравшийся поговорить с ним по душам, нашел момент удобным. Он подошел к сыну, грузно опустился на ковер и, улыбаясь одними глазами, обратился к нему:

— Шура, извини, пожалуйста, но я хочу прервать твоё чтение.

Александр не оторвался от книги. Тогда отец потрогал его за руку, говоря:

— Ты всегда так увлекаешься делом, что не слышишь, когда обращаются к тебе?

— А, что? — очнувшись, спросил Александр.

— Хочу сделать тебе одно замечание.

Подошли младшие братья — Федор и семилетний Миша. Отец предложил Федору оставить его одного со старшим сыном. Тот ушел, а Миша решительно сел на колени отца, ласково погладив его седеющую бородку. Александр насторожился.

— Ты и друзья твои крайне неосторожны в своих увлечениях, — начал Михаил Александрович. — Утром, работая в саду, я едва не попал на сборище заговорщиков. Неужели нельзя быть поосмотрительнее? Подумай, что было бы, если бы вместо меня рядом с вами оказался чужой человек.

— Этого не могло случиться, папа. Наш дозорный заметил бы его. Он и тебя увидел во-время, и если бы мы очень захотели утаить от тебя наше занятие, мы бы спрятали книгу и, как подобает студентам-естествен-

никам, занялись бы изучением первой попавшейся божьей коровки.

— Отлично сказано. Значит, божья коровка обязана своим благополучием доверию, которое вы мне оказываете. Тогда непонятно, почему твои друзья даже фамилии свои от меня скрывают?

— По привычке, на самом же деле они тебе очень доверяют.

— Весьма тронут этой честью, оказанной мне в моем доме.

— Ну вот, ты уж и обиделся, отец. Прощу прощения.

— Я нисколько не обиделся, хотя не нахожу, что разговор о доверии ко мне является тактичным. Я об одном только прошу: будьте поосмотрительнее, когда устраиваете тайные политические сборы, пользуясь запретной литературой... Кстати, что за книжка была у вас?.. Я спрашиваю, полагая, что и ты великодушно доверяешь мне. Я слышал небольшой отрывок из вашей книжки и мне показалось, что она написана с чувством.

— Книга называется «Что делать?»

— Не может быть! — изумленно воскликнул магистр. — То, что я услышал, не было похоже на Чернышевского. Мы ведь тоже студентами увлекались его книгой.

Тая улыбку в усах, Александр ответил отцу:

— Студенты нынешнего поколения увлекаются другой книгой с таким же названием. Ее написал Владимир Ильин — один из самых выдающихся русских социал-демократов.

— Удивительное совпадение, — заметил отец.

— А может быть и сознательное повторение. Правда, общее между этими книгами только в названии. Общественная мысль в России развивается с головокружительной быстротой. В течение жизни одного поколения она совершила путь от Чернышевского до Ильина, — ответил Александр.

Отец не совсем понял его, но промолчал. Он испытующе взглянул сыну в глаза и осторожно спросил:

— Если не секрет, то прошу, Шура, сказать: я все-таки могу считать тебя социал-демократом?

— Я за правду, отец, — уклончиво ответил Александр. Михаил Александрович минуту помолчал, поняв, что

сын не хочет открыться ему до конца. Подумав, он сказал наставительно:

— Искренне хочу тебе посоветовать, Шура, чтобы ты излишне не рисковал, не лез бы в драку впереди всех. Увидя, как нахмурился сын, извиняющимся тоном добавил: — Впрочем, кажется, в твоём возрасте родительские наставления вызывают одно раздражение.

— Разве я давал повод для такого заключения?

— Давал, Шура, помнишь, как ты отнесся к моему беспокойству во время прошлогодней маевки? Ты был тогда не в меру горяч, а я хотел бы, чтобы ни в одном деле ты не терял чувства меры.

— Я вел себя, как подсказывало сердце.

— Вот, вот, — обрадовался отец, — об этом я и хотел сказать: в твоём возрасте люди больше прислушиваются к голосу своего безрассудного сердца, чем к голосу разума.

Маленький Миша, все время внимательно слушавший разговор, неожиданно вмешался:

— Папа, а какой у сердца голос? — спросил он.

— Договоримся на том, что важно и то и другое. Человек без рассудка так же плох, как и человек без сердца, — ответил Александр.

— Ну, па-ап, какой голос у сердца? — снова спросил Миша.

— А разве ты не знаешь? — Тук-тук, тук-тук, — сказал отец, стуча указательным пальцем по груди мальчика.

На этом разговор окончился.

Утром следующего дня Александр в тарантасе выехал на станцию Райвола, чтобы оттуда поездом отправиться в Петербург.

Ехал он в город встретиться с незнакомым человеком, по делу ему еще неизвестному. Он лишь догадывался, что таинственность, которой так обставляется эта встреча, вызвана важностью самого дела. Догадки занимали его всю дорогу, а в груди поднималось чувство гордости за оказанное доверие.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

В Петербурге его должен был встретить Виктор, который имел связи с незнакомыми Александру лицами и был более опытен в партийных делах. Однажды Вик-

тор повел Игнатьева в подвал своего дома и переложил дрова с одного места на другое. Показался ящик с литературой, укрытый рогожей.

— Держать ее в городе стало опасно. Надо хранить все это где-нибудь за городом...

— Давай перевезем в Ахиярви, — не задумываясь, предложил Игнатьев.

Содержимое ящика было частями доставлено в Ахиярви, и с тех пор имение Игнатьевых стало базой хранения нелегальной литературы. По рекомендации Виктора, к Александру приезжали студенты, брали брошюры и книги для рабочих кружков петербургских заводов и для себя. Но, странное дело, чем больше студенты знакомились с содержанием разных нелегальных изданий, тем жарче становились дискуссии внутри кружка, тем непримиримее разгоралась борьба групп. Одни и те же, казалось бы, совершенно ясные вопросы, трактовались разными людьми противоположно, а некоторые просто называли черное белым и наоборот. Одна группа выдвигала несбыточные планы расправы с самодержавием, другая, напротив, считала, что никакого призыва к действию не нужно, что достаточно рабочим ограничиться требованиями улучшения условий их труда. Кто же был прав? В ответ на этот вопрос Виктор однажды принес книгу и сказал: «Читайте, и все станет вам ясно». Называлась книга «Что делать?»

С Финляндского вокзала Игнатьев пошел к Литейному проспекту. В маленьком ресторане он увидел Виктора, и, не приветствуя его, сел за другой стол. Виктор вскоре ушел, а Александр задержался немного, заказав себе ветчины и бутылку пива. На углу Сергеевской улицы они встретились вновь.

— Ну как, все благополучно? — спросил Виктор, здороваясь.

— В каком смысле?

— Не следует ли за тобой некая твоя тень с тросточкой?

— Тени нет, бог миловал, — ответил Игнатьев, щурясь от солнца.

— Тогда сядем на конку.

Ехали они долго, миновали Витебский вокзал и сошли возле Вереysкой улицы. Дальше пошли пешком, петляя по переулкам. На краю города Виктор остано-

вился, показал вдали двухэтажный дом и попрощался. Александр пошел дальше один, завернул в неприглядный двор, где резвились босоногие ребята. Прервав игру, они с любопытством уставились на чужого человека, но, не найдя в нем ничего особенного, занялись своим делом.

Двор имел три выхода. Александр подошел к двухэтажному дому и, поднявшись по деревянной лестнице, постучал в дверь условленным стуком. Его пригласили в сумрачную комнату с низким потолком.

Игнатьев увидел человека в пенсне, сидевшего в углу на ветхом диване. После короткой заминки, возникающей обычно в минуту знакомства, Игнатьев, несколько присмотревшись, вдруг кинулся в объятия «незнакомца».

— Борис Константинович!

— Батенька мой, поистине мир тесен, вы ли это? Как возмужали! — откликнулся Лодыгин, обнимая бывшего ученика. — Ну вот, какой конфуз получился. Мне сказали, что придет некий Григорий Иванович, а на самом деле вот кто вы, Александр. Простите великодушно, забыл как по батьке звать?

— Михайлович, — сказал смущенно Игнатьев.

— Отлично! — воскликнул Лодыгин, искренне радуясь нежданной встрече. — Но только, батенька мой, конспирация ваша сразу провалилась. Как вы будете работать дальше, «Григорий Иванович», то бишь Александр Михайлович. Впрочем, все это неважно, ведь я вас не выдам, — продолжал учитель с деланной серьезностью, — приступим-ка лучше к делу. Вы, говорят, химик или во всяком случае биолог, интересующийся химией.

— Поскольку биология без химии немыслима.

— Революция тоже немыслима без наук, неправда ли? Словом, мы хотим, чтобы вы научились печатать на гектографе. А как это делается, вам расскажет и покажет наш товарищ. Помните, для меня вы можете оставаться Игнатьевым, а для него вы «Григорий Иванович».

— Что от меня конкретно требуется? — спросил Игнатьев.

— Вы должны наладить печатание листовок у себя за городом. Говорят, будто там удобно и безопасно.

— Да, это верно.

У Игнатьева сердце застучало при мысли, что отныне он будет печатать те самые листовки, которые прежде хватал с жадностью у других. Лодыгин вручил Игнатьеву тексты двух листовок партии, призывающих забастовщиков к стойкости, и сказал:

— Их нужно отпечатать по несколько сот экземпляров. А теперь о другом деле, «Григорий Иванович», — видите, привыкаю к новому имени, — на котором мы сегодня и кончим наш разговор. Вы должны принимать участие также и в распространении листовок среди рабочих и солдат.

Игнатьев выслушал подробности второго поручения и дал согласие. Лодыгин назвал пароль и адрес дома, куда «Григорию Ивановичу» следовало явиться тотчас же.

Там Александра встретил молчаливый человек со смуглым упрямым лицом. Он достал из сундука маленькую плоскую металлическую коробку и стал обучать Игнатьева нехитрым правилам печатания на гектографе. Освоившись в течение нескольких часов с новой профессией, Игнатьев уже без затруднений сделал пробные оттиски. Но не это было главное. Значительно труднее было собственноручно изготовить массу для гектографа. Инструктор рассказал и об этом, предлагая Игнатьеву обойтись без записей.

„ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ“

Партийная работа захватила Игнатьева в разгар опытов по естествознанию. Второй год трудился он над переселением лучших пород рыб из соседних озер в озеро Ахиярви; устанавливал садки, следил за сохранностью икры и мальков, преследуя хищных рыб. Другой интересной работой было облагораживание почвы небольшого болотистого участка. Он рыл канавы, выбирал камни, прекладывал стоки гнилых вод, осушал землю, чтобы удобрить ее и вырастить на ней пшеницу. Он искал новый вид удобрения и нашел его на городских бойнях. Там сжигали отбросы животных. Росли горы пепла. Александр исследовал в лаборатории отца пепел и нашел, что он содержит немало фосфорной кислоты. Это было прекрасное удобрение. Молодому исследовате-

лю в сущности не нужны были ни земля, ни пшеница. Трудился он ради победы идеи о переселении. Ведь если пшеница созреет на бывшем болоте сурового северного района, то сколько еще Россия сможет отвоевать земель под посевы и сколько можно будет переселить безземельных крестьян в новые края?

Став «Григорием Ивановичем», в память о Московском столяре, который так радушно отнесся к нему во время первой поездки в Белый Колодезь, Игнатьев бросил ботанические опыты, занявшись целиком подпольной работой. Листовки печатал на башенке-балконе, где под предлогом подготовки к занятиям в университете он запирался, не пуская к себе никого. Там он сделал нишу, вынув из стены две дощечки. По окончании печатания прокламаций Александр искусно вставлял дощечки на место так, что никто не мог заподозрить о спрятанном в стене гектографе.

Готовые листовки забирали с собой «бедные студенты». Они прятали их под одеждой по несколько десятков экземпляров, уезжали в Петербург и разбредались по «своим» заводам. Игнатьев тоже возил листовки в город. Через Лодыгина он связался с одним рабочим Путиловского завода. Несколько раз ему самому удалось побывать на заводе. Называя себя студентом машиностроительного факультета, Игнатьев жадно смотрел, как работают большие станки. Из-за чрезмерного любопытства в первое свое посещение он чуть не паскочил на неприятность. Молодой рабочий обрабатывал на токарном станке толстый стальной вал. Его резец легко снимал широкую стружку. Игнатьев был поражен податливостью стали, а с другой стороны, — стойкостью той же стали — резца. Но вот токарь перевел приводной ремень на холостой ход, снял резец и начал затачивать его на бешено вращающемся наждачном круге. Визжал точильный станок, летели снопы искр, вызывая множество вопросов: как часто приходится натачивать инструменты? Насколько быстро можно резать сталь? А железо? А медь? Тем временем к наждачному кругу подходили другие рабочие с затупившимися резцами, сверлами, зубилами. Игнатьев подошел к первому токарю, который уже устанавливал в супорте заостренный резец, и задал один-два вопроса. Токарь ответил и в свою очередь спросил у Игнатьева:

— Интересно вам? Глядеть со стороны-то, конечно, как в цирке, занятно, господин студент. А как повытягивают жилы с утра до ночи, тогда и глядеть расхочется... А в кузнице были? Нет? То-то, там куда занятней, чертам и тем, поди, тошно станет.

Игнатъев слушал рабочего, а сам, не отрываясь, смотрел на него. Его заинтересовало одно обстоятельство: на висках токаря от рождения или в результате болезни совершенно отсутствовала растительность, в то время как голова была покрыта шапкой густых светлых волос. Токарь поймал на себе пыливый взгляд студента, недовольно нахмурился. Игнатъев простодушно улыбнулся и, чтобы сгладить неприятное впечатление и сделать шаг к сближению, спросил его имя и отчество.

— А зачем это вам, идите лучше своей дорогой, господин студент, — ответил токарь, сверкнув недоброжелательно глазами.

— Я ведь не сделал вам ничего дурного, неправда ли? — спокойно спросил Игнатъев.

— Дурного не сделали, и добра вашего мне не нужно. Идите своей дорогой! — повторил необщительный токарь.

И студенту пришлось уйти ни с чем. Он досадовал на себя и не понимал, почему токарь проявил к нему такую враждебность. Узнав, где размещается кузница, он направился туда. Оглушительным грохотом встретил его жаркий цех. Огромные паровые молоты с невероятной силой били по раскаленным слиткам стали, расплющивая их и сотрясая землю тысячепудовыми ударами. Яркие огненные брызги разлетались во все стороны, очерчивая мгновенными отсветами суровые взмокшие лица бородатых «вулканов». Черные, жилистые, сосредоточенно-сумрачные кузнецы время от времени переворачивали клещами слиток, выкрикивая иногда что-то односложное и им только одним понятное.

Бушевали горны и печи, в воздухе вздрагивало марево сизоватой дымки из пыли и какой-то смеси, в горле щипало от кислых угарных газов. Сумрачное зрелище, казавшееся вначале беспорядочным и хаотичным, под конец приобрело в глазах Игнатъева хорошо осмысленную трудовую организованность. В горячем дыхании и страшных ударах железных чудовищ, в голосах и движениях кузнецов была четкая взаимная связь, безукоризненный ритм, перерастающий в музыку грозной силы.

Игнатъев любил силу во всем: в природе, в машинах, в людях. С помощью Лодыгина, Виктора, марксистского кружка студентов, наконец, личных наблюдений он научился видеть в рабочих большую, решающую судьбы истории, общественную силу. И ему было радостно сознавать, что и он, печатая листовки, помогает внести политическую сознательность в процесс организации и сплочения рабочих. А кузнецы, не подозревая об этом, неприятно косились на него, одетого в новый студенческий мундир.

В начале своей новой жизни подпольщика Игнатъев испытывал среди рабочих чувство неловкости. Они были другие люди, отличные от него, простые и бедные. Они шли к революции, как ему казалось, всей своей душой и сердцем, а он шел к ней, побуждаемый отвлеченными соображениями разума; они постигали истину о необходимости свержения существующего строя своим хребтом и голодным желудком, а он, Игнатъев, постигал ее с помощью книг и умозрительных заключений. И думалось ему, что эта разница между ним и рабочими никогда не сгладится.

Это было заблуждением. Шла русско-японская война. Будни партийной работы сблизили подпольщиков между собой. Особенно крепко подружился Игнатъев с одним путиловским рабочим «Василием Ивановичем» — неутомимым, энергичным и неунывающим. С ним его свел Лодыгин и дал им много работы, связанной с печатанием и распространением листовок. Работа эта захватила «Григория Ивановича» с головой, но иногда он начинал испытывать потребность встретиться с друзьями по гимназии, провести с ними день-другой в невинных развлечениях.

ВОЛОДЯ НАУМОВ

У самого берега моря сидят в лодке со спущенным парусом приятели Наумовых Андреев, Щербаков и двое незнакомых Игнатъеву. День стоял теплый, погожий и хотя на небе начинали стучаться облака и на море появилась легкая рябь, но это их несколько не смущало.

— Отсюда до фарватера против Петергофа — семь верст. Кто доплывет? — спрашивает хозяин лодки Андреев.

Александр и Володя, не раздумывая, соглашаются, готовые испробовать свои силы. Они уже разделись и

ждут команды, стоя в одних трусах. Володя почти на голову выше друга. Это красавец с большими синими глазами, высоким лбом, правильными чертами лица и русой бородкой. На атлетическом теле его отчетливо выделяются крепкие узлы мускулов. Утром Володя одной рукой выжал три с половиной пуда, а у Александра еле хватило силы вытянуть эту тяжесть двумя руками, и то рывком.

По команде Андреева оба бултыхаются в море и, вспенив мутноватую воду, плывут, не спеша, брассом. Рядом тихо скользит лодка, подгоняемая веслами. Ее начинает слегка покачивать.

Вскоре поднимаются большие волны и с нарастающим шумом рвутся к берегу. Плыть становится труднее. Однако пройдено уже четыре версты. Александр чувствует, как руки и ноги постепенно тяжелеют, наливаются свинцом. Он крепится, напрягает всю свою волю. Но силы его иссякают, и в начале пятой версты Игнатев дает лодке знак приблизиться. Он в изнеможении влезает в нее, признав себя побежденным. Володя же, перевернувшись на спину, смеется, показывая свои ровные белые зубы, потом ловко переворачивается. Разрывая сильной грудью волны, он плывет быстрее, чем прежде, щурясь от брызг и улыбаясь.

— Видели, что он вытворяет? — говорит Щербаков Шуре, налегая на весла. — Оказывается, он пожалел тебя, братец, скромничал. Смотри, как он нажимает, за ним и на лодке не угонишься.

— Да, да, ты подумай, — удивленно качает головой Александр...

Под рукоплескание четырех сопровождающих и побежденного соперника Володя доплывает до фарватера. Здесь он взбирается в лодку и торжественно командует:

— Поднять парус!

Ветер начинает гнать посудину к берегу.

Все наперебой хвалят Наумова. По волнам — семь верст! Друзья не видели Володю несколько лет и не подозревали за ним таких способностей. Он жил где-то в глухом сибирском селе у старшего брата, дружил с политическими ссыльными, писал стихи. Известно было еще, что Володя влюбился в красавицу сельскую учительницу, которая отвергла его любовь и вышла замуж за местного попа, пьяницу. Володя потерял веру в людей, проклял

свою судьбу, разразился несколькими стихотворениями и вернулся в Петербург. Здесь он загосковал еще больше, хотел отравиться, но брат его, Николай, во время подоспел и отнял у него яд, а Игнатев целую ночь вел с ним душеспасительную беседу. Вот все, что знали о Володе.

Друзья весело переговаривались, не обращая внимания на погоду. Между тем небо и море с каждой минутой все больше мрачнели, напоминая пловцам, что пора торопиться. Ветер туго надувал парус, накренив его вправо и стремительно неся вперед лодку. Вдруг налетела зловеющая черная туча, поднялся страшный шквал, и не успели пловцы спустить парус, как лодку перевернуло. Раздались крики. Пловцы забарахтались в море, отчаянно работая руками и стараясь дотянуться до опрокинутой лодки. Володя и Игнатев помогали тем, у кого не хватало сил добраться до нее. Наконец, всем удалось уцепиться за борта посудыны. Начал хлестать дождь.

До берега было еще далеко. Лодку со сломанной мачтой кое-как удалось перевернуть вниз дном, но она была полна воды и почти целиком погрузилась в море. Шесть человек, судорожно держась за лодку, вместе с ней взмывали на гребни волн, проваливались и вновь взмывали, не разжимая одеревяневших пальцев. Лица их были мокры, бледны и искажены ужасом. Володя сказал друзьям:

— Всех нас лодка не удержит. Без меня будет легче ей и вам, товарищи. Держитесь крепко, а я доплыву до берега сам, — и, оставив лодку, исчез за гребнями волн.

Через час погибающих спасла случайно проходившая мимо рыбацкая шхуна и высадила их на берег. Не успев очухаться, друзья кинулись к месту, где уже должен был находиться Володя. Но его там не оказалось. Они взглянули туда, где свинцово-черное небо сливалось с морем, заслоненным еще непроницаемой завесой проливного дождя. Гремел гром, сверкали молнии, вблизи вздымались белогривые лохматые волны.

Друзья переглянулись с тревогой, но никто из них не отважился произнести вслух то роковое слово, которое напрашивалось само собой. Они не чувствовали хлещущего дождя, подавленно озирались по сторонам, вглядывались вновь и вновь в разбушевавшееся море, но ничего и никого, кроме взбаламученной морской пучины, не ви-

дели. Встречаясь глазами, каждый знал, о чем думает товарищ.

— Боже мой, да что же это такое! Володя, Володя!.. — застонал кто-то, схватившись за голову.

Волна прибила лодку к берегу. Володя же не появлялся.

— Эх, дьявол! — закричал Щербаков, кусая пальцы. — Мы виноваты, мы... И зачем его отпустили, из-за нас, дураков, он... пропал... Беги за Николаем, — вдруг обернулся он к Андрееву, сам не зная, что может сделать брат Володи, когда было уже очевидно, что Володя погиб, погиб глупо и бесцельно.

— Ужас, а?... Ужас, какой ужас, какой ужас!.. — повторял пересохшими, дрожащими губами смертельно бледный Игнатъев. Чем больше он вдумывался в суть происшедшего, тем яснее видел перед собой живого Володю, сильного, красивого, разносторонне одаренного. Вдруг страшная догадка поразила Игнатъева: «А не совершил ли он то, что хотел сделать тогда... с ядом? Неужели? Так вот почему он не захотел плыть вместе, отделился от нас!» Однако Игнатъев не собирался говорить о своих предположениях, чтобы уберечь память товарища от ненужных попреков в самоубийстве.

Щербаков снова истерически закричал на Андреева, требуя, чтобы он сбежал за Николаем. Андреев виновато потоптался на месте, потом, сорвавшись, ринулся к дому Наумовых. Но не успел он отбежать и двухсот шагов, как его настигли крики товарищей. Он оглянулся, не понимая, чего еще от него хотят, но, увидев, что все четверо машут ему руками, повернул обратно. Когда Андреев, запыхавшись, добежал до повеселевших друзей, по синевший Володя, дрожа всем телом, уже выходил на берег, отряхиваясь и виновато улыбаясь. Жив! Свое долгое отсутствие он объяснил тем, что видел, как шхуна спасла друзей, успокоился и решил «покататься» на волнах.

Игнатъев обнял его, целуя, обозвал сумасбродным и выругал за злую шутку над товарищами.

Володя и Александр застали в доме Наумовых Анатолия и Николая. Старшему из четырех друзей детства — Николаю, исполнилось 26 лет. Каждый из них шел своей дорогой. Николай был землемером, Белоцерковец учился в институте инженеров путей сообщения, Игнатъев снача-

ла поступил в Военно-медицинскую академию, но профессия врача оказалась ему не по душе. Он не выносил вида крови, поэтому через год оставил медицину, поступив на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. За три года Игнатъев прошел всего три семестра, а затем вовсе прекратил учебу, отдавшись работе в подполье. Володю же потянуло к стихотворству.

Володя побывал в Могилевской губернии, где наблюдал страшный голод среди крестьян и написал о нем ряд стихотворений. Игнатъев и Белоцерковец с разрешения автора, уютно устроившись в креслах, принялись читать его стихи.

В сибирских стихотворениях Володя обращался к товарищам по революционному кружку, призывая их «сразить тунеядцев», «низвергнуть тирана — палача отчизны любимой».

Вдруг Володя прервал Игнатъева, показывая в окно и говоря:

— Смотрите, смотрите, узнаете?

Небо и парк чисто омыты дождем. Мимо дома шел на прогулку желтолицый шуплый офицер с высокой поджарой дамой. Покручивая усы, он задира л ноздреватый нос и принимался, словно чуял запах вкусного.

— Царь?

— Он самый. Легок на помине, — ответил Володя.

— И он прогуливается без охраны?

— Иногда. Впрочем у дверей телеграфа всегда стоят его конвойцы. А в парк можно проникнуть только через забор, что мы с вами и делали иногда. Помните фазанов?

Царь скрылся в парке. Игнатъев и Белоцерковец снова принялись за чтение стихов. И чем больше они читали, тем больше недоумевали. Володя говорил уже не своим голосом. Стихи его были полны тоски, уныния. Он явно, подчиняясь духу времени, перепевал модных модернистов.

Вечером Игнатъев и Белоцерковец уехали в город.

— Что ты думаешь о Володе, Толя? — спросил в поезде Игнатъев.

— Я не совсем разобрался в нем. Он какой-то странный, неуравновешенный, противоречивый.

— Верно, — отозвался Игнатъев. — Я много думал о нем и прежде. А теперь, кажется, разобрался. Ты заметил, сколько у него чувства в стихотворениях? На де-

сать иных поэтов хватит. Правда техника слаба. И кипучие страсти, и слезы, и ярость и бессилие — всего хватает сверх меры. Эта учительница Наташа, что вышла замуж за попа, совсем выбила его из колеи. Не понимаю я женщин: взять и отвернуться от такого красавца и выйти замуж за пьяницу-попа. Уму непостижимо! За-агадочные же бывают женщины! А Володя — человек абсолютных крайностей. Ну как, скажи на милость, поставишь рядом его сегодняшнюю фантастическую отвагу в бушующем море и его сентиментальную лирику? Говоря словами Пушкина, в Володе уживаются могучий конь и трепетная лань. И эта раздвоенность в наш век резких политических размежеваний, боюсь, не приведет к добру.

КРОВЬ НА СНЕГУ

Игнатьев не случайно заговорил о политической активизации общественных сил страны. Двадцатый век, в отличие от только что минувшего XIX века, ознаменовался мощным и организованным забастовочным движением пролетариата, боевыми выступлениями против самодержавия.

Путиловские рабочие, в частности «Василий Иванович», с которыми Игнатьев встречался конспиративно, каждый день приносили новые вести о произволе администрации, о жизни рабочих, ставшей для них нестерпимой, о столкновениях с мастерами, с дирекцией. Однажды «Василий Иванович» сообщил, что поп Гапон вербует рабочих в свою организацию, устраивает для них лекции с волшебными фонарями, проводит читку книг, организует вечеринки; все это делается, конечно, с дозволения властей. И есть еще немало людей, которые идут на эту приманку и к тому же тянут за собой других.

— Что же мы конкретно должны делать? — спросил Игнатьев, выслушав рассказ «Василия Ивановича».

— А вот что, — ответил тот, доставая из кармана небольшую, сложенную вчетверо бумажку. — Это прокламация Петербургского комитета партии. Ее печатают кое-где, но и нам велено размножить, да побольше.

...В комнате, где когда-то проходили занятия «электрического кружка», кипит работа. На столе, на котором раньше находилось динамо, теперь лежит гектограф. Вокруг стопочками разложены пробные оттиски, тут же

положен ролик для накатки бумаги, стоит склянка с гектографической краской.

— Теперь как будто хорошо, Толя, — сказал Игнатьев.

Белоцерковец взял из его запачканных рук бумагу и прочел неудавшееся в пробных оттисках место: «...Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя, и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку — только таким путем можно завоевать свободу». — Пожалуй, можно печатать, — соглашается он.

Всю длинную январскую ночь друзья перепечатывали прокламацию Петербургского комитета большевиков. Утром пришел «Василий Иванович», снял шубу и гимнастерку, обложился листовками и отправился распространять их. Белоцерковец отнес гектограф на чердак, сжег в печке пробные оттиски, а Игнатьев, умывшись и приведя себя в порядок, ушел домой.

Рано утром девятого января Наумовы зашли к Игнатьеву, внеся в дом крепкий морозный воздух.

— Мы беседовали с гвардейцами, — радостно сообщил Володя, — и они обещали, если их вынудят, — стрелять выше голов людей.

— В первый раз, а во второй раз — ниже? Эх, Володя, и ты царским гвардейцам поверил? — заметил Игнатьев скептически.

— Пойдем с нами в Александровский сад и ты увидишь, что гвардейцы не станут стрелять в народ.

— Я должен быть в другом месте, — сказал Игнатьев.

В числе многих других большевиков Александру было поручено сопровождать шествие рабочих и уговорить их не ходить с петицией к царю.

У Певческого моста дорогу к Зимнему дворцу загородил конный отряд кавалергардов. С обнаженными палашами в руках охраняли они проезд на Дворцовую площадь. Народ шумел, требуя пропустить его к царю.

— Не пустят вас к нему, наивные вы люди, — обратился Игнатьев к близ стоящим. — У Нарвских ворот на такую просьбу рабочим уже ответили пулями в грудь.

— А ты видел? — спросил кто-то.

— Да, я живу в Нарвском районе, я видел, товарищи,

как шли там раненные, истекающие кровью люди. Не просите, а деритесь за свои права! — убеждал он идущих.

Звуки рожка, беспорядочные выстрелы, затем залпы послышались со стороны Дворцовой площади.

— Вот они, слышите, и здесь царь встречает вас пулями!.. — слова Игнатьева потонули в гуле голосов.

Высокие кавалергардские кони двинулись на людей. Толпа дрогнула, под ногами тысяч людей закрипел утоптаный снег. Офицер наехал на Игнатьева, едва не сбив его с ног. Игнатьев ухватился за узду лошади:

— Вы человек или зверь? Зачем топчете людей, зачем солдаты расстреливают народ?! — закричал он, потеряв самообладание.

В ответ усатый офицер размахнулся саблей и ударил его пласмя по плечу. Конь отпрянул вбок, но Игнатьев не выпустил узды из рук. Офицер на секунду застыл, расширив глаза, а потом с искаженным бешенством лицом размахнулся сильнее прежнего. Превозмогая боль, Игнатьев с ненавистью взглянул на него снизу вверх. Над головой расвирепевшего офицера, на фоне сгущающейся синевы неба он увидел, как полоска стали мгновенно сузилась, повернувшись острием вниз, и свистнула, разрезая воздух. Игнатьев увернулся от смертельного удара, услышав, как скользнула сабля по его плечу.

Волна людей отхлынула от моста, вынося с собой и Игнатьева. Теперь уже невозможно было остановиться. Его нес бурный человеческий поток. Рядом громко кричал мужчина. Рука его была рассечена кавалергардским палашом. У выхода на Невский проспект схлестнулись новые потоки преследуемых безоружных людей. Все перемешалось. Началась схватка с полицией. Налетели озверевшие драгуны, рубя людей направо и налево. На тротуар замертво повалился человек, раненный в грудь. Вдруг Игнатьев почувствовал режущую боль. Что-то липкое и теплое мешало ему двигать плечом. Он схватился правой рукой за болевшее место и только тогда понял, что ранен. Боль с каждой секундой становилась острее. Он пробился к стене дома, продолжая прижимать рукой плечо и морщась.

— Вы ранены, товарищ? — спросила молодая женщина и увлекла его в глубину двора.

Там, на первом этаже, кто-то из жильцов, очевидно, врач, организовал пункт скорой помощи, перевязывал ра-

ны пострадавшим. Игнатьеву тоже сделали перевязку. Рана оказалась неглубокой. Разрезав толстый слой одежды, сабля офицера концом задела кожу, порезав слегка мышцу плеча.

В БОЕВОЙ ГРУППЕ

Заседание маленькой группы подпольщиков было коротким, немногословным. Руководил им член Петербургского комитета РСДРП. Происходила новая расстановка сил и распределение работ. Рана Игнатьева зажила быстро, силы его восстановились, и он больше, чем прежде, был полон желания действовать. Этот прилив новых сил ощущали после девятого января тысячи и тысячи людей. Возмущением и гневом кипели их сердца, и нужно было умело направить поднимающуюся силу на верный путь, на главную цель — на вооруженное восстание против палаческого режима. Игнатьеву поручили печатание листовок и организацию доставки в Петербург через финляндскую границу заграничных ленинских изданий. Выполнять первое поручение ему попрежнему помогал Белоцерковец. Игнатьев уверял друга, что помимо этих дел, у него много другой работы и что он едва справляется с нею. Но какво же было удивление Белоцерковца, когда он узнал, что Александр, поглощенный большой партийной работой, продолжал с неменьшей страстью заниматься и ботаникой.

Зимой он много трудился в лаборатории отца, производя множество химических анализов золы от сжигаемых отбросов городской скотобойни. Еще раз убедившись, что зола — прекраснейшее удобрение, он решил проверить ее на разных растениях. Весной Игнатьев разбил на мелкие квадратные площадки участок земли в Ахиярви, посеял на них злаки и огородные культуры. Пришло лето. «Ботаник» приглашал крестьян-финнов из окрестных сел и показывал им тучные всходы на своем опытном «поле». Те завистливо оглядывали участок, качали головами. Сравнивая свои жиденькие посевы, росшие на бесплодной супесчаной земле, с игнатьевскими, они восклицали:

— Ах, какой божий дар, какие чудеса! Не продадите ли, ваше превосходительство, немного удобрения?

— Отчего же не продать? Сколько угодно, — отвечал «ботаник». И действительно, залежи золы, скопившиеся

за много лет на петербургской свалке, были неисчерпаемы.

Приехал Белоцерковец. Увидев как-то приближающиеся две подводы, груженные золой, не вытерпел и с возмущением сказал:

— Нашел же ты, Шура, время для своей ботаники.

— Это не ботаника, Толя.

— А что же? Неужели ты решил извлекать из пепла деньги?

— Извлекаю, но нечто другое, не менее ценное. Хочешь знать, что именно извлекаю из пепла? — спросил Игнатъев, хитро прищутив глаз. Раньше он не посвятил Белоцерковца в свой замысел, руководствуясь пословицей «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь!» Теперь он провел не первый, а шестой благополучный опыт и мог открыть другу свою тайну. Подводы с высокими дощатыми бортами остановились возле сеновала. Осмотревшись вокруг и никого не заметив, возница — слуга Игнатъевых Микко — выдернул борты. Зола разом сыпалась, обнажив небольшой ящик. Так же поступил Микко и со второй подводой. Белоцерковец недоумевающе поднял светлые брови, потом догадливо улыбнулся, одобрительно кивая головой.

Это была литература. После раскола на втором съезде партии разногласия между большевиками и меньшевиками неуклонно усугублялись. Меньшевики, считавшие, что вождем революции должна быть либеральная буржуазия, а не пролетариат, уделяли рабочему классу второстепенное место и не изменили своей точки зрения даже после 9-го января и мощного стачечного движения... К третьему съезду меньшевики откололись от партии, созвав самостоятельную конференцию в Женеве. Острая борьба между большевиками и меньшевиками, а также необходимость организации революционных сил масс к свержению самодержавия, находили свое выражение и в возросшем выпуске политической литературы в России и за ее пределами. Ящики с большевистской литературой доставлялись из-за границы в адрес определенных лиц, проживающих на станциях: Уси-Кирка. Райвола, Териоки. Транспортировать ящики в Петербург было опасно, так как на русской таможенной границе у Белострова стража тщательно проверяла грузы. Надо было поэтому вывезти ящики с литературой в Ахиярви, а потом по книжке, по две — переправлять в Петербург.

Узнав, на какую станцию прибыла заграничная посылка, Игнатъев отправлял туда из Петербурга очередную порцию золы. Дело свое он поставил на широкую коммерческую основу, разрекламировав его среди финских крестьян. Не догадываясь об истинной сути этой «коммерции», финны прозвали Игнатъева «Королем золы». Ящики с литературой клали в подводу, засыпали удобрением и везли в Ахиярви. Уныло двигались подводы мимо полицейских и шпиков, шнырявших на станциях. Им в голову не приходило запускать руки в темную серую кучу золы и искать «недозволенное». Продавалась зола на территории имения по такой цене, что выручка едва покрывала транспортные расходы. Баснословная дешевизна резко подняла спрос на удобрение. Зола бралась нарасхват.

Третий съезд РСДРП в своей резолюции предложил всем партийным организациям «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата». Задача эта стала еще неотложней в связи с начавшейся в октябре 1905 года всероссийской политической стачкой.

...Явившись в Боевой комитет большевиков, Игнатъев предложил создать в Ахиярви базисный склад для прибывающего из-за границы оружия. Он рассказал о своем опыте транспортировки литературы, что могло быть использовано и для перевозки оружия. Предложение это приняли и направили Игнатъева к «Герману Федоровичу» — одному из организаторов оружейного «арсенала» при Боевой технической группе. Ему сказали, что с «Германом Федоровичем» работать одно удовольствие, ибо это человек смелый, находчивый, с выдержкой.

У дверей квартиры-явки Игнатъев назвал пароль. Его встретил мужчина с аккуратно расчесанной небольшой бородкой. Он провел «гостя» в одну из комнат, широким жестом указав на кресло, приглашая сесть.

— Вы «Герман Федорович?» — спросил Игнатъев.

— Вы «Григорий Иванович?» — не отвечая, спросил незнакомец. Игнатъев утвердительно кивнул.

— Ну, а я «Герман Федорович», усмехаясь ответил тот, протягивая Игнатъеву руку.

Не скрывая своего недоверия, Игнатъев вяло пожал его холеную руку. Бывало, придя на явку, подпольщик наталкивался на полицию или на переодетых агентов. А этот... не провокатор ли? Больно уж аристократичен он

на вид. Уж очень мало общего у него с тем решительным, суровым человеком, каким охарактеризовали в Боевом комитете «Германа Федоровича». Увидя по выражению лица пришедшего явно сквозящее сомнение, «Герман Федорович» спросил:

— Вы мне назвали пароль, и я ответил вам на него. Отчего же вы, в таком случае лишены уверенности?

— Разве это заметно?..

— И еще как!

— Знаете, я иным представлял вас, — признался Игнатъев.

Вялость и робость «Григория Ивановича» в свою очередь вызвали сомнение у «Германа Федоровича». Нужен ли ему такой человек?

— Прежде чем приступить к делу, я хочу предупредить вас об опасностях, подстерегающих нас на каждом шагу, — начал «Герман Федорович», не сводя испытующих глаз с Игнатъева. — Задача Боевой группы ЦК большевиков — это добывать и добывать оружие для рабочих дружин. Работа у нас крайне опасная и, сами понимаете, к чему приведет провал.

* — Меня могут повесить?

— Разумеется.

Игнатъев склонил голову и сказал тихо, смущенно.

— Я хочу подумать... Я готов умереть на баррикадах, но быть повешенным...

— Подумайте, — ответил «Герман Федорович» таким тоном, будто ничего другого, кроме повешения, не мог ему предложить.

Игнатъев вышел, не зная куда ему пойти. Что он мог сказать в Петербургском комитете, вернувшись ни с чем? Нет, нет, он не может явиться туда и сказать, что он струсил. Опозориться в такой момент — никогда! Походив немного и успокоившись, он вернулся обратно на явку.

— Я готов на все, что от меня потребует партия, и не побоюсь никаких опасностей! — виновато сказал он, глядя прямо в глаза «Герману Федоровичу».

Через некоторое время они стали близкими друзьями и открыли один другому свое настоящее имя:

— Николай Евгеньевич Буренин, — назвал себя «Герман Федорович».

ДАРЫ МОРЯ

«Король золы», подобно своему слуге Микко, нередко облачался в простое рабочее одеяние. Если хозяин обретал таким образом внешнее сходство со слугой, то слуга обретал внутреннее сходство с хозяином, который терпеливо просвещал Микко, готовя из него убежденного сторонника революции. Сходство между ними сказывалось еще и в том, что хозяин свободно говорил по-фински, а слуга — по-русски. Несмотря на мягкость обращения и дружеское расположение Игнатъева, Микко не зазнавался, оставаясь исполнительным и преданным слугой.

Микко усердно помогал Игнатъеву совершать нелегальные перевозки, но главными помощниками его в этом опасном деле были трое рабочих Сестрорецкого завода: хмурый, но проворный в делах Николай Александрович Емельянов, Александр Ильич Матвеев¹ и Тимофей Ильич Поваляев.

Через этих трех новых друзей Игнатъев завязал связи со многими рабочими Сестрорецкого завода и путейцами: машинистом Дубовым, кочегаром Шоналковым, проводником Усатенко и многими другими.

Связи с рабочими укреплялись и расширялись с каждым днем, и «Григорий Иванович» не испытывал больше чувства неловкости, которое было у него прежде при встречах с рабочими. Ввиду изменения характера и места конспиративной работы — Ахиярви, Сестрорецк, «Григорий Иванович» потерял связи с Лодыгиным, со студентом Виктором, «Василием Ивановичем» и другими рабочими Путиловского завода.

В Боевой группе очень ценили «Григория Ивановича» за его умение привлекать к делу рядовых рабочих и с их помощью поставить перевозку оружия на широкую ногу. Игнатъев же уверял, что главная заслуга в этом рискованном предприятии принадлежит Емельянову, Матвееву и Поваляеву, которые вербуют ему новых людей, уже проверенных ими. Да, это были хорошие, надежные помощники. Игнатъев покупал для них старые сети, и они, под видом рыбаков, везли оружие морем в Сестрорецк, откуда его забирали рабочие Питера. Утлая, нагру-

¹ Летом 1917 года Емельянов и Матвеев помогали Ленину скрыться от шпиков Временного правительства в Разлив. Впоследствии Емельянов стал директором Шалаша — музея Ленина (замечание автора).

женная оружием лодка исчезала во мраке ночи, или, если плавали днем, скрывалась в тумане, выбирая удобное время, чудом не тонула при ветрах и никто бы не отважился преследовать этих отчаянных смельчаков.

...Уже конец ноября, а санный путь все еще не установился. С Ладоги дует холодный промозглый ветер. Золу везут в подводах, а сами все пятеро, чтобы не окоченеть, шагают по извилистой дороге Териоки — Ахиярви. Переднюю подводу тянет гнедая «Лиза». Молодая, выносливая, она отлично знает дорогу к дому и идет без понукания.

Шагая рядом с Игнатьевым, Емельянов рассказал ему о последнем приключении на море:

— Поплыли мы третьего дня с сетями, чин-чином, как заправские рыбаки. Ночь... Лодка полна оружия. Проектор с берега пошуровал темноту над морем и зацепил нас. Мы тут же кинули сети. Они, ясное дело, увидели — рыбку ловим, отстали. Поплыли дальше, начал сгущаться туман, мы и заплутали. Было уже за полночь, когда мы напоролись на номерной островок. «Стой, кто плывет» — заорал постовой. Ну, думаю, каюк нам. Тимофей Ильич ответил часовому крепким русским словом: «Не видишь, что ль, такой-сякой — кто плывет?» Часовой будто понял и обиделся: «Так бы и сказали, а то, может, контрабандисты». Словом сказать, миновали таким манером беду и доставили оружие в Сестрорецк.

Рассказ Емельянова понравился Игнатьеву. Он попросил его рассказать еще что-нибудь.

— Один судейский присяжный снял дачку у финна, — начал вместо него Матвеев, — изба была неказистая, да виды окрест были хороши, а присяжный уважал природу. «Приготовь дачку, — сказал он финну, — в субботу вечером приедем с супругой». Мужик подремонтировал горницу, оклеил стены свежей бумагой и стал ждать. Супруги явились в субботу вечером и легли в потемках спать. Утром присяжный проснулся, глянул на стену и глаза у него полезли на лоб. Перекрестился со страху, вскочил, кинулся в одних подштанниках во двор к хозяину и орет: «Мерзавец, крамольник, бунтовщик! Я тебя заживо сгною в карцере! Чем ты, дьяволов отродье, стены оклеил?» Финн опешил и, запинаясь, говорит: «Бумагой оклеил, ваше степенство, бумагой... для приятности.» «Какая же это приятность? Все стены в революционных прокламациях! Провокатор, душегуб!» Тут финн

стал белее бумаги, упал на колени и взмолился: «Пощадите, добрый господин, я олух неграмотный, в поле тюки с бумагой подобрал, думал в хозяйстве пригодится». А это были мои тюки, — заключил Матвеев. — Зимой, спасаясь от погони, я зарыл тюки с литературой в снег, а сам удрал на санях. Позже вернулся, поискал их — нету литературы.

Так, в разговорах, они коротали время и путь.

В подводах привозили ящики с винтовками, револьверами и патронами. Разгружать золу надо было возле общей кучи у сеновала, а ящики спрятать в сарае, чтобы с приходом ночи отнести их в землянку, устроенную в лесу. Тяжелые ящики выгружать нужно очень быстро. А рук мало, да еще кто-нибудь должен покараулить за воротами. Дело осложнялось еще и тем, что из города нагрянул магистр ветеринарных наук. И зачем он приехал в такое время?

Михаил Александрович подошел к возницам, степенно поздоровался с каждым за руку, поговорил о том, о сем. Видя, что они долго не разгружают подводы и не распрягают усталых коней, он выразил недоумение. Почему мешкают? Александр замялся, пробурчал в ответ что-то невнятное. И отец лукаво подмигнул ему, сказав:

— Хочешь, Шура, я покараулю, а вы все быстренько разгружайте, — и улынулся. — Если я подниму фуражку — значит тревога, — сказал и пошел за ворота.

Все переглянулись, а Микко даже слегка испугался. Знал же хозяин о его проделках и не увольнял!

— Хитрый у меня старик, оказывается все знает, — заметил Александр, покачав головой. — Ну, хорошо, давайте сгрузим.

Для Михаила Александровича дела сына давно уже не были тайной. Сын добывал опасными путями оружие, патроны, динамит, и все это отец знал. Года два назад он серьезно заволновался, когда, набирая букет сирени, застиг «бедных» студентов за чтением запретной книги. А сейчас... не книга — динамит был в руках Шуры, но стец не упрекал, не отговаривал его от опасного занятия. Много изменилось с тех пор в людях. Изменился и Михаил Александрович. Поглощенный научной работой в лаборатории и в созданном им музее мясоведения и патологии, Михаил Александрович не был глух к голосам общественного возмущения. Он понимал, что сын его, ви-

девший кровь девятого января и проливший ее сам, должен был заниматься именно тем, чем занимался в эту минуту.

Вскоре Александр исчез из дому. Прошло много дней, а о нем не было ни слуху, ни духу. Михаил Александрович сначала крепился, а потом не выдержал, забеспокоился всерьез. Он осторожно навел справки в городе и, не добившись ничего, решил снова поехать в Ахиярви, чтобы с помощью Микко узнать что-нибудь о сыне. Ведь этот плут Микко возит с ним оружие, значит, должен же он знать, куда запропастился Александр.

Ехал Михаил Александрович в поезде, мучаясь всю дорогу тревожными догадками. Куда он мог деться?

На станции Териоки в вагон неожиданно вошел Александр с двумя сестрорецкими рабочими. Михаил Александрович сидел в другом конце вагона, но глаза его так жадно впивались в каждое новое лицо, что он сразу заметил сына. Однако, все еще не веря себе, он нетерпеливо вскочил, напряг зрение и, убедившись, что это действительно сын, радостно крикнул на весь вагон:

— Шурочка, это ты? А я думал уж не увижу тебя больше!

Спутники «Шурочки» переглянулись, многозначительно заулыбались. Они знали его как «Григория Ивановича» и поняли, что папаша «ляпнул». Александр поднял на них глаза, покраснел, а потом побледнел. Михаил Александрович и сам испугался, сообразив, что в порыве родительских чувств забыл об осторожности. Ведь всюду рыскали шпики. Все присутствующие повернули головы, недоуменно глядя на толстого, кряжистого человека в форме действительного статского советника с орлами на плечах.

— Странный толстячок, не правда ли? — шепнул господин рядом сидящей даме. Дама согласилась с господином.

На станции Райвола Михаилу Александровичу надо было выходить. Он поманил пальцем сына. Александр извинился, сказал, что едет дальше. Куда? Еще раз извинился: он не может сказать. Впрочем, пусть отец не волнует, он скоро вернется.

В вагоне мог оказаться шпик и увязаться за Игнатъевым и его спутниками. Для предосторожности пришлось отложить поездку к месту их вызова — Перкиярви — на

день. Через день они приехали на эту станцию и пошли лесной стезей в сторону от железной дороги. Широкие лапы сосен тяжело обвисли под толстым слоем снега. Заденешь ненароком, обдаст тебя снегом, «лапа» с хрустом вскинется кверху. Снегу было много, и это радовало Игнатъева, наметившего санные перевозки.

Несколько дней назад Буренин передал ему через знакомого: «Приготовьтесь к получению большого количества». Незадолго перед этим в шхерах Финского залива застрял иностранный пароход «Джон Графтон», груженный оружием. Команда не сумела снять корабль с камней, покинула его и взорвала. Взрыв получился неудачный, в воду погрузилась только часть судна. Много хорошо упакованного оружия и патронов осталось в уцелевшей части парохода, а еще больше было выброшено в море. Финские рыбаки таскали по песчам ящики из трюмов и вылавливали их из моря. Буренин объехал прибрежные районы и скупил у населения оружие и патроны. Теперь он ждал Игнатъева в Перкиярви на одной из конспиративных дач. Когда Игнатъев со спутниками вошел к нему, Буренин встал и встретил его восторженными словами.

— Вы понимаете, «Григорий Иванович», сколько наловили эти рыбаки даров моря!..

— Мои спутники вам не поверят, что я «Григорий Иванович», — отец «выдал» меня, — перебил Игнатъев и рассказал о случае в вагоне.

— Не страшно... Так вот, у нас винтовки «Росса», «винчестеры», «манлихеры», «маузеры», — такая удача, как в сказке... А вы все подготовили?

— По-моему все, «Герман Федорович», по пять вагонов золы прибыло в Райвола, Уси-Кирка и в Перкиярви.

— Нет, вы подумайте, как мы богатеем, — не унимался Буренин. — То, что мы раздобыли, — капля, всего лишь частичка того, что добывается по всей России. Партия, в случае необходимости, сможет вооружить целые пролетарские полки. Девятое января больше не повторится, ибо на выстрелы теперь народ ответит выстрелами... Саней много подготовили?

Игнатъев доложил, что заареновано у разных крестьян пятнадцать дровней для перевозки удобрения. Возницами приставлены к ним рабочие Выборгской стороны и Сестрорецка.

— Надежные? — спросил Буренин.

— Можете быть совершенно спокойны.

— Вы, «Григорий Иванович», молодец насчет организации, быстро все сделали... И «Петр» молодец. Он сумел переправить через германскую границу партию — и большую партию — револьверов... Грузиться будем ночью, а на рассвете тронемся в путь.

— Думаю ночью передать десяток винтовок железнодорожникам. Я договорился об этом с проводником Усатенко, — сказал Игнатъев. — Он несколько раз возил оружие в Питер — человек наш.

— Что ж, и это хорошо.

Ночью Игнатъев встретился с худощавым, небольшого роста человеком лет двадцати шести. Это был Усатенко. Он молча взял два «винчестера» в разобранном виде, спрятал под шубой и ушел, обещав прислать остальных. Еще пять железнодорожников явились в эту ночь к «Григорию Ивановичу».

... С трех станций потянулись дровни по шоссе на дорсгам. Это была обычная картина, когда «Король золы» рано утром поднимал сани в путь на Ахиярви. А теперь, когда самое время подвозить удобрение, медлить нельзя. Весна-то ведь на носу! Крестьяне хотят еще по снегу вывезти золу в поле, чтобы к весне тающий снег мог бы размягчить удобрение и пропитать им влажную, податливую почву. А разве Игнатъев не понимает этого? Еще как понимает-то!

Он и Буренин ехали из Перкиярви на санях, отстав на версту от дровней, идущих впереди. Погода выдалась безветренная, ясная, с морозцем, слегка пощипывающим за уши. На платформе станции маячил полусонный уса-тый жандарм. Зябко поживаясь, он смотрел скучными глазами на едущих и зевал, широко открыв большой ред-козубый рот.

ДРУГ КАКИХ МАЛО

Проработав вместе несколько месяцев. Буренин и Игнатъев расстались. Случилось это при следующих обстоятельствах.

В Финляндии жил Максим Горький, с которого полиция не спускала глаз. Чтобы обмануть бдительность шпи-ков и совершить необходимые нелегальные поездки, Алексей Максимович иногда переодевался в костюм охот-

ника или в какую-либо иную «чужую» одежду. Члены Боевой группы — «Герман Федорович» и «Андрей Андреевич» — поддерживали с Горьким связь, содействуя его конспиративным делам. Однажды в морозный февраль-ский день «Андрей Андреевич» сказал Игнатъеву что Горькому нужна на несколько дней «вишительная» шуба. Игнатъев предложил меховую шубу и шапку отца. На следующий день Горький уже примерял шубу Михаила Александровича. В плечах она оказалась очень хороша, а в длину — никуда не годна. Полы ее едва до-ходили до колен писателя. Алексей Максимович посмотре-л в маленькое зеркало, рассмеялся и вернул шубу Иг-натъеву, извинившись за беспокойство. Так состоялось знакомство Горького с Игнатъевым. Они встретились еще дважды, а в марте Алексей Максимович вместе с Буре-ниным уехал в Америку. По поручению партии Буренин должен был сопровождать Горькому и помочь ему в ор-ганизации публичных выступлений, сбор от которых по-ступил в партийную кассу.

В Боевой группе «Германа Федоровича» заменил «Ан-дрей Андреевич» — Сагредо. Крепко сложенный украинец с черными густыми волосами и синими глазами, студент-медик Сагредо пользовался большим уважением среди своих товарищей. Он с полуслова понимал мысль, быстро и верно ориентировался в любой, даже самой сложной, обстановке, умел выбраться из самых затруднительных положений. Находчивый «Андрей Андреевич» подсказы-вал своим друзьям многообразные приемы конспирации, особенно женщинам, менее «подозрительным» для шпи-ков. С наступлением лета Боевая группа несколько из-менила способы перевозок оружия, но не ослабила их темпов.

...Теплый летний день. По платформе станции прогу-ливается молодая дама с большой красной розой в ру-ках. Паровоз протяжно гудит. Дама хватается за поруч-ни вагона. Видя, как тяжело ей стать на ступеньку, жан-дармский полковник галантно берет ее за локоть и под-саживает. «Мерси», — говорит она, краснея. Вдыхая креп-кий запах недорогих духов, полковник недвусмысленно улыбается ей: «Зачем женщине в положении так обли-ваться духами»? Мимо поезда мелькают фонари, станци-онные часы, название станции — «Белоостров».

Точно так же, как дама с розой, ехали в других по-ездах две другие надушенные молодые дамы. Будь все они

вместе, досужий человек, пожалуй, мог бы задуматься, отчего они так подозрительно полны и до тошноты надуты? Но они едут врозь, чтобы не обращать на себя внимание любопытных глаз. Сойдя на Финляндском вокзале с поездов в разное время, они направляются в разные районы города: первая на Васильевский остров, вторая — черненькая, быстроглазая — на Петербургскую сторону, третья — самая маленькая — за Невскую заставу. Но не всегда эти три полные дамы, оказавшиеся на самом деле изящными девушками, избегают друг друга. Они встречаются в разных местах, а по вечерам — изредка на Съезжинской улице в доме быстроглазой. «Даму» с розой зовут «Магда», черненькую — «Ольга», маленькую — «Соня». В прихожей «Магда» и «Соня» тщательно осматривали себя перед зеркалом, затем входили в комнату, где их ждала хозяйка дома. Здесь бывали Игнатьев и Сагредо. Приходил также курчавый шатен и весельчак «Илья», которого Игнатьев устроил на работу в лабораторию отца под настоящим его именем — Иван Иванович Березин. Магистру ветеринарных наук, начавшему микроскопическое исследование свиного мяса, впервые осуществляемого в России, нужен был помощник, и Березин ему понравился.

Гости садились на диван и на стулья, а «Ольга» — за пианино. Черноволосая, смуглолицая, с ровными белоснежно сверкающими зубами, быстроглазая хохотунья, она была подвижна и в работе, и в движениях, и в речи. «Ольга» отлично играла и пела, танцевала, умела рассеять скуку, оживлять общество своим заразительным весельем.

Придя в очередной раз в гости к Ольге Каниной, Игнатьев попросил ее исполнить песню о тысячелетии России — «На самом кургане». Остальные гости поддержали Игнатьева, но Канину не нужно было и просить. Она дня не могла прожить без музыки, а при гостях охотно исполняла все, что просили. Чуть запрокинув голову, Канина запела под собственный аккомпанемент чистым сопрано:

На старом кургане, в широкой степи
Прикованный сокол сидит на цепи.
Сидит он уж тысячу лет,
Все нет ему воли, все нет.

И грудь он с досады когтями терзает,
И каплями кровь из груди вытекает,
Летят в синеве облака...
А степь широка, широка!..

Как и все присутствующие, Игнатьев сидел, забыв обо всем на свете, находясь во власти музыки. Канина исполняла песню с берущим за сердце темпераментом, и Игнатьев следил за ней с каким-то новым, незнакомым ему раньше, чувством заинтересованности. Он несколько раз встречался с ней, но как-то мимоходом, в водовороте дел, и не обращал на нее особого внимания. Затем он заметил в ней что-то своеобразное, оригинальное. Теперь, облокотившись на стол, он глядел на Канину и слушал, изучая черты ее подвижного лица, улавливая каждую нотку ее чистого мелодичного голоса, не упуская ни одно движение ее маленьких гибких рук, свободно и грациозно бегающих по клавишам.

Слушателью не возбраняется глядеть на певицу, сколько душе угодно. Игнатьев пользовался этим скромным правом, как и остальные. Но у «Магды» большие пронизательные глаза, в которых замерцал голубой лукавый огонек. Она нагнулась и шепнула что-то «Соне» на ухо. Та улыбнулась, взглянула на Игнатьева и ответила коротко: «Похоже».

Канина снова начала играть и петь. Ее репертуар обширен. Гости слушали ее молча, а когда она заканчивала арию или романс, ее просили петь еще и еще. Минут сорок длился концерт «Ольги», и вдруг она прервала игру:

— Что это я все одна, да одна, — сказала она, повернулась на круглом вращающемся стуле к «зрителям» и, подбоченясь, засмеялась. Повернувшись снова к пианино, она ударила по клавишам: — Давайте все, — и запела. Однако никто не осмелился составить с «Ольгой» партию, и она, докончив песню, закрыла крышку пианино.

Наступила тишина. Девушки начали беседу о чем-то своем, а Сагредо заговорил с Березиным о решениях четвертого съезда партии, вновь усилившего разногласия большевиков с меньшевиками, несмотря на объединительную миссию съезда. Анализируя корни разногласий на съезде, Сагредо говорил о единственно пра-

вильной тактике ленинцев, отстаивающих идею гегемонии пролетариата в революции, ругал меньшевиков. Березин сообщал ему об активизации эсеров-террористов. В ответ Сагрето досадливо покачал головой, выразив сомнение в успехе борьбы «героев-одиночек».

— Эти донкихоты, — сказал он, — не хотят понять, что буржуазно-помещичья гидра в России имеет миллион голов, что одиночными выстрелами не убьешь ее, а лишь вызовешь у нее новые приступы слепой, звериной мстительности.

— Верно, это подтверждается множеством фактов, — отозвался Березин и рассказал о свирепостях царских карательных отрядов, действующих в Латвии, на Украине и Кавказе.

Лица собеседников серьезны, нахмурены. Они глубоко переживали поражение революции. О том же думал сейчас и Игнатьев. Он сидел чуть в сторонке, слушал их разговор, но не принимал в нем участия. Он думал о том, о чем говорили Сагрето и Березин, думал о них самих. Полгода назад он не знал их, а теперь они стали самыми близкими ему людьми. И как быстро, просто произошло это сближение! Шесть месяцев пролетели незаметно, но, казалось, они составляли половину всей его жизни. Сколько было за это короткое время впечатлений, тревог и радостей. И все это было совершено и пережито вместе с этими людьми — членами Боевой группы, рядовыми людьми партии, людьми незаурядными, с горячим сердцем, бескорыстными и скромными. Каждый из них каждый день и час подвергался смертельной опасности. Эти «беззаботные» девушки, эта веселая хохотунья Канина обкладывали себя пачками скверно пахнущей взрывчатки и везли ее через живую ограду жандармов таможенных пограничных застав. Страшны были не только жандармы. Девушки могли взлететь на воздух от папиросы пассажира — соседа по вагону. И вот они теперь смеялись и пели, не зная, будут ли завтра на свободе. Никто из боевиков никогда не выставлял своего «я»; верность служения партии требовала скромности, и случись кому-нибудь нарушить ее, — развернется пропасть между ним и его сподвижниками. Таковы были новые друзья Игнатьева.

В последнее время Александр пытался разобраться в своих чувствах к новым и старым друзьям, особенно к

старым. При встречах с ними он тушевался, не зная, как ему в сти себя, отдалялся от них все больше и больше. Оба Наумовы чувствовали это, обижались, укоряли его за длительные отлучки. Игнатьев оправдывался не всегда искренне, все явственнее ощущая, что пути их расходятся. Николай Наумов стоял совершенно в стороне от политической борьбы. Он стал землемером, добровольно отказавшись от участия в подготовке к революции. Владимир Наумов писал стихи, kloпочущие проклятиями самодержавию, выражал свои симпатии к партии социал-демократов, был порывист в своих страстях и взглядах, опрометчив в поступках. С Белоцерковцем Игнатьев поддерживал более близкие отношения, но Анатолий тоже отстранился от дел, которые прежде они совершали вместе. Окончив институт инженеров транспорта, Белоцерковец поступил на должность начальника электросигнализации Царскосельской железной дороги. Связи с ним ослабли.

Все же временами Игнатьева сильно влекло к друзьям юности, и в такие минуты он испытывал разнородные чувства, сознавая при этом силу и превосходство того из них, которое было скреплено узами активной подпольной борьбы с врагами.

Вдруг он услышал голос Ольги:

— Что это вы, Александр Михайлович, сели букой в углу? Подвигайтесь и решите наш спор с «Магдой»: от чего бывает северное сияние? — и, хохоча, потянула его за руки.

Игнатьев вскинул голову, улыбнулся. Погрузившись в раздумье, он не слышал, о чем говорили девушки. По существу он еще мало знал Канину и не привык к мысли, что она тоже накрепко связана с ним общим делом, что она тоже настоящий его друг, верный товарищ по опасной деятельности. При этой мысли ему вдруг захотелось хоть немного задержать в своих руках ее теплые смуглые руки и взглянуть ей прямо в глаза, улыбаясь в ответ ее звонкому смеху.

ПО ДРУГОМУ ПУТИ

Володя попросил Александра приехать в Петергоф «по чрезвычайно важному делу». Просьбу эту передал Николай, добавив еще, что, по словам Володи, встреча может состояться только в Петергофе. О цели встречи

Николай не знал ничего. Заинтригованный Игнатъев немедленно отправился в Петергоф.

Володя, встретив друга, повел его в свою комнату и, дав ему немного отдохнуть, начал разговор с маленького предисловия. Он попросил, чтобы Александр дал ему слово помочь в одном деле, в котором, правда, есть большой риск. Александр сказал, что он с риском не посчитается, если дело стоящее, и спросил Володю:

— Это просьба лично ко мне?

— Да, Шура, это моя просьба лично к тебе, — подтвердил Володя.

— Тогда я к твоим услугам.

Наумов по-мальчишески волновался. Став перед Игнатъевым и слегка раскачиваясь на ногах, он собрал в руку свою русую бородку, опираясь локтем на ладонь другой руки, и сказал тихо, с расстановкой:

— Я подготовил план похищения царя, чтобы устроить над ним народный суд. За «Кровавое воскресенье», за нынешние изуверства карательных отрядов он должен держать ответ!

От неожиданности Александр привскочил. Он вспомнил, как вечером девятого января пришел к нему Володя и рассказал о виденных им ужасах, метался по комнате, сверкая глазами, хватался за волосы, грозил убийцам, потрясая могучими кулаками. Потом он заперся у себя и недели три изливал в стихах свою душу, гневно взывающую о возмездии. Затем как будто утихомирился. Теперь же Игнатъеву стало ясно, что покоя у Володи не было. Внутренне Александр был несогласен с выдвинутой поэтом идеей, но любопытства ради попросил его изложить свой план.

Живя постоянно в Петергофе, Володя сблизился со многими конвойцами сводного конногвардейского полка, участвовал с ними в играх, катался на лодке. Более тесную дружбу завязал с теми, кто дежурил возле здания и в самом здании телеграфа. Известная часть конвойцев по-своему возмущалась кровавыми событиями девятого января, считая, что злодеяние это совершено против воли царя. Но нашлись человек пять конвойцев, которые в беседах с Володей обвиняли во всем самого царя. Володя поддерживал это мнение, разжигая их недовольство. Как-то, выбрав пятерых наиболее надежных, он подсказал им мысль о создании кружка для

слушания лекций. Те согласились. Связавшись с большевиком Лалаянцем, Наумов попросил дать пропагандиста. Лалаянец поручил руководство кружком конвойцев Михаилу Алексеевичу Сергееву¹ — члену военной организации Петербургского комитета РСДРП. В дни, когда часовым стоял «свой» человек, Сергеев приезжал в Петергоф и его пропускали в зону оцепления по одному кивку Володи. Так начал работать в берлоге зверя большевик Сергеев.

Вскоре работа эта перестала удовлетворять нетерпеливого Володю. Он хотел действия, «а тут — слова, слова...» Не информируя Сергеева о своем новом замысле, он занялся «обработкой» более широкого круга конвойцев. Володя использовал настроения казаков, национальные чувства которых были ущемлены засилием немцев при царском дворце. Отпрыски остзейских баронов назначались на высокие военные должности и особым актом вносились в списки казаков донских и кубанских станиц. Среди казаков-конвойцев шли разговоры о том, что царица-немка производит своих немцев в генералы, адмиралы, губернаторы.

Володя предложил близким к нему конвойцам написать воззвание к казакам, объяснив им, что царь обманут царицей и министрами-немцами, что эти злодеи метят на престол, хотя погубить государя, дабы самим править Россией. Открыть же глаза царю должны те, кто стоит ближе всех к нему, то есть казаки конвоя. Так как царь может им не поверить и остаться в пагубном своем ослеплении, то надо его похитить, спрятать в надежном месте и помочь ему прозреть. Когда он прозреет, поймет, какое злодейство вокруг него замышлялось, казаки вернут его на престол и тогда царь издаст указ о разгоне немцев. Самих же казаков за свое спасение царь щедро вознаградит — кого деньгами, а кого назначит и на большие должности.

Сформировав инициативную группу из активных приверженцев идеи похищения царя, Володя пригласил Игнатъева для участия в этом деле. Рассказав всю историю подготовки плана, Наумов обратился к другу:

— Так вот, Шура, что от тебя требуется. Слушай по порядку. Во время очередной прогулки царя по пар-

¹ М. А. Сергеев — член КПСС, литератор, живет в Ленинграде (примечание автора).

ку Александрия конвойцы схватят его и понесут к берегу моря. Там его будет ждать под парусом быстроходнейший буер, а в нем — я и трое казаков. Буер пересечет Финский залив в самом узком месте и пристанет к берегу западнее Тюрсево. Ты должен будешь ждать нас там с экипажем. Мы увезем нашего пленника в Ахиярви, где в лесу для него будет подготовлена землянка. Вот и весь план, Шура. Сейчас я свяжу тебя с казаками из инициативной группы для уточнения деталей плана, — почему я и вызвал тебя в Петергоф. Разумеется, ни один из казаков ничего не должен знать о суде, о предстоящей казни Николая второго.

Кончив говорить, Володя сел в кресло против Александра и выжидательно посмотрел на него. План был разработан неглупо и мог быть осуществлен при участии конвойцев, решил Александр, почесав лоб. Он вообразил, какую громовую сенсацию подняло бы на весь мир похищение Николая кровавого. Однако Игнатьева больше интересовало не то, что скажет мировая пресса, а что скажут его новые друзья. Собственно, Сагредо уже высказался по этому поводу: буржуазно-помещичья гидра имеет миллион голов и одиночными выступлениями ее не убьешь... Пауза затянулась, Володя ждал ответа. Александр встал. Теперь он стоял, а Володя сидел. Александр взял со стола костяной нож для разрезания бумаги, осмотрел с двух сторон резьбу на рукоятке, положил его на место и сказал как можно спокойнее:

— Милый Володя, по-моему, ты не выдержал своего условия.

— Какого условия? — не понимая, встрепнулся Наумов.

— Ты сказал, что это просьба лично ко мне, а выходит, что, кроме меня, нужен еще суд, очевидно партийный, действующий именем народа?

— Разумеется, ты договоришься со своими...

— Меня высмеют, — прервал Александр. — Наша партия против подобных авантур... Да и сам я внутренне убежден в бессмысленности твоей затеи.

— Ты находишь бессмысленным судить палача народа? — вспыхнул Володя.

— Этого я не сказал. Придет время, народ будет судить, и не только его, а сейчас — не время...

— Сейчас время пропаганды, — перебил Володя, — время словоизвержений и тайных сборищ. У вас работают языки, а у карателей самодержавия — пулеметы и пушки. Они рубят, истребляют невинных людей, а вы речи держите, кукиш в кармане показываете убийцам! — выпалил Володя, размахивая руками. Он встал, сунул руки в карманы и, слегка подавшись вперед, глянул сверху на Александра. — Как ты изменился, Шура, не узнаю тебя... Я разочаровался в тебе!

— Ну и горяч же ты, Володя. Ты хочешь, чтобы я отказался от своих убеждений и принял твои, чтобы ты не разочаровался во мне, не так ли? Но ведь это получается моральное насилие. Вот я действительно не узнаю тебя — сторонника свободы убеждений.

— Ты не обижайся, Шура, лучше скажи — не хочешь участвовать в деле? — спросил Володя, в упор глядя на Игнатьева.

— Нет, решительно нет. Больше того, я рад, что отказом предоставить Ахиярви я срываю твой план. А тебя я люблю и хочу, чтобы ты отдал свою могучую энергию и честное сердце более важному делу.

Слова «срываю план» вызвали новую вспышку гнева у Наумова. Он зашагал по комнате, сверкая глазами, ударяя кулаком в левую ладонь и ругая «приверженцев словесных прений». Он страшно обиделся и грозился, что обойдется без Игнатьева. Произошла размолвка, и Александр уехал расстроенный.

Следующим поездом в Петербург выехал и Володя. Он зашел на квартиру к Сергееву. На приглашение Михаила Алексеевича присесть Наумов ответил отказом и вдруг заявил с жаром:

— Я порываю свои отношения с вами, я избрал другой путь и пойду по нему. Прошу больше не являться на кружок.

Михаил Алексеевич опешил.

— Что случилось, Владимир Александрович? Ничего не понимаю, — сказал он, шагнув к нему.

Но Володя уже хлопнул дверью. Через несколько секунд он шагал по улице.

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Белые ночи не дают сумеркам опускаться над лесом. Десятый час вечера, а в Териоках еще совсем светло, и

дорога видна далеко, до самого края леса. Супруги Четвериковы и Березин пьют чай на балконе дачи. Мирно поет белый самовар, беседа временами прерывается вопросом розовошейной хозяйки дома Варвары Ильинишны: «Где же они?»

— В самом деле, пропали «классовые враги», — замечает Березин шутливо, но не без тревоги.

Все смотрят на дорогу, переглядываются... Наконец, хозяйка радостно восклицает:

— Вот они, едут!

Лица светлеют. На дороге показалась «Лиза», запряженная в простую телегу. В телеге мирно сидят «классовые враги» — Игнатев и батрак Микко. Они останавливают лошадь возле сарая и выгружают мешки «с овсом». Ночью из них извлекут пуда три литературы и увезут в столицу. Распрягая лошадь, светлоглазый, нескладный Микко объясняет ей, что полезнее сначала поесть овса, а воду пить надо после. Нехорошо с дороги набрасываться на студеной воду из колодца. Березин и Четвериков подходят к Микко с намерением «поэкзаменовать» его.

— Старайтесь, Микко, работайте на революцию, а когда она победит, отнимет у вашего хозяина землю и передаст вам, поскольку вы есть батрак, эксплуатируемый ныне, — говорит Березин.

— Александр Михайлович и так дал мне три десятины, — отвечает Микко и добавляет: — А землю у него не отнимут.

— Это с какой стати у всех господ отнимут, а у него нет? — интересуется Четвериков.

— А я сам ее не возьму, — с резким финским акцентом говорит Микко.

— Так отдадут другим беднякам.

Микко недоверчиво качает головой. Со слов Игнатьева он хорошо усвоил мысль, что революция отнимет у богатых землю и передаст ее беднякам. В отношении других помещиков этот акт экспроприации он считает вполне справедливым, но душа его протестует против конфискации земли Игнатьева. Шутки шутками, но неужели его хозяин борется с риском для жизни за революцию для того, чтобы она отняла у него состояние?

— Александр Михайлович сам отдаст землю беднякам, а лес оставит себе, — говорит Микко.

— Не-ет, братец, лес перейдет в руки государства, — возражает Березин. Об этом Микко не подумал.

— А озеро кому? — спрашивает он.

— Озеро? Ясное дело кому — рыбам.

— Шутите, Иван Иванович, вы всегда смеетесь.

Березин и Четвериков уходят, оставив Микко во власти мучительных дум. В самом деле, разве может так быть? Ведь и Александр Михайлович не сам наживал землю, а от матери покойной в наследство получил. Долго размышляет Микко, изобретая такую революцию, которая бы не обидела его хозяина. Наконец, светлая мысль озаряет его обветренное лицо. Землю надо разделить между тремя братьями и двоюродной сестрой Варварой Михайловной, также имеющей права на нее. С лесом на каждого придется десятин по семнадцать. Из семнадцати десятин три Игнатев уже отдал Микко, а там еще кусочек болота, кусочек песчаника, да каменистые берега Ганниной речки... Что же останется ему самому? Выходит, что хозяин станет почти бедняком. Но он человек неизбалованный, проживет. Довольный найденным выходом, Микко садится на бревно, набивает трубку дешевым табаком и закуривает. Он с наслаждением затягивается едким дымом, с шумом выдувает его в гущу назойливых комаров.

Через час в глубине леса появляются Игнатев и Сагредо. Не видно пока Богомолова, прозванного «Чортом» за отчаянно смелые операции по доставке оружия. Нет Каниной и учительницы Януш. Но вот недалеко шевелятся ветки, показывается человек крепкого сложения, с мужественным лицом. Это «Чорт».

— А разве Канина не с вами должна была прийти? — спрашивает у него Игнатев.

— Нет, с Януш, — отвечает Богомолов... — Вот и они.

Все здороваются с девушками, рассаживаются под соснами. Над ними, спрятавшись в ветках, суматошно чирикает у гнезда птичка. Начинается обсуждение дел. Докладывает Игнатев. Он сообщает, сколько подготовлено лодок, рыболовецких снастей, подвод, мелких хранилищ для оружия и литературы в Сестрорецке. Через Емельянова, Поваляева, Матвеева, Шемякина, Романова налажены связи с шестьюдесятью рабочими. Они явятся по одному, по два в указанное время на передаточные пункты, разбросанные по многим станциям и

дачам. Подготовлено свыше двух десятков дач, принадлежащих в основном семьям завербованных Игнатьевым студентов. Помимо сестрорецких рабочих, оружие доставят в город несколько студентов и железнодорожников, в частности проводник Усатенко и машинист Дубов.

Слово берет Богомоллов. Он называет маршруты, их очередность, подробно останавливается на мерах предосторожности. Нужно усилить бдительность. Этого требует массовость развернувшегося дела и усилившаяся слежка охраны, которая имеет сведения о поступлении оружия в столицу через Финляндию. Таможенный жандармский осмотр стали проводить небывало строго. Железнодорожные станции и деревни Карельского перешейка кишат шпиками.

Руководство двумя наиболее уязвимыми маршрутами Сагредо поручает Богомоллову. «Чорт» показал, что умеет обходить вокруг пальца самых отпетых шпииков, а когда становится «туго», дает по уху, сбивает с ног шпиика или жандарма, прыгает со второго этажа, бесследно исчезает среди белого дня на людной улице. Помощником «Чорта» назначается Березин. Несколько других маршрутов распределяются между Четвериковым, Игнатьевым, Емельяновым. Связь с Емельяновым будет поддерживать Януш. Помощником Игнатьева назначается Канина. От взгляда присутствующих не ускользает мимолетное просветление лица Игнатьева.

В субботу вечером на каждый передаточный пункт пришли поодиночке сестрорецкие рабочие и в ту же ночь уехали. В воскресенье повторилось то же самое. Работали четко, слаженно. Иногда за день на склады рабочих дружин в городе поступало до девяноста винтовок и револьверов. Часть из них шла с сестрорецкого оружейного завода, доставлялась из Ахиярви.

Пришла зима. Боевая техническая группа работала уже без Сагредо. Он был арестован и по некоторым сведениям должен был быть скоро освобожден, так как охранка не имела против него веских улик.

...Трое саней легко скользят по дороге Терйоки — Ахиярви. Белая, чуть заметная лента дороги то и дело взбирается на гору, открывая глазам седые, сказочно прекрасные, безмолвные дали лесов и озер. Океан мягкого пушистого снега! Бодрящий морозный воздух приятно бьет в лицо. Конь грызут удила, взмахивают го-

ловами, прося вожжи, забрасывая вперед ноги, обдают седоков вылетающими из-под копыт комьями снега. Передними санями управляет Игнатьев. С ним едут Канина, Варвара Ильинишна Четверикова, учительница Януш. На двух остальных санях восседают Березин и Четвериков, имея за спиной по два пассажира.

Повернувшись к женщинам вполборота, Игнатьев расхваливает свою лошадь, ее силу и быстроноготь. В подтверждение своих слов он ослабляет вожжи, машет прутиком и издает протяжный крик: «Э-э-э!» «Лиза» переходит на броскую рысь, а затем на галоп. Сани летят под гору, ветер хлещет в лицо, по щекам колюще стегают снежинки, дух захватывает от бешеной скорости. На повороте сани заносит, бросает в сторону и пассажирки хохочут, визжат от испуга, а когда опасность миновала, снова принимаются хохотать, умаляя лихого кучера ехать потише. Но Игнатьев уже разошелся. На длинном прямом спуске лошадь убыстряет бег, несется с бешеной быстротой, прижимая уши к развевающейся гриве. Внизу — снова поворот. Занесенные с разгона круто в сторону, сани с шумом опрокидываются. Женщины с визгом летят под откос. Недалеко шлепаются и сам «кучер». Тяжело дыша, лошадь останавливается. Место падения оказывается мягким, как перина. Сразу даже вставать не хочется, так хорошо лежать. Опомившись, женщины хохочут. Игнатьев встает, подскакивает к Ольге и проваливается в сугроб по пояс рядом с ней. Женщины безудержно хохочут над ним. Наконец, он с трудом вызывает Ольгу из сугроба, смахивает с ее шубы снег и смеется виновато.

Не успели подъехать Березин и Четвериков, как сани Игнатьева — снова на полозьях. Дальше поехали неспеша. И лошадь, не то от усталости, не то поняв, что в лихой резвости мало проку, присмирела. Женщины живо обсуждают происшествие. Изрядно достается незадачливому лихачу, особенно от Варвары Ильинишны, румянец которой стал пунцовым. Она без усталости «пилит» Игнатьева.

— ...А почему, интересно знать, вы подняли Ольгу, а не меня? — допрашивает она, — ведь я упала более неловко. Может быть скажете, что Ольга — смуглая южанка — была заметнее на снегу, чем я?..

Все опять хохочут, а Ольга — чуть не до обморока.

Тихо посмеивается и виновник аварии. Варвара Ильинишна продолжает:

— Я не понимаю только одного: если вы так уж жаждете поднять Ольгу, то бросьте в сугроб ее одну и поднимите, бросайте и поднимайте хоть сто раз, но зачем же нам-то шеи ломать?

Маленькой ручкой Ольга зажимает рот Варваре Ильинишне и смеется уже сдержанно, смущенно...

ПОСЛЕДНИЕ ВИЗИТЫ

Владимир Наумов зашел к Игнатьевым на Забалканский проспект. Встретившая гостя приветливая мачеха Александра, Пелагея Павловна, засияла, любуясь его внешностью. Высокий, широкоплечий блондин, с красивым высоким лбом, окаймленным чуть волнистыми волосами, с правильными крупными чертами лица и аккуратно остриженной бородкой,—двадцатипятилетний Наумов выглядел красавцем. Но он был грустен, и эта неподдельная грусть придавала ему еще большую обаятельность. Пелагея Павловна заметила по яркому блеску больших синих глаз Володи приглушенную усилением воли душевную бурю.

— Где Шура?—спросил он тихим, каким-то не своим голосом.

— Александр скоро придет,—ответила она, и лицо ее помрачнело.

Пелагея Павловна пригласила Володю в столовую. Рядом с ним она чувствовала себя такой маленькой, что ей захотелось поскорее усадить его. Володя сел на стул, положил какой-то сверток на стол и начал нервно, дробно постукивать по нему пальцами. Пелагея Павловна собралась, было, спросить, не случилось ли чего неприятного, но не решилась, промолчала. Она глянула на стенные часы. Скоро должны были прийти обедать Михаил Александрович и дети. Хозяйка взяла со стола сверток, чтобы застелить скатерть, как вдруг Володя подскочил, порывисто произнес «осторожно», затем бережно взял его из ее рук.

— Что здесь? Что в нем, Владимир Александрович?—спросила она в страхе.

— Ничего, ничего... пустяки... Так я, пожалуй, не смогу дождаться Шуры. Передайте ему, Пелагея Пав-

ловна, мой самый горячий привет друга и брата, привет Федору, Мише маленькому, всем привет... прощайте...

Володя решительно зашагал к выходу, отказавшись ждать. На лестнице он столкнулся с Михаилом Александровичем, сказал «здравствуйте — прощайте» и пошел дальше.

Придя домой, Александр застал отца и Пелагею Павловну в встревоженном состоянии. Стоя у накрытого стола, они говорили о Володе. Оба рассказали Александру о странном поведении Володи.

После происшедшей в Петергофе размолвки Наумов заехал как-то к Игнатьеву, извинился перед ним за свою запальчивость, и они помирились. С тех пор друзья встречались всего два раза. Александр относился к нему попрежнему недурно, был доволен, что Володя снова отдался поэзии, выкинув из головы мысль о похищении Николая второго. Но странный его визит сильно обеспокоил Александра, и он решил завтра же пораньше зайти на Гулярную улицу, где братья Наумовы снимали комнату, живя временами в городе.

На следующее утро Александр поехал на Гулярную, но не застал братьев дома. Соседка передала, что час назад появились жандармы, схватили Николая — он был один — связали ему руки, но, узнав, что это ошибка, тут же освободили его. Николай тотчас же выехал в Петергоф. Александр понял, что ехать ему сейчас туда или телеграфировать неразумно и вернулся домой.

Дома он застал бледного Белоцерковца, сообщившего об аресте Володи за попытку убить царя. Услышав это, Пелагея Павловна схватилась обеими руками за голову и присела.

— Я почувствовал что-то роковое в нем, хотя он и пролетел мимо меня метеором,—сказал взволнованный Михаил Александрович.

— Сегодня что, первое апреля? О, как бы я хотел, Толя, чтобы твоя весть была злой первоапрельской шуткой!—воскликнул Александр.

— Шурочка, Толя,—обратился к ним еще более взволнованный Михаил Александрович,—вы в этом...—хотел спросить «не замешаны?», но выговорил другое:—вы ничего не знали?

— Не беспокойся, отец,—успокоил сын.

— Я, Шурочка, ничего... только спрашиваю.

— Эх, наверное эсеры проклятые завлекли Володю! Ведь, кроме лютой ненависти к царизму, он не имел никаких законченных партийных взглядов. У него все поступки шли от чувства, от слишком легко воспламеняющегося чувства,— с досадой сказал Александр.

— Вспоминаю, Шура, твои слова насчет коня и трепетной лани и что это не приведет к добру.

— Погиб, погиб наш Володя...

Вечером Анатолий и Александр снова встретились. Беседовали до полуночи. Вспомнили про убийство в присутствии царя дворцового цветовода, очевидцем которого был Володя; про ночную охоту на фазанов и безумно смелое бегство от егерей в море; вспомнили про неудачную любовь Володи к учительнице и его поединок с бушующим морем. Говорили спокойно. Но как только касались ареста Наумова, Анатолий резко менялся в лице. Он без устали шагал из угла в угол, энергично жестикулировал. На бледных сухих щеках его нервно двигались желваки. Говорил Анатолий неспеша, но громко, обрушивая проклятия на всю царскую семью. Высокий, худой, он, казалось, за день похудел и вытянулся еще больше. Глядя на него, Александр заметил, что Анатолий переживает трагедию как-то особенно, словно сам был замешан в этом. Мысль эта, не приходившая ему раньше, поразила и испугала его. Опасаясь, что Анатолий совершит нечто опрометчивое и непоправимое, Александр попытался повлиять на него, но безрезультатно.

— Да, жалко, жалко Володю,— неопределенно откликнулся Анатолий, взглянул на часы, заторопился и уехал.

Недели через две Игнатьев сидел в лаборатории отца с Березиным. Иван Иванович рассказывал о микроскопических исследованиях свиного мяса и новых бактериях, очевидно болезнетворных, найденных Михаилом Александровичем и им самим. Игнатьев задавал ему вопросы, обнаруживая не пропавший интерес к проблемам биологии. Разговор прервал сильный стук в двери. В лабораторию влетел перепуганный Федор.

— Ночью Белоцерковца арестовали за покушение на царя,— выпалил он.

Спустя некоторое время Игнатьев узнал о том, что

Белоцерковца арестовали по другому делу, не связанному с делом Наумова.

...«Летучий отряд» эсеров готовился убить Николая второго. Члены этого отряда уговорили Белоцерковца, как начальника электросигнализации Царскосельской железной дороги, оказать им услугу. Белоцерковец мог дать сведения о том, когда и куда следуют царские поезда. Однако дело до исполнения не дошло. В результате провокации Азефа «Летучий отряд» был арестован и предан суду. В числе других подсудимых суд приговорил Белоцерковца к смертной казни через повешение. В высшей инстанции было доказано, что Белоцерковец лишь обещал помочь эсерам, но фактически не помог им. Смертную казнь ему заменили пожизненной каторгой. Закованного в кандалы Анатолия Белоцерковца отправили в Александровский централ.

Иначе обстояло дело с Наумовым. Уже в день ареста Володи семью Наумовых выселили из Петергофа. В городе Александр встречался с Николаем Наумовым, который рассказал ему некоторые подробности истории ареста брата.

Не договорившись с Игнатьевым и порвав отношения с пропагандистом-большевиком Сергеевым, Володя в тот же день решил готовить убийство царя единолично. Но осуществить этот замысел одному оказалось не под силу ввиду усиленной охраны. Тогда Володя начал уговаривать близкого своего приятеля-конвойца — осетина Ратимова, обещав ему в случае удачи скрыть его от властей и дать большое вознаграждение. Ратимов «согласился» с Наумовым и доложил о его замысле офицеру конвоя. Офицер приказал Ратимову поддерживать связь с Наумовым, с тем чтобы узнать детали его плана и выведать — нет ли сообщников. Конвонец выполнил приказание офицера. Наумов поверил в искренность конвойца и назначил время и место для передачи ему свертка — бомбы. В момент передачи Наумов и был схвачен. Следствие по его делу затянулось.

СУД НАД ВОЛОДЕЙ

Над лугами медленно тает голубоватое зарево утра, проясняются лазоревые дали, ветерок доносит аромат ромашки, запевают птицы, пробуждается жизнь. Отталиваясь лопастями весел от воды, тихо плывет лодка,

пересекая реку Разлив. Теплое воскресное утро манит людей в лес. «Петр» и «Магда» везут с собой самовар, гитару и завтрак. В другом месте реку пересекает вторая лодка. Из нее высаживаются Повалев и Игнатьев. Пассажиры двух лодок берут с собой посуду, завтрак и гитару и в разных местах скрываются в лесу. На большом отдалении от реки они сходятся. «Петр» развертывает лист бумаги с начерченными на нем концентрическими кругами и схематическим изображением головы жандарма в форменной мерлушковой шапке.

— Стрельба с расстояния в сорок шагов,— говорит он.— Бросайте самовар и гитару!

Участник Обуховской обороны, «Петр» переправлял через германскую границу револьверы,— не раз бывал в вооруженных столкновениях с полицией и хорошо знал огнестрельное оружие. Второй год он обучает стрельбе сестрорецких рабочих, выезжая с ними тайно в лес группами по два, по три человека. Особенно настойчиво учит он «Магду», которая, не обнаруживая большого таланта в этом деле, дает повод к шуткам.

— Да что же это у вас, Мария Леонтьевна, мушка вздрагивает? Держите ниже дуло, ниже, чтобы «окаянный» уперся подбородком на самый кончик мушки.

Раздается выстрел, рассеивается синий дымок. Повалев бежит к мишени и, смеясь, кричит оттуда:

— «Магда» пробила край уха «жандарма».

— Три с минусом,— оценивает «Петр».

Она стреляет более десяти раз, попадая в шапку, воротник, подбородок, наконец, в лоб «жандарма».

— Четыре с плюсом!

На позиции — Игнатьев. С ним учителю легче. Полтора года назад Игнатьев не очень успевал в меткости, но он быстро овладел искусством стрельбы. Тремя выстрелами он ставит три точки: на щеке, на лбу и на зубах «жандарма». «Петр» награждает его высшей отметкой — пять. На линию огня выходит Повалев. Лес оглашается эхом выстрелов. Мишень покрывается черными точками, и издали кажется, будто изображение жандарма засижено крупными мухами. Наконец, целится, прищурив левый глаз, сам «Петр». Он стоит, вытянувшись во весь свой высокий рост, чуть расставив ноги, заложив за спину левую руку. «Петр» делает подряд семь вы-

стрелов без корректировки. Семь точек возникают в треугольнике носа и глаз «жандарма».

— Много бы вы, «Петр», побили черносотенной сволочи, случись у нас большая драчка. Прямо талант пропадает,— с сожалением говорит Повалев и добавляет раздумчиво: — А крепко задираются, подлые. На Васильевском острове недавно — слышали? — разгромили квартиры дружинников. Недавно там убили двоих наших, и наши, говорят, в долгу тоже не остались... Может, и случится скоро большая драчка-то?

— Нет, друг мой, видимо еще не так скоро,— отвечает «Петр».

После занятий стрелки забирают свой холодный самовар, гитару и врозь направляются к реке. Игнатьев шагает за «Петром», перекинув через плечо гитару на голубой шелковой ленте. Вдруг «Магда» оглядывается и замечает, что спутник их сильно отстал. Он стоит на четвереньках с гитарой на спине и что-то рассматривает в земле.

— Что это вы там потеряли? — кричит «Петр».

— Жука какого-нибудь нашел,— отзывается «Магда». — Бедный, революция оторвала его от букашек. Пускай немного повозится, соскучился он по ним.

Через несколько минут Игнатьев догоняет их и начинает рассказывать о любопытном виде насекомых, промысляющих воровством яичек из чужих гнезд. До самого Сестрорецка он посвящал их в удивительные тайны жизни букашек.

— Вот что, дорогой «Григорий Иванович», — перебивает его «Петр», равнодушный к жизни насекомых, — мы пока остаемся здесь и вам советуем сделать то же самое.

— Нет, я поеду в Териоки, а завтра буду в Петербурге,— отвечает Игнатьев, прощаясь.

Александр поехал в Петербург через день, рано утром. Первое, что бросилось ему в глаза на улицах, — это люди, жадно читающие на ходу «Русские ведомости». Навстречу бежал мальчик-газетчик, громко выкрикивавший:

— Сын дворцового почтмейстера хотел убить государя! Начался процесс по делу Наумова, Никитенко, Синявского! Опубликовано обвинительное заключение!..

Игнатъев кинулся к юноше, налетел на зеленщика, чуть не сбил с ног полную даму, но газету купить так и не сумел. На продавца газет наскочил городской и отнял у него нераспроданную пачку «Русских ведомостей». Налетели казаки и устроили облаву на тех, кто успел приобрести газету. Они вырывали ее из рук людей, не щадя даже и почтенных господ чиновников, бесцеремонно запуская руки в их боковые карманы. Запоздавшая конфискация тиража «Русских ведомостей» вызвала невиданную сенсацию вокруг процесса Наумова.

Следствие по делу Наумова длилось около пяти месяцев. Военный суд заседал при закрытых дверях, но судьи «под строгим секретом» делились с женами, женой с подругами, и весь город знал о ходе процесса.

Наумов же гордился тем, что «погибает за идею». В тюрьме он регулярно занимался гимнастикой, пел песни, без устали писал романтические стихи. Признавшись, что он действительно собирался убить царя, Наумов заявил суду о том, что он жалеет о своей неудаче. Никитенко и Синявский также не обнаружили признаков раскаяния, и суд приговорил всех к смертной казни через повешение.

КОГДА ЖЕ СРУБЯТ ЕЛКИ

Максим Горький возвратился из Америки в Европу и поселился на итальянском острове Капри. Спутник писателя — Николай Евгеньевич Буренин — вскоре вернулся в Петербург. За ним началась длительная слежка, закончившаяся арестом. Буренина обвиняли в хранении оружия, нелегальной литературы и заключили в тюрьму — Кресты. Почти год водил он за нос следователей охраны, пока те, взбешенные упрямством заключенного и ничего от него не добившись, не передали его дело в суд. Но в искусстве уличать прокурор оказался не более горазд, чем следователи, он, так же как и они, не сумел привести достоверных улик, и судьи вынуждены были оправдать обвиняемого. Очутившись на воле, Буренин ненадолго выехал из Петербурга, чтобы не «утруждать» осаждавших его дом шпики, затем вернулся и восстановил старые связи.

Игнатъев уже четвертый раз встречался с ним после его возвращения в город. Разговор они начинали

обычно с обсуждения разных тем, но, сами того не замечая, переходили всегда на одну главную и волнующую их тему — о наступлении контрреволюции. Обсуждали причины падения зарплат и возрастающую нищету рабочих, разочарование в революции, наблюдающееся даже среди тех, кто недавно с большой верой в победу боролся за нее, говорили о буржуазной поэзии и музыке, воспевающих ренегатство, проповедующих эгоизм и отказ от служения высоким общественным идеалам. Расправа самодержавия с участниками кронштадтского восстания, подлые провокации, аресты, массовые казни — все это вызывало у них жгучее чувство ненависти, желание продолжать борьбу.

Около года назад на Лесном было арестовано собрание Боевой организации большевиков. После этого крупного провала как-то особенно густо пошли аресты, однако, отметил Буренин, Боевая техническая группа понесла за это время сравнительно мало урона, сумев сохранить свои основные силы. Некоторые из них, как си и Сагредо, попав в тюрьму, вырвались оттуда. Все же над Сагредо висела угроза нового ареста, ввиду чего, по совету товарищей, он вместе с молодой женой — членом Боевой группы маленькой «Соней» — уехал в Швейцарию.

— Это верно, люди у нас уцелели, но есть решение партии распустить Боевую группу, — в заключение сказал Игнатъев. — Я, собственно, затем и пришел, Николай Евгеньевич, чтобы сообщить вам эту новость.

— Интересная новость... Решение окончательное? — раздумчиво спросил несколько озадаченный «Герман Федорович».

— Да. В условиях разгула реакции наша работа становится невозможной. Ожидать скоро вооруженного восстания не приходится, следовательно и оружие нам понадобится нескоро.

— Понятно и печально, дорогой Александр Михайлович.

— Нам дано указание, — продолжал Игнатъев, — хранить добытое оружие в надежных местах до той поры, пока оно снова не станет нужно партии. Рабочие дружины создают уже тайные хранилища. Наши склады — малая часть арсенала вооружения петербургских рабочих, однако работы хватит и нам. Намечено устро-

ить хранилища на Лесном, в Сестрорецке и в Ахиярви. Я бы просил, чтобы вы и Березин выехали со мной в Ахиярви, где нас ждут рабочие Сестрорецка.

Буренин согласился.

На станции Райвола их ждал Микко с «Лизой». Игнатьев и Буренин устроились с одной стороны тарантаса, Березин и Микко — с другой, и лошадь весело побежала по знакомой дороге. Возле деревни Кивинапа крестьяне остановили Игнатьева и выразили сожаление, что уже лето, а его превосходительство не привезло в этом году ни одного воза золы. Игнатьев посочувствовал крестьянам, но уверил, что ничем теперь помочь им не сможет, так как золная коммерция стала убыточна, и отклонялся.

В Ахиярви, в лесу, их ждали восемь рабочих во главе с Поваляевым. Места устройства складов были заранее определены. Двенадцать человек разбились на две группы и не очень близко друг от друга начали рыть землю... Несколько дней они сооружали глубокие склепы, опускали в них ящики с оружием. Сверху склепы крыли бревнами, засыпали толстым слоем земли, накрывали все это дерном и сажали елки.

В сентябре пошли осмотреть подземные склады. Впереди шагали, понурив головы, Игнатьев и Микко, а сзади — Березин и Буренин. Глядя в спины хозяина и работника, Березин заметил в сочувственном тоне, что «классовые враги» одинаково горько переживают оттяжку революции.

Склады оказались в порядке. Зелень дерна слилась с окружающей травой, некоторые елки принялись. Стоя возле одной из них, все четверо вдруг загрустили, точно у могилы. Да и была здесь могила больших трудов и наилучших надежд, которые, быть может, похоронены здесь навсегда. Навсегда?! У Игнатьева к горлу подступил ком. Тяжелое, волнующее чувство овладело всеми, и никто не мог выразить его словами. Неожиданно нашел верные и простые слова Микко.

— Я дал бы многое, чтобы узнать, на сколько аршин вырастет эта елка, когда мы придем к ней за оружием, — сказал он, ища глазами над деревцем точку на фоне хмурого неба.

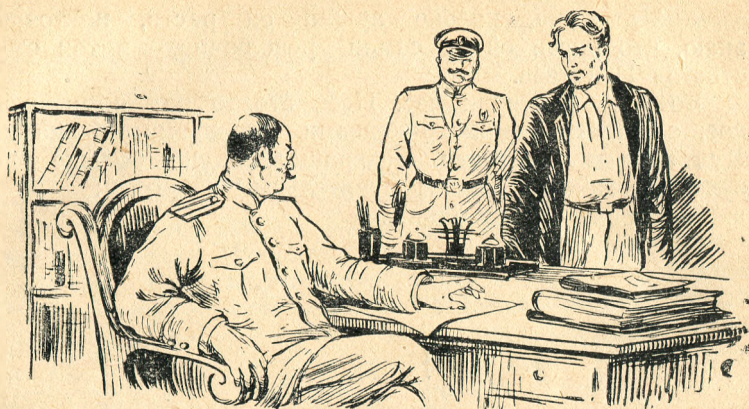
— Не знаю, сколько аршин ей расти, но точно знаю, что расти ей до самой революции, — в тон ему ответил Игнатьев.

Боевики покинули лес. Небо стояло над ними низкое, затянутое свинцово-черными холодными облаками. Дул промозглый ветер. Возвращались еще больше удрученные, занятые одним мучительным вопросом:

Когда же срубят елки?..

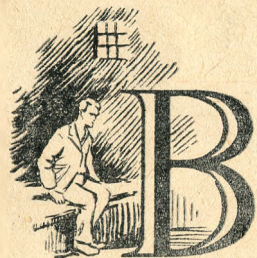

Глава третья

НА ОСТРОВ КАПРИ

В СЕНТЯБРЕ 1908 года Игнатъев по заданию ЦК партии выехал в Париж. Там он встретился с Лениным и Крупской. Вождь партии встретил его с дружеской простотой, взволнованной Игнатъева, долго беседовал с ним. Игнатъев выполнил возло-

женные на него партийные поручения, пожил во Франции восемь месяцев и выехал в Швейцарию к Сагредо.

Супруги Сагредо учились на медицинском факультете Женевского университета. В то лето они отдыхали у границы Франции, в деревне Люсанж Бон-сюр-минож. Часов в восемь утра Игнатъев подъехал к уютному, утопающему в цветах коттеджу. «Андрей Андреевич» — или, по-настоящему, Николай Петрович — в белых брюках и голубой майке умывался на веранде, громко фыркая. Завидя его издали, Игнатъев крикнул:

— Вот в какой тихой заводи обитают наши некогда боевые друзья! Привет!

Сагредо поднял голову, его смугловатое украинское лицо осветилось радостной улыбкой. На ходу вытираясь

полотенцем, он сбежал с веранды и кинулся обнимать друга. На знакомый голос с криком прибежала и Софья Борисовна. Обнявшись, друзья несколько секунд тискали друг друга, а потом, разнятые Софьей Борисовной, вошли в дом. Завтрак прошел в оживленной беседе об общих друзьях и знакомых. В течение двух дней они разговаривали о делах в России. Когда же взаимная любознательность была удовлетворена, Игнатъев попросил друга сопутствовать ему в экскурсиях по Швейцарии.

Начали с походов в горы. Поднимались мимо чистых белых домиков, садов, красивых декоративных растений, бродили по зеленым росистым склонам гор, изумляясь богатству и разнообразию швейцарской природы.

Ненасытный во всем, что касалось природы и общества, Игнатъев отдавал должное не только флоре и фауне этой маленькой страны, но и быту и нравам ее жителей. Обоих друзей интересовала деятельность различных обществ, к услугам которых они нередко прибегали. Члены общества охотников, альпинистов, велосипедистов обслуживали за плату кого угодно, поэтому в обществе велосипедистов, например, состояли пожилые толстяки, в жизни не ездившие на велосипедах, но дающие их напрокат. Более бескорыстными оказались общества семидесятилетних и восьмидесятилетних курильщиков. Семидесятилетние подолгу дебатировали по поводу формы и длины бороды для членов общества. Две фракции курильщиков — трубочники и папиросники — много спорили о том, что лучше курить — трубку или папиросу — и какой табак лучше.

Жители швейцарских деревень вели тихую примерную жизнь, стараясь не терять зря времени. В полдень крестьянки несли на головах громадные корзины с едой для мужей, работающих в поле, и на ходу вязали чулок. Без дела швейцарцы не проводили ни одной минуты, но и не торопились в труде. По гладким асфальтированным дорогам чинно плыли омнибусы и кареты, снабженные тормозными рычагами. Лошадям не позволялось прибавить лишнего шагу, чтобы не растряссти какую-нибудь богатую английскую туристку. Русского же человека раздражала эта монотонная, построенная на мелком расчете, лишенная душевных волнений жизнь.

— Разве это жизнь? — с досадой говорил Сагредо. — Нет, такая жизнь не по нас. Мы живем хуже, но интереснее.

— А не кажется ли вам, Николай Петрович, что в педантической неторопливости, степенности, антипатичных нашему душевному складу, есть что-то, унижающее народ?.. Да, вы правы, мы пока живем хуже их, но когда придет пора лучшей жизни, мы и тогда не станем жить так, как они живут. Смотрите, как они осторожно ездят по гладеньким дорогам да притормаживают. Смотреть ведь противно, — сказал рассерженно Игнатъев.

Сагрето глянул на него и, улыбаясь, спросил:

— Вы всегда были практиком-прозаиком, Александр Михайлович, и теперь я диву даюсь, слушая ваши столь возвышенные речи. Что это на вас накатило?

— Наглядишься вот этого, так накатит. Уж очень бережно, до тошноты бережно относятся к себе люди в этой стране. А страна-то какая! Иной раз посмотришь на скопление ее гор, на бездну ущелий, буйные реки, нависшие над пропастью суровые скалы, снежные обвалы, черные громады туч, послушаешь вой горных ветров и кажется, что земля и небо разбушевались, взбунтовались против застывших порядков природы. А люди — покладистые, как байбаки, живут невозмутимо, мелкими утробными интересами. И невольно напрашивается сравнение: у нас в России природа не вздыблена, спокойно величавы ее просторы, не очаровывает взора туриста хлипкое, серое петербургское небо, но у нас непокорны люди, вздыбился народ — искатель правды, бушуют по всей стране стачки, и в городах алеют не розы, а кровь человеческая.

— Да вы, дорогой мой Александр Михайлович, заговорили, как истинный поэт, — воскликнул Сагрето. — Не подозревал я за вами таких способностей!.. Только, видите ли, швейцарцы не виноваты в том, что у нас алеет кровь, а не розы...

Друзья расплатились с извозчиком и направились к пристани Женевского озера, прибрежная красота которого поразила Игнатъева. К берегу причалил пароход и по трапу начали спускаться празднично шатающиеся буржуа всех стран. При взгляде на них, на их самодовольные лица, Игнатъев почувствовал себя как-то нехорошо.

— Тоска! — произнес он вслух. — Вам не тоскливо в этой стране, Николай Петрович?

— А, знаете, я ожидал этого вопроса. Для русского человека здесь хороши первые впечатления, нахватавшиеся

поездом, а потом вас начинает одолевает тоска по родине, — ответил Сагрето.

— Все красоты этой страны я отдал бы за маленький уголок, где хоть немного Русью пахнет. Неужели в Европе нет такого уголка? — шутя спросил Игнатъев.

Оба помолчали. Неожиданно Сагрето хлопнул себя по лбу, провел рукой по густой черной шевелюре и, задержав ее там, сказал радостно-возбужденно.

— Послушайте, Александр Михайлович, есть в Европе такой уголок, хотите поедem туда?

Игнатъев заинтересованно поднял брови.

— Поедем на остров Капри к Максиму Горькому. В этом человеке, брат, не то что уголок, целая Россия вмещается. Стоя рядом с Алексеем Максимовичем на берегу моря, мы почувствуем запах Волги. Поедем! — угаривал Сагрето.

— Идея прекрасная, только как я поеду? Денег в кармане пять рублей осталось, — сказал Игнатъев.

— Вы думаете, я богат? Мы с Соней живем на деньги, которые она получает от отца, — 35 рублей в месяц. Из этой же суммы платим за учебу... Э, давайте-ка поедem на велосипедах. Получится почти бесплатно, — предложил Сагрето.

Через несколько дней Игнатъев и Сагрето крутили педали велосипедов, взятых напрокат. Имевшийся у них наличный «капитал» составлял на русские деньги двадцать рублей — ничтожная сумма для путешествия. Вся надежда была на Михаила Александровича, которого сын просил выслать в Милан или в Рим рублей сто.

В городке Бриг, сдав велосипеды на почту для доставки их в селение Гондо, лежавшее за перевалом, друзья двинулись дальше по Симплонской дороге пешком. Они выбрались на тропинку, поднимающуюся вверх зигзагами. Симплонского гребня, на высоте 2010 метров, достигли через несколько часов. Переночевав в убежище туристов, утром снова отправились в путь. В селении Гондо они получили велосипеды и вскоре пересекли границу.

Деньги быстро таяли. Игнатъев и Сагрето расходовали их очень бережно, питаясь у крестьян и ночуя бесплатно. В Милане поспешили на почту. Перевода не было. Деньги иссякли, а до Рима было еще далеко. Кормилась где и как придется. Наконец, добрались до

Рима. Сразу же зашли на почту. Игнатъев подпрыгнул от радости, когда чиновник почты сообщил, что на его имя получено сто рублей, и тут же выдал их итальянскими лирами.

Поев и отдохнув, пошли осмотреть Колизей, побывали на развалинах Капитолия и Форума. Игнатъев уговорил Сагредо посетить на берегу Неаполитанского залива знаменитый аквариум морских звезд, морских коней, омаров, электрических скатов, осьминога, акулу, меч-рыбу и других чудищ подводного царства.

Скалистый остров Капри, покрытый буйной растительностью, сказочно выступал над синей гладью моря. С одной стороны скалы почти отвесно громоздились над морем, а с другой — зеленеющие склоны горы, усыпанные роскошными виллами и обыкновенными домиками, полого спускались к берегу моря. На берегу каждый итальянец знал «сеньора Горки». Дорогу к вилле Серафина, где жил писатель, Игнатъев и Сагредо нашли быстро.

Мария Федоровна сразу узнала обоих, радушно встретила их и предложила присесть на балконе.

— Алексей Максимович находится на море. Он любит проводить время с рыбаками, послушать их песни, — сказала она.

Гости расспрашивали Марию Федоровну о путешествии в Америку. Горький долго не возвращался. Она хотела, было, послать за ним мальчика-итальянца, но им захотелось самим пройти к морю и поговорить там с Алексеем Максимовичем. Друзья увидели Горького в лодке с тремя рыбаками недалеко от берега. Он был одет в белую рубашку с распахнутым воротом, голова была побрита. Алексей Максимович заметил приезжих и приставил ладонь к бровям. Узнав Сагредо, он улыбнулся. Торопливыми жестами Алексей Максимович попросил рыбаков плыть к берегу. Игнатъев и Сагредо почувствовали, что их приезд обрадовал писателя, и заволновались. Горький надел на голову шляпу из морской травы, выбил из мундштука остаток папиросы и положил его в карман, освободив руки. Едва лодка коснулась берега, Горький шагнул на камни и пошел навстречу землякам с протянутыми вперед руками.

— Здравствуйте, друзья! — сказал он ласково, узнав и Игнатъева. — Рад, безмерно рад видеть вас... Каковы

дела у нас в России, какими вестями вы порадуете меня? — спросил он, приближаясь к ним.

Игнатъев и Сагредо весело переглянулись.

— Мы приехали к вам, Алексей Максимович, гонимые тоской по родине и в надежде, что вы частично замените ее, а вы обращаетесь к нам...

— Зачем такие торжественные слова, Николай Петрович, — перебил Горький, строго нахмурив брови и вместе с тем дружески улыбаясь. — Из каких же вы краев, позвольте спросить?

— Из Швейцарии, — ответил Сагредо, слегка смутившись.

После крепких рукопожатий Горький сказал: «Идемте». Став между Игнатъевым и Сагредо, он взял обоих под руки и зашагал, возвышаясь над ними. Сагредо коротко рассказал, как возникла идея велосипедной поездки и каких мытарств натерпелись они в пути.

— Молодцы, друзья, ей-богу, молодцы! — окая, похвалил их Горький. — Вы совершили смелое, чудесное путешествие, и я не скрою, что по-хорошему завидую вам.

Алексей Максимович подробно расспросил гостей о путевых впечатлениях, об итальянских крестьянах, ткацкое искусство которых он ценил очень высоко. Горький поинтересовался делами Сагредо и Игнатъева, затем — некоторых общих друзей и неожиданно весело спросил:

— Расскажите, Александр Михайлович, как вы злой торговали с финнами?

— Дело прошлое, Алексей Максимович, больше не торгую.

— Да, стало быть, сезон прошел, — сказал Горький помрачнев и добавил: — Но ничего, сезон вашего удобства снова придет, непременно придет... Замечательно остроумную вы штуку придумали, Александр Михайлович!

Горький от души радовался творческому успеху каждого человека в любом деле и поэтому маленькие люди в его присутствии переставали казаться себе маленькими, обретали веру в свои силы. Когда они дошли до виллы Серафина, Игнатъев смутился, сообразив, что за всю дорогу он и Сагредо не спросили Горького о нем самом, а все говорили только о себе.

С террасы дома, обвитой диким виноградом, открывался прекрасный вид на безбрежные лазурные дали

моря. На этой террасе немало перебивало русских людей и тем не менее Алексей Максимович с ненасытной жадностью встречал каждого нового соотечественника. Если даже этот человек ничего особенного не мог рассказать о России, Горький сам начинал делиться с ним своими новостями и думами. Он вел переписку с людьми самых разнообразных профессий и интересов, систематически следил за обширной периодической литературой, и хотя жил вдалеке от родины, но знал ее лучше многих соотечественников.

Обедали на террасе, под свисающими с потолка гроздьями дикого винограда. Вдруг пришли фонарщик, рыбак, кровельщик — музыканты и певцы — и начали концерт для «сеньора Горки». Алексей Максимович слушал сосредоточенно, временами оживляясь и объясняя гостям содержание песни. В течение пяти дней он уделял Игнатьеву и Сагредо по два-три часа, совершал с ними прогулки к Голубому и Красному гротам, слушал в кантинах — ресторанчиках — музыку. Захаживал посмотреть выступление танцовщиц.

Затем Горький переходил к беседам о биологии, обнаруживая незаурядные знания в вопросах новейшей физиологии, дарвинизма; много и с увлечением говорил об искусстве, ядовито критиковал «левых» художников за их вычурные, надуманные, непонятные народу произведения, разбирал «по косточкам» новинки русской и иностранной литературы, широко интересовался и международной политикой.

Каждый день пребывания на Капри обогащал внутренний мир Игнатьева и Сагредо. Но они испытывали чувство неловкости, понимая, что отнимают у него время, пользуясь его радушным приемом, и решили уехать несколько раньше, нежели хотели.

Прощаясь у пристани, Горький тряс руки Сагредо и Игнатьеву, настойчиво требуя, чтобы они непременно писали ему, и выражал надежду на будущие встречи в России. Сам он не мог пока ехать туда, потому что царизм не простил ему поездки в Америку, очерка «9-е января», повести «Мать».

ОЧНАЯ СТАВКА

Около года Игнатьев учился в университете. Потом уволился, чтобы отбыть воинскую повинность. Еще год провел в качестве вольноопределяющегося во 2-й лейб-

гвардии артиллерийской бригаде сначала канониром, затем — бомбардиром, младшим фейерверкером, старшим фейерверкером, выдержал испытания на чин прапорщика запаса и попал в длинный список будущих офицеров, посланный на «высочайшее утверждение». Среди солдат лейб-гвардии Игнатьев вел революционную пропаганду. Сентябрьской ночью его арестовали, посадили в мрачную арестантскую карету и повезли неизвестно куда. Через час доехали до места заключения, провели по невзрачным коридорам, втолкнули в тесную камеру, захлопнули дверь, повернули ключ дважды и ушли. Игнатьев догадывался, что он попал в камеру предварительного заключения жандармского отделения на Шпалерной. Скверное дело!

После долгого раздумья Александр Михайлович лег на жесткую койку, попытался заснуть, но не смог. Мешали тяжелые, назойливые, как зубная боль, мысли. Стало зябко от ощущения своей заброшенности и бессилия. И вдруг возник вопрос: за что его арестовали? Не за пропаганду ли среди солдат? Или — за хранение оружия? А может просто за принадлежность к РСДРП? За... Обо всем сразу, конечно, не могли узнать, но об одном — наверное узнали. О чем же?

Загадка! Трое суток, не считая коротких часов сна, Игнатьев без устали ломал голову над этой загадкой и все тщетно. На четвертые сутки его повели к следователю на допрос. Жандармский офицер предъявил ему обвинение в соучастии в какой-то «уфимской экспроприации». Игнатьев не ожидал, что его обвинят по делу, к которому он совершенно непричастен. Не выдавая своей радости, он отвечал на вопросы следователя, спокойно высмеивая его нелепые версии. Наконец, утомительный допрос кончился, и арестованного водворили в камеру. С надеждой на скорое освобождение Игнатьев впервые за несколько дней крепко уснул, уверенный, что никто из товарищей не пострадал.

Через неделю его снова вызвали на допрос, но уже к другому следователю.

— Полковник Тунцельман, — отрекомендовался следователь и предложил арестованному сесть в мягкое кресло. Это был выхоленный, подчеркнуто корректный человек, с зализанным редким пробором, расчесанными усами и острыми, неприятно сверлящими глазами. Фами-

лия его показалась знакомой Игнатьеву... Где же он слышал о нем?

— Тэкс-тере-тэкс! — произнес Тунцельман, перебирая бумаги.

«Ах, вот кто рассказывал о нем», — вспомнил Игнатьев. Около четырех лет назад в этом же кресле сидел Буренин и, по его словам, приходил в бешенство от дурацкого «тэкс-тере-тэкс». Тунцельман пользовался некоторой известностью как следователь по особо важным делам, и было странно, что пустяковое дело Игнатьева пспало к этой особо важной «птице». Следователь сел и, мягко улыбаясь, сказал:

— Я должен порадовать вас, господин Игнатьев, сообщив, что вы арестованы по ошибке...

— Я это знал еще тогда, когда за мной пришел пристав Нарвской части, — перебил арестованный, настороженно следя за следователем.

— Нами установлено, — продолжал полковник, глядя в упор на Игнатьева, — что к «уфимской экспроприации» вы никакого отношения не имели. Я не без удовольствия отдал распоряжение о вашем освобождении из-под ареста. — Тунцельман сделал длинную паузу, ожидая, какое впечатление произведет на Игнатьева это сообщение.

— Однако за эти дни, когда вы, невинно арестованный, находились у нас, — продолжал полковник, медленно прикуривая сигару, — нам стало известно, господин Игнатьев, о других ваших преступлениях против отечества и трона. Этот прискорбный факт принудил меня к отмене решения о вашем освобождении... Простите, вы не курите?

Игнатьев вежливо отказался.

— Похвально... Ну-с, так что же вы на это скажете, господин Игнатьев? — процедил полковник, впившись хищными глазами в лицо обвиняемого.

— Скажу, что у вас метод холодного и горячего душа, но он рассчитан на слабонервных.

— Надеюсь, у вас крепкие нервы?

— Не очень, однако, имея такого опытного следователя, как вы, полковник, мне волноваться не придется. Вы быстро обнаружили ошибку с «уфимской экспроприацией», и я верю, что так же успешно вскрыете ошибку и со вторым обвинением, необоснованно выдвинутым против меня.

— Ошибка, говорите?.. Тэкс-тере-тэкс! — начиная раздражаться, сказал Тунцельман, барабанив пальцами по столу, затем эффектно отодвинул поставленную рядом ширмочку. За нею оказались «винчестер» и «манлихер», приставленные к тумбочке. Игнатьев узнал их.

— Господин Игнатьев, где у вас еще спрятано оружие? — раздраженно спросил полковник.

— Вы спрашиваете, полковник, где еще хранится у меня оружие? — нехотя переспросил Игнатьев, усаживаясь поудобнее в кресле, чтобы выиграть время. Тунцельман, привыкший к шаблонным приемам ведения следствия, был сбит с толку и, ожидая откровенного признания, не сумел скрыть радости. Но Игнатьев уже пришел в себя и решил выведать у следователя, откуда привезли эти винтовки. — Оружие спрятано рядом с хранилищем, где вы нашли эти винтовки, — немного приподнявшись и подавшись вперед, заявил Игнатьев.

— Где же? — вкрадчиво допытывался следователь.

— Я сказал уже — там, где вы нашли эти винтовки.

— Значит, в лесу?

«Нашли», — мелькнула мысль, и сердце сжалось. Вдруг Игнатьев вспомнил рассказ Буренина. Допрашивая Буренина, Тунцельман точно таким же манером вытаскивал из стола оружие и спросил: «Узнаете маузер»? — «Разве это «маузер»? — удивился «Герман Федорович», некогда покупавший у рыбаков оружие этой системы. Следователь объяснил, что на одной из квартир, адрес которой взяли из записной книжки Буренина, найдена корзина с «маузерами». «Герман Федорович» весело расхохотался. Полковник понял тщетность попытки разоблачения и спрятал «дежурный «маузер» в стол. Внутренний голос подсказывал Игнатьеву, что эта хитрая жандармская лиса и его «берет на пушку».

— Вы спрашиваете: в лесу ли хранится оружие? Не знаю, где вы могли его найти, пока я вижу оружие лишь за вашей ширмой. Как видите, эта ваша инсценировка не произвела того впечатления, на которое вы рассчитывали.

— Тэкс-тере-тэкс!.. Вы хотите показать, что вас все это не беспокоит, господин Игнатьев. Однако вы заговорите по-другому, если я скажу, где найдено, по крайней мере, это оружие, — он показал холеной рукой на

винтовки, — но я не спешу откровенничать с вами, надеясь, что вы оцените преимущества чистосердечного признания.

— Вы очень гуманны, полковник, и мне жаль, что напрасно теряете время, — ответил Игнатьев хладнокровно.

Следователь не промолвил больше ни слова. Состоялись еще два допроса, утвердивших Игнатьева в правильности его мнения, что полковник не располагает точными данными. Четвертый допрос имел неожиданный конец. Тунцельман, улыбочиво прищутив глаза, уставился на Игнатьева и, помедлив, сказал с наигранным сочувствием, в котором сквозило злорадство.

— Мне жаль вашей молодости. Но я сделал все, чтобы облегчить вашу участь. Ведь вас будет судить военный суд за хранение оружия, за принадлежность к РСДРП, за мятежную пропаганду среди солдат, — это преступления, караемые на основании 102 статьи уголовного наказания. Пункт «а» 102 статьи предусматривает виселицу, пункт «б» — пожизненную или многолетнюю каторгу, — Тунцельман бережно положил сигару на пресс-папье, чтобы не сбить пепел. — Понимаете теперь, что вы лишаете себя спасительного пункта «б»? Все же «б» — это жизнь, правда, сначала каторга, а там, быть может, помилование, манифест... — Я даю вам еще день на раздумье, господин Игнатьев, если вы к утру не одумаетесь, то буду вынужден устроить очную ставку. Сюда придет человек, который искренне раскаялся в своих преступлениях, совершенных совместно с вами... Я все сказал. Конвойный! Уведите арестованного!

Очная ставка с человеком, «который искренне раскаялся в преступлениях...» — эти слова неумолчно звучали в ушах Игнатьева. Он шагал по тесной камере, удивляясь тому холодному безразличию, с каким выслушал слова, почти равносильные смертному приговору. Неужели перед лицом смертельной опасности всеми овладевает такая ледяная апатия? Но вот рассеивается холодок равнодушия, лихорадочно начинает работать мозг. Игнатьев думает об очной ставке. Разумеется, он не сознается ни в чем. Ну, а что это даст, если предатель уже показал жандармам склепы с оружием, если они уже срубили елочки?.. А почему, собственно, Игнать-

ев решил, что «манлихер» и «винчестер» за ширмой — инсценировка следователя?

Недаром Буренин называл Тунцельмана хитрой бестией. Теперь ясно, что следователь только прикидывался полуосведомленным; на самом деле он знал все; он только делал вид, что вызывает Игнатьева на откровенность, а по сути очень тонко поощрял его на отпирательство. И все для того, чтобы внезапно оглушить его эффектной очной ставкой, ткнуть его носом в разрытые ямы складов оружия, потом доставить в суд, а потом... Куда же потом? Потом — одна дорога на Лисий нос! Ведь пункт «а» — виселица, пункт «б» — каторга... «А» и «б» — буквы закона, которые будут соблюдены с холодной пунктуальностью. «А» и «б» сидели на трубе, — вспомнил Игнатьев школьную загадку, — «а» упала, «б» пропала, что осталось на трубе? — «Нет, осталось «и», Игнатьев остался на трубе», — смеялись, дразнили его ребята. Милые ребята, теперь «и» снова между «а» и «б», между виселицей и каторгой, даже каторги ему не будет, будет петля.

Об этом он знал заранее и шел на это. В день знакомства с «Германом Федоровичем» он слегка поколебался, а потом сказал: «Я готов на все». Теперь свершилось. Теперь уже — все! Да и Ляпин, классный наставник Ляпин, споря с Лодыгиным, говорил, что Наумов, Белоцерковец и Игнатьев — будущие висельники и каторжники. И что же? «Кривошейка» оказался почти прав: повесили брата Наумова — Володю, Белоцерковца приговорили к повешению, заменив казнь вечной каторгой, а Игнатьев скоро будет повешен. А как его новые товарищи? Кто же предатель? Не выдал ли он и их? Кто же он?

Всю ночь прошагал Игнатьев из угла в угол, мучаясь над загадкой: «Кто же он?» Он перебирал в памяти всех знакомых, встречи, разговоры с ними, вспоминал сестро-режских рабочих, машинистов, кочегаров, проводников, финских крестьян, наконец Микко. Микко?.. Это была жуткая мысль, но она оказалась наиболее назойливой. Могло случиться примерно следующее: арестовав Игнатьева по «уфимскому» делу, жандармы могли поехать в Ахиярви, произвести обыск, обнаружить что-то уличающее Микко и под жесточайшими пытками заставить

его сознаться во всем.. Догадка эта казалась страшно похожей на правду...

Под утро Игнатьев сообразил, что проведя ночь в муках раздумья, он настолько измотался, что печать пережитого послужит уликой против него. Пройдоха Тунцельман все заметит. Игнатьев решил поспать часа два, но так и не смог сомкнуть глаз. Мысль о том, кто будет и что будет на очной ставке, тяжелым прессом давила на мозг. Утром он сделал гимнастику, чтобы несколько восстановить силы. Затем попросил у надзирателя кружку холодной воды, долго и экономно умывался, пытаясь придать себе свежий вид, особенно долго мыл красные опухшие веки. Окончив умываться, Игнатьев выпил кружку жижи, называемой чаем, сел на койку и зябко повел плечами. Почему-то от чая не стало теплее. Сидел, потупив глаза, считал бесконечные минуты, оставшиеся до очной ставки. Каждый раз, когда шаги надзирателя приближались к его камере, сердце замирало. Игнатьев вставал, готовясь идти, потом снова садился, думая все об одном и том же. Кто же он? Кто же предал его?

В 11 часов дня Игнатьева, наконец, вызвали. Придя к следователю, он отказался дать показания.

— Тэкс-тере-тэкс! В таком случае... Конвойный! Свидетеля!

В ожидании «свидетеля» Игнатьев деланно спокойно рассматривал новый голубой мундир Тунцельмана, идеально сидящий на его гладенькой фигуре, и ослепительно сверкающие пуговицы с двуглавыми орлами. Окончив обзор внешности своего врага, Игнатьев перевел взгляд на папку с делом, на огромную стеклянную чернильницу, на тумбочку с графином, к которой были представлены «винчестер» и «манлихер». Наконец, два жандарма ввели странно озирающегося по сторонам «свидетеля», усадили возле стола и ушли. Усатенко! Слава богу, хорошо, что не Микко.

— Узнаете, господин Игнатьев?

Да, это был Усатенко, бывший проводник, ставший канониром батареи, где служил Игнатьев. Списки батареи и солдаты могли подтвердить, что Игнатьев и Усатенко знакомы. Отрицать знакомство было бы нелепо.

— Он очень изменился, но я узнаю его, вместе слушали.

— А до службы в бригаде не встречались с ним? Усатенко возил оружие, но ни о каких складах оружия он не знал. Камень свалился с сердца.

— До службы я его не встречал, — ответил Игнатьев.

— По вашему заданию он перевозил оружие через границу?

— Это он говорит, полковник? Хотел бы знать, по каким побуждениям клеветает на меня этот мерзавец! — вспыхнул Игнатьев.

— Карау-у-ул, убивают!!! — дико заорал Усатенко и бросился из комнаты...

Жандармы схватили провокатора в коридоре. Он сопротивлялся, но в конце концов, притих, сел на стул и сжался в комок. Щуплый, запуганный, с бегаящими, расширенными страхом глазами, он испытывал животный ужас перед всеми.

— Скажите, Усатенко, что вас так испугало? — спросил Тунцельман как можно мягче.

— Муха улетит, а я большой, меня все заметят, — ответил провокатор.

— Какой вы вздор мелете, Усатенко? — возмутился полковник.

— А я покачусь колесом...

Игнатьев и полковник недоуменно переглянулись. Тунцельман решил, что, боясь связей Игнатьева с внешним миром и мщения его друзей, Усатенко начал симулировать сумасшествие. Взглянув на него в упор, полковник спросил, повышая голос:

— Вы не бойтесь его и оставьте свое шутовство. Говорите о деле, Усатенко! Господин Игнатьев поручал вам везти оружие?

— Кашу маслом не испортишь...

— Бросьте дурачиться! Игнатьев давал вам эти винтовки?

Усатенко замолк, опустив широко раскрытые, безумно блуждающие глаза.

Молчание.

— Я у вас спрашиваю!

Молчание. Только еще больше сжался в комок.

— Чорт побери, да заговорите вы, наконец?! — загремел всегда выдержанный Тунцельман, стукнув кулаком по столу.

Провокатор разжался, как пружина, подпрыгнул. Лицо нервно исказилось, глаза заметались в орбитах, блеснули огнем безумного гнева. Следовательно и арестованный вздрогнул, насторожился, но было уже поздно. Усатенко рывком схватил чернильницу и со страшной силой ударил ею о бронзовую подставку. Разлетелись брызги. Мундир и лицо Тунцельмана запятнались чернилами. Один ус его выкрасился в фиолетовый цвет.

— Конвойный! — заревел взбешенный полковник.

В кабинет ворвались жандармы.

— Карау-у-ул, режут, убиваю-у-ут! — взвыл Усатенко, сопротивляясь жандармам изо всех сил. Он разорвал бумаги на столе, разбросал вещи, опрокинул тумбу и разбил графин со стаканом, свалил стулья и кресло. Прижавшись в угол, полковник, чертыхаясь, вытирал лицо платком. А Игнатьев наблюдал за борьбой сумасшедшего, радуясь потасовке.

Наконец, жандармы уволокли Усатенко. Минуту следовательно и арестованный молча глядели друг на друга. Надушенный платок полковника был весь в чернилах. Первым заговорил Игнатьев.

— Я не понимаю, полковник, почему этот фарс с шизофреником вы назвали очной ставкой...

— Кто же мог ожидать, господин Игнатьев? — оправдываясь, промолвил Тунцельман.

— Однако я-то знал, что нормальный не пойдет с показаниями против человека, у которого нет никаких преступлений.

— Рано торжествуете, господин Игнатьев. Мы еще вылечим его... Ччорт! Пропал новый мундир!

...Попав в руки охранки и насмерть запуганный, Усатенко согласился стать провокатором. Первой своей жертвой он наметил Игнатьева. Чтобы вновь войти к нему в доверие, Усатенко с помощью охранки стал канониром батареи. Когда он узнал, что Игнатьева арестовали без его доноса, решил «наверстать упущенное» и побежал в жандармское отделение. Там он назвал системы оружия, которые, будучи проводником, перевозил по заданию Игнатьева. Тунцельман выписал со склада охранки винтовки названных систем и поставил их за ширму.

Лечить сумасшедшего провокатора Тунцельман привлёк лучших петербургских психиатров. А Игнатьева

перевел в тюрьму Кресты. Около полугода возились врачи с Усатенко и, наконец, признали себя бессильными. По объяснению светил медицины эта неизлечимая болезнь возникла в результате мании преследования, боязни, что родственники или друзья человека, которого предал Усатенко, убьют его. На вопрос Тунцельмана о том, как же мог так внезапно заболеть Усатенко, когда накануне он был совершенно здоров, психиатр ответил, что любой человек может вечером лечь в постель здоровым, а утром проснуться буйно и неизлечимо помешанным.

Разговоры и ехидные смешки о сумасшедшем свидетеле среди коллег Тунцельмана действовали на него угнетающе. Мундир он сменил, промыл усы, но престиж он мог восстановить только доказательством вины Игнатьева, а из-за болезни Усатенко все рушилось. Скрежеща зубами, Тунцельман отпустил Игнатьева на волю «за ненахождением улики».

Узнав, что сына освобождают, Михаил Александрович поехал на извозчике к тюрьме. Когда отец подъезжал к Крестам, Александр уже выписался и шагал вдоль высокой тюремной ограды. Завидя издали сына, старый магистр соскочил на ходу с пролетки и побежал к нему навстречу, радостно крича:

— Шура, Шуручка, а ты знаешь, что на днях свергли китайского богдыхана?

Крепко обнялись, поцеловались. Потом сын сказал тихо:

— Скоро и российского богдыхана свергнем.

КОНЕЦ ШТИЛЯ

Дома Александр не сразу свыкся с положением свободного человека, который мог идти куда захочется, а не ожидать, пока ему позволят выйти; мог заговорить с людьми, а не ждать, когда к нему обратятся с вопросом, мог, одним словом, никого не спрашивая, делать все, что заблагорассудится. Свобода вылечила его от равнодушия к жизни, которое во время заключения порой овладевала его душой. После шести месяцев пребывания в неволе Александр почувствовал прилив духовных сил. Вместе с этим ощущением пришла неутолимая жажда деятельности, жажда жизни.

Александр постригся, переоделся, посвежел и подошел к зеркалу. «Друг мой, — сказал он самому себе, глядя на свое отражение, — ты уж не молод. Дети десятилетнего возраста и те начинают думать о своем будущем, решают, кем быть. Время и тебе позаботиться о завтрашнем дне. Кто ты сейчас? — «Вечный студент». Пора, наконец, тебе закончить образование и заняться научной деятельностью, о которой ты давно мечтал». Месяц спустя Игнатъев вновь поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета.

...Никто так остро не ощущает живительного действия свежего ветра, как человек, поднявшийся из душного трюма на палубу корабля, когда легкая зыбь океана сменяется волнением, предвещающим шторм. Человек жадно глотает влажный морской воздух, и у него слегка кружится голова от удовольствия и легкой качки. Такое же ощущение испытывал и Игнатъев, выйдя на улицы Петербурга. Большие перемены произошли за шесть месяцев. Ему, отрезанному от мира, казалось, что жизнь остановилась. А жизнь, оказывается, шла попрежнему, двигалась вперед. Повсюду вспыхивали забастовки, стачки. По всей стране вновь подымался рабочий люд. Подул свежий ветер после продолжительного штиля. До раскатов грома было еще далеко, но палачи расстреляли ленинских рабочих, и отозвалась мощная гроза народного возмущения. Эхо ленинского расстрела прокатилось по всей необъятной Российской империи.

«Усмирители» вновь обагрили снег кровью рабочих — не на Дворцовой площади, а в далекой сибирской тайге. Весна наступала бурная, многообещающая...

Как ни волновали Игнатъева события, он должен был по необходимости сдерживать себя, временно отстать в стороне от активных политических дел. Отпуская его на свободу, Тунцельман не сказал ему «прощайте», а ядовито прошипел «до свидания», выразив при этом надежду на скорую встречу в жандармском отделении. Следовательно слов на ветер не бросал. Он был уверен, что Игнатъев закоренелый «государственный преступник» и не поскупился на средства казны, чтобы доказать свою правоту. Людишки в серых и коричневых пальто, в потертых котелках и кепках часто стали попадаться на глаза Александру. Они бесцеремонно осаж-

дали дом на Забалканском, прохаживались взад и вперед по тротуарам проспекта, мелькали возле Университета, одним словом, каждое движение Игнатъева замечалось их острыми блудливыми глазами. Требовалось очень большое искусство, изобретательность, чтобы обмануть бдительность шпииков и повидаться с товарищами, не подвергая их риску быть взятыми «на заметку» охранкой.

В памятный вечер накануне очной ставки, когда Игнатъев размышлял в камере о грозящей ему смерти, царь подписал список лиц, представленных к присвоению офицерских чинов. В этот вечер Игнатъев стал прапорщиком запаса. Теперь в артиллерийской бригаде вспомнили о нем и послали повестку, приглашая его в офицерские лагеря для прохождения сбора с 15 мая по 25 июня. Перед отправкой в лагерь Игнатъеву удалось еще раз обвести шпииков вокруг пальца и незаметно проникнуть в дом, где жила Ольга Канина. Это была третья встреча с ней после выхода из тюрьмы.

Годы шли, но Канина не менялась. Она была по-прежнему неистощима, завидно жизнерадостна, много смеялась, играла и пела для Игнатъева. Несколько иначе встретила она его в этот раз. Вначале Ольга Константиновна смеялась, рассказывала смешные приключения со шпииками, а потом вдруг замолкла, приставила палец к губам и таинственно шепнула:

— А что я сейчас покажу вам! — и достала из уголка многократно сложенный лист бумаги.

Бумага оказалась первомайской прокламацией РСДРП большевиков. Игнатъев начал с волнением читать страстные, зажигающие строки. Они беспощадно разоблачали врагов рабочего класса, срывали маски с правящей верхушки, обвиняли министров в лживости, в продажности, казнокрадстве, подлогах, вымогательствах, избивали их и «Николая последнего» в провокациях, в преднамеренных убийствах...

«И как завершение картины, — продолжал читать Александр, — зверский расстрел сотен тружеников на Ленинских приисках!..»

Разрушители добытых свобод, поклонники виселиц и расстрелов, авторы «усмотрений» и «пресечений», воры-интенданты, воры-инженеры, грабители-полицейские, убийцы-охранники, развратники-Распутины — вот они, «обновители» России!

И есть еще на свете люди, осмеливающиеся утверждать, что в России все благополучно, революция умерла!

Нет, товарищи: там, где голодают миллионы крестьян, а рабочих расстреливают за забастовку — там революция будет жить, пока не сотрется с лица земли позор человечества — русский царизм»¹...

Канина попрежнему была тесно связана с партийным подпольем, она рассказывала Игнатьеву о маевках, бурных митингах на заводах, о том, как снова поднимаются силы революции.

Революция не умерла.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ

Окончив лагерные сборы, Александр набрал огромное количество учебников и других книг по естествознанию, решив за год-полтора окончить курс факультета, и выехал в Ахиярви. Приближался сенокос, пора, когда становится как-то особенно хорошо, радостно на душе, когда кругом все живет и расцветает. Александр любил отдыхать под тенью вековых сосен, наслаждаясь после полугодового заточения мирной тишиной и покоем. Часами ходил он по стройным рощам лиственницы, любовался бледнооранжевыми крутыми скатами оползней, внезапно затихающей у плотины буйной Ганниной речкой, хаотическим нагромождением камней и гигантских валунов, развороченных циклопическим напором льдов ледниковых времен, неприступными глинисто-песчаными кручами оврагов, чудесными, умиротворяющими видами на озеро и на синие лесные дали. Всюду Александр находил что-нибудь интересное для себя, собирал коллекцию цветов, насекомых, наблюдал за суетой всяких созданий, слушал концерты пернатых.

В хорошую погоду занимался недалеко от дома, в саду или на поляне, читал то сидя, то лежа ничком на траве. Читал много, жадно, делал записи о виденном, с поэтическим увлечением штудировал Дарвина, Палладина, классика лесоводства Турского, сличал свои натуралистические находки с Брэмом. Изредка Игнатьев срывался с места и пропадал в городских библиотеках,

вернувшись, снова принимался «глотать» книги. А когда от длительного лежания на траве немели члены, он вставал поразмяться: делал гимнастику, в жаркие дни купался в озере, но чаще всего занимался недолгим физическим трудом.

В тот год ахиярвинские земли сплошь заросли травами. В разносортных, с бледнеющими изжелта-зелеными стебельками травах, едва виднелись спины пасущихся коз. Самая пора косить. Михаил Александрович нанял трех косарей из местных крестьян, снарядил Микко с конной косилкой. Пройдя два ряда, косари пожаловались, что травостой нынче пошел жесткий, — пожалуй, пожестче, нежели в прошлом году, — так что натупишь на ней косы, как бритву на свиной щетине. Магистр понял намек, набавил оплату. Надбавка умилировала крестьян, и работа закипела. Примерно через каждые двадцать-тридцать минут один из косарей останавливался, вытаскивал из-за пояса брусок и начинал точить затупившуюся косу. Дзы-инь, дзынь! — звенела сталь, вызывая у Александра смутные и волнующие воспоминания о родине отца — о селе Белый Колодезь, о промелькнувшем детстве.

Устав читать, Игнатьев подошел к одному из крестьян, попросил дать ему покосить. Крестьянин недоверчиво, с легкой иронической улыбкой отдал косу «барину». Александр размахнулся до предела вправо, примерился, расставил ноги, чуть-чуть наклонился корпусом вправо и пошел — раз, другой, третий!.. Коса легко, послушно скользила, укладывая ровными рядами пырей, медовицу, васильки, чертополох, тонко позвякивала на обратном взмахе, касаясь срезов трав. Крестьяне полуоткрыли рты: «барин» в силе и ловкости почти не уступал им — мастерам своего дела. Но вот взмахи косаря становятся все слабее, коса все чаще начинает пошаливать: то уткнется носом в землю, то вдруг заденет за что-то и косцу приходится делать лишнее движение. Руки тяжелеют, и на лоснящемся от пота лице появляется выражение натуги. Пожилой косарь заметил это, достал из-за пояса брусок и, привычно звякая, зароботал им.

Александр отошел в сторону, смущенный тем, что так быстро устал. Не восстановил сил после тюрьмы, что ли? Или это с непривычки? Да нет, он просто

¹ Прискламация была написана товарищем Сталиным. Опубликовано в Сочинениях И. В. Сталина, т. 2, стр. 223—224. (Ред.)

«барин». Смотри, весь день мужики работают и не очень устают. А будь коса более стойкой, не тупись она так быстро, он бы поработал подольше. Отчего, собственно, добротная стальная коса так скоро затупилась на безобидной траве? Безобидной? Как сказать! Из ботаники Александр знал, что растения содержат в себе известь, железо, фосфор, магний, кобальт, марганец, алюминий и другие вещества. В сухих стеблях пырея, васильков и даже нежного клевера растворенные соли минералов имеются в большом изобилии. Кто может разгадать таинственные процессы трений, столкновений этих молекул с молекулами стальной косы? Поистине коса нашла на камень; она находит на миллиарды «каменей» невидимого мира молекул. Вот отчего, надо полагать, лезвие ее истирается с такой быстротой.

А почему только острие страдает?

Александр опустился возле раскрытых книг на примятую траву, заинтересованный новым поворотом мысли, ища ответа.

«Наивный вопрос, — размышлял он, — а разве вся коса сама по себе не блестит, точно полированная? Разве топор или садовые ножницы не «хорошеют» от работы? Разве кривые, широкие ножи соломорезки не сверкают, как зеркало, зимой и не тускнеют от бездействия летом?..» Таких примеров можно было бы привести множество. Они доказывали простую истину о том, что молекулы твердых веществ, различных минералов, содержащихся в виде солей в растениях, истирали не только острие, но и всю соприкасающуюся с обрабатываемым материалом поверхность режущих инструментов. Новый вопрос изменил ход мыслей.

«А нельзя ли сделать так, чтобы молекулы истирали косу в определенном направлении, как точильный брусок, тогда бы лезвие заострялось от работы?»

Нелепость! Чистейшая фантазия! Разве может инструмент сам собой заостряться? Тысячелетний опыт человека и простой здравый смысл отрицали возможность самозатачивания лезвий. Но, зацепившись за идею самозатачивания, мысль Игнатьева уже не могла остановиться, не найдя нужного ответа. В течение нескольких дней Александр Михайлович пытался освободиться от бесполезных, как ему казалось, навязчивых дум. Наконец, он вывел простую логическую формулу, идущую вразрез

с тысячелетним опытом предков и современников: если при взмахе вперед коса тупится, то пусть же она при взмахе назад заостряется. Надо разумно использовать оба взмаха! Вполне справедливо. Но как этого достигнуть?

При обратном взмахе лезвие косы должно несколько изменить угол своего наклона вниз и задевать срезы стеблей скошенной травы. От скольжения по срезам и трения о них острота лезвия восстановится настолько, насколько она была утрачена при взмахе вперед. Тогда косарь может трудиться целый сезон и никакой ему заботы!

В первое время это решение показалось правильным, затем Александр Михайлович усомнился в нем, а далее оно выглядело уже настолько наивным, что стало самому стыдно за собственную выдумку. Однако Александр вскоре нашел новое решение занимавшего его вопроса. Конная косилка имела множество коротких ножей-пластинок. Половина из них, приклепанная к чугунным «пальцам», не двигалась, а вторая половина, прикрепленная к ножевой полосе, делала короткие взмахи и косила траву, действуя точь в точь, как машинка для стрижки волос. По мысли Игнатьева, при обратном взмахе ножи должны были слегка прикасаться к специальному, истирающему металл материалу-точилу.

Оставив на время все свои дела, Александр Михайлович приспособил к косилке точильные пластинки под несколькими ножами. Он сам начал косить траву, управляя «Лизой». Трудился он несколько часов, однако, к великому его огорчению, — неудачно. Ножи затуплялись, как всегда. Не помогли и внесенные им новые мелкие усовершенствования. По замечанию брата, молодого учителя Федора, ножи стали тупиться даже еще быстрее, чем прежде. Пришлось выслушать несколько веселых острот Ивана Ивановича Березина, Федора, Михаила Александровича. Даже Микко, всегда державший сторону Александра Михайловича, разочарованно покачал головой, иронически улынувшись.

ВЫХОДКА „БАРСИКА“

Минул год. Игнатьев перешел на последний курс. С неослабным усердием занимался он в Ахир-ви и завел за подготовку реферата по сравнительной

анатомии животных. В душе он таил надежду развить реферат, углубить и сделать из него в дальнейшем дипломную работу. Будущего естествознателя уже многие годы занимала тема исследования процессов развития характерных органов животных, особенно хищников. Но подлинную страсть ученого он пилал к высшим породам хищников — кошачьим. Игнатьев знал немало зоологов, звероловов, собирал у них материалы для своей работы, бывал в городском зоопарке, где часами изучал хищные повадки леопарда, тигра, льва.

О них-то сейчас и думал Александр Игнатьев, поглаживая по шерсти взрослого котенка, с желтыми полосками на спине. Кто-то сказал, что скелет льва — это челюсти на четырех ногах. Меткая характеристика! Она во многом верна и для всей семьи кошачьих, не исключая и домашнего представителя ее, вроде «Барсика». «Барсик» тоже грациозен, — кто понимает в этом толк, — совершенен и, если хотите, могуч и страшен, как лев или тигр. Страшна пасть домашней кошки, ужасны кривые сабельки ее когтей — оружия молниеносного нападения и расправы с жертвой. Ведь «сильнее кошки зверя нет»!

На Карельском перешейке, говорят, обитает разбойница-рысь, но где ее встретишь? Так что рыжий деревенский котенок «Барсик» представлял в Ахиярви все грозное семейство кошачьих. Он был маленькой живой моделью льва, тигра, пумы, барса, каракала, оцелота — всех представителей из породы кошачьих. «Домашняя кошка обладает всеми главными признаками этого семейства», — говорил Брэм. И вот из-за этих-то «главных признаков» своих могучих родичей и страдал бедняга «Барсик». Игнатьев заставлял его открывать пасть, дразнил, чтобы он выпускал когти, ставил его на перила лестницы веранды, высотой аршина в три от земли и заставлял прыгать вниз; воспроизводил шорохи за шкафом, чтобы возбудить его охотничий инстинкт, ощупывал упругие мышцы. Все было устроено у «Барсика» гениально. Закон борьбы за существование оберегал кошку от вырождения, оберегал даже тогда, когда она изнежилась возле человеческого тепла, живя в уюте и сытости. И понятно, попробуй она потерять «главные признаки» своих родичей, перестань она быть страшным зверем, грозой мышей, человек выгнал бы ее снова в лес.

— Ты соображаешь это, «Барсик»? — спросил Игнатьев, еще раз крепко пощупав мышцы котенка под мягкой пушистой шерстью.

«Барсику», видимо, надоело быть подопытной забавой. Ведь так обходились с ним только маленькие дети крестьянина, у которого его взял теперешний хозяин. Вон он какой взрослый, а оказался надоедливее ребят. И как ему только не стыдно!

— Пф-фу, пф-фу! — возмутился котенок, показав мелкие, острые, как иголки, клыки и молниеносным движением лапки царапнул обидчика. Четыре тонкие линии царапин быстро покраснели на ладони.

«Смекнув», что хватил лишнего, «Барсик», воспользовавшись замешательством Игнатьева, убежал от своего мучителя.

НОВАЯ ЗАГАДКА

Боль от кошачьих царапин особенная. При такой боли человек непременно выразит свою досаду вслух. Так поступил и наш натуралист, спеша на второй этаж за иодом:

— Где точит свои когти этот полосатый бесенок? — говорил Игнатьев. Слова, произнесенные как бы сами собой, вдруг дошли до сознания и неожиданно приобрели особый смысл. — А в самом деле, обо что кошки точат так остро свои когти?

Ответа не было.

А чутье подсказывало, что именно в нем, в этом ответе должно быть скрыто что-то необычайно интересное, волнующее.

Помазав царапины иодом, Игнатьев спустился на веранду и зашагал из угла в угол. Ему вдруг стало тесно, захотелось простора, словно от этого могло стать просторнее мыслям. Он заспешил в сад, на ходу размышляя: «Удивительно, как порой мы не замечаем самых простых вещей, мелькающих постоянно перед глазами. Нам известно, например, что когти хищников никогда не тупятся, но каким образом они сохраняют остроту своего сружия. А зубы, а клюв? — хлынули вопросы. — Точат ли вообще хищники, грызуны, пернатые свои когти, зубы, клювы? Или, быть может, звери избавлены от этого труда, поскольку природа сама острит

свои инструменты?.. То есть... Это же фантазия... Само-заостряются? Возможно ли?..»

Игнатьев остановился, прислонившись к дереву, сердце учащенно застучало. Теперь было ясно, что когти кошек самозатачиваются. Но не от этого, в сущности, не им открытого явления, он взволновался, словно открыл новый мир, а оттого, что идея самозатачивания в одно мгновение стала из фантазии реальностью. Идея эта возникла у него год назад.

Самозатачивание существовало в природе миллионы лет, оно господствовало в механических процессах животного мира. «А они смеялись надо мной — Федя, Иван Иванович и даже Микко обидно ухмыльнулся, — вспоминал он, — смеялись над моей идеей косилки с самозаостряющимися ножами. Теперь, кажется, я буду смеяться. Я буду смеяться последним», — торжествовал Игнатьев, уверенный в своей победе.

С балкона Александра окликнула Пелагея Павловна, приглашая обедать. Александр, находившийся в пятнадцати шагах, не шелохнулся. Затем его позвал младший брат Миша. Александр стоял, как вкопанный, погруженный в свои думы.

«Скажут коготь кошки — не косилка, не коса. Согласен, ваша правда. А клюв орла, острый, как нож, например, — не коса, по-вашему?» — спорил Александр с воображаемым противником.

— Шура, иди же обедать! — крикнул отец.

«...Фантазии здесь нет, есть бесчисленные факты самозаострения режущих или колющих органов животных, которые следует исследовать, найти тайну механики этого явления и во всеоружии...»

— Шур-а, очнись же, наконец, иди обедать, — раздался громкий голос Федора.

Будто в самом деле очнувшись от сна, Александр пошел к дому. Поднимаясь на балкон, он услышал многоголосый шумный смех и остроты:

— Шура впал в прострацию, значит изобретает что-то, — говорил Михаил Александрович.

— Верно, папа, ходят слухи, что он изобретает само-чешущую щетку для нашей «Лизы», — иронизировал Федор.

Раздался смех. Александр улыбнулся, рассеянно оглядывая присутствующих, и сел. Острота Федора, тут же

переиначенная и дополненная, вызвала гомерический хохот. Иван Иванович, наконец, заступился за своего друга, говоря, что неудача на первом опыте — не есть еще крушение идеи.

— Даже ваша самочешущая щетка для коней, Федор Михайлович, вовсе неплохая идея, если ее широко ссуществить в кавалерийской дивизии.

— В кого же ты вышел такой рассеянный, Шура? — спросил Михаил Александрович.

— А я, папа, расскажу одну историю, и пускай тогда присутствующие скажут, на кого я похож, — ответил Александр.

— Просим, просим, — сказал Иван Иванович.

— По случаю открытия музея мясоведения и патологии состоялся банкет. Разумеется, отец — создатель музея — был в центре внимания. В его честь произносили тосты, его поздравляли с научными успехами и прочее, а в конце торжества его провожала куча людей. Они с подчеркнутой заботливостью усадили отца в карету, и когда он уселся, все дружно приснули. Отец удивился и спросил у извозчика: «Почему люди смеются над вами?» Извозчик обернулся и ответил: «Не надо мной это, барин, а над вами. Должно быть, не видали, как господа при регалиях салфетки носят. Эх, барин, ужин-то вы откушали, а салфетку с груди забыли снять, вот народ и смеется».

Рассказ еще пуще развеселил обедающих. Тем временем «Барсик» прыгнул на колени Пелагеи Павловны и потянулся розовым носиком к колбасе. Александр погрозил ему пальцем, сделав страшное лицо. Пелагея Павловна заметила на его ладони светлокоричневые полоски иода.

— Это он сделал? — спросила она, кивнув на котенка.

— Он.

— Ах, вот почему ты не слышал наших голосов! Царапины изучал, а я-то думал, что ты ломаешь голову над какой-нибудь глубокомысленной проблемой, — язвительно заметил отец.

«Барсик» был согнан с колен, разговор продолжался с той же оживленностью, но изобретатель никого не слушал, думая о своем. Закончив обед, он молча встал и незаметно куда-то скрылся.

Ночью спал чутко и в полночь, потревоженный шумом, показавшимся в безмолвной тишине страшно громким, проснулся; под комодом мышь грызла сухую корку хлеба. И то, что обычно очень раздражает спящих людей, Александру показалось сладкой музыкой. «Грызет всю ночь, грызет без конца, а зубки острые, как ножи. Поразительно! Впрочем, это не зубки, а резцы, как их называют народ». Мышь, словно почуяв, что ее занятие одобряют, начала обрабатывать корку с еще большим усердием. «А ведь часто мышь грызет и несъедобные вещи, бобр иной раз запросто сваливает сухое дерево и уходит прочь. Глядя на такое дерево, крестьяне говорят, что бобр зубы точил; заяц и белка, если не будут регулярно, изо дня в день работать зубами, грызть твердые вещи, резцы у них вырастут настолько, что они погибнут; кошка выпускает когти, превращая лапы в скребницы и скребет ковер... Вот еще какие дела есть на свете! Выходит, что звери все же проявляют известную заботу о своих режущих органах и затачивают их. Значит?... Значит и в природе самозатачивание — абсурд, значит идея моя — пустая мечта, беспредметная фантазия!», — думал Александр.

Но ведь и у грызунов резцы заостряются не только тогда, когда они сами преднамеренно точат их, но и при употреблении твердой пищи. «Какое может быть этому объяснение? Известно, что живой организм всегда стремится восстановить разрушенную ткань. Происходит регенерация ткани. От легкой раны, нанесенной саблей девятого января 1905 года, на плече и следа не осталось, зарастут и следы кошачьих царапин. Так же, как кожа на теле, восстанавливается и эмаль на зубах, и роговое вещество на когтях или клюве. И если вырвать у грызуна резцы и «грызть» этими мертвыми зубами твердые предметы, то зубы не станут самозатачиваться»...

«Это еще надо проверить», — сомневался кто-то невидимый.

Нет, он не проверял возможности самозатачивания мертвых резцов грызуна. Александр поднялся и сел в постели, шупая влажный лоб. Сердце билось неровно, оттого ли, что он сделал большое открытие или оттого, что мысль о проверке мертвых зубов вселяла неуверенность. Да, теперь он не сможет успокоиться до тех пор.

пока не проверит, действительно ли в природе существует самозатачивание, или есть лишь только регенерация?

Проснулся Федор и в свете, пробивающемся через зазоры в оконных шторах, заметил фигуру брата.

— Ты что, Шура, трешь лоб? Ты болен? — участливо спросил он.

— Да ничего, ничего, Федя, я вспомнил, что мне нужно проверить одну вещь, зуб грыз... Что? Я лучше засну.

И через минуту крепко заснул.

ОТКРЫТИЕ АЛЕКСАНДРА ИГНАТЬЕВА

Дятел трудился, старательно долбя острым клювом дерево. Цепко держась за кору железными коготками, он целый день выволакивал из дерева вредителей-червей и казнил их, глотая. И сколько бы дней ни работал этот неутомимый каратель лесных вредителей, его «меч» оставался неизменно острым...

Игнатъев взвел двустволку и выстрелил. Глухое эхо прокатилось по лесу. Огненно вспыхнули в луче солнца карминные перышки. Громадный дятел — желна, перевернувшись в воздухе, шлепнулся на землю. В первый и в последний раз убивал Александр эту полезную птицу из-за жемчужного клюва. Второй жертвой пала белка. Третьей жертвой был заяц. Его Игнатъев встретил на опушке рощи. Заяц выскочил из-под самых ног, ошалело покрутил головой, сделал скидку и скрылся за жиденьким кустарником. Пришлось выпросить у встреченного охотника позарез нужную голову косога. Одну только голову! Охотник нес трех тяжелых русаков. Он неодобрительно взглянул на Игнатъева. «Станный какой-то человек, кажись, не все у тебя дома, — говорил взгляд охотника, — возвращаешься с охоты, а несешь в ягдташе убитого дятла, белку и голову зайца. Трофеи, нечего сказать!»

Игнатъев понял этот взгляд, неловко улыбнулся, но не сказал ни слова в свое оправдание. Он пошел в лес, осмотрел елочки на склепах с оружием. Елочки были живы, росли, никем не тревожимые.

Дома он аккуратно расщепил ланцетом коготки и клюв желны, распилил лобзиком зубы зайца и белки

вдоль, рассмотрел их разрезы под увеличительным стеклом. И первое, что бросилось в глаза — это слон, из которых состояли зубы, клювы, когти. Да, все режущие, колющие, долбящие органы животных состояли из различных слоев. Но его поразила, как новость, не многослойность этих органов, а то, что они имели различную твердость; на это он обратил внимание случайно, когда лобзиком распиливал пополам зуб зайца. Сначала пилка, тонко визжала, с трудом пилила, а потом пошла легче, и звук ее становился мягче, слабее. Игнатьев заволновался, взял из отцовской лаборатории микроскоп и стал жадно изучать микроструктуру материала различных слоев зуба, клюва, и сердце его заликовало от сознания сделанного им открытия. Он проверил резцы и клюв дятла еще на растворимость в кислоте, сделал химические анализы. Резцы зайца и белки состояли из эмали и зубной массы. Когда они грызли пищу, слой эмали зуба испытывал большее усилие, большую нагрузку, нежели слой зубной массы. Таким образом, твердый слой от больших, а мягкий от меньших усилий изнашивались в одинаковой степени, и угол острия зуба оставался постоянным. А это означало, что если работать вырванными мертвыми зубами грызуна, то от работы они должны самозатачиваться так же, как и у живого. Игнатьев решил немедленно проверить эту догадку. И проверить на крупных, крепких резцах грызуна, лучше всего — бобра. Ну, а где взять резцы этого редкого животного?

Игнатьев вспомнил своего старого знакомого Чуркина. Когда-то в схватке с медведем зверобой Фома Иванович Чуркин повредил ногу и стал чучельщиком. Работал он для витрин меховых магазинов столицы, особенно для зоологического магазина, создавая целые ковчег зверей.

Узнав, что гостю нужны зубы бобра для научных опытов, зверобой почтительно кивнул головой, прихрамывая подошел к стене и достал из ниши большую жестяную коробку из-под монпансье. Коробка была полным-полна всевозможных клыков, зубов и обломков челюстей мелких зверей. Игнатьев бережно принял комплект крупных резцов молодого бобра. От денег Чуркин наотрез отказался. Счастливый Игнатьев крепко пожал руку старика, горячо поблагодарил его и уехал, горя нетерпением экспериментатора.

В сарае он изготовил механические челюсти, которые с помощью колеса и кривошипа делали жевательные движения. Он установил «челюсти» на верстаке и прикрепил к ним резцы бобра. Александр Михайлович спилил напильником концы резцов, сделав их тупыми, плоскими. Убедившись, что все налажено как следует, он начал усердно вращать колесо от старой швейной машины. «Челюсти» сухо защелкали, «жуя» щепки и палочки. Зубы работали в том порядке, в каком они работают у живого бобра. И вот произошло «чудо»: торцы затупленных зубов начали приобретать скос. Наклон скоса все увеличивался и увеличивался. В течение часа торцы настолько стерлись, что зубы приобрели первоначальную естественную остроту. По мере этого заострения резцов нарастало радостное волнение экспериментатора. Победа! Полная победа! Хотелось звать всех в сарай, бросать вверх фуражку, кричать ура! Но Игнатьев нашел в себе силы, чтобы сдержаться. Он выпнул зубы из «челюстей» и побежал к дому, в дверях веранды задел плечом отца и понесся дальше.

— Кого ты ищешь, Шура? — крикнул вдогонку Михаил Александрович.

— Тебя, отец!

— Так вот же я, — показал на себя Михаил Александрович и расхохотался. — Это, Шурочка, похлеще моей салфетки.

Вместе с отцом рассмеялись и сидевшие у стола Иван Иванович с Федором. Магистр сел рядом, ожидая, что ему скажет разволновавшийся сын. Александр положил на стол четыре маленькие заостренные косточки и спросил:

— Как вы думаете, что это за штучки?

Магистру ветеринарных наук нетрудно было узнать, что это за «штучки», тем более странным показалось ему возбуждение Александра. Давно он не видел, чтобы его глаза сияли так.

— Это резцы бобра, — спокойно ответил он, — но почему они укорочены?

Александр заговорил с несвойственной ему торжественностью, обращаясь ко всем:

— Помните, недавно вы обратили внимание на папины на моей руке?

— Помню, и какая же тут связь? — недоуменно спросил отец.

— Между происшествием с «Барсиком» и появлением на этом столе зубов бобра есть прямая связь, — переводя дыхание, сказал Александр и сделал большую паузу.

Все заинтересовались. Александр коротко напомнил им прошлогоднюю историю с косилкой.

— Я отказался тогда от нее, поняв бесполезность своей затеи. Самозаострение, как вы знаете, не состоялось, зато необычно заострилось мое восприятие явлений резания. Я вспомнил, как на Путиловском заводе рабочие без конца подходили к точильным кругам и затачивали резцы, зубила и другие инструменты. Новыми глазами я начал смотреть на работу топора, долота, пилы или зубила, любопытствуя, каким образом они разъединяют частицы тела. Законы физики давали очень поверхностное, лишь приблизительное представление о механике резания, и какая-то неодолимая сила заставляла меня заниматься этим чуждым мне делом. И когда случайно кошка оцарапала мне руку, я заинтересовался загадкой удивительной остроты ее когтей. Я понял тогда, что эта загадка относится ко всему животному миру, вооруженному острыми клыками, когтями, иглами, рогами, клювами... Разбуженный мышью, я провел беспокойную, бессонную ночь. Тайна самозатачивания преследовала меня всюду, и я, наконец, понял, что отвязусь от нее только в том случае, если открою ее. Я посетил старого зверобоя, не раз испытывавшего на себе остроту оружия хищников, узнал от него много интересного; бросился к книгам, которые мне рассказали еще больше поразительных вещей: из них я узнал, что в древности люди пользовались длинными долотовидными зубами бобра, как инструментами, очень стойкими в работе. Они ими долбили дерево, делая посуду, домашнюю утварь. Бобры, как известно, баснословно трудолюбивы, они сваливают иногда большое количество деревьев в аршин толщиной. Какое же должно быть устройство их резцов, если при такой работе они никогда не тупятся? Иглы дикообраза, несмотря на постоянное соприкосновение с твердыми предметами, настолько остры, что при ничтожном мускульном усилии насквозь протыкают лапы или пасть хищников: я вспом-

нил и страшный нос меч-рыбы, которую видел вместе с Сагредо в неаполитанском аквариуме. Ученый-ихтиолог рассказывал об этих меченосцах подводного царства фантастические вещи. Но я приведу лишь один пример из научного источника, — Александр ушел в комнату и тут же вернулся с книгой в руке. Он начал читать вслух: «...В припадках непонятной ярости меч-рыба нападает на крупных рыб и даже на китов, а также на лодки и на корабли. Она вонзает с яростью весь свой меч в тело кита, затем вытаскивает, чтобы вновь вонзить.

Иногда меч-рыба наносит удар за ударом с непонятным остервенением, пока кит не истечет кровью. Чтобы иметь понятие о силе удара этой рыбы, достаточно упомянуть, что она часто пробивает борты морских судов и, не будучи в силах вытащить обратно свой меч, ломает его и оставляет в пробоине, как вещественное доказательство. В Британском музее хранятся выпиленные части с засевшими в них мечами этих рыб. При переделке китебойного судна «Фортуна» нашли засевшее в нем оружие меч-рыбы, которое пробило медную обшивку судна толщиной около дюйма, доску под ней в три дюйма, крепкое дубовое бревно в двенадцать дюймов и дно бочки с ворванью»...

— Еще один пример, — продолжал Александр, хлопнув книгу. — Тяжелый ягуар ловко влезает на дерево, цепляясь когтями за довольно гладкий, скользкий ствол, этими же когтями он распарывает живот своей жертвы, как хирургическим ланцетом. Мы знаем, что хирург бережет свой сверкающий стальной ланцет от соприкосновения с различными предметами. Ягуар, рысь или наш «Барсик» этого не знают, хотя обладают «ланцетами» из менее твердого материала. Я мог бы до бесконечности продолжить примеры, назвав еще иглы ежа, пилу пила-рыбы, клюв беркута и даже шипы благоухающей розы. Обладатели естественных инструментов, не боясь их затупления, колют, долбят, режут, пилят, роют сколько им заблагорассудится. Вы смеялись, друзья, над моей косилкой, называя самую идею абсурдной. Вы говорили, что самозаострение противоестественно матерьяльной сущности лезвия. Но вот, глядя на эти резцы грызуна на столе, не угодно ли вам теперь убедиться, что противоестественно как раз затачивание, вы-

думанное человеком, ибо в природе по всеобщему ее закону всякое острое самозатачивается, — заключил Александр.

Удивленные столь бурной, темпераментной речью, присутствовавшие молчали. Первым заговорил Михаил Александрович:

— Все, что ты рассказал Шура, страшно интересно, хотя многое давно уже известно. Но не хочешь ли ты сказать этим, что ножи косилки и топор тоже могли бы самозатачиваться, как эти зубы грызуна?

— Конечно, хочу, иначе зачем же мне нужно было производить опыты с зубами?

Иван Иванович и Федор переглянулись, беря по зубу со стола и рассматривая их. Изобретатель продолжал:

— С помощью механических «челюстей», как видите, я полностью восстановил остроту резцов бобра. Спрашивается, если острота резца умершего животного восстанавливается в процессе работы, то нельзя ли добиться этого же результата с топором или с косой? Я убежден, что можно! Но прежде чем объяснить вам, как сделать искусственный самоаостряющийся инструмент, я ознакомлю вас с такими инструментами в природе.

Александр взял карандаш, бумагу и начал рисовать в увеличенных размерах изображение резца бобра в разрезе. Резец состоял из слоев зубной массы и эмали, расположенных вдоль разреза от вершины до основания зуба. Он нарисовал также клюв дятла в разрезе, показав линиями лежащие слои.

— Эти слои имеют различную твердость, — объяснял Александр. — Самый твердый слой выступает вперед и образует острие резца. Следующие, последовательно мягкие слои образуют скос острия. Когда животное грызет дерево, вершина зуба испытывает наибольшую нагрузку, а скос острия — пропорционально мягкости слоев — меньшую нагрузку. Таким образом, нагрузка на каждый слой соответствует его твердости, вследствие чего и происходит равномерный износ всех слоев и первоначальный угол острия сохраняется. Вы понимаете, как это просто?

— Не совсем, — отозвался Иван Иванович.

— И я тоже что-то не понимаю, прошу повторить, — сказал Федор.

Александр удивленно взглянул на непонятливых, до-

стал из кармана кусок почерневшего свинца размером с указательный палец и снова заговорил:

— В этом свинце я утопил кусок толстого гвоздя и начал бить по торцу дубовой чуркой. Что должно было в таком случае произойти?

— Свинец должен был постепенно сесть, обнажая кончик гвоздя, — ответил отец.

— Совершенно верно. А дальше что? — спросил Александр и сам же ответил: — Дальше гвоздь стал сопротивляться ударам чурки сильнее, чем свинец, свинец начал садиться меньше, чуть отступив от гвоздя. Получилось, что гвоздь выступил из свинца, как грифель из карандаша. Точно так же на моих механических челюстях самозатачивались зубы бобра, потому что мягкая зубная масса быстро изнашивалась, и твердая эмаль выступила вперед, как гвоздь из свинца. Да вот, смотрите, смотрите на пол. Доски были когда-то гладко выстроганы. Но со временем мы истерли их ногами, и сучки и шляпки гвоздей, как более твердая масса, меньше изнашивались и стали выступать бугорками. Теперь всем понятно?

Все взглянули на старый пол. Действительно поверхность досок от износа стала неровной, заметно выступали бугорками сучки.

— Вполне поняли, дорогой мой, — взволнованно ответил отец, чувствуя, к каким знаменательным выводам подводит их его сын.

— Черт побери, да ведь это в самом деле интересно! — воскликнул Федор.

— Интереснее самочешущей щетки для «Лизы», — весело сказал Александр.

— Лежачего не бьют, Шура, сдаюсь, — деланно взмолился брат, подняв руки.

— Эврика, теперь я скажу, что нужно делать, — вмешался Иван Иванович, — нужно изготовить топоры, долоты, токарные резцы, косу и еще много кое-чего из слюев металла различной твердости. Они будут самозатачиваться подобно резцам бобра, клюву дятла, когтям кошки!.. Так вот, где она, связь-то между происшествием с «Барсыком» и появлением на этом столе зубов бобра!

— Угадали, Иван Иванович, а теперь давайте прикинем, хотя бы приблизительно, что это может дать чело-

веку, — с жаром продолжал изобретатель. — Вы обратите внимание только, что происходило до сих пор? Когда-то древнейший дикий предок наш создал первое подобие топора из камня. Уже тогда он понял, что заостренное лезвие требует меньше усилия в работе, и как только тупился каменный топор, наш предок, чтобы восстановить остроту лезвия, тер его о другой камень. Так, очевидно, вместе с первобытным топором родилось и первое точило. С тех пор существенных изменений в способах заострения лезвия любого инструмента, как мы знаем, не произошло. Каменный топор и нож древнего человека, кирка и лом строителя египетских пирамид, секиры войск персидского царя Дария, палаши наших кавалергардов и, наконец, бесчисленные инструменты ремесленников всех времен утрачивали остроту в работе и восстанавливались на точильных камнях, приборах, станках. Чтобы пореже прибегать к этому вынужденному занятию, люди начали создавать лезвия более стойкие. Люди заменили камень бронзой, бронзу — железом, железо — сталью, а сталь, вероятно, заменят в будущем чем-либо еще более прочным, скажем, искусственным алмазом. И, странное дело: ни древний человек, ни современный ученый-инструментальщик не обратили внимания на тот простой факт, что в богатейшем инструментальном арсенале животного царства нет ни одного точильного камня. Разрушая обрабатываемый материал, инструмент в значительно меньшей степени разрушается сам, и никто из создателей его не добился такого рационального износа, при котором лезвие, подобно резцу бобра, не меняет своей первоначальной геометрической формы. Не противодействовать, а содействовать износу лезвия в выгодном для человека направлении, сделать вредное действие материала на инструмент действием полезным, — вот как можно вкратце сформулировать идею нового способа заострения инструментов. — Глядя мечтательно куда-то в сторону, Александр продолжал с еще большим вдохновением:

— Когда-нибудь, в далеком будущем, когда многие народные мечты станут былью, восторгается и моя идея — идея сделать инструменты вечно обновляющимися. Можете вообразить, как будет легко и удобно людям, для которых труд станет наслаждением и это наслаж-

дение будет тем полнее, чем совершеннее будут инструменты.

— Женщина всю жизнь сможет пользоваться одними и теми же вечно острыми ножницами, столяр сменит свое долото или стамеску лишь после полного истирания лезвия, подобным же образом токарь поступит с резцом, каменщик — со скапелем, хлебороб — с ножами косилки, нефтяник — с буровой коронкой и даже парикмахер — с бритвой. Конечно, сохранится известное количество грубых и дешевых инструментов из однородного материала, применение которых в некоторых случаях будет все же целесообразно. Музеи обогатятся новыми экспонатами ушедшей материальной культуры — многими инструментами и точильными машинами наших дней... Впрочем кажется, я увлекся не в меру, — опомнился Александр Михайлович и смущенно замолк.

— Толково! — коротко сказал Иван Иванович.

— Ай да «Барсик», кажется, он открыл клад куда более богатый, чем куций кот «Вельзевул» из романа «Капитан Фракас». Помните, Сигоньяк, закапывая в саду дохлого кота, наткнулся на клад с золотом, — заметил Федор.

— И разбогател только сам, а Шура хочет обогатить науку, — поддержал Михаил Александрович. — Молодец, Шура, ты... большой молодчина... — повторил отец, вставая и кладя руку на плечо сына. Подступивший к горлу ком мешал говорить, голос чуть дрожал: — Большое ты открытие сделал, Шура, большое и для биологов, и для техников. Ты был всегда умницей, и талант изобретателя мы с твоей покойной матерью заметили в тебе еще в детстве. Он всегда отвлекал тебя от знаний, которые я желал дать тебе. Но, бог свидетель, не даром я зажигал в твоем сердце любовь к биологии. Пошло на пользу и твое увлечение техникой. Ведь твое открытие могло быть сделано только человеком, стоящим на грани двух наук: биологии и техники. Я безмерно рад, Шура, твоим успехам.

— Надо бы взять патент на изобретение, — сказал Березин.

— Рано, Иван Иванович, — счастливый горячим признанием своего открытия, ответил Александр Михайлович. — Сначала надо произвести испытания. Думаю начать с ножей для косилки.

Иван Иванович повернул голову, оглядев усадьбу. Трава была еще низка. Шел июнь — сирень в полном цветении. Для подготовки работ к испытаниям времени хватало.

И ВТОРОЙ „БЛИН“ КОМОМ

Возле сарая стояла выкрашенная в яркозеленую и оранжевую краски конная косилка, а в самом сарае кипела работа. Там трудились Александр, Федор, Иван Иванович, иногда к ним заглядывал и Михаил Александрович. Не жалея сил, молодые люди с невыносимым скрипом пилили пластинки металла, подгоняя их под размеры ножей косилки. Изготовив восемь пластинок из красной меди и из мягкого железа, они припаяли к ним стальные пластинки из сломанной граммофонной пружины, утонченной на мокром точильном круге. Готовые изделия отшлифовали, заточили грани под таким же углом, какой имели заводские ножи. Получились двуслойные ножи. Ножевая полоса косилки, таким образом, была снабжена ножами трех видов: заводскими — стальными, двуслойными из стали и мягкого железа, двуслойными из стали и меди.

Сенокос уже начался, для испытания косилки оставили луговые участки с грубыми травами, преимущественно чертополохом и осотом. День испытания ножей начался с нервной суматохи. Все поднялись в ранний час и первым делом оглядели небо. Оно, к счастью, было ясное и лишь одиночные, редкие белые «барашки» блуждали над горизонтом. Солнце, подымающееся в июле очень рано, давно уже обсушило травы, подготовив их для опытов. Пелагея Павловна вместе с прислугой хлопотала на кухне. Она приготовила праздничный завтрак и, кормя многочисленную семью, подбадривала Александра, повторяя: «Я уверена, я уверена, что все получится прекрасно».

Косилку везла уже немолодая «Лиза». Александр шел рядом с косилкой, за ним шагал в белом кителе страдающий одышкой Михаил Александрович. Под руку с ним шла Пелагея Павловна, а по сторонам — Федор, Иван Иванович и снимавшая у Игнатьевых дачу учительница Януш. Весь этот эскорт живописно выделялся на залитом солнцем лугу и вовсе не напоминал ученой

комиссии. Михаил Александрович немного нервничал, стараясь скрыть свое душевное состояние. Пелагея Павловна тоже волновалась и выдавала себя тем, что беспрерывно повторяла одни и те же слова одобрения.

— Полюшка, ты так усердно уверяешь в удаче, что вселяешь в нас сомнение. Давай, душа моя, лучше потерпим молча и посмотрим, что на деле выйдет.

Александр Михайлович помахал прутиком, и «Лиза», остановившаяся на краю поля, ходко зашагала. Заработали шестеренки косилки, лентой начала ложиться полоска скошенной травы шириной немногим больше аршина. Шествующие выстроились гуськом, идя сбоку. Скосили большой участок поля, затем перешли на другой участок, заросший чертополохом. Александр Михайлович часто останавливал лошадь, пробовал большим пальцем лезвия. Ножи резали хорошо, и если бы не наличие заводских, то можно было бы подумать, что ножи собственного изготовления самозаостряются. Но одинаково стойкими оказались и лезвия заводских ножей, а когда они начали тупиться, то затупились и самодельные. Чем дольше испытывал изобретатель косилку, тем мрачнее становился.

Сопровождающие один за другим начали проявлять нетерпение, высказывали сомнение и, наконец, полное неверие в успех опытов. Однако из вежливости и сочувствия к изобретателю, продолжали шествовать за косилкой. Подумав над причиной неудачи, Александр Михайлович решил, что если погнать лошадь побыстрее, то эффект самозатачивания, возможно, и получится. Ведь дятел работает клювом со скоростью швейной машины. Да и белки, кролики с удивительной быстротой жуют пищу.

«Лизу» накормили, дали ей отдохнуть и повели на приболотный участок, густо заросший осотом. Заскрежетали шестерни, мягко застучала ножевая полоса косилки. Трепеща мелкозубчатыми, реснитчатыми листьями и кланяясь светложелтыми шапочками цветов, осот валом падал на землю. Александр через некоторое время осмотрел ножи, и слабый луч надежды озарил его лицо. Увы, дальнейшие усилия показали, что надежда эта была обманчива. Ножи никак не хотели заостряться. Несчастливая «Лиза» вся была в «мыле». Александр Михайлович тоже основательно запарился. Он покраснел от

напряжения, волнения, смущения, от явного провала. И лошадь и хозяин дышали бурно, и не было конца их мукам. Вдруг Игнатьеву в голову пришла шальная мысль: если перевести лошадь с рыси на галоп, то эффект самозатачивания, наверное, получится. Но одна «Лиза» не потянет косилку на галопе. Попросили у соседа-крестьянина лошадь и погнали косилку на парной упряжи. Но галоп не получилось. Косилка, страшно дребезжа шестернями, валила траву с большой скоростью, косила до тех пор, пока лошади не выбились из сил...

Результат был неутешителен: все три сорта ножей — заводские, двуслойные с медью и двуслойные с железом тупились в работе и к огорчению всех самодельные ножи тупились быстрее.

Бывает так, что поскользнется человек, упадет легко, не испытав боли, и это вызывает веселый смех очевидцев. Но если упавшему причинена боль, если он не сразу встает, то смеявшиеся выражают ему искреннее сочувствие. Прошлогодня неудача Игнатьева с опытами самозатачивания вызвала много шуток и смеха, а нынешний его провал испытания двуслойных ножей глубоко удручил всех. Даже Федор, не упускавший случая поострить, помрачнел. Чтобы несколько смягчить впечатление от неудачи, Пелагея Павловна сказала:

— Не горюй, Шура, первый блин всегда бывает комом.

Эти слова не подняли настроения, так как все знали, что «блин»-то — не первый, а второй.

— Техника ведь не твоя кулинария, Полюшка... Тут все было рассчитано и обосновано, так отчего же все-таки получилась неудача? — говорил Михаил Александрович, впервые в жизни болея душой за технику.

„МУЧЕНИК ИДЕИ“

Александр Михайлович погоревал, а потом, поняв свою ошибку, бросил опыты. Он нашел утешение в чтении книг о знаменитых изобретателях. Их путь тоже был усеян не цветами, а трениями, их успехи рождались нечеловеческим упорством в труде и в поисках научной истины. Игнатьев и прежде знал, что каждый из них был мучеником идеи и, открыв научную истину, не делал из нее таких скороспелых выводов, какие сделал он. Почему,

собственно, он начал опыты с косилки? Потому ли, что видел, как работают косари? Не потому ли, что находился на даче и сам покосил малость, быстро устав? Но ведь эта практика, давшая толчок к открытию, могла натолкнуть лишь на мысль, но не сделать ее реально осуществимой. Разве не ясно, что первые испытания следовало производить на инструменте, обрабатывающем очень твердый, быстро истирающий лезвие материал?

Неожиданно посветлев, Александр сказал отцу, что он едет в город по делам. Магистр понял, что сын задумал что-то новое, и удивился. Он поглядел на него неодобрительным взглядом, говорившим: «Полюбуйтесь-ка им! Взрослый человек, не раз битый судьбой, и как он беззаботен! Обжегся на одном деле, а теперь берется за другое, словно ничего особенного не произошло. Порхает с цветка на цветок, как бабочка».

Александр Михайлович отбыл в Петербург и вернулся дней через десять. Он привез два зубила и круглые инструменты с заостренными концами, именуемые у каменщиков шпунтами. Инструменты имели вид толстого, под крутым углом зачищенного карандаша. Подобно куску свинца с гвоздем в середине, изобретатель заказал кузнецу шпунт из мягкого железа и стали, в котором сталь выступала из сердцевины инструмента, как грифель карандаша. Игнатьев подвез несколько крупных камней к сараю, удобно уселся и начал беспорядочно тесать шпунтом один из камней. О своем новом опыте он никому не сказал ни слова. В семье делали вид, что ничего не замечают, и это очень устраивало Александра Михайловича, бывшего с ожесточением молотком по шпунту.

Через полчаса «каменотес» заметил признаки самозатачивания, отчего радостно заволновался, прервал, было, работу, но потом с новым ожесточением стал колотить по инструменту. Он поработал шпунтом еще полтора часа. Инструмент не притупился. Отложив его в сторону, Игнатьев взялся тесать камень зубилом. Этот инструмент состоял из трех слоев — тонкая стальная пластинка в середине, а по бокам железные полосы. Он бил по инструменту часто, энергично, не жалея сил. Грани железных полос лезвия, стираемые, стачиваемые гранитом, незаметно отступали, а стальная полоска все время выступала кромкой над железными. Зудели руки от неточных

ударов, устали мышцы, болела поясница, но сердце ликовало. Игнатьев проработал трехслойным зубилом три часа, трудился среди растущей кучи щебня, крошки, каменной пыли, не раз больно, до слез засоряя глаза. Покончив с трехслойным зубилом, он взялся обрабатывать камни другим зубилом, а затем — шпунтом. Они были изготовлены, как обычные, из однородного металла — из стали. Через некоторое время оба инструмента совершенно затупились.

Встав на онемевшие ноги, изобретатель взял все четыре инструмента — два самозатачивающихся и два простых, медленным шагом победителя пошел к своим. На балконе собирались уже к вечернему чаю. Как и полтора месяца назад, изобретатель со стуком положил на стол инструменты, сказав коротко:

— Вот они!

Пять рук разом потянулись к инструментам, одной руке даже нехватило.

— Неужели получилось? — спросил Иван Иванович.

— А вы сами скажите.

— Получилось, Шура, ей-богу, получилось, ура! — вскрикнул Федор.

— Ничего подобного! — возразил Иван Иванович, которому досталось простое затупившееся зубило.

— А вот оно, смотрите, как хорошо заострилось.

— Я говорила, что у Александра получится, я была уверена, — торжествовала Пелагея Павловна.

— Чудесно, дорогой мой, расчудесно! — произнес Михаил Александрович, разглядывая острие инструмента. — Даю тебе, Шурочка, отцовское благословение. Дело большое, ты должен действовать и не бояться трудностей.

Иван Иванович и Федор Михайлович поставили оба зубила рядом и начали рассматривать их лезвия. У трехслойного инструмента лезвие несколько погрубело по сравнению с первоначальным видом, однако оно вполне могло работать дальше без заточки. Что же касается второго зубила, то оно нуждалось не только в заточке, но и в перековке, настолько лезвие его затупилось.

Накрыли стол. Никто не посмел убрать лежащие на столе среди фарфоровой посуды грубые куски металла. С трепетным почтением, как к святыне, относились в семье Игнатьевых к первым в мире самозатачивающимся инструментам.

КЕМ БЫТЬ

В ноябре 1913 года Александру Михайловичу вручили «Свидетельство об окончании Естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского Университета». Профессора встретили его не особенно ласково, за исключением профессора Палладина, читавшего курс анатомии растений, и профессора Шимкевича, читавшего курс зоологии позвоночных. К осени Игнатьев сдал последний свой «должок» по зачетам, заслужив похвалу обоих профессоров и высшие отметки. Поздравляя выпускника, профессор Палладин говорил ему, что он мог бы стать хорошим ботаником. Шимкевич ревниво возразил, подчеркивая, что студент, написавший такой замечательный реферат по сравнительной анатомии позвоночных, какой написал Александр Михайлович, — безусловный зоолог.

— Да знаете ли вы, батенька мой, Владимир Иванович, что в этом реферате, между прочим, содержится? Там есть две страницы, которые можно развернуть и написать отличную диссертацию на степень магистра. Да-с, магистра наук, — диссертацию на тему. «Самозатачивание в природе», открытое нашим выпускником. — Профессор Шимкевич коротко рассказал коллеге сущность нового открытия, а профессор Палладин слушал его с нарастающим интересом. Выпускник же стоял, чувствуя себя неловко и не зная, куда девать руки.

— Владимир Михайлович, прав, вам действительно следует написать труд на эту тему, — согласился Палладин, обратясь к Игнатьеву.

— Непременно. Вы обязаны написать! У вас в руках верный ключ для входа в храм науки, — патетически продолжал профессор Шимкевич, повернувшись к Игнатьеву. — Перед вами большое будущее, молодой человек... Впрочем, кажется, вы не совсем молоды для выпускника университета. Сколько вам лет?

— Тридцать четыре года.

— Однако вы молоды для своего выдающегося открытия. Как вы его называли?

— Я не думал о названии.

— Давайте назовем будущий ваш труд так: «Физика или механика самозатачивания режущих и колющих органов животных», — это будет ново и точно. Ново по-

тому, что до сих пор наука полагала, что утрата остроты зубов и когтей животных компенсируется биологическим восстановлением ее — регенерацией. Вы же с помощью механических челюстей доказали, что биологический момент дополняется остроумным механическим моментом. Долг чести вашей разработать эту идею в своих дальнейших научных трудах, в которых желаю вам наилучших успехов, — заключил профессор Шимкевич, крепко пожав Игнатьеву руку.

Тепло попрощавшись и с профессором Палладиным, Игнатьев покинул стены университета.

Дома, на Забалканском, он ещё раз раскрыл свидетельство и стал рассматривать его. Станный холодок испытал он к документу, ради которого трудился столько лет. Игнатьев внимательно вгляделся в листы книжки, желая понять, что произошло с ним.

Как и десять лет назад, он думал о выборе профессии. Кем же ему быть?! Казалось бы, что именно сейчас этот вопрос решен окончательно и скреплен свидетельством университета. Он, разумеется, естественник, получивший высшую похвалу и напутствие лучших профессоров!

Он естественник?..

Нет, именно в день получения звания биолога он понял яснее, чем когда-либо, что он техник, инструментальщик, готовый посвятить всю свою жизнь созданию новых инструментов.

Он техник душой и станет им на деле!

Вот почему он был равнодушен к свидетельству университета. Александр Михайлович тут же спрятал документ, чтобы никогда в жизни не пользоваться им. Присев на диван, он начал размышлять о предстоящих делах. Назревал план создания собственной лаборатории, для содержания которой он хотел попросить у отца разрешение продать свою долю земли в Ахиярви.

В коридоре раздался звонок. Вошел «Петр» — Сергей Николаевич Сулимов с поручением от Петербургского комитета РСДРП. Задание партии требовало от Игнатьева длительных отлучек из города.

— Это по делам чрезвычайной важности? Я бы хотел пока остаться в Петербурге для организации лаборатории по созданию моих инструментов, — сказал Игнатьев.

— Ваших инструментов? — спросил многозначительно гость, — но для кого они?

— Пока для науки.

— Ваша наука пойдет на обогащение акционеров машиностроительных обществ, — сказал Сулимов, — для заводчиков! Кому, как не им, достанутся плоды ваших трудов и таланта? Инструменты делать будем, когда отберем заводы у нынешних хозяев. Сейчас же время не ждет, — надо бросать все и делать то, что важнее, неотложнее.

— Я же спрашиваю, Сергей Николаевич, — дела у вас большой важности? Если это так, то я, разумеется, брошу все, — сказал Игнатьев. — Куда мне ехать?

Александр Михайлович совершил всего лишь одну поездку недели на три в Харьков. Далее, ввиду развернувшихся в Петербурге событий, необходимость в таких выездах отпала.

9 января 1914 года в столице вспыхнула грандиозная забастовка. Партия привлекла всех членов своих организаций к активной работе по мобилизации масс на борьбу с самодержавием. Игнатьеву, Березину, Каниной и другим было поручено распространение большевистской литературы среди рабочих. Число бастующих росло неуклонно и к первому мая достигло более четверти миллиона. Игнатьев пачками доставлял на дом напечатанные в типографии брошюры и листовки, мелкими пачками распределял их среди товарищей, связанных с заводами. К Каниной он приходил с литературой почти каждую неделю. Однажды Александр Михайлович ушел от нее, обещав зайти дней через пять, и где-то пропадал.

В начале августа Канина вышла на звонок отворить дверь и вздрогнула, увидя у порога офицера. Но испуг ее прошел мгновенно, когда симпатично улыбающийся офицер негромко произнес:

— Здравствуйте, Ольга Константиновна!

— Батюшки, Александр Михайлович, я вас не узнала, богатым будете, — всплеснула руками Канина. — Войдите, войдите, пожалуйста, в комнату.

Прапорщик Игнатьев вошел и сел привычно на диван. Канина оглядела его и сказала:

— Офицером стали, бороду сбрили, усы подстригли,

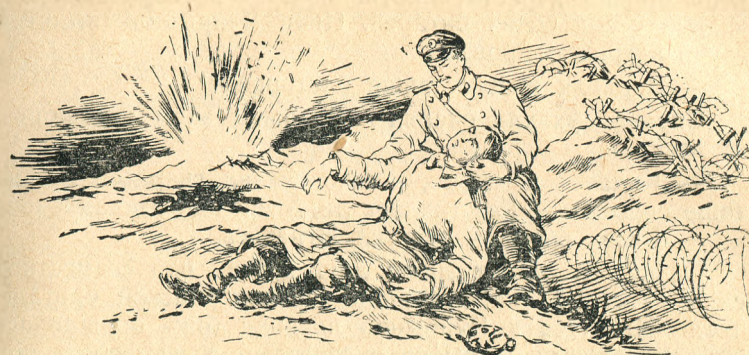
ну, совсем другим человеком стали. А знаете, вам очень к лицу военная форма.

— Она всем к лицу, — ответил он, снова улынувшись, — во всяком случае — всем придает более или менее бравый вид — и высоким, и таким средненьким, как я, и старым, и молодым. Многим она кружит голову: мужчинам от мнимого ощущения рыцарских достоинств, а женщинам... — сами знаете от чего.

— Ну, уж не воображайте, — заметила Канина, грозя ему пальчиком, и засмеялась.

— Нисколько! Как можно гордиться мундиром офицера армии «его величества», зная, какие изверги и негодяи часто бывают в него облачаемы, — ответил он, сразу насупившись.

Канина тоже помрачнела. Долго говорили о разразившейся войне, о бедах, которые она приносит народу. Игнатев сообщил, что через несколько дней выезжает на фронт. Помолчали. Попрощались сдержанно, задумчиво глядя друг другу в глаза. Один вопрос мучил обоих в эту минуту: «Увидимся ли еще?», но слова эти не были произнесены ими вслух.

Глава четвертая

ПО КОМАНДЕ „СМИРНО“

 Н А ОПУШКЕ лес беспорядочно повален; расщепленные сосны, ошетилившиеся изломами, торчат во все стороны. В глубине бора по-хозяйски расположились люди в серых шинелях. Они изрезали грунт узенькими улочками ходов сообщения и траншей, развернули свое смертоносное имущество. Из множества земляных бугорков тянутся к чистому, безоблачному небу сизые струйки дыма, тающие в утренней прохладе. Офицерские землянки легко узнавались по тройным накатам бревен, по полуторааршинному слою утрамбованного суглинка и по густо посыпанным желтым песком дорожкам.

Невдалеке от одной из таких землянок стоял на привязи артиллерийский конь. Младший фейерверкер Иван Чупрынин чистил боевого друга, умиротворяя его то лаской, то крепким словом. Открылась фанерная дверца землянки, и из нее поднялся аккуратно одетый офицер с черными бархатными петлицами, с таким же околышем фуражки. Лейб-гвардии прапорщик чуть вскинул голову, жадно вдохнул чистый воздух, деловито оглядел небо. Погода была отличная. За дальним урочищем к

небу прилип аэростат противника. Он корректировал частый огонь своих батарей. Иван Чупрынин выпятил грудь и громко произнес:

— Здравия желаю, ваше благородие!

Справа ухнули снаряды. Разрывы эхом отдавались по лесу.

— Кидает немец-то, — тихо сказал гвардеец и еще тише спросил: — Газетки нет ли, Александр Михайлович?

— Будет скоро, — ответил Игнатъев.

Офицер и солдат знали друг друга по совместной службе во 2-й лейб-гвардии артиллерийской бригаде. Тогда Игнатъев и Чупрынин наедине тоже обращались один к другому по имени и отчеству. А на фронте они сблизились еще больше, проведя вместе в тяжелых боях десять месяцев.

Военные действия начались в России с маленьких удач, быстро сменившихся большими неудачами. На западе немцы наступали на Париж. Охваченные паникой, французские министры настояли перед Николаем о срочном наступлении русских войск. Варшавская и Виленская армии вторглись в Восточную Пруссию, чтобы оттянуть силы немцев с франко-германского фронта. Под Сталюпеном и Гумбиненом немцы были разбиты. В ответ германское командование бросило резервы, предназначенные для западного театра, и разгромило русские корпуса. Потери были огромны. Но Париж был спасен.

Лейб-гвардии 2-я артиллерийская бригада в составе гвардейского корпуса поступила в распоряжение командующего Северо-западным фронтом генерала Жилинского. Корпус с ходу двинули на фронт. Воюя при острейшем недостатке снарядов, русские понесли большие потери, но врага остановили.

Прапорщик Игнатъев вначале занимал должность офицера по снабжению батарей боеприпасами, а в последнее время был назначен помощником командира батареи. Идя вместе с Чупрыниным к огневым позициям, Александр Михайлович увидел под высокой елью солдата Соколова, стоящего под ружьем.

— Что это с ним произошло? — спросил он младшего фейерверкера.

— Командир батареи Рошин приказал ему доставить капитану Ромадину донесение, — ответил Чупрынин. — Ва-

ся в сумерках заплутал на незнакомых лесных стежках и доставил бумагу с опозданием на два часа одиннадцать минут.

— И что же было дальше?

— Дальше поручик Рошин приказал ему стоять под ружьем два часа одиннадцать минут не евши и по команде «смирно».

В часы боя Василий Соколов всегда находился на передовой. Он ловко лазил на верхушки деревьев и, спрятавшись в ветвях, направлял огонь батареи. Гвардейцы любили юного наблюдателя с веселым лицом и зоркими глазами. За бесстрашие и точную корректировку огня они прозвали Васю Соколова «Соколенком». Вася очень любил Игнатъева за доброту и умение рассказывать удивительные истории о страшных рыбах, зверях, о машинах и науках. Игнатъев тоже относился к нему с трогательной теплотой, и жаль ему было видеть хорошего солдата под ружьем.

Чаще стали ухаты снаряды. Один из них пронзительно засвистел. Игнатъев и Чупрынин пригнулись. Снаряд разорвался недалеко. К орудиям подошел Рошин, принял рапорт, вяло поздоровался с Игнатъевым. Повыше среднего роста, крупнолицый, с большим ртом, в очках, Рошин избегал встречи с чужим взглядом. Приказания он давал, глядя в землю или в сторону, говорил сквозь зубы. И где бы он ни появлялся, всюду он привносил неприятное и грубое. Готовясь к стрельбе, оба офицера расположились возле телефона, в расширенной части траншеи, где были устроены земляные сидения.

На первые же выстрелы батарей бригады враг ответил бешеными огневыми налетами. Орудия русских стояли на площадках, углубленных в землю, и были защищены с фронта и с флангов надежными брустверами. Они отвечали на вызовы немецкой артиллерии лениво, одиночными выстрелами. Берегли снаряды.

Все солдаты были более или менее прикрыты от огня, кроме Васи Соколова. Он стоял под ружьем шагах в сорока от командного пункта батареи уже около часа, испытывая тупую боль в мышцах левой руки, шеи, в ногах. Все тело ныло, и никто не имел права избавить Васю от этой пытки неподвижного стояния, никто, — кроме самого поручика Рошина. Думая, что командир забыл о юноше, Игнатъев спросил его:

— Вы не отправите Соколова на наблюдательный пункт?

— Туда послан другой гвардеец, — сухо ответил поручик.

— Однако Соколов — лучший наш корректировщик.

Ответа не последовало. Оба офицера склонились над картами. С новой силой заговорили орудия врага. Вдали послышались частые гулкие разрывы. Грохот все нарастал и нарастал, прокатываясь смертоносным валом по оврагам и опушкам лесов. С жутким завыванием, визгом, грохотом обрушился стальной шквал на сухой грунт, на деревья, вспорол, разворотил землю, обезобразив все вокруг. Гвардейцы прижались к земле. Соколов продолжал стоять. Игнатьев переждал налет и взглянул в сторону ели. Юноша был цел и невредим.

— Нет, это неслыханно, зачем вы подвергаете риску жизнь солдата? — снова заговорил Игнатьев.

— Мы все рискуем, война! — буркнул Рощин.

— Позвольте, поручик, ведь он стоит под обстрелом, вытянувшись во весь рост.

— И прекрасно. Так он лучше поймет, чего стоит его проступок.

— Это жестоко, бесчеловечно, не делайте из него мишени! Отложите исполнение меры наказания, — повысил голос Игнатьев.

— Знайте, прапорщик, свое место и не учите. Вызывает ваш фаворит, ничего страшного с ним не случится.

— Да поймите же вы, ведь убьете его, понимаете, убьете юношу, и это будет омерзительной жестокостью с вашей стороны, — не выдержав, закричал прапорщик, наседавая на поручика и трясясь от ярости.

— Но, но! Не напирайте, не устраивайте театра, не играйте роли адвоката этих скотов, а то доиграетесь! — вспылил Рощин, хватаясь за эфес шашки.

Пожилый усатый телефонист злобно взглянул исподлобья на поручика, насторожился. Крики гвардейцев ближайшего орудия прервали ссору офицеров.

— Вася! Соколов! Давай к нам! Не слушайся этого ирода! — звали солдаты юношу, ругая на чем свет стоит Рощина.

Это был первый бунт солдат против жестокости офицера в присутствии Игнатьева. Но «бунт» был сорван Соколовым, продолжавшим стоять под ружьем, точно

изваяние. Увидя покорность юноши, Рощин ядовито ухмыльнулся и сказал Игнатьеву, цедя сквозь зубы:

— Будет стоять, будет стоять ваш подзащ...

На полуслове поручик запнулся. Зловеще завыл над головой снаряд и с оглушительным грохотом сотряс воздух. Оба офицера пригнулись. Вулкан рыжей земли и дыма ударил в небо. На головы и спины людей посыпались комки грунта, в ноздрях защекотало от едкого запаха порохового дыма. Раздался душераздирающий крик. Люди встряхнулись, выпрямились, а когда совсем прояснело от дыма и пыли, оглянулись вокруг...

— Что это? Кто это?.. — вдруг вскрикнул Игнатьев, — Соколов? — торопливо вылез из траншеи и побежал.

Да, это был Соколов. Он лежал недалеко от воронки, возле срезанных осколками пахучих веток ели и бился в агонии. Игнатьев стал на одно колено возле юноши, бережно поднял его голову, взглянул в мертвенно бледное, обескровленное лицо и спросил:

— Василий! Куда попало, а? Скажи, куда попало? — Юноша молчал. Ясные детские глаза солдата умоляюще глядели на Игнатьева.

— Санитара ко мне, скорее санитар! — закричал Игнатьев.

Тень благодарной мучительной улыбки залегла в углах безусых губ. Слабым жестом Вася показал на грудь. Игнатьев быстро расстегнул крючки солдатской шинели. Осколок попал в грудь навывлет. Из зияющей раны непрерывно сочилась кровь.

Подбежал санитар, выхватывая на ходу бинт. Подошел усатый телефонист, начали стекаться гвардейцы.

— Не надо, не надо санитар, — запротестовал Василий.

— Почему же, пусть перевяжет рану, — сказал Игнатьев, помогая свободной рукой санитару.

Соколов вяло покачал головой и заговорил о другом:

— Отчего, ваше благородие, небо стало таким темносиним?

— Небо как небо, весеннее, голубое. Это тебе оно кажется темносиним.

— Вот и плохо, что мне кажется, а не всем... — говорил Вася, задыхаясь. — Я один вижу, до чего оно синее... Ничего, лучше — я один... — Передохнул и снова начал. — А мне и не страшно, что я один помираю...

— Да ты поправишься, Вася, поживешь побольше нашего, — отечески успокоил уса́тый телефонист.

Гвардейцы склонились над умирающим, образовав тесный круг. Суровые, обветренные лица застыли в тяжком раздумье. Юноша обратился к Игнатьеву.

— Очень прошу... матери моей напишите.

— Напишу, а как вылечишься, сам поедешь к ней, — обещал Игнатьев, поднеся ему чью-то флягу с водой. На сухих губах мелькнула улыбка. Вася отпил немного воды, гродолжая:

— Карточку мою пошлите... и деньги одиннадцать рублей... — Вдруг юноша встревожился, застонал, попытался привстать и надрывно, со страхом закричал: — Я ничего не вижу, ничего не вижу, небо сплошь потемнело... А сейчас что — день, вечер?

— День, — хором ответили гвардейцы.

— А как темно... Мамынька, глаза мои ничего не видят!.. Открытые и не видят!.. Ой, страшно... Я лучше закрою глаза... Вот так, — мучительно выдавил он и сомкнул веки.

Гвардейцы выпрямились. Обстрел кончился, и наступила жуткая тишина. Юноша больше не говорил, а лишь стонал все слабее, слабее и, наконец, затих...

Воины обнажили стриженные головы, молча перекрестились. Игнатьев в оцепенении продолжал поддерживать безжизненную голову, уставившись влажными глазами в восковое лицо.

Похоронили Васю скромно. Трижды отсалютовали винтовочными залпами, и на бранной земле вырос еще один холмик. По приказанию фельдфебеля на холмике поставили березовый крестик. Игнатьев аккуратно выжег на дощечке имя, фамилию, отчество, год рождения, дату гибели и прибил ее к кресту. У основания креста прапорщик положил букет ранних полевых цветов.

АЭРОПЛАН

Поздно вечером Чупрынин направился к Игнатьеву. Проходя мимо землянки Рощина, он услышал приглушенные голоса. Чупрынин приостановился, прислушался. Судя по тону разговора, спор или ссора шла давно.

— ...Вы даже не исполнили своего воинского долга, не приняли участия в похоронах погибшего гвардейца, — раздраженно кричал Игнатьев.

— Оставьте, Александр Михайлович, каждому погибшему отдавать долг, — воевать некогда будет.

— Соколов — не «каждый», сегодня он один погиб у нас.

— Я не смог принять участия, я был вызван в штаб бригады.

— Вы говорите неправду, поручик, вы лжете, вы не пришли потому, что были фактическим убийцей юноши. Вы боялись гнева солдат, вы испугались их, да, да, вы испугались, вы трус, жестокий человек и жалкий, презренный трус...

Чупрынин хотел, было, зайти в землянку, думая, что ссора перерастет в драку, но не решился, опасаясь навлечь на себя гнев командира батареи. А Рощин говорил против обыкновения спокойно, защищаясь и не называя прапорщика, по привычке, солдатским адвокатом.

— Не надо принимать так близко к сердцу всякую смерть, на войне так нельзя, — увещевал он Игнатьева.

— Вы бессердечный, гнусный человек, — отрезал Игнатьев и вышел, хлопнув дверью.

Чупрынин прижался к дереву, уступая дорогу прапорщику.

Попав из света в крошечный мрак ночного леса, Игнатьев ничего не видел. Он шагал осторожно, нащупывая ногами землю. Когда глаза немного привыкли к темноте, перед ним смутно стали вырисовываться стволы сосен. Он задумчиво глянул в безоблачное небо. Оно было таким же необъятно далеким, как и всегда, засеянное мириадами таинственно мерцающих звезд.

В землянке жили двое: он и подпоручик Дмитриев. Игнатьев не застал подпоручика на месте. Очевидно, тот играл у кого-то в карты. Не успел Игнатьев снять шинель, как постучали в дверь. Это был Чупрынин. Он извинился за беспокойство и, упершись головой в потолок, отдал честь. Прапорщик предложил Чупрынину сесть. Тот осторожно присел на нарах из жердочек.

— С каким делом, Иван Андреич? — спросил Игнатьев.

— Гвардейцы очень сердиты на их благородие — подлеца Рощина. Не желают ему простить васькину смерть. Припомнили заодно и все старые его изуверства. Одним словом, хотят кончить его потихоньку во время

боя. Говорят, кое-где солдаты таким манером рассчитывались с офицером.

— А что вы думаете по этому поводу, — спросил Игнатьев, сбивая нагар бумажейного фитиля со снарядной гильзы-лампы.

Пламя ярче осветило лица собеседников. Младший фейерверкер попытался прочитать в заблестевших глазах Игнатьева его мнение и ответил:

— Думаю, что это не дело. А все же убьют его, обязательно убьют.

— Видно, Иван Андреич, что ваше мнение не совпадет с вашим желанием, — прищурив глаза, сказал Игнатьев.

— Разумеется, не часто можно совершить то, что желаешь.

— Ну, а кто, по-вашему, особенно зол на Рощина, кто больше, способен исполнить подобную казнь?

— По-моему? — переспросил Чупрынин, поморщив широкий лоб, — по-моему, на лейб-гвардии поручика крепко злы, скажем, Фокин, Коровин, наш хохол Ткаченко, да и добряк Татищев исходит лютой злостью против него.

— Позовите утром ко мне всех четырех, а сейчас — спать.

Чупрынин понимающе кивнул головой, повернулся кругом и вышел.

Утром пятеро солдат и прапорщик расселись под деревьями, вдали от землянок. Игнатьев осведомился, кто откуда. Татищев и Коровин оказались рабочими из Петербурга, Фокин — сибирским крестьянином, Ткаченко — бочаром из-под Херсона.

— Вам известно, зачем я вас позвал? — спросил Игнатьев.

Солдаты сказали, что им ничего неизвестно.

— Чтобы поговорить с вами насчет Рощина. Вы, кажется, приговорили его к смерти?

От неожиданности, словно от удара, они подались назад, переглянулись, метнули подозрительные взгляды на Чупрынина.

— Не смотрите так на Чупрынина. Он вас не предал, — продолжал Игнатьев своим мягким, неторопливым тоном. — Обещайте и вы сдерживать тайну об этой встрече, а за него я ручаюсь.

— Разумеется, ваше благородие, об чем разговор, — довольные, загудели гвардейцы.

— Нас шестеро, — сказал прапорщик, сделав ударение на слово «нас». — Я бы хотел, чтобы мы действовали сообща, согласны?

Все доверительно кивнули. Игнатьев пользовался среди солдат большим уважением. Авторитет его особенно вырос после одной истории. Однажды Рощин намеревался устроить экзекуцию над гвардейцем, несмотря на то что телесные наказания запрещались. Для назидания другим он собрал весь личный состав батареи, привели людей и из соседних подразделений. Осужденный к 50 палочным ударам уже лежал ничком на земле с обнаженной спиной. Не вынося диких картин экзекуций, Игнатьев бурно запротестовал, отказался присутствовать. Рощин приказал ему остаться. В присутствии солдат между офицерами разыгралась неприятная сцена. Под конец Рощин выхватил палку и вне себя закричал, наступая на Игнатьева: «Ни с места, вы должны присутствовать, иначе я зарублю вас!» Игнатьев круто повернулся спиной к Рощину и, не говоря ни слова, пошел прочь. В рядах артиллеристов послышался глухой, зловещий ропот. Рощин растерялся. Экзекуция не состоялась. С тех пор гвардейцы с открытой душой шли к Игнатьеву за советами, делились с ним своими затаенными мыслями, одному ему доверяли свои нужды.

И вот теперь солдаты сближались с прапорщиком еще больше. Вместе с ним они готовы были решить судьбу Рощина. Прапорщик дурного совета не даст, его надо слушать.

— Прежде чем исполнить замысел о справедливой каре, — говорил Игнатьев, — нам следует уяснить, каким образом лучше всего осуществить эту кару. Вы хотите, например, застрелить Рощина во время боя и выдать дело так, будто он сражен вражеской пулей. Заметим сразу, что немецкие пули до наших артиллерийских позиций не долетают.

— А до наблюдательного пункта? — спросил Татищев.

— Там он не бывает. Но не в этом суть, — Игнатьев по очереди глянул каждому в глаза и продолжал: — Суть вот в чем: имеет ли смысл охотиться нам за этой

мелкой тварью, а крупных зубров оставить невредимыми?

— Это об ком вы, ваше благородие? — спросил Корвин, подняв густые светлые брови...

Разговор прервали внезапные беспорядочные выстрелы из винтовок. Точно подброшенные пружинами, все шестеро вскочили на ноги.

— Тра-та-та-та! — слышалось совсем близко. — Тра-та-та-та! Тра-та-та! — переключались пулеметы вдаль. — Трра-а, трррра-а! — раздавались залпы.

Беспорядочная винтовочная стрельба могла возникнуть на артиллерийских позициях только в случае внезапного прорыва противником линии фронта, нападения с тыла, с фланга: Игнатьев, бежавший с солдатами к батарее, вдруг услышал голоса:

— Аэроплан! Аэроплан!

— Где, где аэроплан? — спрашивали растерявшиеся гвардейцы. Подпоручик Дмитриев, выскочивший из землянки без гимнастерки, показывал рукой на небо правее вершины одинокой оголенной сосны. Под голубым куполом неба медленно плыл полупрозрачный, едва видимый аппарат. Его тонкий корпус то и дело красиво вспыхивал, отражая серебристым боком веселые брызги солнца. Аэроплан парил медленно, пошатываясь из стороны в сторону и моментами, казалось, замирал в поднебесье.

То был первый аэроплан, который увидели над батареей.

По сравнению с русским четырехмоторным гигантом «Ильей Муромцем» этот небесный «гость» вызвал чувство разочарования. Людям, хотевшим видеть «живой» аэроплан, не понравился крохотный аппарат. Судя по контурам, аэроплан был похож на один из опубликованных в журнале снимков моноплана с очень мирным названием «таубе» — голубь. Но как ни была ничтожна в воздушном океане «голубка», она не вызывала сочувствия. И не столько стремление обезвредить ее, сколько желание видеть и пощупать руками хотя бы косточки этой диковинки, подогревало страсти стреляющих. Гвардейцы изошрялись в насмешках по адресу «мазил», бьющих мимо цели. Почувствовав опасность, самолет забрался ярусом повыше, несколько раз, дымя, избороздил небо вдоль и поперек, затем развернулся, застреко-

тал на вираже и неспеша уплыл восвояси. Обидно было упускать его. Свинцовый град хлестал по небу. Под конец «жару поддала» и артиллерия. Подняв предельно высоко жерла, орудия на авось загромыхали по небесам.

— Вот так воробей! Из скольких пушек по нем палят, — заметил Чупрынин.

— Вы понимаете, что получается? — обратился Игнатьев к Дмитриеву. — Даже один аэроплан может принести нам огромный урон.

Стройный подпоручик Дмитриев стоял в одной сорочке, поеживаясь и засунув ладони подмышки. Он усмехнулся и ответил:

— Напрасно иронизируете, Александр Михайлович, аэроплан наверное сфотографировал наши позиции.

— Откуда вы взяли, что я иронизирую? Помилуйте, разве вы не обратили внимания, что за двадцать минут наши произвели больше выстрелов, нежели обычно производят за сутки. И все — пальцем в небо. Раз десять в день показаться этакой игрушке над нами, и мы в неделю израсходуем весь наш запас патронов и снарядов.

— По-вашему, вовсе не стрелять? Ведь есть приказ, обязывающий солдат стрелять по аэропланам.

— Но не на авось, а с каким-то смыслом и расчетом стрелять, не так ли?

— По-моему, уже кое-что делается относительно расчетов. Я слышал, будто некий конструктор Розенберг и, независимо от него, инженер Иванов придумали механизмы, с помощью которых можно легко и быстро повернуть пушку на вертикальной оси под любым углом и наклоном ствола, — сказал Дмитриев.

— Поворотное приспособление? — заинтересованно спросил Игнатьев. — А прицел какой?

— Прицел? Должно быть, обыкновенный.

— Позвольте, как же с его помощью бить по движущейся цели, ведь аэроплан не стоит на месте ни одной секунды?

— Не знаю, — ответил Дмитриев и поспешил в землянку.

Оставшись один с Игнатьевым, Чупрынин осведомился о продолжении разговора с солдатами, прерванного воздушной тревогой. Игнатьев условился о встрече через

день вечером, когда командир второй батареи Дмитриев уйдет на дежурство.

РАЗГОВОР В ЗЕМЛЯНКЕ

Полевой почтальон принес Игнатьеву в землянку два письма: от отца и от учительницы Маргариты Вячеславовны Унуш. В это время Дмитриев собирался уходить на дежурство. Просовывая руку в рукав шинели, он завистливо оглянулся на толстые конверты, попрощался и, хмурый, вышел. Оставшись один, Игнатьев подтянул концом ножичка фитиль гильзы-лампы и в мрачной землянке сразу стало веселее. Он уселся на топчан, укрытый байковым одеялом, облокотился на шуршащую, набитую сеном подушку, вскрыл конверт и углубился в чтение.

Маргарита Вячеславовна начинала письмо с подробного лирического описания картины наступления весны в Ахиярви. Эти страницы взволновали Игнатьева, вызвав воспоминания о днях юности. Маргарите Вячеславовне был вверен надзор за дачей, и в письме своем она отчитывалась о сделанном ею. Еще три страницы она посвятила всяким хозяйственным мелочам, мало интересным Игнатьеву. Далее учительница рассказывала, как она пытается возродить сад, сама обрабатывает цветочные клумбы, обстригает деревца, живя в тоскливом одиночестве. В заключение она сообщала о гибели на фронте одного из своих друзей. Учительница обладала даром изливать в письмах свои чувства и произвела на Игнатьева сильное впечатление.

Перечитав еще раз письмо, Александр Михайлович устремил серые, повлажневшие глаза на причудливую лампу. Огонь, горящий в полусумраке, располагает человека к раздумью. Прапорщик сидел неподвижно, долго не отрывая взгляда от магического пламени. Опомнившись, он принялся читать второе письмо.

Отец извещал, что скоро мобилизуют и Мишу. Итак, солдатом становится его третий сын.

«Я не отчаиваюсь, конечно, — писал Михаил Александрович, — но мне, как всякому родителю, тяжело, признаюсь, безмерно тяжело.

Здоровье мое ухудшается. Плохо с сердцем. Одышка одолевает. Старость берет свое. Жить мне, очевидно, ос-

талось немного. А как хочется дожить до возвращения домой моих детей-воинов. Легче будет умереть, убедившись, что вам больше не грозит кошмар войны. Впрочем, ты всегда ухитрялся жить, Шура, так, что над тобой постоянно висел дамоклов меч. Я никогда не осуждал тебя за избранный опасный путь, а, напротив, гордился твоим правдолюбием и горжусь тем паче теперь, зная твое отношение к этой величайшей из трагедий в истории.

На днях наводил порядок в твоей комнате. Хотел, чтобы вещи лежали на местах так, как ты оставил их. Так почему-то приятнее мне. Видимо, от иллюзии твоего присутствия, точно ты вышел из дому на полчаса. Роясь в ящике стола, я наткнулся на твои нетупящиеся инструменты и расстроился, сердце вдруг зашало крепко, и я присел, чтобы не упасть. Какое большое дело брошено и позабыто... сколько живых дел, больших и малых идей, проектов, экспериментов, рожденных во имя блага человеческого, заморожено, загублено ради этой безумной войны! Сколько талантов, вместо того чтобы оплодотворить ниву науки и просвещения, сложит головы и сгинет прахом! Ужас, ужас»...

В дверь землянки постучали. Игнатьев предложил войти. Чупрынин и четверо друзей ввалились в тесную конуру, заполнив ее и приветствуя прапорщика. Игнатьев ответил на приветствие. С его разрешения гвардейцы кое-как расселись на койке и на земляном полу. Дочитав письмо отца, Игнатьев задумался, расстроившись.

— Письмецо получили, ваше благородие? От него завсегда вначале полегчает на душе, а потом муторно станет, — сочувственно сказал Татищев, обхватив руками колени.

— Да, вот получил два письма. В них — слезы честных людей. Морем слез омывает народ письма своим сынам-солдатам... Что ж, будем разговаривать?

Игнатьев заметил, что за два дня гвардейцы несколько поостыли. Однако он не хотел, чтобы ненависть к Рошину ослабла, и поэтому о нем и начал беседу:

— Вы спрашивали в прошлый раз: кто же еще достоин суровой кары, кроме нашего поручика? Многие, очень многие. И именно поэтому трогать его пока не следует.

Непонятно начал рассуждать прапорщик. Разве суд не карает пойманного разбойника из-за того, что на свете есть много других разбойников?

— Я согласен с вами, что Рошин жесток, что телесные наказания солдат нетерпимо унижительны, что тутое упрямство Рошина стоило жизни не только Соколову. Слов нет — это мерзавец, злодей, но ведь есть и другие злодеи.

— А других мы не знаем, ваше благородие, — ответил сидящий на полу Фокин, подняв веснушчатое лицо с маленькими острыми глазами.

— А как вы думаете, злодеи есть еще на свете?

— Может и есть где, да они до нас не касаются. Пушай на них найдут управу те, кого они обижают.

— Я вас понял, Фокин, так: мы расправимся здесь с Рошиным, в соседнем полку такие же солдаты, как вы, разделаются с каким-нибудь мерзавцем Сидоровым, в третьем полку — еще с кем-то и так далее. Не так ли?

— Так точно!

— Если всякий постоит за себя, то будет управа всем злодеям, — добавил Коровин.

— А не лучше ли нам объединиться с солдатами тех полков, с недовольными дивизий, корпусов — всей русской армии — и сразу решить вопрос со всеми злодеями?

— Канитель разводите, — махнул рукой Фокин.

Большевик Чупрынин и Ткаченко молчали. Первый понимал, к чему ведет разговор прапорщик, второй просто был молчалив.

— Я имею в виду прежде всего не мелких злодеев, а крупных, волею которых льется кровь народа, — мягко убеждал Игнатьев. — Вы говорите, Фокин, что другие злодеи до вас не касаются. А как война, касается она до вас? До ваших детей, хозяйства... касается? Меня, например, она очень коснулась. Вот вам подтверждение — письмо отца.

— Это почему же, ваше благородие, ей до меня не касаться, — воскликнул Фокин с обидой. — Кабы она до меня не касалась, разве я рыл бы здешние земли, давши, извините, ели бы меня поедом... Опять же и нам письма шлюг, почище вашего. Вот оно, горя из него вовек не выхлебать! — выпалил солдат, извлекая из кармана сложенную треугольником серую бумагу.

Прапорщик взял письмо и с разрешения Фокина прочитал вслух. Половина текста состояла из поклонов всей деревни, а вторая половина — из длинного перечня крестьянских бед.

— Верно, Фокин, война вас сильно касается, — сказал Игнатьев, сочувственно кивая головой. Фокин присосанился, словно он гордился тем, что у него оказалось столько бед. Игнатьев, между тем, продолжал. — Война не меньше касается каждого из вас, каждого солдата и честного человека в тылу.

— Истинно, ваше благородие.

— Истинно, говорите? А кто затеял войну, кто главные виновники ее, — вам не интересно знать? Вам интересно бороться только с одним Рошиным — с этой мелкой рыбешкой?

— Да нешто мы не воюем с виновником? День-деньской из пушек палим по нему, — обиделся Коровин.

Татищев, насупившись, недобро косился на прапорщика из угла. Высказываясь против расправы над Рошиным, Игнатьев заронил сомнение в искренности своего отношения к солдатам. Татищев с каждой минутой становился сумрачней. И вдруг он вспыхнул, заговорил с тневной ядовитостью:

— Мы вас поняли так, ваше благородие: немцев уговариваете бить, поскольку они виновники войны, а Рошина — не трогать, дескать, мелкая рыбешка. Выгораживаете его, своего же офицера, а мы, дуры головы, открылись вам. Знали же наперед, что ни за какие калачи офицер на офицера не пойдет ради нашего брата, знали и попались, как куры во щи.

Наступила неловкая тишина. Снаружи доносился вечерний шорох сосен. С ненавистью смотрел Татищев и на Чупрынина, но тот не обращал на него внимания, пряча в усах снисходительную улыбку. Свет мерцающей лампы отражался, искрясь, в глазах растерявшихся солдат. Игнатьев нахмурился, деловито погладил усы и выждал минуту.

— Откуда вы взяли, Татищев, — начал он, — что я назвал главной вашей мишенью немцев. Разве я хоть раз употребил слово немец? Не дело — выдавать свои догадки за чужие мысли. Но уж раз вы заговорили о немцах, скажу и я. Вы называете виновниками войны немцев, а они — вас...

— Брешут они про нас, собаки. Мы их не трогали, — отрезал Фокин.

— Кто войну объявлял? — спросил Коровин.

— Чего спрашивать, ясное дело — немец, — сказал Татишев.

— Правильно, Татишев, кайзер тоже немец, однако не забывайте: брешет про вас кайзер, а стреляет не он. Стреляет немецкий солдат, который верит в правоту своего кайзера так же, как вы верите в правоту своего царя. Остается выяснить, кто же заблуждается — немецкий или русский солдат? Вы это выяснили, Татишев?

Молчание.

— Или вы решили, что немецкие солдаты — это разбойники с большой дороги? Так позвольте вам сказать, что это такие же отцы семейств со своими брошенными хозяйствами и заботами, как вы, — осторожно, не горячася, но все увереннее наступал Игнатьев.

— Мы люди темные, — нашелся Фокин, — в царских спорах-пересудах не разбираемся, а стоять обязаны, как присягали, за своего, за православного царя.

— Вы решили стрелять в Рощина тоже согласно присяге?

Солдаты растерянно переглянулись, не понимая, к чему клонит прапорщик.

— Здесь вы готовы нарушить присягу. А в отношении трех рощинных, которые найдутся в дивизионе, а в бригаде их наберется тридцать, в армии — триста, в России — миллион штатских, тайных и явных палачей народа, — в отношении их вы не хотите нарушать присяги? — не меняя тона, продолжал наступать Игнатьев.

Водворилось опять длительное напряженное молчание. Противоречивые чувства и мысли отражались на лицах солдат: «Туманит прапорщик мозги или правду говорит? А если туманит, то ловко, как колдун. С чего бы он стал выгораживать Рощина, когда сам чуть ли не рубится с ним на шашках?..»

— ...Виновниками невиданного побоища народов являются богатеи — капиталисты и помещики — германские, французские, английские, русские, — говорил с гневом Игнатьев. — Это они перессорили народы, чтобы их кровью заработать себе горы золота. Не германские солдаты, а их капиталисты направляют на нас жерла орудий. Выгодно воевать не нам с вами, а русской бур-

жуазии, пославшей нас в окопы. Вот с нею и надо свести счеты. Коровин говорит, — пускай всякий постоит за себя, а мудрая русская пословица не согласна с ним: «Ты, гроза, грозись, а мы друг за друга держись!» Будем бороться врозь, глушить мелкую рыбешку вроде Рощина и нас поодиночке начнут «глушить». Станем друг за друга держаться, одолеем и больших акул.

Никто не проронил ни слова. Все, насупившись, думали. Фокин мучительно сморщил лоб от тяжелой работы мысли. Как быть с присягой? Неожиданный резкий стук в дверь вывел солдат из раздумья.

— Войдите, — откликнулся прапорщик.

Дверь скрипнула, и все увидели очки, неприятно блеснувшие желтыми огоньками, а затем из мрака выплыло и желчное лицо Рощина. Как ужаленные, вскочили гвардейцы на ноги и, задевая друг друга локтями, отдали честь поручику.

«Случайно зашел или узнал о сборе?.. Измена?.. Ловушка?.. Подслушал подлюга?» Сомнения, досада, тревога, замешательство — сложную гамму чувств выражали лица солдат, решивших, что командир батареи пришел не случайно и что им теперь не сдобровать. Под низким бревенчатым потолком зазвучал резкий голос Рощина:

— Лейб-гвардии прапорщик Игнатьев, где ваш рапорт?

На столике лежал сборник избранных произведений Некрасова. Игнатьев, случалось, читал солдатам любимого поэта и беседовал с ними о его стихах.

— Лейб-гвардии поручик Рошин, честь имею доложить: гвардии рядовые и младший фейерверкер Чупрынин — в количестве пяти человек, — находясь при мне, на досуге слушали чтение стихотворений поэта Некрасова.

Рошин измерил взглядом прапорщика.

— И как же они воспринимают поэ-эзию? — спросил он, презрительно гримасничая. — Скажи, канонир Фокин, какое из стихотворений поэта тебе понравилось?

Фокин замялся. Ему не приходилось быть на чтениях Игнатьева, и он ничего не знал. Губа его с рыжей щетиной вздрагивала, но он не мог выговорить ни слова.

— Отвечай, скотина, ну! О чем стихотворение?

— Про маленькую рыбешку, вашбродие...

— Что же о ней говорится?

— Говорится, мол, глушить ее не резон, ежели агромадную шуку прозевашь... — пролепетал Фокин.

— Что ты мелешь, болван! Какая рыбешка, какая шука? О шуке написал Крылов, понял?!

— Так точно! — отчеканил Фокин, уставившись на Рощина маленькими круглыми глазами.

— Здесь читали басни Крылова?

— Так точно, вашбродие, всякие там... побасенки!..

Поручик безнадежно махнул рукой и обратился к Татищеву:

— Какие стихотворения читал прапорщик?

— «Кому на Руси жить хорошо!» — бойко ответил солдат.

Рощин протянул руку к сборнику, чтобы проверить, есть ли там эта псэма, но Игнатьев решительно накрыл ладонью книгу. Он вонзил взгляд в Рощина и сказал по-французски сквозь зубы:

— Милостивый государь, вы учиняете мне допрос в присутствии солдат, пытаюсь с их помощью уличить меня во лжи. Так знайте же, что я не отвечаю ни на один ваш вопрос!

Слегка нагнувшись над столиком, два офицера стояли в воинственных позах, почти касаясь друг друга лбами. Офицер «шел» на офицера. Это заметил Татищев, заметили все. Рослый Чупрынин, склонив голову набок (мешал потолок), многозначительно кашлянув, придвинулся к Игнатьеву.

— Прекратим эту курьезную сцену, — продолжал Игнатьев по-французски. — Поговорим лучше о предмете, ради которого вы пришли сюда.

Действительно, улик не было. Вытянувшись во весь рост, уставив глаза в кору бревен наката, солдаты стояли, не шевелясь. Что с них спросишь? Однако надо было отступать с достоинством.

— Да, мы еще поговорим... после, — неопределенно буркнул по-французски поручик и добавил по-русски другим тоном: — Я пришел спросить у вас, прапорщик, нет ли чего почитать?

— Могу предложить Некрасова, — ответил Игнатьев, отняв от книги руку.

Рощин взял книгу и, приказав солдатам разойтись, покинул землянку.

Через двадцать минут гвардейцы вновь ворвались к Игнатьеву, смущенно улыбаясь.

— Простите несмышленных людей, дурное подумали про вас, зачурались вашего благородия, виноваты, — сказал Татищев.

Игнатьев положил руку на плечо солдата и обратился ко всем, говоря почти шопотом:

— Отныне называйте меня в своем кругу по имени и отчеству или просто — прапорщик Игнатьев, поняли, друзья? А с нашим Ильей Муромцем — Чупрыниным мы давно уже друзья-товарищи... А Фокин-то, Фокин каким молодцом оказался. Прикинулся простачком и обвел вокруг пальца Рощина, — довольно посмеивался прапорщик, крутя усы. — Впрочем, все выдержали экзамен. Молодцы!.. А теперь — по местам!

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

Над позициями русских войск все чаще стали появляться немецкие самолеты. Теперь они уже летали не поодиночке, а парами и тройками. Начали действовать авиационные роты. В хорошую майскую погоду они вдруг заполняли небо, точно мухи, проснувшиеся от зимней спячки. В штабы армии и фронта посыпались с передовых линий донесения о полетах аппаратов врага.

Немцы вели усиленную воздушную разведку, бросали бомбы, производили фотосъемки.

По данным разведки, к началу войны Германия имела всего 240 самолетов типа «таубе» и бипланов «альбатрос» и «авиатик». Увлечшись строительством цепелинов, Германия отстала в строительстве самолетов от ряда государств и лишь в 1912 году начала усиленно строить их, подражая конструкциям французских «нюпорсов» и «фарманов». Но война быстро двинула вперед авиационное производство. Уже к весне 1915 года авиация вышла из детского возраста, стала родом войск, серьезным и трудно уязвимым. Немцы начали выпускать ежемесячно сотни военных самолетов. Отсталая полукустарная промышленность России выпускала их почти в десять раз меньше. Вот почему немецкие пилоты совершали свои рейсы почти безнаказанно. Единственно серьезной опасностью для них являлись русские летчики, но встречи с ними в просторах неба случались весьма

редко. Россия получала от своей союзницы Франции смехотворное количество «нюпоров». Эти машины очень быстро приходили в негодность и были страшны не столько немцам, сколько тем, кто летал на них.

Подпоручик Дмитриев оказался прав. Деревянные поворотные приспособления внедрялись в артиллерию, как говорится, со скрипом. Еще медленнее входили в жизнь металлические поворотные круги конструкции Иванова — более дорогие в изготовлении, но намного совершеннее деревянных по своим практическим качествам. По приказу командования многие батареи начали своими силами делать поворотные круги Розенберга, превращая полковые пушки в зенитные.

Приказ о реконструкции батареи Рощина Игнатьев встретил с энтузиазмом, сам вызвался руководить работами. Чупрынин и бывший бочар Ткаченко стали его ближайшими помощниками, а вообще работала с увлечением вся батарея.

Превращение полковой пушки в зенитную совершалось так: в земле вырезали круг и плотно вставляли в него огромный диск, сколоченный из густо просмоленных шпал. В центре шпал — основания сооружения — вертикально прикреплялась толстенная дубовая ось. На эту ось надевали бревенчатый пьедестал выше человеческого роста. Усилиями всей батареи орудие поднималось и укреплялось намертво на «пьедестале». Колеса беспомощно висели по бокам. «Пьедестал» поворачивался вокруг дубовой оси на 360 градусов без катков, как поворачивается передок телеги. По краям вырытого круга, прямо на земле, разбивали деления, по которым отсчитывали угол поворота орудия. Поворот производили с помощью удлиненного хобота.

Во время стрельбы орудие могло поднять ствол очень круто, почти вертикально. Оно медленно двигало жерло по направлению полета аэроплана и «ловило его на прицел». При выстреле сила отката падала на поворотный круг. Однако приспособление Розенберга и даже металлическое Иванова мало оправдывали себя. Стрельба велась без точного расчета, почти впустую. Аэропланы беспрепятственно разгуливали по воздуху, фотографировали позиции русских, бомбили, бросали десятки тысяч металлических стрел величиной немного побольше автоматической ручки. «Аббатрос» поднимал до

200 килограммов стрел и высыпал их дождем на выслеженную живую цель. Авиационная стрела редко падала в человека, но уж если она настигала солдата, то насмерть.

Наряду с фронтом немцы начали бомбить с воздуха и тылы: железнодорожные узлы, села и города. Нужны были орудия с удобными для быстрого вращения поворотными приспособлениями. Путиловский завод выпускал ничтожное количество пушек со специальными прицелами. Эти пушки устанавливались на тумбах, на автомобилях. Но и это новшество сколько-нибудь существенно не беспокоило немцев.

Противовоздушная оборона оставалась одной из самых острых задач. Великий князь Сергей Михайлович, полевой артиллерийский генерал, докладывал царю о полном бессилии наземных средств против авиации.

В конце мая Игнатьев закончил оборудование пушек поворотными приспособлениями, и батарея Рощина стала называться противозаэропланной. С тех пор она находилась на приличном расстоянии от передовой линии, и офицеры расквартировывались в деревнях.

Германские пилоты с каждым днем нагнали все больше и больше. Эскадрильи самолетов бомбили русские позиции и бросали теперь смертоносные стрелы не так безуспешно, как прежде. Зенитникам работы хватало, не хватало лишь снарядов. Но в нелетные дни и вечерами зенитчики скучали от безделья, скучали и офицеры. Пожалуй, ни на кого так разлагающе не действовала позиционная война, как на офицера-зенитчика. За неимением других дел живущие своей, отъединенной от солдат, узко кастовой жизнью, офицеры проводили время за пулькой, играя ночи напролет, бесшабашно пили водку.

Офицеры собирались в избе у Дмитриева, рассаживались за громадным старым столом и начинали батальню. Перед игрой картежники подогревали себя водкой. Азарт разгорался очень быстро, и деньги летели с необыкновенной легкостью. Шум, крики, полупьяные споры не умолкали до утра. Гудела изба, окутанная плотной мглой табачного дыма, заплеванная, засоренная сотнями окурков, пеплом, спичками, обрывками бумаги.

Как-то перед очередной пулькой один из офицеров показал сложную карточную головоломку. Он уверял,

что сколько ни предлагал людям эту загадку, никто не мог ее решить. Игроки долго пытались раскрыть суть хитроумной комбинации, но не смогли.

В восемь часов утра Дмитриев проснулся и увидел сидящего за столом прапорщика.

— Александр Михайлович, вы не спали? — спросил Дмитриев, протирая заспанные глаза.

— Знаете, я ведь решил, — сказал Игнатъев, вместо ответа. — Чертовски остроумная штука, вот посмотрите...

— Позвольте, вы кажется говорили, что в жизни карт не держали в руках. А теперь, какая же это муха укусила вас?

— Муху зовут головоломкой, — ответил Игнатъев, зевая.

— И вы из-за нее не спали целую ночь?

— Понимаете, никак не получалось, и я не мог спать.

— Вы держали пари с кем-нибудь?

— Нет, я решил головоломку исключительно из любопытства. С детства страдал этим. Трудные загадки, ребусы в журналах были для меня египетским наказанием.

— Это род болезни. Впрочем, одному качеству — упорству — в вас я завидую. С этим качеством можно делать дела поважнее.

— Благодарю за комплимент. Давайте лучше я вам покажу, как она решается, удивительно умная штука.

Ознакомившись с секретом разгаданной головоломки, Дмитриев вежливо похвалил Игнатъева. Разговаривая, оба вышли в сени умываться. Холодная вода из колодца освежила утомленного бессонной ночью Игнатъева. Вытираясь полотенцем, он вдруг остановился, стал прислушиваться к отдаленному, но хорошо знакомому, нарастающему жужжанию. Летели «альбатросы». Месяца два прошло со дня гибели Соколова. С тех пор авиация врага непрерывно появлялась над русскими войсками, активизируя свои действия. А в последнее время немецкие самолеты стали назойливы, как мухи.

Зимой войска Северо-западного фронта вели бои в районе Мазурских озер и позже — в районе Августовских лесов. Потерпев ряд серьезных поражений, русские перешли в середине марта в оборону. Угрожающее положение на юге вынудило Ставку перебросить туда свои

резервы и часть действующих сил Северо-западного фронта. Собрав мощный кулак у блокированного города Перемышля, русские после упорных боев разгромили австро-венгров, заняли город и взяли в плен свыше 122 тысяч вражеских солдат и офицеров.

Победа русских войск получила широкий отклик в Европе. Германское командование решило любой ценой восстановить свой престиж. Оно начало стягивать на южный фланг большие силы, в числе которых находились и вызванные с франко-бельгийского театра военных действий четыре ударных корпуса. Тем временем русские войска обессилили в боях за Перемышль, Галицию, Карпаты. Этим воспользовался генерал Макензен и прорвал оборону русских в районе Тарнов-Горлице. Успех, одержанный после массовой артиллерийской подготовки, немцы безостановочно развивали в течение месяца и в начале июня заняли линию реки Сан и город Перемышль. Затем они полностью вытеснили русские войска из Галиции, овладели Львовом и многими другими городами.

Еще до Тарнов-Горлицкого прорыва, чтобы отвлечь внимание русского главного командования от юга, германские дивизии демонстрировали ложное наступление на войска Северо-западного фронта. Во время одного из таких «наступлений» и погиб любимец батареи Василий Соколов. Противник вел такой шквальный артиллерийский огонь, что каждый раз его принимали за действительную подготовку к решительному наступлению. Эти адские инсценировки немцы повторяли через четыре-пять дней, сковывая силы русских.

Игнатъев добежал до орудий, установленных в версте от деревни. Рощин прискакал на коне несколько раньше и командовал огнем. Чупрынин ловко поворачивал орудие за хобот вместе с «пьедесталом» и после каждого выстрела чертыхался:

— Ни черта эта «техника» не стоит!

— Ничего не поделаешь. Цыган бреется серпом, — утешал Татишев.

— Напрасная стрельба, — сказал в свою очередь Игнатъев Рощину. — Раньше германские пилоты хоть немного боялись, а теперь привыкли к нашим безобидным зенитным орудиям.

— Что же вы предлагаете, прапорщик? — спросил Рошин.

— Ничего не предлагаю, а лишь констатирую факт.

— Для этого не требуется офицерской эрудиции. Вот тот мерин, что пасется на лугу, может с успехом сделать подобные умозаключения, — грубо сострил поручик.

— Однако я не вижу, чтобы вы делали более глубокие умозаключения, — беззлобно ответил прапорщик.

Необычной силы гул, шедший со стороны фронта, заставил обших офицеров прекратить перепалку.

Рокоча моторами, в небе кружились аэропланы, словно стая хищных птиц, заметивших в поле умирающего воина. Некоторые летали над дорогами, бросая на обозы гранаты и стрелы. Русские, испытывая недостаток в снарядах, отстреливались вяло, изредка. Зато немцы не скупались, наполняя воздух несмолкаемым завыванием и свистом снарядов, гулом орудий и раскатами разрывов. Высоко вздымались желто-серые облака дыма и пыли, заслоняя от зенитчиков панораму боя.

— Кажись, на этот раз герман не шуткует, — заметил солдат.

— Ты как в воду глядишь, — сказал другой, увидя скачущего на взмыленном коне связного.

Подскакав к батарее, молодой кавалерист, задыхаясь от волнения, отдал честь офицеру и подал пакет. Затем повернул разгоряченного коня и погнал его к батарее Дмитриева. Поручик вскрыл пакет, блеснув стеклами очков. Щеки его побледнели. Упавшим голосом он сказал Игнатьеву:

— Немцы на флангах прорвали фронт. Приказано немедленно отступать... Орудия спустить с установок! Быть готовыми к стрельбе по наземным целям! — Отдав приказание, Рошин вскочил в седло, пустил коня рысью, перешел на галоп и скрылся по дороге в деревню.

— Это куда же его нечистая понесла? — спросил Коровин.

— Чемодан спасти, — ответил Чупрынин, разбирая установку.

— Ну, нет. Скорее, сам спасается от «чемодана».

Вдали, расширяясь и повиснув в безветренном воздухе, возник черный густой клубок дыма. Секунд через десять донесся гулкий взрыв. Это и был «чемодан» — тяжелый немецкий снаряд. С жутким визгом и фырканием раз-

резали «чемоданы» плотный воздух и с грохотом рвались, подымая огромные черные фонтаны земли и копоти. «Чемоданы» рвались как раз там, где проходила дорога, связывавшая передний край с тылом. По ней-то и били немцы из дальнобойных орудий, стремясь перерезать путь отступления русских. На дорогах, соединяющих урочище с большаком, сперва показались одиночные телеги, двуколки, кухни, за ними — солдаты. Вскоре движение отступающих войск превратилось в беспорядочный поток обозов, артиллерии, пехоты. Серые людские массы потекли в желтоватом мареве дорожной пыли, то разбегаясь враспынную по обочинам, то вновь собираясь в колонны. И над ними, как шмели, зловеще гудели самолеты. Впервые зенитчики видели в небе такое множество самолетов, и их мучил жгучий стыд за то, что приходится снимать орудия с установок, вместо того чтобы гвоздить снарядами в самую их гущу.

Деревня опустела. Отовсюду притоками тянулись подразделения, вливаясь на большаке в широкую живую реку. Тронулись в путь и зенитчики, обгоняя на сытых конях усталую пехоту. Они везли на лафетах пушек и на повозках одни подвижные части поворотных приспособлений. Основания же их, скрепленные из шпал, ввиду громоздкости, пришлось оставить, взяв лишь одни железные скобы крепления.

Немецкие пилоты действовали, сочетая хитрость с коварством. Они бросали на колонны мелкие бомбы или гранаты, принуждая людей рассыпаться и залегать, затем, когда те ложились, сыпали на них металлические стрелы. Рассредоточенные лежащие люди намного увеличивали шансы поражения стрелами. Зная об этом, солдаты после разрыва бомб быстро вскакивали на ноги, однако вражеские летчики опять бросали бомбы, заставляя их снова ложиться. Звук падающих стрел напоминал Игнатьеву свист, издаваемый крыльями неожиданно взлетающих с земли диких уток. Некоторые из залегших солдат больше уж не вставали, пригвожденные стрелами к каменнотвердой, сухой земле. Санитарные повозки везли раненых. Фельдшеры и санитары на ходу перевязывали раны. Игнатьев даже на фронте не смог привыкнуть к виду крови. Он отвернулся от изуродованных осколками бомб и стрелами лиц, рук, ног, бедер, болезненно поморщился и погнал лошадь к сво-

им орудиям, мучительно думая о беззащитности наземных войск против вражеской авиации, не зная как и чем помочь обуздать распоясавшихся немецких коршунов.

Наконец, в небе показалось несколько русских самолетов. Завязался короткий воздушный бой. Один самолет противника загорелся, накренился набок. Пламя заплесало над его крылом, и он камнем устремился вниз. До самой земли его сопровождали ликующие выкрики натерпевшихся страху солдат.

Колонна продолжала движение на восток.

Так началось большое отступление 1915 года на Северо-западном фронте.

Заняв Шавли и Либаву, немцы наращивали удары с перерывами, атакуя русских на Риге-Шавлинском направлении. Создалась выгодная обстановка для продвижения немцев к Митаве и Вильно. Эти города вскоре также пали. Образовались гигантские клещи: германские армии выдвинулись с юга со стороны Галиции и с севера — со стороны Прибалтики, угрожая окружением. Русские войска отступали медленно, с боями, нанося врагу серьезные потери. А иногда удавалось и задержать немцев на некоторое время. Тогда зенитные батареи располагались возле какого-нибудь узлового населенного пункта.

...Как-то повелось, что Игнатьев всегда квартировался вместе с Дмитриевым. Это мешало Игнатьеву встречаться у себя дома с пятеркой гвардейцев, вести с ними политические беседы. К Дмитриеву он относился хорошо, но свою связь с солдатами от него тщательно скрывал. Приходилось проводить беседы с солдатами по-рознь, во время ночного обхода позиций, а иной раз — под предлогом занятий.

НОВАЯ ГОЛОВОЛОМКА

Командир дивизиона получил повышение, и на его место назначили Рощина. Командиром четвертой батареи вместо Рощина стал подпоручик Дмитриев. Солдаты кипели от ярости, что именно «ирод» Рощин повышен в должности и в чине. Он стал штабс-капитаном. «Теперь будет лютовать пуще прежнего», — говорили они с досадой. И солдаты не ошиблись. Рощин был

неумен, поэтому сразу же, как только его повысили в должности, сделался зверем, стал еще безобразнее прежнего обходиться с людьми. Он выстраивал в батареях гвардейцев и за недостаточно высоко поднятую голову, за пряжку пояса, смещенную с центра живота, до полусмерти избивал солдат. Как-то он выбил у Фокина два зуба. Возмущенный Игнатьев начал, было, стыдить Рощина за садизм, но Рощин пришел в ярость и пригрозил раз навсегда покончить с «солдатским адвокатом», подрывающим дисциплину. Но одно обстоятельство помешало исполнению этой угрозы, и штабс-капитан, неузнаваемо изменившись, вдруг начал заискивать перед Игнатьевым. Случилось это так: однажды проснулся Дмитриев рано и вновь увидел прапорщика, сидящего за столом в кители и сапогах.

— Александр Михайлович! Вы что, опять всю ночь загадку решали? — спросил подпоручик.

— Да, загадку, но на сей раз намного более сложную.

— Чем же?

— Тем, что я за нею сижу много ночей, а нынче засиделся до утра и, наконец, решил.

— Любопытнейший вы человек, и даже, извините, может быть, чудак-человек. На что вам сдались в наше тяжелое время эти карточные загадки? — сказал с досадой Дмитриев и присел.

К своему удивлению, он не обнаружил на столе никаких карт. Перед Игнатьевым лежали вразброс листы бумаги с эскизами и законченными чертежами какого-то прибора, сделанные простым карандашом. Несмотря на бессонную ночь, Игнатьев выглядел бодро, был весь наэлектризован, одухотворенные глаза его как-то необычно горели.

— Что это такое? — заинтересовался Дмитриев.

— Дмитрий Валерианович! — начал издаലെка Игнатьев, — как вы полагаете: если на наших глазах совершается резкая перемена в какой-либо отрасли, то есть революционный скачок, то с этим явлением, если оно угрожает нам, не следует ли бороться тоже революционными средствами?..

Дмитриев непонимающе заморгал глазами:

— «Явление... угрожает нам... бороться революцион-

ными средствами...» Испонятные, если не странные речи при нынешнем положении.

— Я хочу объяснить вам попроще, — продолжал Игнатьев.

— Очень прошу.

— Аэроплан по сравнению с наземными видами оружия является несомненно подлинной революцией в технике, не правда ли?

— Ах, в технике! Согласен. Правильно.

— Бороться с этим новым оружием нельзя старыми средствами, как нельзя было в свое время бороться против аркебузов с помощью лука и копья, — тоже согласны? Так. А почему же мы стреляем по аэропланам из пушек с прицелами, предназначенными для стрельбы по наземным целям? Может ли это принести результат, как бы мы ни обучали и ни наказывали наших солдат? Известный историк техники инженер Рюмин дает на этот вопрос отрицательный ответ. Он считает, что громадным затруднением для прицела по аэропланам является то обстоятельство, что они могут перемещаться во всех направлениях, а не только в одной плоскости, подобно морским судам. Попасть в аэроплан из орудия с обычным прицелом можно лишь случайно. Наш опыт подтверждает выводы Рюмина. Мы можем попасть в аэроплан так же наверняка, как можно попасть зернышком проса в летающую муху. До сих пор даже случай нам не улыбнулся. Наша батарея и дивизии три месяца без толку обстреливают небеса, и непонятно, почему их орудия называются противоаэропланными. Что же, по моему, нужно сделать, чтобы достичь успеха в стрельбе? Нужна, с вашего разрешения, революция в прицельном деле, нужен прицел, автоматически определяющий высоту полета аэроплана, угол прицела, расчет упреждения.

— Так вы хотите сказать, Александр Михайлович, что спроектировали такой автомат? — спросил, все еще не веря, Дмитриев.

— Мне кажется, что да. Вот, прошу вашего внимания, а если одобрите, то — и вашего разрешения на рапорт по команде.

Игнатьев начал объяснять Дмитриеву устройство своего прибора для стрельбы по движущимся целям. С каждой минутой его рассказ все больше захватывал

подпоручика. Остроумное устройство прибора, оригинальность идеи, безукоризненная логика расчетов изумили его.

— Это действительно может стать революцией в прицельном деле, — воскликнул Дмитриев, похлопав Игнатьева по плечам обеими руками. — Вы решили, другой, задачу, которая заинтересует всех артиллеристов русской армии, если не больше. Не зря вы головами увлекаетесь. Блестяще! Завидую я вам.

В тот же день Дмитриев написал рапорт Рошину. Однако, опасаясь, что тот загубит дело, окольными путями о проекте Игнатьева дал знать штабу бригады. Командир бригады потребовал от Рошина рапорт и чертежи... Штабс-капитан сам поскакал на коне к генерал-майору и собственноручно представил документы, хваля изобретение. Через несколько дней Игнатьев делал доклад в штабе бригады. Проект одобрили, а самого изобретателя откомандировали в походную ремонтную артиллерийскую мастерскую изготовить противоаэропланый прибор. Для линз отпустили два бинокля.

Отныне Игнатьев двигался на восток вместе с мастерскими. В деревне, в поле, на самых коротких остановках он трудился над прибором, привлекая к работе слесаря и токаря.

Четыре месяца отступали. За это время русские войска, оставив западные земли, вышли на линию Западной Двины, притоков Немана и Припяти. С ликвидацией свенянского прорыва в начале октября закончилась эпопея отхода русских войск. Началась длительная позиционная война. Лейб-гвардии 2-я артиллерийская бригада заняла позиции, не доходя до Молодечно, в районе села Марково и станции Пруды.

К этому времени противоаэропланый прибор был готов к испытаниям.

ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ

Идут дожди. На полях преют побуревшие копны льна. Доносится отдаленный гул орудий. Вчера гул слышался слабее, сегодня — сильнее, а завтра?.. «Завтра война докатится до нас, и тогда станет кругом пусто, точно Мамай прошел. Какой тогда резон вывозить лен с поля», — говорят крестьяне.

Медленно идут дни. Гул пушек больше не приближается к селу. По жнивьям полей и опушкам лесов ложатся межи войны. Грозно хмурятся друг на друга брустверы противостоящих окопов. Похоже, что немцу, наконец-то, поставлены преграды. С полей понемногу вывозят лен, сушат его, готовят к тереблению. На гумнах возобновляется страда. Тяжело бабам. Сердобольные солдаты жалеют их и пристраиваются в помощники к молодым льнотеребильщицам. Война бушует попрежнему, а жизнь идет своим чередом...

Непогода совершенно извела Игнатьева. Он переводит взгляд с мокрого чехла оптического прибора на свинцово-серое небо. «Альбатросы» переставляют дожди на аэродромах, а Игнатьеву не терпится испытать новый прицел. Удручает вид орудий в кожаных «намордниках». Незрлыми жерлами грозятся они пустынному небу... Нет, не совсем пустынному. Сверху едва доносится монотонное курлыкание. Игнатьев задирает голову и видит, как высоко над землей плывут журавли, плывут в непотревоженные войной далекие солнечные края.

Солдаты следят за птицами грустными взглядами. Провожая глазами улетающих журавлей, человек оторванный от близких, предается тихой лирической грусти. Осень. Но Игнатьеву не до лирики, все его помыслы и чувства сосредоточены на изобретении. Он срывает чехол с противоаэропланного прибора и наводит прицел на птиц. И то «хлеб», ведь приходилось же проверять наводку на ястребах и даже на воронах. Журавлей с ними не сравнить, — летают высоко, с достоинством, а длина их клинообразного строя побольше длины корпуса самолета. Более удобной цели и желать нечего.

Прибор смонтирован на специальном трехножном железном столике. Визирная трубка имеет форму прямого угольника: одна длинная сторона ее смотрит в небо, другая — коротенькая — стоит под прямым углом к длинной и занимает удобное положение для наблюдающего. Луч света ломается в самом углу соединения двух сторон трубки по принципу перископа, и когда человек смотрит в короткую трубку с наклоном вниз, то он видит небо.

В стекле визирной трубки изображен тончайший «волосяной» крест. Игнатьев лихорадочно водит визиром по небу. Глаз жадно ищет журавлей. Подходит штабс-капитан Рошин и внимательно наблюдает за прапорщи-

ком. Вот крестик визира перечеркнул клинообразный строй. Птицы старательно работают крыльями, словно хотят выскочить из-под линий волосяного крестика. В стекле кажется, что они не летают, а плавают в прозрачной воде. Игнатьев крепко держит в визире журавлей, вода трубой. Трубка связана со «смычком», на котором вместо волос — проволока. На проволоке — металлический шарик — «мушка». Когда самолеты попадают в крестик визира, то «мушка» попадает на самолет. По мере движения трубки движется на смычке и проволока с «мушкой», не отставая от самолета. «Мушка» ползет над разграфленной на фанере прицельной шкалой, показывая данные прицела.

В порыве экспериментаторской страсти Игнатьев готов пальнуть по журавлям. Он дает команду приготовить орудия к стрельбе.

— Отставить! — кричит Рошин. — Жалко убивать божьих птиц.

...Во второй половине октября погода разведрилась. Сплошную облачность прорвали ветры, и через широченные проталины небесной синевы глянуло солнце, освещая негреющими лучами небогатую осеннюю растительность. Небо очистилось, и на нем появились тонкие перистые облака — предвестники ведренных дней, наступила летняя погода. Враг воспользовался ею, и пришло, наконец, время на деле испытать изобретение. Гвардейцы засуетились, со скрипом повернули орудия на громоздких установках. Прибежал Дмитриев, собрались офицеры, прискакал на коне и Рошин. Точно фокусника на ярмарке, окружили они Игнатьева, орудовавшего у железного столика. Попробуй-ка, не оправдай ожиданий, и тебя освистят твои же поклонники, жаждущие зрелищ.

Знакомое, тревожное чувство овладело Игнатьевым. Оно напомнило ему светлый день в Ахиярви, когда он проверял работу самозатачивающихся ножей конной косилки. В присутствии родственников и друзей он пережил тогда тяжелые минуты неловкости и стыда. И все же каким счастливым теперь казался тот безвозвратно ушедший день. Игнатьев припал к трубке оптического прицела, до боли в глазу вдавливая кружок наконечника. Наконец, он «наложил» волосяной крестик сначала на один самолет, затем на все три самолета сразу.

— Поймал, вот они, давайте, — торопливо сказал он подпоручику.

Дмитриев засек показания автоматического прицела, сличил их с показаниями наблюдательного пункта. Высоту полета аэроплана и угол прибор показывал правильно, а главное — с молниеносной быстротой. Гвардейцы навели пушки. Дмитриев зычно скомандовал:

— Огонь!

Четыре орудия разом вздрогнули, оглушительно рывкнув, и выплюнули по снаряду. Вскинув вверх головы, офицеры и солдаты застыли на месте. Синий дым выстрелов медленно рассеялся. Все напряженно ждали, и вдруг далеко позади самолетов возникли большие черные точки, которые тут же превратились в кудрявые клубы дыма. Аэропланы продолжали невозмутимо лететь на Молодечно — основной узел снабжения армии.

— Возьмите побольше упреждения, — сказал Дмитриев.

Рощин снял очки, многозначительно приподымая левую бровь, протер стекла платком и снова водрузил их на большой мясистый нос. По команде Дмитриева раздался очередной залп.

— Правее возьмите, уменьшите упреждение! — волнуясь, говорил подпоручик.

Офицеры вопросительно переглянулись. На пополневшем неприятном лице Рошина сердито блестели стекла очков. Капельки холодного пота выступили на лбу Игнатьева.

Снаряды третьего залпа разорвались намного правее. Это вызвало ехидный шопоток среди офицеров, насмешливые улыбки. Один Дмитриев щадил изобретателя.

— Пристрелку вести одним орудием старшего фейерверкера Шлыкова! — скомандовал он.

Одиночный выстрел оказался удачнее. Снаряд разорвался настолько близко от цели, что немецкие авиаторы свернули в сторону и начали набирать высоту. Офицеры загасили на лицах улыбки. Дмитриев с досадой выругался, жалея, что не дал залпового огня.

— Стрелять батареей!..

— Отставить! — сухо отрезал Рощин. — Лейб-гвардии подпоручик, зачем зря переводите снаряды?

Штабс-капитан направился к своему коню. Снова раздался одиночный выстрел. Снаряд разорвался очень

близко от самолетов. Немецкие летчики стали выходить из зоны обстрела.

— Хотя и не сбили, зато напугали здорово. И на том спасибо их благородию прапорщику, — тихо сказал бомбардир Удод.

— А ты знаешь, Удодушка, как мужик ворона наказывал? — спросил Шлыков.

— Не знаю, расскажи.

Самолеты удалились, взяв опять направление на Молодечно. Батарея прекратила бесполезную стрельбу.

— Привык ворон разбойничать, таскать лыко да шерсть у мужика для своего гнезда, убивал утят, выкрадывал цыплят со двора, — начал Шлыков. — Поймал мужик душегуба и соображает, какую бы лютую казнь над ним учинить. Думал, думал мужик и надумал: «Положу-ка я этого падлеца в закрытую бочку, — говорит он, — и спущу его с высокой горы. Пускай бочка с грохотом закрутит его, да так, чтобы ворон, сначала ошалел, а потом и околел».

— Ловко придумал, ну и как же спустил? — любопытствует Удод.

— А как же. Прокатилась та бочка с высокой горы сажень пятнадцать, стукнулась о камень и рассыпалась. Ворон взлетел, каркнул, дескать, «благодарю, ваше мужицкое степенство» — и был таков. А мужик всердцах и говорит ему вслед: «Хоть я тебя, нечистая твоя сила, и не убил, а напугал крепко. Знай наших».

— И ворон знает?

— А как же: знает, где мужик силки ставит, на рожон не лезет, а разбойничает лютее прежнего.

— Это ты к тому рассказал басню, что и мы с тобой вроде того мужика?

— А как же.

Со стороны города донесся глухой, раскатистый гул.

— Бомбандирует, — сказал Удод.

Гул с небольшими промежутками повторился. Офицеры разошлись. Остался один Игнатьев. Он стоял возле прибора, нахохлившийся, удрученный неудачей. И опять вспомнил он солнечный день в Ахиярви, косилку, измученную «Лизу» и еще многое другое из недавнего прошлого, отозвавшееся в потрясенном сердце щемящей болью незарубцевавшейся раны.

НОВАЯ ПРИСЯГА

Батарея стояла близ села Марково. Игнатъев впервые квартировал отдельно. Он занимал домик под черепичной крышей возле самой околицы. Общение с солдатами значительно облегчилось тем, что Рошин жил на другом конце села, а Дмитриев мало беспокоил прапорщика. После памятного разговора Игнатъева с солдатами в землянке много воды утекло, еще больше было пролито слез и крови. А когда время измеряется не только утекшей водой, но и пролитой кровью, люди становятся другими, меняются неузнаваемо. В тот вечер, заступившись за солдат перед Рошиным, прапорщик навсегда закрепил за собой их доверие.

Тогда Игнатъеву казалось, что ему отныне и на веки веков открыта дорога к солдатскому сердцу. Но вышло не совсем так: одной человечности было далеко недостаточно, чтобы простые люди приняли за чистую монету все, что им говорилось офицером. А он высказывал им удивительные и даже странные мысли. Наивные представления солдат о добре и зле прапорщик разрушал с такой силой убежденности, наполнял их таким непоколебительным вольнодумством, что становилось страшно. Сомнения обуревали солдат, и они, все еще не уверенные в искренности его слов, боялись подвоха, смотрели на него, как на человека, собирающегося причинить им зло. В таких случаях приходилось отступать, начинать разговор издалека, а затем незаметно переходить на политические темы.

Большую помощь оказывал Игнатъеву Чупрынин. Молчаливый, не любивший тратить времени на разговоры, он только слушал, что говорили другие, но иногда не выдерживал, бросал какую-нибудь реплику, да такую едкую, что ошарашенный спорщик моментально тушевался. Как-то зашел разговор о присяге и воинской чести. Присутствовали только свои, поэтому Игнатъев открито сказал:

— Присягу следует соблюдать ту, которая принесена во имя народа. А мы приняли присягу для того, чтобы идти на убой ради обогащения капиталистов, помещиков, дворян, купцов.

— Я-то за отечество и царя присягал, — возразил Фокин.

— Ты без царя в голове, потому и присягал. Кота в мешке покупал, — заметил Чупрынин.

— Какого такого кота? — не понял Фокин.

— Того самого.

— Да ты дело говори!

— И скажу. Ты присягал царю в мундире с мишурой. Так он для дураков подходящий, как кот в мешке. А вынь его, плюгавого, из мундира, поставь голышом, и получится, что кот-то паршивый и делов черных за его душой тьма-тьмушая.

— Про это я не ведаю.

— Вперед ведай и помалкивай, а то «я, я присягал». Тыфу!

Резко Чупрынина сбила Фокина с толку.

— А ты не присягал, что ли? — огрызнулся он.

— Приказали, значит, присягал для близиру. Царь твой в девятьсот пятом перед дворцом стрелял в народ, в меня стрелял, а я, по-твоему, буду ему верность соблюдать! Как бы не так! Э-эх, темная твоя голова — кочан капусты! — досадливо махнул рукой Чупрынин.

Фокин повернул свое веснушчатое лицо к Игнатъеву, замигал рыжими ресницами, как бы спрашивая: «Так ли рассуждает Чупрынин?». — «Так, так», — отвечали улыбающиеся глаза прапорщика. Шаг за шагом разрушал Игнатъев веру солдат в мнимую священную неприкосновенность «помазанника божьего», срывая маски с тех, кому была нужна и выгодна война. В течение длительного времени Игнатъев готовил гвардейцев к усвоению идеи большевиков о превращении войны империалистической в войну гражданскую. И все же в первую минуту эта мысль ошеломила их.

Возможно ли, чтобы русский воевал с русским?

Среди пехотинцев эта идея усваивалась гораздо легче. Над ними день и ночь кружила смерть; они гнили в окопах, ежеминутно видели кровь, разорванные тела товарищей по оружию, их страшную предсмертную агонию. В пехоте солдат скорее проникался недовольством, его сознание, мысли и чувства под действием ужасов искали ответа на вопрос: «Во имя чего творятся все эти чудовищные преступления?». Иначе обстояло дело у зенитчиков. Перейдя на оборону ближних тылов от авиации противника, они не видели как сотнями тысяч гибли ни в чем не повинные люди, жили в избах, пита-

лись нормально, одним словом, жилось им не так уж плохо.

Тем не менее слово большевика и для них с каждым днем приобретало все большую убедительность. На стороне Игнатьева были неопровержимые факты: фронтовая жизнь, полная тревог и опасностей, позорное отступление, отравление газом, бомбардировка городов с воздуха, гибель женщин, детей, опустошение цветущих селений, падение боевого духа армии, предательство в верхах. Поговаривали, что главное командование пользовалось нешифрованными радиogramмами и немцы легко раскрывали карты русских, что военный министр Сухомлинов — взяточник и изменник, что самым главным предателем России является царица-немка, что конокрад Распутин вершит государственными делами...

Возможно ли, чтобы русский воевал с русским?

...Тихий теплый вечер. Игнатьев поставил у калитки дома Чупрынина, а четырех его друзей — Татищева, Фскина, Коровина, Ткаченко — и еще трех новых солдат пригласил в горницу. В случае если бы кто-нибудь вздумал подойти к дому, Чупрынин должен был сильно хлопнуть калиткой. По этому сигналу солдат немедленно выводили через черный ход.

Хозяйка с детьми жила в другой комнате, по другую сторону сеней и вечерами никто не мешал Игнатьеву заниматься своими делами. Пришедшие чувствовали и вели себя, как опытные конспираторы. Они уже привыкли к тайным встречам, обращались к пропорщику не по уставу, держались с ним непринужденно. Когда они расселись за столом, Игнатьев достал из внутреннего кармана маленькую записную книжку, извлек из двойной обложки листы тонкой папиросной бумаги и бережно разгладил их. Над машинописным текстом первого листа стоял заголовок. Высокий, как жердь, жилистый Ткаченко перегнулся через весь стол и, медленно шевеля губами, прочел название листовки:

„Война и российская социал-демократия“

— Около года назад, — сказал Игнатьев, — в газете «Социал-демократ» был напечатан манифест партии большевиков-ленинцев о войне. Я давно хотел ознакомить вас с его содержанием, но, прежде чем сделать это, нам следовало бы поближе узнать друг друга. Среди нас есть

новые товарищи. Осмеливаюсь думать, что вы уже познали многое и готовы связать воедино свои судьбы для общей борьбы.

— Мы слушаем вас, Александр Михайлович, — одобчительно откликнулись солдаты.

Игнатьев подкрутил фитиль лампы с надтреснутым стеклом и начал негромко читать. После каждого абзаца он делал короткий перерыв и объяснял своими словами содержание прочитанного. Манифест бросал яркий свет на историю войны и события дня, разоблачал преступников народной трагедии. Он доказывал, что буржуазные правительства подготавливали войну десятилетиями, что она вызвана стремлением конкурирующих капиталистических монополий и концернов захватить чужие земли, ограбить их богатства. Во главе одной группы воюющих стран стоит немецкая буржуазия, которая уверяет, что ведет войну ради свободы, культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов. Во главе второй группы стоит англо-французская буржуазия, по примеру немецкой точно так же одурачивает трудящихся, уверяя их в том, что и она ведет войну во имя родины, во имя сохранения национальной свободы и культуры против варварства кайзеровской Германии. В действительности же английская или французская буржуазия несколько не была лучше буржуазии немецкой, она, как и немецкая буржуазия, стремилась к захвату чужих земель, к приобретению новых источников сырья и рынков сбыта, к порабощению еще не закабаленных народов.

«Обе группы воюющих стран несколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и привлечь его внимание от единственной, действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии как «своей» страны, так «чужих» стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного».

Тускло горел огонь лампы, ложась желтоватыми бликами на строгие солдатские лица. На стены падали огромные неуклюжие тени. В углу мерцала позолота ико-

ны, золотыми казались и рыжие ресницы Фокина. Мигая, они то гасили, то вновь зажигали искры горящих любопытством маленьких круглых глаз. Широкогрудый бомбардир Коровин с гранитным лицом сидел, неподвижно, углубившись в думы. Даже неразговорчивый, всегда невозмутимо уравновешенный Ткаченко подался вперед, впиваясь глазами в тонкие листки, в которых, казалось, была заложена какая-то непонятная, завораживающая сила. Гвардейцы молчат, они поняли смысл прочитанного без разъяснений. Игнатьев видит это по их лицам и тоже молчит.

Далее в манифесте говорится о росте политической сознательности трудящихся, о предательстве социалистов западных государств и вождей Второго интернационала; о том, что поражение царской монархии было бы сейчас наименьшим злом, ибо она является злейшим врагом трудящихся; о задачах Российской социал-демократической рабочей партии.

«Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг...

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму».

— Мудрый человек написал эту статью,—говорит под конец Ткаченко и с каким-то небывало гордым видом смотрит на сидящих.

— А чья фамилия стоит там внизу? — интересуется Татишев.

— Подписано: Центральный комитет РСДРП, но мне известно, что манифест написал Ленин, — отвечает Игнатьев.

— Ленин?! Слыхали о нем, да и вы говорили о Ленине не раз. Расскажите о нем подробнее, если можете, — просит Коровин.

— Могу, я ведь с ним лично знаком, встречался с Лениным в Париже.

Глаза солдат загораются любопытством. Они страшно удивлены. Как, такой великий человек, о котором идет столько слухов на фронте, знает Игнатьева? Вот, оказывается, какой он, прапорщик Александр Михайлович, вот,

значит, с каким человеком завели они дружбу! Игнатьев сразу вырастает в глазах гвардейцев. А как же иначе? Ведь его знает легендарный Ленин!

Игнатьев рассказывает о Ленине. Оказывается, Владимир Ильич одного с ним роста, с высоким лбом, с лысиной, с мудрым прищуром глаза и говорит чужь с картавинкой. Словом, обыкновенный человек. Однако нет предела его учености, он лучше всех знает нужды простого народа, любит его, смертельно ненавидит его врагов — помещиков и капиталистов. В заключение беседы Игнатьев обращается к Фокину:

— Вы поняли теперь, Лука Гордеич, что всем нам следует принять новую присягу во имя правды и свободы. Полагаю, что лозунги манифеста нашей партии станут для всех вас священной, нерушимой присягой верности делу народа, делу приближающейся революции.

Наступила торжественная тишина. Фокин часто заморгал ресницами, стараясь понять смысл сказанного, спросил прапорщика:

— Дозвольте спросить, Александр Михайлович, тут неувязка какая-то получается. Вы сами стоите за Ленина, а на деле выходите, идете супротив него... Как это понять?

Солдаты переглядываются, пораженные бойкостью еще недавно забитого Фокина. Игнатьев весело хмурится, догадываясь, о чем будет речь. Фокин продолжает без оглядки:

— ...Товарищ Ленин требует, чтобы наша российская буржуазия была побита, терпела, как говорится там, поражение, а вы выдумываете новый прицел, чтобы защищать ее, окаянную. Куда это годится?

— Друг мой, Лука Гордеич, — отвечает Игнатьев, давно ожидавший, что ему зададут такой вопрос, — мы должны подготовить к революции не только умы и сердца людей, но и средства для защиты ее от врагов, от буржуазии. Не успеем мы испытать, усовершенствовать мой оптический прицел, как начнутся революционные события. Они назревают с каждым днем. Время не ждет. Мой прицел должен служить защите восставших городов от аэропланов врагов революции. И еще одно: я уверен, что Ленин одобрит мое изобретение.

Ткаченко сердито косится на Фокина:

— Хоть твои рыжие волосы и перебиваются сединой,

а зелен ты, Лука Гордеич, учить прапорщика. Твое дело слушать и наматывать на ус, понял?

— Неверно вы, Григорий Григорьевич, рассуждаете. Все сомнения, если они у кого есть, должны быть высказаны здесь, чтобы у товарищей не возникало потом никаких вопросов, — мягко, но внушительно говорит Игнатьев.

На прощание он желает им спокойной ночи, и по тому, как солдаты особенно горячожимают ему руку, Игнатьев чувствует и понимает, что его усилия дали хорошие всходы. Довольный достигнутыми им результатами, он вскоре засыпает сном честно потрудившегося человека.

ТРИ САМОЛЕТА

Ход со двора выводил к овину, за которым лежал пустынный огород, а дальше начиналось поле. Утром Игнатьев оделся и пошел гумнами к огненным точкам. Вдруг он остановился, увидев ползущего на четвереньках к овину бомбардира Удоды. Там копошились куры. Стало ясно, куда солдат держит путь. Хозяйка недавно уже жаловалась на Удоды. Спрятавшись за дощатой стеной строения, Игнатьев заметил сидящих недалеко Шлыкова и Кавуна. Оба вдохновляли своего друга на «подвиг». Удод подобрался к птицам и бросил горсточку зерна. Те доверчиво кинулись на угощение, Удод присел, продолжая подбрасывать корм все ближе и ближе к себе. Птицы клевали зерна, не спуская глаз с искуателя: клевали и отступали, клевали и бочком пятились назад. Однако две курицы оказались забывчивее других, и Удод словил их. Ловко зажав между колен одну курицу, он поспешно открутил голову другой и отбросил ее на землю позади себя. Хотел, было, поступить таким же образом со второй курицей, но неожиданно встретился с возмущенным взглядом подошедшего Игнатьева. Удод широко, простовато улыбнулся прапорщику, зачем-то погладил по спине перепуганную курицу, ласково приговаривая:

— Курочка рябенькая, красивая, хорошенькая, цып-цыпочка, иди, иди погуляй, милая, — и отпустил ее. Потом стремглав вскочил на ноги молодцевато отекал:

— Здравия желаю, ваше благородие!

— Здравствуйте лейб-гвардии рядовой Удод, — ответил Игнатьев, пронизывая его глазами.

Шлыков и Кавун моментально исчезли. Удод старался заслонить собой обезглавленную птицу, но не сумел. Прапорщик увидел последнее конвульсивное движение умерщвленной курицы. Он приблизился к солдату почти вплотную. Взгляды их снова встретились. Удод часто-часто замигал.

— Вы очень нежно ласкали курицу, Удод, вы ее любите?

— Так точно, отчего ж не любить, птица мирная.

— Поэтому вы мирной птице голову оторвали?

— Никак нет.

— С этой курицей вы разделались?

— Мм-м... Так точно!

— Запутались, Удод. Деньги у вас есть?

— Есть вашбродие, пятиалтынный.

— Мало.

Удод ломал голову: «На что ему деньги? Неужто взятку хочет?» Игнатьев засунул руку в карман, достал три рубля, протянул их солдату и сказал:

— Возьмите, оплатите убыток, который вы причинили хозяйке, и впредь не поступайте так.

Удод растерянно кивнул головой, держа руку под козырек. Он сгорал от стыда и ни за что не хотел принять денег.

— Возьмите, говорю, и передайте вдове. Об исполнении доложите мне! — приказал прапорщик.

— Есть доложить, вашбродие! — выпалил солдат, а сам стыдливо отвел в сторону большие глаза, не зная, как бы ему побыстрее избавиться от этого необычного офицера.

Взяв деньги и подняв по требованию прапорщика курицу, он чеканным шагом направился к дому хозяйки. Игнатьев глянул на его пылающие красные уши и улыбнулся.

Игнатьев заторопился к огненным точкам, опасаясь как бы в такую погоду не появились опять вражеские самолеты. Гвардейцы тоже учли изменившуюся обстановку и привели орудия в боевую готовность. Игнатьев подошел к прибору и быстро заменил старую дугообразную шкалу новой, с более дробным делением. Усовершенствования

он вносил все время, однако пока не добился ощутимых результатов.

В штабе бригады, где суждения о новом прицеле выводились из донесений Рощина, заколебались. Поддерживая изобретение вначале, Рощин рассчитывал, что быстрый успех оптического прицела и ему, командиру дивизиона, принесет славу. Неудачи же с испытанием прибора вызвали у Рощина раздражение. Штабс-капитан всячески третировал Игнатьева, говорил, что он только мешает нормальному ведению стрельбы, что пора убрать его игрушку, а самого заставить заняться чем-нибудь более полезным. Возросшую меткость огня Рощин объяснял накоплением опыта у зенитчиков. Дмитриев, напротив, утверждал, что гвардейцы стали стрелять метче благодаря новому прицелу. Бесспорным оставалось одно: прибор автоматически определял угол прицела и с помощью данных наблюдательного пункта — высоту полета аэроплана. Это давало большой выигрыш во времени. Командир бригады выслушал обоих офицеров и приказал продолжать опыты.

Не успел Игнатьев заменить шкалу прибора, как подошел Дмитриев. Поздоровавшись, он передал сообщение разведки, что в некоторых районах фронта летают вражеские аэропланы. Около двух часов дня самолеты показались и в районе Марково.

Они летали попарно, каждые три пары составляли немецкую авиационную роту. Дмитриев напряженно наблюдал в бинокль.

— По места-ам, к бою! — громко скомандовал он.

Игнатьев направил визирную трубку на головной самолет. В полутора верстах стоял наблюдатель с визирным угломером. Он измерил угол, образуемый зрительными линиями и передал по телефону Дмитриеву размер угла. Точно так же измерил угол и Игнатьев и с помощью двух полученных углов построил треугольник, на вершине которого находился самолет. Он воспроизвел треугольник в маленьких размерах на приборе, который на соответствующих шкалах автоматически показал высоту и дальность самолета, на другой шкале была показана траектория полета снаряда, на третьей — упреждение. Все это заняло двадцать секунд. Получив данные, Дмитриев назвал их прицел бомбардиром. Орудия бы-

стро навели. «Огонь!», — скомандовал Дмитриев,змахнув рукой.

Орудия откликнулись залпом. В небе вспыхнули три разрыва. Четыре выстрела и три разрыва! Почему? Самолет, следующий за головным, отделился, развернулся и взял курс на запад. Вскоре все заметили, что он неотвратно снижается. Ни длинного хвоста черного дыма, ни пламени не было видно. Самолет бесшумно скользил к земле. Артиллеристы следили за ним, задрав головы, лица их светлели с каждой секундой, а когда не осталось больше сомнения, они подняли крик:

— Ура-а! Наша взяла!

— Красиво, братцы, с первого залпа попали!

— Похристосовался немец, каюк ему!

— Коней, скорей коней! — приказал Дмитриев.

Он и Игнатьев вскочили на неоседланных лошадей и пустили их карьером. Вслед за ними выехали на конях офицеры и других батарей. Игнатьева догоняли их громкие крики, поздравления.

— Bravo, bravo, Игнатьев! С победой, Игнатьев!

Лошади неслись к месту предполагаемой посадки аэроплана со скоростью урагана, топчя жидкие всходы озимых, прыгая через канавы и рвы, пересекая напрямик огороды, гумна, сады. Километров пять длилась эта бешеная скачка и оборвалась только возле упавшего самолета. Точнее говоря, самолет не упал, а круто приземлился на вспаханное поле, западнее села Беница, и разбился. Его обломки тесным кольцом окружили неизвестно откуда взявшиеся солдаты тыловых подразделений, прибежали и крестьяне. Соскочив со взмыленных, задыхающихся коней, офицеры растолкали стоявших и пробрались к аэроплану, но вместо аэроплана они увидели обломки металла, щепки, обрывки полотна крыльев. Тут же сидел на земле белокурый молодой человек в кожанке, перехваченной ремнями, а рядом лежал снятый им шлем с очками. Прядь волос слиплась от крови, продолжавшей течь тонкой струйкой к левой брови. Пилот являл собой живое отрицание законов физики: разбилось дерево, железо, но человек уцелел.

Игнатьев внимательно осмотрел остатки самолета. Снаряд разбил мотор и не разорвался. Вот почему в небе было три разрыва вместо четырех. Один из офицеров заметил с восхищением, что меткость попадания идеаль-

ная. Игнатъев нахмурился. Из всех присутствующих офицеров он один не был удовлетворен удачей.

— Снаряд случайно не разорвался, — сказал он, — но если даже разорвался бы, невелика была бы победа. Рассчитывать на прямое попадание — это значит снижать шансы успеха на девяносто девять сотых. Шрапнели наши тоже мало пригодны, они рвутся не дальше пяти верст от орудия и имеют небольшую зону поражения. Лишь тогда наша борьба с неприятельской авиацией станет успешной, когда снаряды начнут рваться значительно дальше и будут поражать большую зону.

Пленного пилота доставили в штаб бригады. Командир бригады высоко оценил заслугу Игнатъева и обратился в штаб армии с просьбой о поощрении его.

Известие о сбитом самолете вызвало у Рошина невнятное мычание, означавшее что-то вроде «мы еще посмотрим». Он утверждал, что поражение цели случайное. Однако штабс-капитану не повезло: за короткое время изобретатель сбил еще два самолета. Эти падали вертикально, сгорая в воздухе, и разбивались в прах. Командование присвоило Игнатъеву чин подпоручика. Вся батарея поздравляла, радуясь его успехам.

Однажды во время вечернего чаепития Шлыков сказал своему другу с шутливым упреком:

— Видал, Удодушка, каким птицам подпоручик голы откручивает, не то что ты, на кур позарился, — посмотрел на него пристально и спросил удивленно.

— Да ты у нас исхудал, браток, не влюбился ли в ту вдовушку, которой штраф платил игнатъевскими деньгами?

— Какое там влюбился, курочек не ест, вот и исхудал, бедняжка, — авторитетно и с иронией заявил Кавун.

Удод молчал.

— Не хочется? Это почему же? Птица ведь мирная, жирная, — не отставал Кавун.

— Совесть ему поперек горла стала, есть хочет, а проглотить не может, — ответил за Удод Коровин.

— Чудно! Тебя Рошин за домашнюю птицу наотмашь бил, Дмитриев наряды всыпал и бранил на чем свет стоит, ты же — кот Васька — слушал да ел. Игнатъев, наоборот, пальцем не тронул, а ты стал святым, хоть икону пиши с твоего обличия, — удивленно говорил Шлыков.

— Заворожил он тебя, что ли? — спросил Чупрынин.

— Али сглазил?

— Да, глаза у подпоручика сильно укористые, прямо в душу смотрят.

Солдаты дружно загоготали. Удод молчал. Шлыков не хотел, чтобы интересный разговор на этом оборвался.

— Значит, глаза подпоручика нарушили его характер? — допытывался он.

— Должно быть они, сила им такая, видно, дадена, — ответил Кавун.

В разговор вмешался Татищев и сказал серьезно, с теплотой:

— Жалеет подпоручик Игнатъев нашего брата-солдата, а солдат натура не позволяет покривить перед ним душой, вот в чем его сила.

— Верно, он простой, а умней всех. Видали, еропланы сшибает, как перепелок, — добавил Кавун.

Все согласились с ним. Шлыков обратился ко всем солдатам с вопросом:

— А был ли, братцы, когда в русских войсках другой такой случай, чтобы офицер давал солдату вместо зуботычины трешницу? — И сам же ответил: — Нет, не было. Может, Удод единственный солдат, которому за провинность выданы деньги. И повезло же ему!

Часом позже Чупрынин передал Александру Михайловичу происшедший за чаепитием разговор. Подпоручик, закинув голову, хохотал от души и, внезапно оборвав смех, сказал Чупрынину.

— А Удод хороший, все, надо полагать, неплохие ребята, только многим из них недостает грамотности, чувства собственного достоинства. — Помолчав, заговорил снова: — Революция повысит их сознание, заставит по-другому относиться к себе и к своим человеческим обязанностям. Такие, как Удод, люди нравственно чистые, им только забили головы всякой дрянью, внушали, что кто смел да нагл, тот и пользуется успехом в жизни. Тогда они и без нашей помощи поймут, что дурно в человеческих поступках и что хорошо.

Чупрынин согласно кивал большой бритой головой.

ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

Снаряды системы Куликовского, Гарца, Розенберга, разрываясь, поражали большой фронт, чем обычные шрапнельные. Игнатъев заинтересовался новыми снарядами, стрелял ими по самолетам, однако удовлетвори-

тельных результатов не добился. Он написал докладную записку в Главное артиллерийское управление — ГАУ — о своем изобретении и о зенитных снарядах. Артиллерийское начальство армии приложило к докладной записке одобрительные отзывы, ходатайствуя о помощи изобретателю. Игнатьев и в Петроград отправил подробные описания и акты о действии его нового оптического прибора. Он просил ГАУ усовершенствовать снаряды, в частности — удлинить дистанционные трубки. В одном из актов указывалось, что изготовление в большом количестве прицела Игнатьева и новых снарядов весьма облегчило бы борьбу с воздушным противником. Но голосу этому никто не внял.

Какой-то горемыка-фронтовик, тщетно воевавший с косностью ГАУ, назвал его «Главным артиллерийским затруднением». С тех пор это прозвище так и прилипло к нему. ГАУ не умело или не хотело оперативно решать вопросы снабжения армии снарядами нужных типов, не занималось как следует вопросами производства новых видов орудий и приборов. Самые энергичные поборники нового не могли сломить косности Главного артиллерийского управления. Высшие чины его не желали ссориться с промышленными зубрами, которые с благословения царя заседали в «Особых совещаниях» по обороне. Эти представители крупной буржуазии в совещании использовали свое положение для получения крупных заказов и организованной спекуляции.

«Трехдюймовая шрапнель и была первым лакомым куском, на который оскалились зубы всех шакалов», — писал впоследствии генерал Маниковский.

Противоаэропланный прицел Игнатьева относился к тем новшествам, о которых бывает трудно сказать сразу, какую сумму прибылей они принесут тому, кто отважится их выпускать. Сам же изобретатель не догадывался охарактеризовать свое детище со стороны выгод заводчиков. ГАУ попрежнему ничего не делало для Игнатьева и в тоже время ни в чем ему не отказывало.

И вдруг пронесся слух, что полевой генерал-инспектор артиллерии — великий князь Сергей Михайлович появился в районе Молодечно, что ему будто доложили об изобретении Игнатьева и он изъявил желание посетить батарею Дмитриева, чтобы лично ознакомиться с действием прибора.

И вот в один морозный день великий князь приехал с большой свитой артиллерийских генералов и полковников. Он осмотрел прицельный прибор Игнатьева, высоко оценил его качества и обещал «тотчас же пустить в дело» изобретение. Он тут же приказал адъютанту записать фамилию автора изобретения и еще что-то. Затем сел в автомобиль, приветственно помахал палкой офицерам и отбыл.

Прошло три месяца. Осмотр «шефом» артиллерии прибора и его похвала не помогли Игнатьеву. «Шеф» попросту забыл об изобретении. ГАУ попрежнему на словах не отказывало ни в чем и не помогало на деле. Оно сообщало, что судить о приборе можно, лишь осмотрев его, однако не вызывало изобретателя в Петроград.

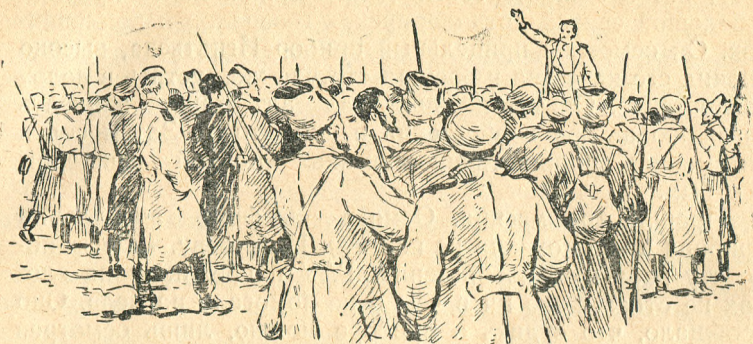
Как-то утром Игнатьев сел за письмо к Буренину. Он коротко рассказал ему историю оптического прицела, затем сообщил о своем намерении побывать в Петрограде, чтобы добиться изготовления заводского образца. На понятном Буренину партийном языке он написал, что в Петрограде «есть у него и другие важные дела». Буренин прислал ответ, горячо одобряя план действия и настаивая на его скорейшем приезде.

Почти одновременно прислал письмо и отец. Михаил Александрович жаловался в сдержанных тонах на свое здоровье. «С сердцем стало плохо», — писал он. — «Как бы тебя повидать, Шурочка, быть может, радость встречи подбодрит меня и я не так буду чувствовать болезнь?!»

Игнатьев добился командировки в столицу, взял с собой Чупрынина и вместе с ним повез оптический прибор в ГАУ.

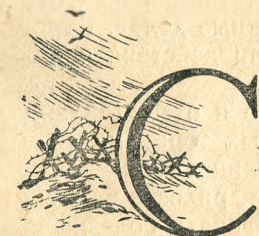

Глава пятая

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

ТАРЫЙ звонок пронзительно задребезжал. За дверью послышались мягкие шаркающие шаги.

— Не спят еще, слава богу,— прошептал Игнатъев, пытаюсь успокоить себя. Но Чупрынин слышал его частое дыхание и понимал, что его сердце колотилось не от подъема на третий этаж.

— Кто там?— спросил голос из-за двери.

— Это я, отец!

— Шура? Боже мой, Шура?! Шура приехал!— завоуновался Михаил Александрович, отворяя дверь.

Одетый в пеструю фланелевую пижаму, заметно постаревший и еще более потучневший, Михаил Александрович схватил сына пухлыми руками за руки выше локтей и потащил в переднюю. Смахнув с его плеч мокрый снег, он обнял его и, пряча глаза, уткнулся ему в плечо. Они трижды поцеловались по русскому обычаю, а потом еще и еще уже без всякого обычая. Отец приподнимался на носках, отрывая пятки от войлочных подошв шлепанцев. От его полного горячего тела исходило знакомое с детства приятное тепло и, совсем как в детстве, пощекотала шею отцовская щетина. Что-то внутри поднялось теплой волной, подступило к горлу, к глазам

И нужно было немалое усилие, чтобы отхлынула волна родственных чувств, чтобы задержать навертывающиеся слезы, которых он почему-то стыдился.

Отец отступил от него на шаг, вытер рукавом халата мокрые счастливые глаза, приговаривая:

— А ну-ка, воин, дай-ка погляжу на тебя,— и пылливо, с чисто родительской ревностью оглядел подпоручика, погубившего, с обвисшими усами и постаревшего на фронте.

— Зайдите, Иван *Андреич,— обратился Александр Михайлович к Чупрынину, терпеливо ожидавшему с ящиком на плече на лестничной площадке.

— Ах, там еще кто-то есть, твой боевой товарищ, да еще с поклажей! Простите ради бога, простите, виноват,— растерялся старик, приглашая Чупрынина.

— Ты совсем рассеян, Михаил. Как же ты не заметил такого большого гостя, смотри, вдвое больше тебя,— пошутила подоспевшая Пелагея Павловна, приветствуя обоих воинов.

Прибежала, наскоро одевшись, младшая сестра Варя и повисла на шее брата. Она долго не отцепляла бледных рук, вдыхая фронтовой запах шинели и ремней.

Пелагея Павловна начала хлопотать об ужине.

Утром Александр открыл глаза и увидел над собой знакомый с детства потолок, щербинку на карнизе стены, знакомые рисунки обоев. Вот он и дома. Все, как было, осталось на месте: шкаф, старый полинявший диван, кресло, стулья, чернильница и даже сломанная ручка, которую давно собирался выбросить. Сегодня он ее выбросит непременно. Стрелки будильника тоже были на месте, значит и время стало, и войны никакой не было, и Рощина никакого не было, или он был только во сне, и «Соколенок» погиб во сне, и полсвета было разрушено, предано огню, тоже во сне, иначе разве уцелел бы на стене этот хрупкий градусник? На столе лежала вчерашняя газета. Заголовок одной из статей напоминал о войне и о том еще, что Александр всего лишь гость в отчем доме. Не успеет он и оглянуться, как настанет пора вновь отбыть на фронт. Александр вскочил на ноги, как бы очнувшись окончательно. Война была. Война есть, поэтому надо ценить каждую минуту пребывания в доме.

Александр, не умываясь, оделся и стал жадно перебирать свои вещи. Он открыл книжный шкаф, затем —

ящички стола, пересмотрел все, что в них было, — книги, тетради, записи. При виде свидетельства об окончании университета сердце дрогнуло. Когда-то он, биолог, отложил это удостоверение, решив стать инструментальщиком, затем позабыл и об инструментах... Александр поспешно открыл нижний ящик стола и застыл от радости. Перед ним лежали незатупляющиеся инструменты. Он осторожно взял их в руки, словно они были хрустальные. Лезвия, блестящие прежде, потускнели, слегка покрывшись ржавчиной. Александр Михайлович внимательно осмотрел инструменты и положил на место. Порывшись среди хлама, он обнаружил и двуслойные ножи сенокосилки, детали механических челюстей с сохранившимися на них острыми зубами бобра. Затем поднял папку с эскизами и чертежами, с любопытством рассматривая их, точно видел впервые. Некоторые из чертежей были страшно наивны, и он почувствовал что-то похожее на неловкость. Однако попадались и такие, которые удивляли Александра блестящим решением задачи. Они тоже представлялись ему чужими. «Замечательно, прекрасно», — думал он, хваля того, другого Александра, который был здесь прежде. Инструментальщик пробудился в нем снова, и он упрекнул себя за то, что забыл свои прежние труды и мечты. «Непременно после войны возьмусь за них», — думал Александр.

После завтрака первый визит он решил нанести Ольге Каниной. Был конец марта. Давно уже проснулись окраинные кварталы города. Туман медленно рассеивался, вырисовывая тусклые здания скотобойни. Игнатьев пошел пешком, чтобы взглянуть на жизнь родного города. И жизнь сразу показала себя. Возле продовольственных магазинов, закутанные в шали и одеяла поверх потертых пальто, ежась от сырого пронизывающего ветра, сердито разговаривали женщины в длинных очередях. Взгляды их были мутны, лица бледны, измучены, озлоблены. По тротуарам шли рабочие, чиновники, школьники, почтальоны, газетчики, выкрикивающие последние фронтовые новости. Изредка мелкой трусцой бежала мимо заморенная лошадь, запряженная в обшарпанную коляску, а на углу улицы зорко озирался городской, чувствовавший приближение новой и более страшной грозы, чем 1905 год.

В центральных кварталах люди также суетились в

мелких заботах, с той только лишь разницей, что здесь почти не встречалось изнуренных нуждой лиц, не так были заметны следы войны. Поражало обилие военных тыловой службы или фронтовиков, прибывших в командировки. Унылое впечатление, производимое улицами, домами, людьми, то и дело перебивалось раздражающими звуками легкой музыки из кафе и ресторанов, взрывами смеха веселящихся женщин и офицеров. Другие женщины, стоявшие в очередях, не смеялись, им было не до веселья: они рассказывали о разгроме продовольственных магазинов на Васильевском острове, а газетчики кричали о «беспорядках» на Выборгской стороне и в других районах города.

На Съезжинской улице Игнатьевым овладело лихорадочное нетерпение, перешедшее потом в робость. В пути он много думал об этой встрече с той, которую, как ему казалось, он любил давно и глубоко. Он чувствовал приближение желанной встречи, проезжая каждый город, каждую станцию. Теперь это волнующее чувство усиливалось с каждым шагом, ибо Игнатьев был уже возле дома, где жила Канина.

Она сразу узнала его, вскрикнула «ой!» и в непонятном замешательстве замолчала. Ни радостного возгласа изумления, ни шумного ее смеха, как он ожидал, не было. Канина опомнилась от неожиданности и пригласила гостя в комнату. Вскоре она стала опять похожа на ту самую Ольгу Канину, которую всегда знал Игнатьев. Живо рассказывала она о важных городских новостях, о старых партийных друзьях, с кем она поддерживала связь, о растущей активности рабочих. Она умело занимала гостя, смеялась, веселила его, затем села за пианино и начала играть любимые вещи Игнатьева. Но, странное дело, ни она сама, ни ее музыка не тронули Игнатьева так, как он ожидал, едучи с нетерпением в Петроград. Не оттого ли это, что, думая много о встрече с ней, он уже пережил то, что должен был бы пережить здесь? А может быть эта холодность — результат того, что Ольга Канина стала другой? Она и в самом деле заметно изменилась. Может быть причина этого кроется в нем самом? Удивляться тут нечему. За то время, когда он находился на войне, чувства его к ней изменились, и он мог обнаружить это, только очутившись рядом с ней, словом сказать, в этой встрече не было той радости, которую он так ярко представлял себе, находясь в дороге.

Прежде, перед отъездом ли за границу или перед другими длительными отлучками, он подолгу колебался, не зная, сказать ли ей, наконец, то, что давно собирался сказать. Готовое слететь с языка сокровенное слово никак не слетало. Прощаясь, Ольга, казалось, понимающе и сочувственно пожимала Игнатьеву руку, а он, отвечая ей горячим рукопожатием, пытался хоть этим передать то, что он чувствовал в эту минуту. В такие мгновения он ясно читал в ее глазах: «Я знаю, что вы хотите сказать мне, и хорошо делаете, что не говорите, ведь так неясен наш завтрашний день». Теперь Игнатьев не колебался. Войдя к ней, он, однако, решил, что опять не скажет желаемого слова. Она поняла и, как видно, одобрила его решение — впереди еще война, неизвестность, — и он понял, что она не осуждает его.

Вернувшись домой, Игнатьев застал ожидающего Чупрынина. Переночевав у себя дома, Чупрынин пришел сопровождать подпоручика в ГАУ. Они повезли оптический прицел, но из ГАУ их направили на Литейный проспект в Артиллерийский комитет. Фронтовиков встретил младший научный руководитель Арткома капитан Агокас. Между изобретателем и капитаном Агокасом быстро установился деловой контакт. Агокас подробно ознакомился с конструкцией прибора и дал восторженную оценку его техническим достоинствам. Он признал изобретение Игнатьева лучшим из всех существующих противозаэропланных приборов.

Через некоторое время на заседании Арткома заслушали доклады Игнатьева и Агокаса об оптическом приборе. Игнатьев ознакомил генералов и офицеров с историей изобретения прибора, тут же в натуре показал им его несложное устройство и предъявил акты фронтовых комиссий. Агокас дал свою характеристику, подчеркивая преимущества прибора перед существующими зенитными прицелами. Артиллерийский комитет одобрил доклады, признал оптический прицел Игнатьева вполне удачным и заказал опытный образец Петроградскому оружейному заводу. Изобретатель должен был оставить на заводе самодельный прибор, а также, если он этого пожелает, внести конструктивные поправки. В порядке поощрения Игнатьева назначили командиром отдельной зенитной батареи штаба одной из вновь формирующихся армий и присвоили ему чин поручика.

Поправок было много. Изобретатель решил изготовить совершенно новые чертежи и расчеты шкал. За этим он обратился к «Петру» — Сергеем Николаевичу Сулимову. «Петр» и «Магда», ставшая его женой, встретили его с радостью, начались воспоминания, взаимная информация о партийных делах и общих друзьях. Сергей Николаевич горячо взялся за составление чертежей нового прибора и вскоре их закончил.

Оставив прибор и чертежи в Петрограде, Игнатьев взял у Буренина партийную литературу и поехал на фронт попрощаться с боевыми друзьями.

Поручик Игнатьев попросил командование бригады отпустить Чупрынина вместе с ним на новое место службы. Но пока он оформлял документы, случилась беда: во время очередного налета авиации на железнодорожную станцию осколок бомбы попал Чупрынину в ногу, серьезно поранив его. Поручик поехал в госпиталь попрощаться с партийным и боевым товарищем. Лежа на кровати, «Илья Муромец» долго беседовал с Игнатьевым, а под конец протянул ему свои могучие руки. Они крепко обнялись и поцеловались. Выпрямившись, поручик заметил, что добрые глаза фронтового друга заблестели от влаги. «Слеза. Как это не вяжется с мужественной внешностью «Ильи Муромца», — подумал Игнатьев, поднося платок к своим глазам. Так они расстались. Из госпиталя Игнатьев уехал прямо в район города Луцка, в распоряжение штаба Особой армии.

Особую армию сформировали летом 1916 года. К этому времени появились двухмоторные немецкие бомбовозы «Гота», поднимающие 450 килограммов бомб на высоту 4000 метров. Летали они со скоростью 112 километров в час. Большой бомбовой груз поднимали также и самолеты «Сименс-Шуккерт». Тихоходный «Таубе» заменил новый истребитель «Фоккер». Резко улучшились конструкции аэропланов, но еще заметнее выросла авиация численно. Борьба с воздушным противником стало несравненно труднее, чем раньше. Игнатьеву дали батарею из четырех пушек, поставленных на деревянные поворотные круги системы Розенберга. Батарея занимала позицию в 27 верстах западнее Луцка. Она должна была прикрывать штаб Особой армии и город от воздушных налетов, а налеты на Луцк — узел коммуникаций фронта — совершались очень часто. Пользуясь обычным даль-

номером и высотомером, то есть тем, чем пользовались еще в начале войны, Игнатьев безуспешно обстреливал небо.

Так же безуспешно он «обстреливал» ГАУ письмами с просьбой ускорить изготовление заводского образца прибора. В начале октября Игнатьев выехал в Петроград, чтобы на месте продвигать дело вперед. Два месяца он энергично воевал за форсирование выпуска прибора и все напрасно. Наконец, убедившись, что без крупной взятки крупным начальникам из ГАУ ему не видать заводского образца прибора, Игнатьев махнул рукой, решив вернуться на фронт ни с чем.

Вечером, дня за три до отъезда, к Игнатьеву прибежал Буренин «по очень важному, неотложному делу» — за советом...

НИКОЛАЙ ВЕРЕЩАГИН

Ночь. На баке кронштадтской пловучей тюрьмы промелькнула фигура человека. Часовой, одетый в громадный тулуп с поднятым воротником, прошел мимо заключенного, в сторону кормы, не заметив его. Заключенный мигом перевалился через борт, спустился по якорной цепи на лед, крепко держа подмышкой котомку. Он прижался спиной к борту судна, прислушался к чуткой тишине ночи, затем, бесшумно ступая, пошел по направлению к Ораниенбауму. В пути беглец наткнулся на гранитную стену. Это был мыс одного из маяков. Обходить мыс было далеко, поэтому он взобрался на стену, чтобы идти прямо. Не успел он сделать и двух десятков шагов, как его окликнул часовой. Беглец метнулся обратно. Раздались выстрелы, над ухом просвистели пули. Он спрыгнул с гранитной стены, угодив по самую шею в снег, и беспомощно забарахтался. Раздались новые выстрелы, послышался топот ног... — ближе, ближе. — Беглец замер в сугробе. Спустя некоторое время, когда шаги ищущих стихли, он с трудом выкарабкался из снега и пошел дальше. Вдруг под его ногами закачался лед, он упал, едва не соскользнув в пучину моря. Это вечером ледокол разрушил ледяной панцырь. В беспросветной тьме, прыгая с льдины на льдину, беглец преодолел гибельное место, выбрался на берег. Скрываясь в гуще елок от ищущих конных жандар-

мов, он добрался к утру до станции Ораниенбаум. Под железнодорожной платформой сменил арестантский костюм на матросский, который нес в котомке, после чего поехал товарным поездом в Петроград.

Звонок в три часа ночи встревожил Буренина, ожидавшего с часа на час полицию с обыском. Буренин открыл дверь. В переднюю вошел человек, голова которого была закутана в башлык. Лишь глаза его блестели в глубине оставленной для обзора щели. Николай Евгеньевич развернул обледенелый башлык и ахнул:

— Верещагин!.. Да ведь вы уши обморозили...

Молодой матрос с коротким вздернутым носом улыбнулся, протянув руку Буренину.

— Боже мой! Да что с вами? У вас и руки белые... Откуда вы? — заволновался Николай Евгеньевич и, не дождавшись ответа, побежал куда-то за гусиным жиром. Надо было сначала спасти руки, ноги и уши Верещагина от ампутации, а потом уже спасать его самого от жандармов.

Года два назад матрос Верещагин с миноносца «Сибирский стрелок» встретился на подпольной работе с Бурениным. Юный моряк посправился Николаю Евгеньевичу. Он начал заходить к Буренину, посещал с ним музеи, читал рекомендованные им книги. С тех пор они поддерживали друг с другом связь, которая прерывалась вследствие ареста матроса. Верещагин был заключен в пловучую тюрьму за распространение листовок среди команд миноносцев и линкора «Петропавловск». Теперь Буренин и Верещагин снова встретились. Однако дом, за которым зорко следили сыщики, не мог считаться надежным убежищем для беглого арестанта. Надо было срочно найти ему более безопасное место. Но где? С этим вопросом и зашел Буренин к Игнатьеву.

Александр Михайлович сразу ответил:

— Матрос станет солдатом и в качестве вестового поедет со мной на фронт.

Он встретился с Верещагиным. Тот принял предложение, но при разговоре с поручиком подозрительно косился на него. А когда поручик ушел, матрос обратился к Николаю Евгеньевичу.

— Что-то не верится, чтобы в офицерском мундире мог ходить человек доброй души, — сказал он.

Буренин вскинул голову и расхохотался.

— Что же вы согласились ехать с ним?— спросил он и успокоил:— Вы мне верите? Так верьте и ему.

Через несколько дней Верещагин оделся в солдатское обмундирование, получил от Игнатьева необходимые документы и вместе с ним выехал на фронт. В каждый свой приезд в столицу Игнатьев захватывал партийную литературу для фронта, безопасности перевозки которой способствовала его офицерская форма. Часть брошюр они взяли на Съезжинской улице у Каниной. Верещагин нес этот груз к поезду, проникаясь все большим доверием к поручику. Солдат и офицер ехали в разных вагонах. На больших станциях Игнатьев заходил к Верещагину, спрашивал, сыт ли он, изредка приносил ему чего-нибудь поесть, чем очень удивлял спутников вестового. На одной из станций Игнатьев рассказал Верещагину, что он едет в армию, называвшуюся тринадцатой. Однако суеверные генералы испугались цифры 13 и назвали армию Особой.

— Вы как беглый арестант не боитесь несчастливой цифры?— спросил тихо Александр Михайлович.

— Что я генерал, что ли,— ответил Верещагин и засмеялся.

— Знакомы ли вы с какой-нибудь профессией?

— Отец мой был маляром в депо станции Москва-Сортировочная на Казанской дороге. За участие в событиях девятьсот пятого года был сослан в Алатырь. Я тоже работал в депо слесарем-инструментальщиком...

Игнатьев подскочил, хлопнув по плечу солдата.

— Ну и повезло же мне!— сказал он.— Вы не представляете, как мне чертовски нужен слесарь, а в батарее — ни одного.

Он рассказал Верещагину историю своего оптического прибора и добавил:

— Теперь я хочу сделать новый прибор. Будем работать вместе.

Игнатьев зачислил Верещагина канониром и возложил на него обязанности слесаря при орудиях. Начали искать куски железа разных сечений, болтики, линзы, призму для коленчатой трубки. Труднее всего оказалось найти трубку нужных размеров. Верещагин искал ее повсюду, наконец, добрался до кладбища города Луцка. И что же? В могильных решетках он обнаружил трубки

разных диаметров. Солдат подобрал нужную трубку, отпилил ее и принес Игнатьеву, говоря:

— Покойнику от этого вреда нет, а живым будет польза.

В городе они разыскали токарей и заказали им оси, втулки, ролики и другие круглые детали. Верещагин с увлечением начал работать. Дело было, что называется, на мази, как вдруг Игнатьев срочно выехал в Петроград.

Шел февраль девятьсот семнадцатого года.

КОНЕЦ ЕЛКИ

Отряд рабочих, вооруженных лопатами, кирками, топорами, пробивался в лес по глубокому снегу. Люди двигались гуськом за медленно шагающими впереди Игнатьевым и Бурениным, оставляя в белом поле борозду. Игнатьев безошибочно вывел их к лесным склепам Ахиярви и сказал торжественно:

— Вот они, наши елки. Хороши?

Елки действительно были хороши. За десять лет они выросли аршина по полтора и раздались вширь, не нарушая своей конической формы. Красивее всех оказалась та елка, перед которой некогда стояли Игнатьев, Березин, Буренин, Микко и гадали о дне наступления революции. Этот день пришел. Зеленые ветки деревца были покрыты толстым слоем пушистого снега, отчего елка казалась особенно красивой. Десять лет она стояла на часах, стерегла склад оружия, а теперь ей предстояло умереть.

— Не можем ли мы извлечь из-под елки оружие, не загубив ее?— спросил Игнатьев.

Посоветовались, порешили, что наклонный подкоп в стену склепа, пожалуй, мог бы спасти дерево. Но это потребует много трудов, а время не ждало. Воцарилась минутная тишина, которую нарушил один из рабочих, ударив дерево топором чуть повыше комля. Елка вздрогнула. Снег осыпался с веток, и она оголилась. Дерево вздрагивало еще и еще, словно испытывало боль от смертельных укусов топора. Наконец, она, жалобно скрипя, повалилась набок.

Оружие вывезли из склепов и передали в распоряжение рабочих дружин Выборгской стороны.

Вернувшись в Петроград, Игнатьев удивился переменам, происшедшим за три дня. Город бурлил, охвачен-

ный волной забастовок, демонстраций, митингов. Повсюду раздавались голоса: «Долой самодержавие!», «Долой войну!». Тщетно пытались казаки остановить могуче всколыхнувшееся народное возмущение. В бессильной ярости полиция обстреливала демонстрантов из пулеметов, установленных на крышах домов.

Петроградский комитет большевиков поручил агитаторам выступить перед солдатами с призывом перейти на сторону рабочих. Игнатьев стал одним из этих агитаторов. Офицерские погоны открывали ему доступ в казармы, где также происходили митинги. Он выступил перед солдатами Волынского полка и других воинских частей. Как и много лет назад, в начале своей партийной работы, Игнатьев испытывал чувство гордости, что является частицей огромной силы, разрушающей старый мир...

25 февраля в городе началась всеобщая забастовка, на следующий день Выборгская сторона перешла в руки восставших, а 27 февраля войска стали переходить на сторону рабочих.

По улицам шествовали демонстранты, выкрикивая лозунги: «Хлеба!», «Долой войну!», «Да здравствует мир!» Эти слова долетали до слуха Михаила Александровича. Старый магистр чувствовал себя неважно, но не удержался и вышел с сыном из дому посмотреть демонстрацию. Они шагали вдоль тротуара, беседуя о событиях.

— Слышишь, Шура,— сказал Михаил Александрович,— люди требуют мира, нужно, чтобы и вы на фронте поддерживали это требование народа. Мира, поскорее добивайтесь мира и возвращайтесь домой. Довольно этого безумия уничтожения. Вернись и ты, займись своим очагом, ведь тебе тридцать восьмой год идет,— увидя, что намек об «очаге» не понравился сыну, отец на ходу переменял тему.— Да нет, я не к тому, Шура... Не хочу сковать тебя заботами обыденными, я хочу, чтобы ты... основал лабораторию для своих нетупящихся инструментов.

— Боюсь, отец, что до них руки пока не дойдут. Ты думаешь, свержение Николая второго — это все?.. Что с тобой, папа, папа!.. Что случилось? Тебе плохо?

Отец неожиданно остановился, ухватившись за руку сына.

— Ничего особенного, пройдет...

— Тебе нельзя волноваться, отец, идем домой.

Они повернули назад. Долго, с остановками, одолевал старый магистр наук ступеньки лестницы. На верхней площадке он отдышался и сказал:

— Понимаешь, Шура, как хочется быть свидетелем широкого признания твоего открытия,— и, таинственно подняв пухлый палец, предупредил...— Ты Пелагее не говори, что мне было нехорошо на улице.

Спустя две недели мать Белоцерковца прислала к Игнатьевым девочку с известием о возвращении сына. Александр Михайлович тотчас же побежал к другу юности.

Белоцерковец настолько изменился за десять лет, что Игнатьев едва узнал его. Когда он вошел в комнату, навстречу ему шагнул высокий, худой, заметно поседевший Анатолий Петрович. Он провел десять лет в Александровском центральном, закованный в кандалы, на каторжных работах и хранил на себе неизгладимую печать каторги. Это был человек из другого мира и, вместе с тем, был чем-то очень знаком и близок Игнатьеву. Ну да, глаза его, глаза, остались теми же, какими были, горящими неистощимым огнем жизни. Первые секунды прошли в молчаливом изучении друг друга взглядами, а затем оба издали крик радости и обнялись. Белоцерковец нагнулся, положил бритый подбородок сзади на плечо друга и не отрывался от него, пока не овладел собой. Он познакомил Игнатьева со своей женой, политической ссыльной, Мильдой Ивановной. В целях скорейшего восстановления старых отношений Анатолий Петрович начал беседу со своей ошибки, совершенной десять лет назад. Затем он задал Игнатьеву кучу вопросов, спросил совета: к какому делу приложить руки, чтобы поскорее стать полезным обществу. Александр Михайлович отвечал, что не только дел, но и борьбы жестокой, кровопролитной борьбы впереди предстоит предостаточно.

Через два дня Игнатьев выехал на фронт.

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В войсках шли бурные митинги. Солдаты горячо, до хрипоты говорили о февральской революции, спорили и убеждали друг друга в том, что она им даст. Офицеры уверяли, что революция дала им свободу, даст победу в войне, а потом и все другие жизненные блага. На митинге артиллеристов перед строем выступили один за

другим три офицера. Все они заканчивали свои пышные речи призывом к бойцам о верности временному правительству. Четвертым выступил Игнатьев, только что вернувшийся из столицы. Он рассказал фронтовикам о событиях в Петрограде, о низвержении «проклятого самодержавия». Учитывая, что большинство солдат — из крестьян, поручик остановился на крестьянском вопросе.

— Александр второй — хитрый самодержец — издал манифест об «освобождении» крестьян, потому что был принужден к этому ходом истории и иного выхода не имел. Однако царь подло обманул народ. Земля осталась у помещиков, крестьяне подпали под невыносимое бремя выкупных платежей, платили за землю царю и помещикам в два-три раза больше, нежели она стоила. Грабительские условия аренды земли, «отработка», «барщина» держали крестьянское хозяйство на нищенском уровне. В результате — вечными спутниками крестьянской жизни остались неурожай, разорение, голод, преждевременная смерть! Кое-кто здесь произносил сладкие речи, заверяя вас, что разрухе крестьянского хозяйства пришел конец, что теперь де наступает эра процветания народной нивы, что не будет больше тягот жизни и нищеты. Неверно это, солдаты! Останутся все ваши горести, не будет облегчения горькой доли крестьян и отныне, если земля не будет отнята у помещиков, если не будет мира, если трудовое крестьянство само не станет отстаивать свои интересы рука об руку с рабочим классом!

Смелость Игнатьева поразила солдат, ответивших на его слова гулом одобрения. Офицеры, придя в бешенство от «наглости» оратора, нашли неудобным прервать его речь. Ведь они сами только что говорили о свободе слова. Давнишний враг Игнатьева — монархист подпоручик Алексеев — считал, что не стоит с ним церемониться. Он злобно смотрел на оратора, перебивая его грубыми репликами и открытыми угрозами. Верещагин стоял недалеко от Алексеева и зорко следил за ним, держа винтовку наготове. Игнатьев говорил, поворачиваясь корпусом то налево, то направо, скользя взглядом по лицам солдат. Его глаза останавливались поочередно на старшем фейерверкере большевике Шалове, на Верещагине и на фейерверкере Башкатове, недавно зачисленном в батарею. Но почему-то Башкатов больше при-

ковывал к себе взгляд. У него на висках не было волос, и это вызвало у Игнатьева странное неприятное ощущение. Башкатов стоял рядом с Алексеевым, и казалось, что это не случайно. Кто же этот солдат?

После митинга Игнатьев никак не мог избавиться от навязчивого вопроса. За что он ни брался, думал о фейерверкере с висками без волос. Верещагин показывал детали изготавливаемого оптического прицела, задавал вопросы, а Игнатьев отвечал невнятно, думая о Башкатове. Ему казалось, что он где-то встречал этого человека и встреча была связана с неприятностью для него. В тот же день, столкнувшись лицом к лицу с Башкатовым возле орудия, Игнатьев отозвал его в сторону и спросил:

— Мне кажется, что я вас видел прежде. Вы меня не помните?

— Нет, господин поручик. Может быть и встречались в Петрограде. Сегодня вы говорили про Петроград, а я слушал вас и думал, что мы с вами земляки, господин поручик.

— Вот оно что, значит земляки. Наверно я там и видел вас. Быть может, скажете, где вы жили или работали?

— На Путиловском заводе, токарем.

На переносице Игнатьева появились складки. Он напряг память. В цехах Путиловского завода он бывал несколько раз, но беседовал с небольшим количеством людей, наверное мог там встретить токаря Башкатова... Неужели?

— Ба, вспомнил! — глядя на виски фейерверкера, воскликнул Игнатьев, — вы тот самый токарь, который прогнал меня, студента, из цеха. Помните, вы точили резец, а я приставал к вам с вопросами?

Фейерверкер не помнил. Минут пять поручик восстанавливал в памяти и передавал солдату обрывки давнишнего разговора:

— ...Помните еще под конец вы послали меня в кузницу, говоря, что там чертям тошно?

У Башкатова в глазах блеснули искорки, точно прорезавшие тьму времени. Он хлопнул себя по затылку, восклицая:

— Вот так дела-а! Значит, это были вы, господин поручик? Тогда я принял вас за сыщика, ряженого под

студента, а у меня в станине были спрятаны только что привезенные листовки...

— Листовки?! Черт побери! Это были мои листовки, я их печатал на даче!.. Выходит, что вы, вместо благодарности за листовки, прогнали меня,— сказал поручик, весело смеясь.

— Прошу прощения, госпо... товарищ Игнатьев,— смущенно улыбаясь, сказал Башкатов.

— Что уж теперь-то просить прощения, тринадцать лет спустя?

— Лучше поздно, чем никогда.

— Это верно. Одним словом, недоразумение между нами с некоторым опозданием выяснено. Давайте лучше поговорим о делах наших дней. Значит, вы тогда были большевиком?..

— Я и теперь большевик, товарищ Игнатьев,— гордо признался бывший токарь.

— Прекрасно. У нас есть еще большевики: Шалов, Верещагин, Лежанов, Вдовиченко и я. Нашей группе придется много поработать, добиться во что бы то ни стало, чтобы вся батарея поддерживала большевиков. Лозунг войны до победного конца — не наш лозунг. Большевики стоят за мир, и солдаты должны — за мир. Большевики — за власть рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, и солдаты должны все стоять за эту власть.

Верещагин, Шалов, Башкатов стали ближайшими помощниками Игнатьева в партийной работе. Они читали солдатам газеты, брошюры, листовки, которые поручик привозил из Петрограда, выезжавший туда под предлогом консультации рабочих, изготавливающих заводской образец оптического прицела.

В конце марта личный состав батареи избрал Игнатьева тайным голосованием в совет армейских выборных Особой армии. Кроме того, он и Верещагин были избраны членами культурно-просветительной комиссии при Совете армейских выборных.

Занятые политическими и общественными делами, Игнатьев и Верещагин мало уделяли времени изготовлению оптического прибора и закончили его к маю. Участвовавший в сборке прибора Верещагин стал наводчиком батареи. Игнатьев тренировал бывшего матроса в свободные часы и научил его безошибочной работе.

Верещагин держал самолеты противника в волосном крестике, а прибор, «согласованный» с угломером наблюдательного пункта, показывал данные стрельбы. Батарея отгоняла эскадрильи немецких самолетов, идущих на Луцк. Нашлись и здесь офицеры, недоверчиво относящиеся к изобретению поручика Игнатьева. Верещагину страшно хотелось доказать на деле совершенство прибора, точность его прицела. Он работал со страстью рьяного охотника, покрикивал на нерасторопных батарейцев, ругал их за промахи. Строй самолетов врага часто рассыпался, но ни один из них не падал. Наконец Верещагину улыбнулось счастье. Он попал в аэроплан. Взволнованно, несколько удивленно следил матрос, как самолет падал, оставляя в небе дымный след, и скрылся за лесом. Второй самолет Верещагин сбил месяц спустя во время налета эскадрильи на батарею. Машина дотянулась до нейтральной зоны и упала. Ночью русские солдаты оттащили разбитый самолет к своим окопам, куда выехал Игнатьев изучить действие нового бризантного снаряда.

Это был последний трофей изобретателя. Вскоре его избрали редактором газеты «Голос Особой армии» (Известия выборных Особой армии), в связи с чем Игнатьев оставил командование 85-й противозенитной батареей. Почти одновременно Верещагина отозвали в Балтийский флот. Наступила осень, приближался октябрь 1917 года.

ПОСПЕВАЯ ЗА ВРЕМЕНЕМ

Время, подобно машине, имеет механизм скоростей: то оно ползет томительно замедленным шагом, то идет нормально — день за днем, год за годом, то вдруг, переключенное рычагом истории на высшую скорость, летит с головокружительной быстротой.

Грянуло 25 октября. После Октябрьской революции в Особой армии резко обострилась борьба между большевиками и врагами пролетарской революции. Несмотря на свою малочисленность, большевики имели сильное влияние в войсковых частях. Прислушиваясь к голосу правды, солдаты требовали заключения мира, отстранения офицеров-монархистов от должностей, выборности командования, сплошь и рядом выдвигая кандидатами в командиры сторонников Октябрьской революции.

«В 4-м самокатном батальоне солдаты отстранили командира третьей роты и заведующего хозяйственной частью и на их место избраны солдаты», — доносилось в одном рапорте командующему армией. «Причина неисполнения боевого приказа — разложение в армии как следствие брошенных в массы неосуществимых лозунгов», — говорилось в другом. А таких рапортов писалось множество. В «самочинных» действиях солдат офицеры целиком обвиняли большевиков. Командование армии пыталось пресечь «беспорядки» демагогическими речами, иногда угрозами. Эсеры поддерживали в этом офицеров, без конца митингуя.

Совет выборных Особой армии эсеры прибрали к рукам, вытеснив из него нескольких большевиков. Один лишь Игнатъев, будучи редактором «Голоса Особой армии», оставался на своем посту и в составе Совета выборных. Он печатал в газете большевистские резолюции солдатских митингов, солдатские заметки, письма, ставящие злободневные вопросы. В специальном разделе газета помещала правдивые ответы на вопросы солдат. «Голос Особой армии» давал статьи об истории дома Романовых, о сущности империалистической войны и о ее истинных зачинщиках, о праве народа отнять у капиталистов и помещиков заводы и земли. Большевики рботали с бесстрашным упорством, и их деятельность находила отражение в «Голосе Особой армии».

Эсеровский Совет выборных сделал редактору газеты несколько строгих предупреждений, требуя, чтобы газета проводила политическую линию в духе решений Совета. Однако Игнатъев вел себя в совершенно ином духе, не отступая ни на шаг перед угрозами своих врагов. Возник конфликт.

Вопрос обсуждался на заседании Совета выборных. Эсеры обвинили Игнатъева в подрывной деятельности. Он де, с одной стороны, разлагает солдат, с другой же — подрывает их доверие к себе, к газете и к Совету выборных. Он действует вопреки воле масс, он публикует материалы, противоречащие коренным интересам и духовным стремлениям солдат.

Редактор умело парировал все надписи, а в заключение коротко сказал:

— Меня здесь обвинили во всех смертных грехах, приклеив ярлык едва ли не предателя интересов народа.

Здесь говорили офицеры от имени солдат, неизвестно на каком основании. Нынче солдаты сами говорят за себя, и я печатаю их заметки, коллективные письма, резолюции их собраний. Вот они, эти документы, — сказал Игнатъев, кладя толстую пачку писем перед председателем Совета. — Наконец, если Совет выборных искренне хочет проверить, доверяют ли мне солдаты, то он может обратиться к моим избирателям с просьбой подтвердить свое доверие новым голосованием.

Совет выборных поставил этот вопрос на голосование и почти единогласно решил: «Отстранить редактора газеты «Голос Особой армии» поручика А. М. Игнатъева от должности за большевистский подход к редактированию газеты».

... Игнатъев рвался в Петроград. Ему хотелось быть в центре закипавшей борьбы. Но он не мог покинуть армию. Его назначили офицером по снабжению батарей снарядами. Это дало ему возможность бывать в частях и продолжать революционную работу среди солдат. Через большевиков луцкого гарнизона он доставал газеты и брошюры, издаваемые в революционном Петрограде, и распространял в частях. Вел он и пропагандистскую работу, когда эсеры, отстранив большевиков, заняли руководящее положение в армии.

Зенитной батареей в то время командовал монархист-подпоручик Алексеев. Игнатъеву неудобно было появляться в батарее и поэтому он действовал через фейерверкера Башкатова. Бывший токарь Путиловского завода оказался опытным конспиратором и неплохим агитатором. Приходя к Игнатъеву, фейерверкер часто жаловался, что офицеры затыкают солдатам рот, не дают им свободно обсуждать волнующие их вопросы. А подпоручик Алексеев грозит разделаться с теми, кто сочувствует большевикам. Особенно преследовал Алексеев Башкатова и неоднократно намекал ему на скорую расправу. Игнатъев посоветовал Башкатову быть осторожнее и не выходить из рамок полуполюгального положения, в котором находились тогда большевики.

— Тут не убережешься, — сказал в ответ Башкатов. — В такой обстановке или надо сидеть сложа руки, или бороться открыто, как это было в Петрограде...

— Не забывайте, в Петрограде сначала подготовили массы и там были сосредоточены лучшие силы революции, — заметил Игнатъев.

Фейерверкер, будто не слыша его слов, заговорил с неожиданной тоской в голосе:

— Эх, Александр Михайлович, вы не знаете, как хочется попасть в Петроград и видеть его хоть одним глазом, видеть таким, каким он никогда еще не был, — подумайте! — нашим, пролетарским, советским Петроградом, с полыхающими красными знаменами на бурлящих улицах.

— Потерпите, друг мой, скоро всю Россию сделаем советской, но на быстрое возвращение домой не рассчитывайте. Предстоит еще тяжелая борьба с внутренними и внешними врагами. Домой мы попадем еще не скоро... Кстати, чем вы намерены заняться, когда наступит мир? — спросил Игнатьев, улыбнувшись.

— Чем же мне заниматься?.. Ясное дело, буду токарем теперь уже на нашем Путиловском заводе. Приходите, Александр Михайлович, ко мне в гости, как тогда...

— Чтобы опять прогнали меня от станка, нет уж, хватит с меня, — перебил с деланной серьезностью Игнатьев.

— Нет, теперь не прогоню, — виновато усмехнулся Башкатов, потерев висок.

— В таком случае приду с радостью, — сказал Игнатьев, смеясь. Подумал, покрутил ус и продолжал: — А знаете, я хочу, чтобы вы стали моим помощником, у меня будет лаборатория режущих инструментов...

Поручик рассказал Башкатову о своем открытии, познакомил его со своими планами, поделился мечтами. До поздней ночи токарь слушал историю о самозатачивающихся инструментах, а в заключение сказал, кладя руку на сердце:

— Если жив останусь, Александр Михайлович, даю слово работать с вами.

Утром следующего дня разорвалась пушка. Был убит большевик Шоналков, а Башкатов тяжело ранен в живот. Узнав о несчастье, Игнатьев поехал в батарею. Раненый лежал в избе, перевязанный, ожидая отправки в госпиталь. На голых висках его выступили капельки пота. Мучительно дыша, он смотрел на поручика страдальческими глазами, как бы говорившими: «Вот и не сбывается моя мечта, не доведется мне работать с вами, и уж никогда не попаду в родной Петроград, никогда...» Санитары уложили его на носилки, чтобы унести. Игнатьев горопливо попрощался с другом, повернулся и, сгорбив-

шись, вышел. Навстречу попался Алексеев и невольно мелькнула мысль: «Отчего разорвалась пушка?..»

Вместо Башкатова Александру Михайловичу в партийных делах стал помогать канонир Вдсвиченко, но с ним он поработал очень недолго. В весеннюю непогоду Игнатьев заболел гриппозной пневмонией и был отправлен в Киев. Болел он тяжело, страдая от болей и еще больше от вынужденного бездействия. Из Киева он выехал в санитарном поезде в один из городов центральной России, откуда лишь в начале июня ему удалось добраться до дома. В Петрограде Игнатьев демобилизовался, чтобы заняться своими изобретениями.

В течение многих лет, с небольшими перерывами, Александр Михайлович поддерживал письменную связь с Алексеем Максимовичем Горьким. Прибыв в Петроград, Игнатьев побывал у писателя не раз. Узнав подробности истории открытия самозатачивающих, Горький пришел в восторг, начал расспрашивать Игнатьева о его опытах, обсуждал вместе с ним планы создания исследовательской лаборатории. Алексей Максимович рассказал об изобретении Марии Федоровны, друзьям, ввел Игнатьева в круг своих знакомых. Он одобрил стремление изобретателя закончить в первую очередь изготовление заводских типов оптического прицела, говоря раздумчиво:

— Да, вы правы, пока прицелы важнее для революции.

Прицел изготовлял на Орудийном заводе мастер Гнедин. Он почти закончил первый усовершенствованный образец, как вдруг начали эвакуировать завод из Петрограда. Наступал Юденич.

Александр Михайлович добровольно вступил в Красную Армию и был назначен инспектором противозадушной обороны Петрограда. Он наскоро изготовил на заводах несколько оптических прицелов простой конструкции и начал обучать первых красных зенитчиков стрельбе по самолетам врага. По совместительству Игнатьев работал чрезвычайным комиссаром по снабжению Красной Армии военными приборами, членом комиссии по разгрузке Петрограда, председателем комиссии по разгрузке Гутуевской таможни под Петроградом.

Он редко встречался с друзьями, с Каниной и даже дома бывал лишь иногда, на бегу.

В августе 1919 года под руководством товарища Сталина были разгромлены войска Юденича. Избавленный от угрозы со стороны контрреволюции, город начал налаживать жизнь.

Игнатъев часто стал бывать дома, в котором царило небывалое оживление. Даже старый Михаил Александрович выглядел очень бодро, работал без усталости в лаборатории и читал в разных местах лекции о ветеринарии и о мясоведении. Как-то сын сообщил ему, что собирается отправиться на поиски эвакуированного Орудийного завода. На пути в Нижний Новгород баржа с оборудованием завода застряла в каком-то речном порту. Александр Михайлович намеревался найти баржу, взять оптический прицел, чертежи к нему и довести дело до конца. Михаил Александрович одобрил план сына и в свою очередь поделился с ним выпавшей на его долю радостью. Глаза его горели от возбуждения таким молодым огнем, даже не верилось, что старику 69 лет.

— Шурочка, у меня большая новость, — рассказывал он с сияющим видом, — вчера пришел ко мне представитель Советской власти — он так и назвал себя — и предложил стать научным руководителем большой лаборатории по борьбе с эпизоотией. Говорил, что мне дадут много сотрудников, аппаратуру — словом, все условия, о которых я мечтал всю жизнь.

— Откуда этот представитель?

— Из какого-то наркомата. Сказал, придет еще раз для окончательных переговоров.

Но второй раз представитель наркомата не пришел за магистром ветеринарных наук. Вечером того же дня Александра Михайловича разыскали в городе и сказали, что отцу плохо. Сын немедленно поехал домой и застал Михаила Александровича лежащим в постели без движения, кисть его правой руки безжизненно свисала с кровати, бледное лицо покрылось мелкими капельками холодного пота, а в глазах уже погасли яркие огоньки, горевшие еще утром в предвкушении большой творческой работы.

Михаилу Александровичу стало дурно в лаборатории. Его привели домой в тяжелом состоянии, и он тут же потерял сознание. Он несколько раз в течение ночи приходил в себя, но ненадолго. Утром 14 сентября 1919 года он умер на руках у сына.

На похороны пришли друзья, коллеги, был и Белоцерковец. Речей больших не произносили. Александр Михайлович произнес, прощаясь с отцом, две фразы:

— Отец родился крепостным и умер ученым, получившим от молодого социалистического государства приглашение участвовать в развитии новой науки на благо народа.

Тяжелая утрата отдалила на некоторое время начало поисков баржи. Снабженный специальным правительственным удостоверением, Игнатъев в конце сентября уже путешествовал по рекам, ведущим в Нижний Новгород.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Труды Александра Михайловича не пропали даром. Баржу он нашел. Нашел в прекрасном состоянии и оптический прицел с чертежами. Безмерно обрадованный, изобретатель вывез свои находки в Москву, в Главное артиллерийское управление Красной Армии.

Горький жил в Москве. Игнатъев пошел к нему в гости и рассказал о своих мытарствах в поисках оптического прицела. Писатель слушал его с большим интересом и еще раз оценил значение прибора для Красной Армии, защищающей молодую Советскую республику от интервенции четырнадцати государств.

— Где вы остановились, Александр Михайлович? — спросил Горький в конце беседы.

— Нигде. Пока скитаюсь по квартирам знакомых.

— Вот как? В таком случае живите у меня. Здесь вам никто не мешает работать, — предложил Горький. Игнатъев смутился, но попытался отговориться.

— Меня многие знакомые приглашают к себе, — сказал он.

— Чем же я хуже других ваших знакомых? — развел руками Алексей Максимович, деланно обижаясь.

— В том-то и дело, что вы лучше всех, поэтому не смею вас беспокоить.

— А вот сейчас вы измените свое мнение обо мне. Что вы скажете, если я возьму и не отпущу вас, насильно заставлю жить у меня? — сказал Горький и рассмеялся, проводя пальцами по усам.

Игнатьев уступил «насилию». Он прожил у Горького несколько дней. И хотя старался не отвлекать Алексея Максимовича от дел, ничего не получалось. Горький сам заходил в комнату изобретателя, рассматривал чертежи, прося объяснить их содержание, расспрашивал о его успехах. Игнатьев отвечал на все вопросы, скрывая свои невзгоды. Но однажды не выдержал и пожаловался Горькому:

— Неважные у меня дела, Алексей Максимович. Мешают мне, очень хитро препятствуют выходу моего изобретения в свет.

— Противники объявились? Кто такие? — спросил Горький, не удивляясь этой новости.

— Часть специалистов царского ГАУ — генералы и офицеры, объявив о своей лояльности к Советской власти, перешли на службу в Главное артиллерийское управление Красной Армии. Среди них есть спецы, по моему, неискренние люди. Они-то и закрывают пути новым изобретениям, в том числе и моему оптическому прицелу. Есть там, правда, немало и честных людей, однако на них давят своим авторитетом эти спецы. Трудновато с ними воевать.

Слушая, Горький досадливо хмурился, как-то необычно дымя папиросой.

— Не огорчайтесь, Александр Михайлович, — успокаивающе сказал он, — вы не одиноки в своей борьбе против спецов. У вас найдутся авторитеты, помогающие им, и вы обязательно окажетесь в выигрыше.

В недвусмысленных словах Горького Игнатьев все же не мог понять одного: кого имел в виду великий писатель, говоря о могущественных авторитетах?

Через некоторое время Игнатьев поблагодарил Алексея Максимовича за гостеприимство, сказав, что он будет отныне жить в своей комнате на Воздвиженке. «Своя» комната находилась в квартире Сергея Николаевича Сулимова — «Петра», который пригласил Александра Михайловича к себе на временное жительство. В коридоре висел телефон, что давало возможность Игнатьеву поддерживать связь с Горьким.

Александр Михайлович часами занимался, запершись в «своей» комнате, прерывая работу только из-за одолевавших его с недавних пор головных болей. Он составлял новые чертежи, без конца совершенствуя детали оптического прицела. Перед обедом или ужином Мария

Леонтьевна — «Магда» — звала через дверь к столу, с трудом отрывая изобретателя от работы.

По сравнению с первой фронтальной моделью Игнатьев значительно изменил и усовершенствовал свой оптический прицел. Теперь он помещался в специальном ящике на трех ногах. Сверху ящика находился график траекторий, гравированный на алюминиевом планшете в четверть круга. На нем имелась шкала высот полета, а по окружности — градусная шкала углов местности. Поверх графика находилось приспособление, напоминающее скрипичный смычок, снабженный бесконечной проволокой, огибающей на концах «смычка» вращающиеся ролики. К проволоке, как и на первом фронтальном варианте, была припаяна металлическая «капля», или «мушка». Синхронно связанная с механизмами прибора и визирной трубкой, проволока двигалась по «смычку» вперед и назад вместе с «каплей» — подвижной мушкой. Таким образом, мушка, «попав» с помощью визирной трубки на самолет, не «отрывалась» от него, в миниатюрных масштабах повторяла движение летающей цели. Мушка ползла по графику планшета, ежесекундно показывая расстояние, высоту полета и данные стрельбы. Слева от диаграммы был расположен круг с надписью «угол бокового наблюдателя» для установки передаваемого по телефону угла бокового или вспомогательного наблюдателя. Аппарат был снабжен также и кривыми установок дистанционных трубок снарядов и упредительных механизмов. Все эти шкалы и механизмы четко взаимодействовали во время работы. Их показаниями пользовался командир батареи, открывая стрельбу по воздушному противнику.

Изобретатель закончил последние усовершенствования. Теперь вполне можно было бы начать серийный выпуск оптических прицелов для Красной Армии, если бы не тормозили в ГАУ. Сергей Николаевич и Мария Леонтьевна Сулимовы в беседах с Игнатьевым успокаивали его, давая различные советы. Однажды во время очередного разговора с Сулимовым Мария Леонтьевна позвала изобретателя к телефону. Игнатьев взял трубку:

— Кто говорит?... Ах, здравствуйте!.. Не называть вас? Почему?... Что вы говорите?... Слушаю, слушаю вас и ушам не верю... Все будет сделано!.. Я бесконечно вам благодарен! — взволнованно отвечал Игнатьев. Он повесил трубку и с криком влетел к Сулимовым.

— Мария Леонтьевна, Сергей Николаевич! Вы знаете, что сказал он?

— Кто он?

Игнатъев спохватился, испуганно зажав рот пальцами.

— Что же вы замолчали? — спросили супруги, необычайно заинтригованные.

— Знаете... Мм-м... Вы извините меня. «Он» сказал, чтобы я никому ни слова не говорил. А я слишком заволновался... Одним словом, завтра вечером все расскажу.

— Понятно. Разрешите только заметить, Александр Михайлович, что инстинкт конспиратора у вас притупился, — шутя заметил Сулимов.

Утром следующего дня Игнатъев побежал в ГАУ, которое помещалось в здании бывшего страхового общества «Россия» на Сретенском бульваре. Прицельный прибор находился на третьем этаже в полутемной комнате с окном, выходящим во двор. Ящик прибора, отделанный под мореный дуб, стоял на столе в середине комнаты. Окончив осмотр, Игнатъев еще и еще раз вытирал тряпкой каждую часть окрашенного в яркозеленый цвет оптического прицела. Вдруг он услышал из коридора голос курьера:

Александр Михайлович! Там внизу вас спрашивают двое штатских!

Игнатъев сорвался с места и побежал вниз, удивляясь своей взволнованностью равнодушного курьера. Возле швейцара действительно ожидали двое, одетые в скромные демисезонные пальто, оба в кепках. Один среднего роста держал руки в карманах, другой, высокий, был с палкой. Это были Ленин и Горький. Игнатъев сказал что-то дежурному и, пожав гостям руки, пригласил их следовать с ним на третий этаж...

Вот как пишет об этом Горький:

«Я предложил ему, — пишет Горький в известных воспоминаниях о Ленине, — съездить в Главное артиллерийское управление посмотреть изобретенный одним большевиком, бывшим артиллеристом, аппарат, корректирующий стрельбу по аэропланам.

— А что я в этом понимаю? — спросил он, но поехал. В сумрачной комнате, вокруг стола, на котором стоял ап-

парат, собралось человек семь хмурых генералов, все седые, усатые старики, ученые люди. Среди них скромная штатская фигура Ленина как-то потерялась, стала незаметной. Изобретатель начал объяснять конструкцию аппарата. Ленин послушал его минуты две, три, одобritельно сказал:

— Гм-гм! — и начал спрашивать изобретателя так же свободно, как будто экзаменовал его по вопросам политики:

— А как достигнута вами одновременная двойная рабета механизма, устанавливающая точку прицела? И нельзя ли связать установку хоботов орудий автоматически с показаниями механизма?

Спрашивал про объем поля поражения и еще о чем-то, — изобретатель и генералы оживленно объясняли ему, а на другой день изобретатель рассказывал мне:

— Я сообщил моим генералам, что приедете вы с товарищем, но умолчал, кто — товарищ. Они не узнали Ильича, да, вероятно, и не могли себе представить, что он явится без шума, без помпы, охраны. Спрашивают: это техник, профессор? Ленин? Страшно удивились — как? Не похоже! И — позвольте! — откуда он знает наши премудрости? Он ставил вопросы, как человек технически сведущий! Мистификация! Кажется, так и не поверили, что у них был именно Ленин...

А Ленин, по дороге из ГАУ, возбужденно похохатывал и говорил об изобретателе:

— Ведь вот как можно ошибаться в оценке человека! Я знал, что это старый честный товарищ, но — из тех, что звезд с неба не хватают. А он как раз именно на это оказался годен. Молодчина! Нет, генералы-то как окрысились на меня, когда я выразил сомнение в практической ценности аппарата! А я нарочно сделал это, — хотелось знать, как именно они оценивают эту остроумную штуку.

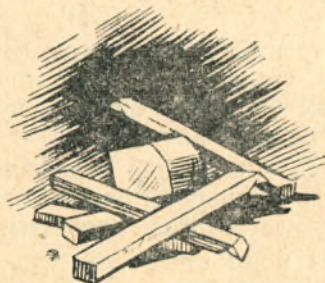
Залился смехом, потом спросил:

— Говорите, у И.¹ есть еще изобретение? В чем де-

¹ Когда Горький писал эти строки, Игнатъев находился в Берлине. Его осаждали представители иностранных фирм, пытаясь купить патенты на изобретения. Об этом знал Горький и, возможно, желая избавить Игнатъева от новых «приставаний» агентов иностранных фирм, не назвал полностью фамилии изобретателя оптического прицела. (Примечание автора.)

ло? Нужно, чтоб он ничем иным не занимался. Эх, если б у нас была возможность поставить всех этих техников в условия идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!»

Глава шестая

УНИВЕРСИТЕТ НА ДОМУ

УЕМ дальше уходил от столицы фронт гражданской войны, тем шире становился другой фронт — трудовой. Партия направляла энергию народа на планомерное восстановление разрушенного хозяйства. Возрождались разрушенные фабрики и заводы, пробуждались словно от летаргического сна цехи, шумели станки. Оживленное стало на улицах Москвы, пошли трамваи, появились грузовые машины, росли на стоянках ряды извозчиков, повсюду сновали пешеходы — торопливые, озабоченные делами. Тротуары вновь вступали во владение дворников, которые не только мели их каждое утро, но и посыпали песком. Почти все люди ходили в изношенных, полинявших пальто, шубах и шинелях. Многие одевались так, потому что не имели ничего лучшего, а иные, богачи, ради маскировки, которая должна была продолжаться, по их расчетам, до скорого конца Советской власти.

На Неглинной улице стоял, прижавшись колесами к тротуару, легковой автомобиль. Шофер скучал в ожидании начальника и от нечего делать равнодушно наблюдал за прохожими. Вдруг его взгляд остановился на спи-

не человека, одетого в новое, прямо-таки буржуйское драповое пальто. меховой воротник и шапка скрывали голову прохожего так, что шофер не мог видеть его лица, но он заметил что-то очень знакомое в его мелких быстрых шагах, в семенящей походке. Шофер выскочил из машины и побежал за обладателем драпового пальто. Поровнявшись с ним, он взглянул сбоку на профиль человека и узнал его:

— Александр Михайлович! — радостно воскликнул шофер.

— Николай Федорович! — откликнулся удивленный Игнатъев, обнимая Верещагина. — Друг мой, откуда вы взялись, что вы делаете, как поживаете? Сто лет я вас не видел!

— Сто не сто, а побольше трех лет не виделись, — ответил Верещагин.

— Но каких лет! Расскажите же, как вы провели эти годы?

— Особенно рассказывать не о чем, Александр Михайлович. Октябрьскую революцию встречал во флоте, с Корниловым и Юденичем воевал, недавно демобилизовался, а теперь работаю шофером... Я уж лучше послушаю вас, жизнь ваша протекает созвучнее моей.

Игнатъев отошел к подъезду дома, увлекая за собой Верещагина, немного помолчал и заговорил, понизив голос:

— У меня много событий и печальных и радостных. Печальное — это кончина старика-отца...

— Михаил Александрович скончался?! — перебил Верещагин.

— Да, скончался. А недавно родился сын. Так что, друг мой, ушел из жизни Михаил Александрович, а другой Михаил Александрович появился на свет. Ведь я сына назвал в честь отца Михаилом.

Тронутый сообщением, Верещагин не знал, в каких словах выразить одновременно соболезнование и поздравление. Не найдя слов, он спросил у Игнатъева:

— А кто такая супруга ваша, мать Миши?

— Ольга Константиновна Канина...

— Чернявенькая такая, я знаю ее, Александр Михайлович, в шестнадцатом мы у нее литературу брали для фронта.

— А, правильно, правильно, она самая, — улыбнулся Игнатъев.

Он вкратце рассказал Верещагину о своих похождениях, зато подробно описал приезд к нему Ленина и Горького, пожелавших ознакомиться с заводским образцом оптического прицела, приведя в радостное изумление бывшего наводчика. По указанию Ленина изобретение пошло в дело. Мастер Гнедин, изготовлявший его, внес поправки в конструкцию, после чего прибор отправили на фронт и начали серийный выпуск его на заводе.

— Вы сейчас заняты этим делом? — спросил Верещагин.

— Нет... Ах да, вот скандал! Чуть не забыл о самой главной новости. Меня ведь Совнарком назначил торгпредом Советской республики в Финляндии. Дипломатический мандат и прочие документы уже выписаны. Пришлось, как видите, к отъезду. Подбираю штат. Лучший ваш друг, Николай Евгеньевич Буренин, назначен моим заместителем. Из знакомых едет также Иван Иванович Березин — секретарем торгпредства. Людей подбираю таких, кто знаком с финским языком или знает Финляндию... Постойте, постойте, Николай Федорович, друг мой, ведь вы, будучи матросом, несли службу в Финляндии. Так за чем же остановка? Поедем с нами. Я зачислю вас на должность шофера, ездить буду мало — даю слово — и обещаю сделать вас торговым агентом. Не раздумывайте, поедem! — увлекаясь возникшей идеей, повторил Игнатъев.

— Поеду, с вами куда угодно поеду, — согласился Верещагин. — Ну, а как ваше здоровье?

— Ничего, только в последний год головные боли какие-то появились.

Рожок автомобиля загудел прерывисто, громко. Это работник наркомата давал сигналы, зовя Верещагина.

— Меня зовут, я зайду к вам, переговорим, дайте скорее ваш адрес, — сказал, сияя от радости, Верещагин и, получив клочок бумаги с адресом, исчез в толпе.

Через месяц сотрудники торгпредства молодой Советской республики прибыли в Гельсингфорс.

После встречи в ГАУ Горький рассказал Игнатъеву о том, как Ленин высоко оценил достоинства его оптического прицела, спросил о другом изобретении и выразил

пожелание, «чтобы он ничем иным не занимался». Эти слова как нельзя лучше соответствовали затаенным мечтам и планам Игнатьева. Они врезались ему в память, как указание о его долге перед народом, перед Родиной. Годы он вынашивал идею, без конца откладывая ее решение до лучших времен. Теперь времена эти настали. О чем же мог мечтать еще изобретатель, если его поддерживал величайший человек земли, если хозяином заводов и фабрик стал народ? Теперь Игнатьев поистине мог «ничем иным не заниматься» и посвятить всю свою жизнь делу продвижения изобретения в народное хозяйство. Однако почему же он медлит? Почему он согласился нести бремя обязанностей торгпреда, вместо того чтобы, засучив рукава, приступить к организации опытов самозатачивания?

Эти вопросы Игнатьев задавал себе много раз и не сразу нашел продуманный до конца ответ. Он не был готов к опытам, не знал теории. И взяться за солидное дело, не вооружившись знаниями, — значило погубить его. Он знал, что наука не милует дилетантов, она наказывает легкомысленных, поверхностных исследователей жестокими срывами опытов, горьким разочарованием. Поэтому, как ни горела душа Александра Михайловича, как ни хотелось ему приступить к делу, он сдерживал себя. Профессия биолога оказалась годна для открытия принципа самозатачивания в природе, но никак не для осуществления его в технике. Чтобы всерьез поставить эксперименты по самозатачиванию, требовалось знание, по крайней мере, трех наук: металлургии, резания, электросварки. Словом, нужны были три инженерные профессии, которыми Игнатьев решил овладеть, занимаясь на дому, совмещая это с работой в торгпредстве.

И все выходило так, как рассчитывал Игнатьев. Деловой контакт с различными финскими коммерческими организациями, фирмами со временем наладился, и началась торговля между двумя государствами. Сотрудники торгпредства вскоре привыкли к новым условиям работы, выработали определенный режим труда, и потекли будни учреждения. Игнатьев жил вместе с Верещагиным в одной квартире на Александр-гатен, а комнаты их соединялись общей дверью. Окончив текущие дела в торгпредстве, Александр Михайлович спешил к своим книгам по металлургии, металлохимии, инструментальному делу, электро-

технике, изданным на русском, французском, немецком и финском языках, которыми он свободно владел. Раскрытые или сложенные цветными бумагами, книги беспорядочно лежали на столе, на диване, стульях, на кровати и подоконниках. Среди книг он проводил свободное время, выкраивая из суток по семь-восемь часов на самообразование.

Садясь за стол, Александр Михайлович сначала принимался за чтение, а потом делал записи в толстые тетради с коленкоровыми обложками; почувствовав усталость, вставал и начинал ходить, шагая из угла в угол, и снова садился. Нередко он бодрствовал таким образом, несмотря на головную боль, до утра, о чем друзья узнавали по горевшей у него днем лампочке — забывал гасить. Сотрудники были в курсе ночных занятий своего начальника и не нарушали его одиночества. Один лишь Верещагин, страдавший жгучим любопытством, изредка входил к Игнатьеву послушать его увлекательные рассказы о науке, потолковать о способах изготовления самозатачивающихся инструментов.

— Вы же меня знаете по фронту, Николай Федорович, я не бука и не терплю уединения. Я люблю общество людей, а, как видите, ушел в «общество» книг. Ничего не поделаешь, надо, позарез надо! — оправдывался перед своим шофером Игнатьев.

— Понимаю, без науки получается не созвучно, — ставечал Верещагин.

— И еще знаете, друг мой, чего я не люблю? Я страдаю органическим пороком — страхом перед письменной работой. Писание для меня — египетский труд. Но я «хватаю себя за шиворот и сажаю за стол»... Кто это сказал? Кажется, Джек Лондон. Вы не слыхали о Джеке Лондоне?

Верещагин отрицательно качнул головой.

— Как же это можно? Вы бывший матрос, и Джек Лондон был матросом! Обязательно почитайте его книги, в первую очередь роман «Мартин Идэн» — о трагической судьбе таланта... Так вот, сажусь за этот стол и... посмотрите, сколько я исписал.

Верещагин брал из большой стопки тетрадь в коленкоровой обложке, перелистывал ее, не понимая бесчисленных формул и, чем меньше смыслил в них, тем ярче све-

тилось его лицо от восхищения трудами Александра Михайловича.

— Все это будет созвучно, — одобрял он таинственные формулы. В тетрадах встречались эскизы чертежей инструментов, державок, приспособлений. В них Николай Федорович понимал толк и легко поддерживал разговор с Игнатьевым. Обсуждали вопросы будущей технологии производства, и Верещагин уверенно отмечал, что «созвучно», а что «несозвучно». Однажды вечером он нервозно постучал и вошел к Игнатьеву. Красный, воинственно раздувая ноздри, он с огорчением произнес:

— Сжультничали, окаянные! Видали? — и показал метательный диск с этикеткой «Рабочего производственного кооператива», затем поднял край отклеившейся этикетки. Под ней была выжжена марка известной частной фирмы, с которой торгпред не заключал договора.

— Да, Николай Федорович, это получается совсем не созвучно, — шутливо заметил Игнатьев.

НЕОБЫЧНАЯ БРИТВА

Советский торгпред пригласил директора финского «Рабочего кооператива» на переговоры о поставках спортивного инвентаря. Первую партию товаров «кооператив» уже выдал, поэтому господин Коркиляйнен «был весьма рад», как он уверял, выслушать оценку его продукции. Оглянувшись на сидящих поодаль Березина и Верещагина, финн улыбнулся, выражая готовность вести беседу на русском языке. Ведь он почти русский, ибо много лет служил коммивояжером в Петербурге. Игнатьев одобрительно кивнул, говоря, что он доволен качеством товара, а также тем, что имеет честь поддержать коммерцию рабочего кооператива, и спросил:

— Вы можете увеличить поставки раз в пять?

— О да, хоть в двадцать пять раз, — откликнулся сухопарый Коркиляйнен, подскочив от радости.

— Мощное, однако, у вас предприятие! Только чтобы товар был такой же добротный, как эта партия дисков... Это ваша фирма? — спросил Игнатьев, кладя перед финном диск.

Коркиляйнен глянул на этикетку «кооператива» и воскликнул:

— О да, да, наша пролетариатская фирма!

— А мне кажется, что это ширма, а не фирма. Фирма же вот где! — сказал Игнатьев, сорвав этикетку.

Коркиляйнен вздрогнул, увидя выжженное на диске клеймо, и произнес с видом оскорбленного достоинства:

— Это неторазумение, ошипка...

— Господин Коркиляйнен, — оборвал его Игнатьев, меряя финна острым взглядом, — советские люди стоят за честную торговлю! Честную! Сожалее, что в данном вопросе мы не достигли взаимопонимания. Поэтому будьте любезны принять обратно «свой» товар. — Торгпред встал, дав понять, что аудиенция окончена. Финн молча вышел.

В кабинете посмеялись над незадачливым комбинатором и приступили к текущим делам. Игнатьев созвал остальных сотрудников и рассказал им о новых планах, присланных Наркомвнешторгом, согласно которым объем торговых операций с Финляндией заметно увеличился. В связи с этим обсудили организационные меры по установлению и расширению связи с торговыми фирмами, после чего торгпред выслушал отчеты о проделанной работе и новые предложения. В числе других доложил Игнатьеву о делах и Березин. Он между прочим сообщил, что фирма «Рapid» разорилась, не выдержав конкуренции с фирмой «Жиллет», торгующей бритвами вчетверо дешевле своей соперницы. У «Рapid» остались запасы лентовой стали, которые она предлагает купить за сходную цену. Игнатьев заметил, что такую сталь по более сходной цене приобретает в Швеции советский торгпред. Сейчас Александра Михайловича интересовала не сталь, а небольшая мастерская «Рapid». Ему хотелось дать ей маленький заказ, поэтому он расспросил Березина о техническом состоянии мастерской. Березин ответил, что обанкротившаяся фирма хватается за соломинку, вследствие этого она примет любой заказ.

Поздно вечером Верещагин запросто зашел к Игнатьеву. Как всегда в это время, Александр Михайлович, обложившись книгами, усердно занимался, делая записи в тетради. Услышав шаги, он поднял голову, улыбаясь, многообещающе взглянул на вошедшего и предложил ему присесть. Предвкушая беседу о чем-то очень интересном и важном, Верещагин уютно устроился у стола и подпер ладонью подбородок. В такой позе он мог слушать Игнатьева хоть до утра.

Изобретатель много поработал над вопросами теории самозатачивания и технологии изготовления многослойных инструментов. Накануне он завершил решение определенного круга задач и ощущал острую потребность поделиться с кем-нибудь своими творческими радостями. Не тратя лишнего времени, он начал рассказывать Верещагину:

— Из прежних наших разговоров, Николай Федорович, вы хорошо усвоили, почему самоаостряющиеся инструменты должны быть многослойными, почему лезвия их нужно сделать из слоев металла различной твердости. Однако знать — мало, во всяком случае мне. Надо было найти еще верное соотношение твердостей и толщины слоев. А это оказалось делом очень трудным, требующим, кроме теоретического решения задачи, всесторонних опытов. Начинать же опыты можно было лишь после подробного изучения явлений резания, свойств материалов, природы инструментов, — чем я и занимаюсь здесь более трех лет. — Игнатьев отодвинул книги, поставил перед бывшим слесарем-инструментальщиком эскизы, чертежи, изображающие разрезы зубов белки, бобра, клюва дятла, а также бритв, скarpелей, резцов своей системы и продолжал рассказ:

— Режущая кромка любого инструмента образуется из пересечения двух граней или плоскостей. Нам кажется, что линия их пересечения — кромка — не имеет ширины. Мало кто думает, например, что жало остро отточенной бритвы напоминает собой выпуклую в середине дорожку и что ширина этой дорожки равна двум микронам. Если бы пластинка безопасной бритвы имела толщину в два микрона, то ею можно было бы бриться десятилетиями до полного ее истирания, ни разу не затачивая. Но такая пластинка оказалась бы очень непрочной — она в двадцать пять раз тоньше папиросной бумаги — и легко сломалась бы. Ну, а как же сделать, чтобы бритва не тупилась и не ломалась? Нужно укрепить пластинку, припаяв к ней с обеих сторон другие, менее твердые опорные пластинки. Под действием срезаемых волос кромка твердой пластинки, составляющая жало бритвы, будет изнашиваться медленнее, нежели кромки опорных мягких слоев. В результате твердое жало будет выступать постоянно вперед, и сохранится первоначальный угол острия бритвы.

— Такой пластинки в два микрона, пожалуй, не сделать, — усомнился Верещагин.

— Это видно будет, — ответил Игнатьев... — Режущая кромка других инструментов гораздо шире. У вас есть перочинный ножик?

— Есть, но не слишком острый, — сказал Верещагин, доставая нож из кармана.

— Вот, посмотрите, — Игнатьев поднес к настольной лампе лезвие ножика, — его жало можно видеть простым глазом, микронов двадцать есть в нем. Острие же хорошо отточенного топора имеет примерно тридцать микронов, у фрез, резцов — разные кромки до нескольких десятков микронов, скarpели для камней, кирки бывают еще хороши в работе при ширине острия в один миллиметр, а режущая кромка зуба экскаватора имеет четыре миллиметра. Однако пластинка четырехмиллиметровой толщины так же слаба для нагрузок зуба экскаватора, как пластинка двухмикронной толщины слаба для бритвы. И в том и в другом случае необходимо их укреплять с боков несколькими сравнительно мягкими слоями металла, чтобы обеспечить устойчивость режущей кромки и самоаострение в работе.

Далее Александр Михайлович подробно рассказал, как он думает изготовить многослойные инструменты. Бритву, например, он сделает из девяти слоев: в середине ее — пластинка из самой твердой стали, а по бокам — по четыре последовательно менее твердых пластинки вплоть до железа. Все эти слои он соединит в одну монолитную пластинку посредством стыковой электросварки. По такому же способу можно сделать трех- или пятислойные ножи. Через советского торгпреда в Швеции изобретатель заказал заводу «Сандвикен» стальные ленты с необходимой градацией твердости и толщины. Ленты Александр Михайлович уже получил, почему и интересовался состоянием мастерской бритвенной фирмы «Рapid». С первых минут Верещагин просветлел, приподняв брови, и до конца слушал с жадным вниманием. В заключение он расплылся в восторженной улыбке, отметив, что все сказанное вполне созвучно, поэтому выйдет толк.

На другой день Игнатьев уже сидел в кабинете директора фирмы «Рapid». Появление советского торгпреда чуть ли не вызвало сердечного припадка у директора-банкрота. Ведь оно могло означать спасение фирмы! Од-

нако Игнатьев быстро омрачил радость финна, предупредив, что заказ дается лично от него, а не от Советского государства. При этом он выразил готовность хорошо оплатить заказ, сговаривая следующие условия: металл для бритв и ножей приносит он; металл не подвергается лабораторным исследованиям; все работы производятся в присутствии Игнатьева или инженера Четверикова; если партия бритв или ножей не будет за день завершена изготовлением, то он или Четвериков уносят с собой полуфабрикаты, а утром вновь приносят их для доделки.

Дряблый, раздавшийся в ширину директор с сожалением качал головой. Станный человек советский торгпред. Зачем он настаивает на использовании своего металла, когда на складе фирмы имеется лучшая сталь для бритв? Господин Игнатьев не хочет понять, что условия его договора могут душевно обидеть честных людей фирмы «Рapid». Игнатьев встал:

— Я никого не хотел обидеть, — сказал он, — поэтому прошу тысячи извинений за свои оговорки и за то, что побеспокоил ваше превосходительство.

— Ах нет, нет, зачем же уходить, господин Игнатьев, — забеспокоился финн. — Быть может, у вас действительно имеются важные причины для оговорок. Я вовсе не обижаюсь на них, хе-хе, я только немного не привык э-э... Прошу садиться.

Договор подписали.

Электросварку Игнатьев производил в другом месте и приносил в мастерскую монолитные пластинки, на которых нельзя было разглядеть отдельных слоев металла. Пластика была чуть покороче лезвия «опасной» бритвы, но пошире ее. Финны опешили. Точь-в-точь такого типа и размера лезвия с одним острием и приборы к ним выпускала их фирма и прогорела. У нее лежат затоваренными сотни тысяч этих лезвий, может быть господин Игнатьев просто купит их? Нет, торгпред желал, чтобы лезвия изготовили для него специально. Финны заподозрили какую-то тайну и начали глядеть в оба. Они заметили, что Игнатьев требует для закалки более высоких температур нагрева стали, чем это было принято повсюду. И что удивительнее всего, — при жесткой закалке лезвия не трескались, не деформировались. Станным казалось и то, что во время шлифовки лезвий из-под наждачного камня летели разные искры. С задней, утолщенной стороны ис-

кры летели яркими микроскопическими звездочками, излучая свет. Ближе к острию они тускнели и совсем не излучали света. Небывалый случай! Ведь яркая искра получается при ничтожном, а тусклая при большом количестве углерода в металле, то есть когда шлифуют железо в первом случае и крепкую сталь — во втором. Ясно, что лезвие не из однородного металла, но для чего это?

Между тем Игнатьев достигал неодинаковой твердости слоев металла с большим трудом. При электросварке углерод перемещался из одного слоя в другой, нарушая убывающий порядок твердости. Диффузия углерода делала лезвие однородным, то есть негодным для самозатачивания. Игнатьев заказал шведскому заводу «Сандвикен» толстые многослойные пластинки, на которых диффузия не сказывалась, получив их, прокатывал холодным способом и уже тогда относил утонченные многослойные пластинки в мастерскую.

Тайна светлой и тусклой искры мучила финнов. Они понимали, что большевистский торгпред не станет заниматься пустым делом. Наверное, он придумал какие-нибудь необыкновенные бритвы. А если это так, стоит разгадать его секрет. Вдруг разгадка эта поможет стать на ноги разорившейся фирме «Рapid», набраться сил и начать гибельную для фирмы «Жиллет» конкуренцию!

Четвериков и Березин почувствовали, что финны мучаются в догадках, и не спускали с них глаз. Для облегчения контроля они давали им в работу пластинки мелкими партиями по несколько штук. Так, под бдительным наблюдением было изготовлено около ста бритв и ножей карманных и столовых. Все же один из мастеров-финнов утаил одно лезвие. Четвериков категорически потребовал вернуть утаенное. Мастер через некоторое время с извинениями вернул лезвие. Игнатьев заметил в нескольких местах следы «бархатного» напильника. Значит, финн проверял твердость металла в разных зонах. Возник конфликт. Игнатьев обвинил мастера в нарушении пункта договора. Финны, между тем, были совсем сбиты с толку. Они не понимали, как советский торгпред придает разным зонам стального лезвия разную твердость при определенном режиме закалки и, наконец... не понимали, для чего это нужно? Станные бритвы у торгпреда!

Боясь, что секрет многослойности бритв и их свойства

самоаостряться будет разгадан финнами, Игнатъев прекратил работы в мастерской фирмы «Рapid». Изготовленные бритвы и ножи он роздал друзьям, с просьбой, чтобы они каждый год сообщали ему устно или письменно о «поведении» лезвий в работе.

КОНСУЛЬТАНТ ГЛАВМЕТАЛЛА

Около пяти лет проработал Александр Михайлович торгпредом РСФСР, а затем — СССР в Финляндии. Закончив обширную программу самообразования и разработав круг вопросов технологии многослойных инструментов, он решил оставить службу, чтобы «ничем иным не заниматься», кроме изобретений. Однако столь резкую перемену в жизни совершить сразу было нелегко. Пришлось, как говорил Игнатъев, съезжать на тормозах.

Изучая свойства различных марок металлов почти всех известных фирм мира, биолог Игнатъев стал отличным знатоком металлов, ходячим каталогом их. Эта его способность была замечена наркомом внешней торговли Красиным, который предложил Игнатъеву должность консультанта Металлоимпорта при торгпредстве СССР в Германии. Мотивировалось это предложение тем, что Игнатъев так или иначе должен был поехать в Берлин, чтобы взять патент на самозатачивающиеся инструменты. Медлить дальше с оформлением изобретения было неразумно. Ведь кто-нибудь мог сделать такое же открытие, а скорее всего, могли присвоить изобретение иностранные фирмы. СССР потерял бы приоритет, а также право получать суммы за пользование изобретением в других странах.

Было и еще одно обстоятельство, ввиду чего Игнатъеву следовало выехать в Берлин. В качестве консультанта Металлоимпорта он должен был отбирать пробные партии сталей различных марок и номеров. А это означало, что ему представлялась безграничная возможность испытать для своего изобретения сталь любой из покупаемых пробных партий, не считая сталей советских марок. Таким образом в руках изобретателя окажется неисчерпаемая «гамма» прочностей, с помощью которых он составит какую угодно комбинацию многослойных лезвий.

При словах «гамма» прочностей Игнатъев вскинул голову. В глазах его вспыхнули яркие голубые огоньки ра-

дости. Это была радость молодого бедного художника, неожиданно получившего превосходную палитру, с помощью которой он может вдохнуть жизнь любым образом. О «гамме» прочностей Игнатъев мечтал двенадцать лет. И теперь нарком, словно разгадав самую сокровенную тайну изобретателя, соблазнял его. В качестве одного из условий нарком гарантировал также, что в Берлине при торгпредстве создадут лабораторию для опытов, отдав ее целиком в распоряжение Игнатъева. Если он согласен принять ее, то нарком сейчас же поставит перед Советским правительством вопрос об утверждении специальной сметы на содержание научно-исследовательской лаборатории...

— Не нужно, — решительно прервал изобретатель. — У государства я не возьму ни копейки, пока не доведу опыта самозатачивания до уровня промышленного применения инструментов.

— Почему же? — удивился нарком.

— Потому что могут быть неудачи, а я не хочу, чтобы государство оплачивало мои неудачи. Моя совесть должна быть свободна от бремени такого испытания, — ответил Игнатъев, решив, очевидно, все ужс заранее.

Нарком засмеялся, сказав:

— Благородное, но не совсем понятное рассуждение. Ваше дело потребует десятков тысяч рублей, которых у нас нет...

— Есть! — торжественно ответил Игнатъев. — Я продал свое имение в Финляндии ради претворения в жизнь изобретения.

— Так значит, вы капиталист? — удивился нарком.

— Как хотите считайте. Стал я «капиталистом», заранее согласовав вопрос в наших верхах. Мне предложили в ВСНХ деньги, а я отказался, попросив разрешения раздобыть деньги самому и, получив разрешение, выручил их следующим образом. После революции финское правительство особым законом лишило граждан, живущих за границей, прав на свои земельные угодья в Финляндии. Этот закон терял силу, если человек возвращался в страну Суоми и ступал ногой на собственную землю. Мое жительство в Гельсингфорсе автоматически восстанавливало мои права на имение в Ахиярви. Я выезжал туда как владелец имения, платил налоги, управлял имением через приказчика. Все же, несмотря на точное со-

блюдение букв закона, мне пришлось преодолеть кучу формальностей, тратиться на юристов, чтобы продать дуга и лес.

Нарком слушал с довольным видом, затем улыбнулся и спросил:

— Я вас правильно понял, что вы согласны работать в торгпредстве, но лабораторию хотите создать на личные средства?

— Правильно, на то я и деньги выручил, — ответил Игнатъев.

Через минуту он попрощался с наркомом.

Порывистый холодный ветер хлестнул в лицо, когда Александр Михайлович вышел на улицу. Мокрый апрельский снег крупными хлопьями падал, слепя глаза. Игнатъев застегнул демисезонное пальто на все пуговицы, надвинул на лоб фетровую шляпу и, наклонившись вперед, зашагал, размышляя о крупном повороте в его жизни.

Оне объявил себя «капиталистом», а на самом деле денег у него было не так уж много. На свои «капиталы» он мог купить несколько необходимых станков для лаборатории, нанять помещение, мог оплатить заграничные патенты и содержать лабораторию примерно в течение года. Игнатъев сел в трамвай, продолжая раздумывать, и пришел к выводу, таящему в себе смутную тревогу. Если в течение года он в основном не завершит экспериментов, не создаст промышленных образцов инструментов своей системы, то очутится у разбитого корыта — без денег и результатов. Однако в случае успеха, даже блистательного успеха, ему не сразу удастся реализовать изобретение, ибо заводы сначала захотят произвести в своих цехах длительные испытания инструментов, а потом уж, убедившись в их пользе, согласятся финансировать дальнейшие работы Игнатъева... Вдруг он обратился к кондуктору:

— Как медленно ползет ваш трамвай. Скоро Новокузнецкая?

— «Наш» трамвай никогда не доползет до Новокузнецкой, если вы будете ехать в обратном направлении, — последовал ответ.

Пассажиры дружно засмеялись. Игнатъев стал протискиваться к выходу, чувствуя, как краска стыда заливает лицо.

— Из приезжих, должно быть, — заметил кто-то.

— Какой там... Просто рассеянный...

— А может быть иностранец, шляпа-то вроде не наша...

— Скорей всего профессор...

— Верно, угадали. Ча-астенько едут ученые люди в обратном направлении, — заключил многоопытный кондуктор.

Снег падал крупными хлопьями. Трамвая «обратно» направления долго не было. Это дало возможность изобретателю додуматься до утешительной мысли. Он решил, что надо договориться с Главметаллом об одновременных испытаниях его инструментов лабораторией и заводами. Таким образом, когда инструменты будут достаточно хороши, заводы — фактические участники опытов — станут первыми потребителями инструментов и начнут без затяжек финансировать лабораторию. Игнатъев поехал не домой, а продолжил путь в том направлении, куда ехал по ошибке. Там находился Главметалл.

Руководители этого учреждения одобрили план изобретателя, но предупредили, что их интересуют только резцы по металлу. Это условие несколько огорчило Александра Михайловича, наметившего план создания разнообразнейших многослойных инструментов. Однако, суживая до крайности ассортимент пробных изделий лаборатории, Главметалл беспредельно расширял поле испытаний, обещав привлечь к участию в них сотни заводов. Да и самому изобретателю целесообразнее было на первых порах сосредоточить внимание на одном виде инструмента.

Взвесив все плюсы и минусы, Игнатъев подписал договор с Главметаллом и спустя некоторое время выехал в Берлин.

„ЭФФЕКТ ИГНАТЬЕВА“

Грохот воздушной железной дороги, трескотня моторов, доставляющих товары на дом, многоголосый говор репродукторов, пятиэтажные рекламные киноэкраны, витрины, цилиндры, галстуки, шляпы, фотоаппараты, крики газетчиков и тот педантический порядок, который все же царил в этом «хаосе», вызвал у Игнатъева странное ощущение, подобное тому, какое обычно испытывает гость у лицемерно вежливых, но холодных хозяев. Слиш-

ком размеренная, расчетливая жизнь Берлина представляла интерес для наблюдательного ума, но не задевала, как говорят, струн сердца. К Финляндии Игнатьев привык с детства и там заграничное, чуждое, не так резко бросалось в глаза, как в Берлине. Поэтому, очевидно, переступив порог торгпредства, Игнатьев слегка заволновался. Свое! Он вспомнил, как вместе с Сагредо искал русский уголок в Европе и как они тогда поехали к Горькому на остров Капри. Кстати, первым русским человеком, которого он встретил в тот день на Капри, была жена Горького — Мария Федоровна Андреева. И сейчас, по удивительному совпадению, Игнатьев должен был встретить именно ее и ей первой доложить о своем прибытии.

Торгпредство СССР помещалось на Деренбургштрассе в тяжеловесном скучном доме, каких немало в Берлине. Перекидной лифт с пассажирами в люльках непрерывно сновал. В советском учреждении была напряженная деловая обстановка. Войдя в одну из люлек лифта, Александр Михайлович поднялся на четвертый этаж, прошел несколько дверей и попал в маленький русский уголок. В кабинете Марии Федоровны, занимавшейся вопросами торговли с Германией товарами художественной промышленности СССР, Игнатьев увидел на поставках и за их стеклянными дверцами самобытные изделия русских мастеров, которые он любил с детства. Здесь были образцы палехских шкатулок, коробок, каслинское художественное литье, фигурки из уральских самоцветов, кубанские вышивки, резьба по кости работы мастеров севера и многое-многое другое.

Мария Федоровна с радостью встретила старого друга и усадила его в кресло. Она одобрила решение Александра Михайловича работать консультантом Металлоимпорта, выразила готовность помогать ему во всем. О его изобретениях ей много рассказывал прежде Алексей Максимович, поэтому Мария Федоровна, не расспрашивая о них подробно, поторопила его со взятием патента. Медлить с этим делом, по ее мнению, было нельзя, ибо при опытах в лаборатории агенты какой либо фирмы могут выкрасть изобретение и обвинить впоследствии самого же Игнатьева в краже.

Изобретатель поблагодарил Марию Федоровну за внимание и добрый совет. Затем Мария Федоровна заговорила об общих знакомых.

...Начались хлопоты по организации лаборатории и одновременно по оформлению патента. Игнатьев зашел в германский патентamt и вручил чиновникам чертежи многослойных инструментов, изложение сущности теории износа лезвия и его самозатачивания, а также формулировку патента. Все эти документы являлись несколько измененными копиями взятого уже советского патента номер 14451. Основная идея Игнатьева была ясна немцам, и они спорить с ним не стали. Но они отказались выдать ему патент, требуя от него подтверждения теории самозатачивания на деле. Игнатьев согласился.

Патентamt назначил экспертную комиссию из пяти видных специалистов. Местом испытаний была избрана лаборатория высшей технической школы в Далеми. Изготовив с помощью инженера Карского несколько многослойных пластинок, Игнатьев поехал в Далеми. Эксперты встретили изобретателя в обширной мастерской лаборатории, где для испытания имелось всевозможное оборудование. Кроме экспертов, в мастерской собралось еще около полусотни розовощеких пожилых профессоров, инженеров, долговязых студентов. Игнатьев заявил членам комиссии, что эффект самозатачивания может быть достигнут быстрее и образцом под струей песка. Если господа эксперты не возражают, то он предлагает именно этот способ испытаний. Эксперты согласились и вместе с присутствующими обступили изобретателя тесным полукругом, надевая на глаза предохранительные очки. «Ну, ну, посмотрим, что выдумал этот фантазер из России», — говорили их насмешливые, недоброжелательные взгляды. Сквозь резкое змеиное шипение шланга пескоструйки Игнатьев улавливал слова острот в свой адрес. Лишь немногие относились к делу с должной корректностью, а члены комиссии, особенно инженер Рима от фирмы «Сименс», были с русским гостем предупредительны до угодливости, изысканно вежливы до тошноты.

Председатель экспертной комиссии, лысый, дородный немец, подал изобретателю знак начать опыт. Голос его, басистый, торжественный, подействовал на остряков, и они притихли. Пятьдесят пар глаз впились в Игнатьева. В глубине темных жестяных оправ очков мерцали огоньки, напоминающие блеск глаз хищников, готовых наброситься на жертву, как только та сделает неосторож-

ное движение. Один из инженеров заметил, что миллионы песчинок, вылетающих из шланга под большим давлением, с одинаковой быстротой «съедают» и твердые и мягкие слои лезвия и никакого самозаострения не получают. Изобретатель поднял наконечник шланга пескоструйки, похожий на маленький брендспойт. Рука его слегка вздрогнула. А вдруг инженер говорит правду? Ведь Игнатъев, спеша в Дале, не успел проверить действие струи песка на многослойное лезвие. Предложил же он этот способ испытания, нерушимо веря в торжество своей теории. Теперь он вдруг заколебался, впервые почувствовал тяжесть моральной ответственности, которая падет на него в случае провала... Нет, он не может, не должен, не имеет права допустить этого. Не может, ибо провал приведет к отказу в выдаче патента — это еще пустяки — и вызовет насмешки, злорадное улюлюканье буржуазной прессы по поводу «невежественного эксперимента русского большевика». Но и это не так страшно. Для него было важнее, превыше всего честь русской, советской науки, за которую он должен постоять и заставить этих университетских «жрецов» уважать ее.

Притихший, было, шланг снова зашипел, вздрогнул, выпрямился от увеличенного давления воздуха. Игнатъев направил наконечник шланга на ребро стальной пластинки. Бешеная желтая струя песка ударялась о металл, «бомбардируя» его поверхность бесчисленными тысячами кварцевых песчинок. Через три минуты на ровной грани пластинки образовалась заметная впадина. Игнатъев сложил и зажал в руке шланг, приглушив шум, затем сказал экспертам:

— Обратите внимание, господа, на однородном металле износ всех точек грани пластинки происходит равномерно, поэтому грань не сузилась с боков, не заострилась. А теперь, будьте любезны, взглянуть на эту пластинку, — он достал из кармана красноватую полоску металла и пояснил: — она состоит из трех слоев. В середине — слой стали в одну двадцатую миллиметра, а по бокам — слои медные по семь десятых миллиметра толщиной.

Как иллюзионист отдает атрибуты своих фокусов публике, чтобы она не заподозрила его в обмане, так и изобретатель вручил одному из экспертов трехслойную

пластинку, и она пошла ходить по рукам. Получив обратно пластинку, Игнатъев взял ее щипцами и направил на полуторамиллиметровой ширины грань струю песка, вода наконечником вдоль нее от края до края. Струя звонко шипела, рассекаемая пластинкой на две части, вихрилась, образуя желтоватое облачко, которое всасывал хобот пылеуловителя. Эксперты, блестя стеклами очков, переводили взгляды с минутных стрелок карманных часов на отверстие наконечника. Грань красноватой полоски суживалась на глазах, слизываемая с боков песчинками, превращалась в тончайшую серебристую линию. Это выступала кромка стальной пластинки, образуя собой острие лезвия. Ряды немцев зашевелились, пронесся шопот удивления, а за ним последовал гомон одобрения. На четвертой минуте опыта изобретатель прервал работу и подал главному эксперту ослепительно сверкающую трехслойную полоску. Собственно, это была уже не просто полоска металла, а лезвие заостренного ножа. Дородный немец поднял на лоб защитные очки, обнажив на щеках красноватые вмятины от оправы, и произнес:

— Прекрасно, чудесно! Полный эффект самозатачивания!

— Его назовут в науке «эффектом господина Игнатъева», не правда ли? — заметил восторженный инженер? Риман, вырвав у коллеги пластинку, и начал строгать ею кусок дерева. Стружки, не очень тонкие, делая спирали в воздухе, полетели к ногам изумленных зрителей.

Пластинка снова пошла по рукам. Инженеры, студенты жадно рассматривали ее, проверяли пальцами заостренный край, оживленно комментировали опыт русского ученого. Тем временем Игнатъев достал из кармана обыкновенный небольшой кухонный нож — один из тех, что изготовили в мастерской фирмы «Рapid», и начал изо всех сил затуплять его напильником. Он объяснил немцам, что нож состоит из пяти слоев: из среднего, очень твердого стального слоя, двух слоев простой стали по бокам его и еще двух — из железа. Простым глазом их нельзя было разглядеть, поэтому нож казался сделанным из однородного металла.

Орудая пескоструйкой значительно дольше, чем в первый раз, изобретатель подверг самозаострению кухонный нож и также вручил главному эксперту. Немцы

вновь загудели «гут, зер гут, зер шейн», единодушно признав эффект самозатачивания.

Слух о невиданном открытии русского изобретателя облетел аудитории высшей школы, и в лабораторию со всех сторон начали стекаться студенты, преподаватели. Полукруг возле изобретателя расширился, уплотнялся, люди взбирались на станины и подоконники, чтобы лучше разглядеть очередные опыты, проводившиеся с неизменным успехом.

По окончании опытов главный эксперт собрал все пластинки и пригласил изобретателя вместе с членами комиссии в контору мастерской. Студенты валом двинулись вслед, как ходят за знаменитым актером после спектакля зрители, столпились у остекленных дверей конторы и с любопытством разглядывали изобретателя. Был составлен акт с подробным описанием режимов испытаний, процесса самозатачивания лезвий и положительных результатов его. Все члены экспертной комиссии патентамта подписали акт, вручив дубликат изобретателю. Инженеры Рима и Вальтер не пожелали сразу расстаться с «уважаемым гостем», наперебой приглашая его в свою машину. Игнатъев поблагодарил их, сказав, что не может воспользоваться их любезностью, так как гостиница совсем рядом. Машины тронулись, однако, дойдя до гостиницы, Игнатъев увидел «Оппель» Римана, а затем и его самого, стоящего возле входа.

— Фирма «Сименс» просит вас оказать честь... — начал Рима и запнулся. Подкатила машина Вальтера. Рима оглянулся и сказал скороговоркой: — До скорого свидания, господин Игнатъев, мы еще побеседуем...

Игнатъев вошел в гостиницу, а через полчаса уже сидел в поезде, идущем в Берлин.

Инженер Георгий Петрович Карский встретил известие о победе Игнатъева с восторгом и тотчас же начал докладывать ему о ходе дел. Георгий Петрович был уже человеком немолодым, с седеющими висками, хорошим специалистом и организатором, несколько, правда, мнительным и вспыльчивым, но отходчивым. Он поступил на должность технического руководителя будущей лаборатории Игнатъева и сразу отдался делу, начав с поисков оборудования и помещения для лаборатории. Электросварочные машины он покупал у фирмы «Ге-

фей» и лично участвовал в создании приспособлений для сварки нескольких слоев стали и железа.

Пока велась эта работа, произошли события, вынудившие Игнатъева изготовить на заводе «Гефей» первые резцы, не ожидая, когда будет установлено оборудование в собственной лаборатории. Демонстрация опытов в Далеме вызвала сенсацию. В газетах и технических журналах различных фирм появились статьи. Авторы статей крикливо возвещали миру о появлении небывалых инструментов, предсказывая им большое будущее. Пользуясь сведениями советской печати, они писали и о самом Игнатъеве, рассказывая, как он, биолог по образованию, через биологию пришел к своему выдающемуся открытию.

Тем временем инженер Рима несколько раз «ловил» изобретателя, уговаривал его перейти на службу к фирме «Сименс» или продать ей патент. На последнем он особенно настаивал, однако, ничего не добившись, уехал. Спустя две недели в одном из журналов появилась статья, высмеивающая «далемский аттракцион русского биолога». Самозаострение пластинки с помощью струи песка, по мнению журнала, ничего не доказывало. «При нормальных режимах резания металлов и других материалов,— писал журнал,— мы едва ли увидим на лезвии инструмента «эффект Игнатъева». Да и представляет ли собой что-нибудь реальное его «эффект»? Не является ли он лишь ловким трюком фокусника от науки?»,— злобно спрашивал журнал.

Статья возымела нужное для хозяев журнала действие. Патентамт сообщил изобретателю, что в выдаче свидетельства ему отказано, так как он не представил доказательств о самозатачивании лезвий в процессе их работы. В ответ на это Игнатъев вызвался поставить новые опыты. Вместе с Карским он изготовил несколько двуслойных резцов и изъявил желание продемонстрировать их работу на одном из заводов фирмы «Сименс».

— Вы не хотите вновь посетить Далем?— спросил у него рыжий чиновник патентамта Гельмут.

— Нет, я хочу показать работу моих резцов там, где люди нуждаются в разъяснении простых истин.

Рыжий снял очки в золотой оправе, улыбнулся, показав три золотых зуба, и сказал:

— Вы, господин Игнатъев, обладаете завидным уп-

рямством, я хотел сказать — настойчивостью. Ваша просьба будет удовлетворена, но «Сименс» возьмет с вас за опыты дороже. — Помолчал, пожевал губами, буд-то что-то вспомнив, и снова улынулся: — Кстати, вашим изобретением интересуется Крупп. Если вы согласны продать его, я буду рад предложить свои услуги в качестве посредника.

— Благодарю вас... Сам Крупп интересуется?

— Сам, представьте, сам Крупп... О, через нас Крупп приобретает большое количество патентов, — сказал рыжий, многозначительно подняв палец.

— У нас в России говорят: «Кота в мешке не покупают». Так что ваш Крупп моего изобретения не купит без патента, — отшутился Игнатъев.

— О, хорошая пословица у русских. И мы вытащим вашего драгоценного «кота» из мешка, выдав вам патент, не так ли? — сострил Гельмут, еще раз показав свои золотые зубы.

Игнатъев приехал на завод «Сименс» вместе с Карским. Экспертная комиссия в новом составе предложила к их услугам токарный станок, на котором была установлена массивная стальная болванка. По знаку Игнатьева Карский зажал в державке супорта резец и начал с большой скоростью обтачивать болванку. Горячая стружка, свиваясь, красивыми завитками падала в железный ящик. Изобретатель не отрывал глаз от лезвия инструмента. Рядом с ним стояли эксперты и несколько инженеров завода. Через две минуты лица их оживились, вытянулись от удивления. Они заметили, как стружка «слизывает затылок острия, и возбужденно заговорили. У Игнатьева вздрогнуло, заныло сердце. Собственно, неожиданности здесь для него не было, однако он не рассчитывал на такой быстрый успех. Вскоре станок остановили, и эксперты по очереди потрогали пальцем острие резца. Далее, по мере работы станка, угол заострения лезвия становился все меньше и меньше, а на десятой минуте слишком заострившаяся режущая кромка инструмента не выдержала нагрузки и лопнула. Эксперты двусмысленно переглянулись.

Карский предложил испробовать другой резец. Испробовали, придя к такому же результату. Третий резец поработал на большей, четвертый — на меньшей скоростях, и режущие кромки их сломались — одна раньше,

другая немного позже. Игнатъев стоял и смотрел на станок невидящими глазами. Вернее, взгляд его был обращен куда-то внутрь себя, где он лихорадочно искал выхода из неприятного положения. Карский достал из кармана пятый резец. Вдруг изобретатель, словно очнувшись от забытья, схватил за руку инженера и вскрикнул:

— Пойдите, Георгий Петрович! Попробуйте обточить болванку тупым резцом!

— Тупым? — Карского удивило, что Игнатъев назвал резец с чуть отбитой кромкой лезвия тупым. — И резец снова заострится? — спросил он, понимающе подняв брови.

— Я думаю. И даже уверен! — ответил Игнатъев, снова обретя уверенность в своей правоте.

Этот смелый ход изобретателя с еще большей силой зажег любопытство немцев. Они плотнее обступили Карского, начавшего работать сломанным резцом. Станок выл, стонал, резец скрежетал, с трудом вгрызаясь в тело металла, стружка дымилась, принимая оттенок вороньего крыла. Вскоре все заметили, как дымок, издающий острый запах горелой смазки, тает, шум затихает, а стружка, уже легко отрывающаяся от болванки, становится гладкой и вьется ровно; они заметили также, что режущая кромка инструмента восстанавливается, принимая нормальный угол заострения. Далее этот угол уменьшился, достиг критического предела, и режущая кромка отломилась. По просьбе Игнатьева станок не был остановлен, и резец вновь заскрежетал, жестко обдирая металл. Опыт повторили несколько раз, придя к убеждению, что резец заостряется, ломается и вновь заостряется до полного истирания лезвия. В акте, отражающем картину испытаний, эксперты согласились с изобретателем, что двуслойный резец, состоящий из стали и железа, ломался благодаря слишком быстрому истиранию железа. Комиссия согласилась с ним также и в том, что более удачный подбор прочностей и многослойность лезвия сделают его стабильным. Пока оформляли и подписывали документы, присутствующие инженеры обменивались мнением об «удивительных опытах». Более искренние из них прямо называли эти опыты триумфом русского изобретателя.

Спустя полмесяца германский патентamt выдал

Александр Игнатьеву патент за номером 438705 на изготовление режущих, колющих и скоблящих самозатачивающихся инструментов.

Этот факт вызвал новую сенсацию в печати, а затем — новые хлопоты и приключения.

ЛАБОРАТОРИЯ „МЕТАЛЛИЗАТОР“

В одном из рабочих районов Берлина — Нейкельне — изобретатель нанял светлое и удобное помещение. Напротив здания, через улицу, текла Шпрее, с северной стороны был широкий двор, с южной — скверик с цветником. Здесь раньше находилась мастерская, носившая название «Металлизатор».

Игнатьев решил сохранить это название за лабораторией, чтобы не слишком привлекать внимание охотников до чужих изобретений. Отремонтировав помещение и смонтировав оборудование, Александр Михайлович пригласил Марию Федоровну, с неослабным вниманием следившую за его делами, осмотреть лабораторию. Какова же была радость изобретателя, когда вслед за Марией Федоровной из машины показалось улыбающееся усатое лицо, а затем и вся фигура Алексея Максимовича, остановившегося проездом в Берлине. Повесив трость на левую руку и слегка откинув назад широкополую шляпу, Горький шагнул навстречу бегущему к нему старому другу и принял его в свои объятия.

— Раньше, открывая новую фабрику, хозяин звал попов служить молебн во славу своей мощи. А ваше дело пришел — по приглашению Марии Федоровны — благословить я. Надеюсь, замену попа? — шутливо сказал великий писатель.

Сияя от радости, Игнатьев ответил:

— Не скрою, что с истинно детским нетерпением я ждал приезда Марии Федоровны. О вас же, Алексей Максимович, и мечтать не смел. И вдруг вы осчастливили меня своим посещением. Сказка!

Алексей Максимович взглянул на реку, на цветник, на здание и одобрительно кивнул Игнатьеву, сказав:

— Если внутри так же хорошо, как здесь, то вас можно поздравить с удачей.

— Внутри еще лучше, Алексей Максимович, — ответил Игнатьев.

Вошли в лабораторию. Солнечный свет обильно проникал в помещение через множество окон, ослепительно ярко освещал стены, окрашенные снизу в лазурный тон, а сверху выбеленные.

По границе двух тонов был протянут широкий оранжевого цвета бордюр трафаретки. На полу стояли начищенные до блеска, привинченные к серо-голубым цементным фундаментам новые станки: токарные — большой и маленький, фрезерный, строгальный, два сверлильных, два ножовочных, два точильных, две машины для стыковой электросварки, пресс, горн, наковальня, свежий, еще пахнущий деревом верстак с тисками для двух слесарей.

— У вас машины стоят в готовности, словно перед атакой, — заметила Мария Федоровна.

— Да, время атаковать, время наступать, выжидали вы довольно, Александр Михайлович! Ведь, кажется, вашему открытию тринадцать лет? — спросил Алексей Максимович.

«Как он помнит!», — подумал Игнатьев, утвердительно кивнув, и представил Горькому Карского. По просьбе изобретателя смущенный Георгий Петрович начал рассказывать о технологии изготовления многослойных инструментов, демонстрируя работу каждого станка.

Окончив свою небольшую экскурсию возле верстака, гости остановились. Марии Федоровне подали стул, а Алексей Максимович отказался, сев прямо на верстак. Он повесил свою палку на тиски, достал папиросу, закурил и начал засыпать изобретателя вопросами. Лаборатория была оформлена как предприятие, принадлежавшее торгпредству СССР в Германии, поэтому Горький удивился, узнав, что на ее оборудование не было затрачено ни одной государственной копейки. Он подробно расспросил об истории взятия патента, о планах и сроках освоения самозатачивающихся инструментов, о внедрении их в промышленность и сельское хозяйство, о том, насколько эти инструменты облегчат труд человека — токаря, бурового мастера, кожевника, лесоруба, пахаря, жнеца; сколько выгод извлечет государство в случае успеха изобретения.

В тоне обращения, в характере этих вопросов был виден весь Горький, человечный, умеющий разглядеть предмет со всех сторон, любознательный и мудрый. От-

вечая великому писателю, изобретатель переживал сложные чувства счастья и тревоги. Тревога не впервые закрадывалась в его сердце при мысли об огромной моральной ответственности за дело, которое он взялся выполнить; ответственность перед памятью Ленина, пожелавшего, «чтоб он ничем иным не занимался», перед Сталиным, Горьким, для которых уже само существование лаборатории было обещанием дать Родине небывалые инструменты. Дать стране новые инструменты! Не слишком ли смелое обещание?.. И когда дать?.. Через год... два?.. Нет, не позже года! А вдруг?.. В серых глазах Игнатьева промелькнула беспокойная искорка. Горький словно заглянул сквозь эту искорку в душу изобретателя и спросил участливо:

— Все ли сделано для лаборатории, Александр Михайлович? Сдается мне, что у вас есть еще затруднения. Не могу ли я быть чем-нибудь полезен вам?

— Что вы, что вы, Алексей Максимович, я и так безмерно обязан вам, — сказал Игнатьев. — К тому же я не испытываю нужд, ибо их предупреждает Мария Федоровна...

— Однако это мне удастся нелегко, потому что вы скрываете от меня свои неприятности, — перебила Мария Федоровна, погрозив ему пальцем.

— В чем же я перед вами провинился, Мария Федоровна?

— У меня есть свидетель вашей вины, — ответила она, кивнув в сторону Карского, — который подтвердит, что вы скрывали от меня свои невзгоды в связи с заказом лентосварочной машины... Расскажите лучше Алексею Максимовичу о вашей новой машине.

Горький поднял глаза и сказал с деланной укоризной:

— У вас есть еще изобретение, Александр Михайлович. Почему же я ничего о нем не знаю?

Уступив настояниям, Игнатьев рассказал следующую историю.

Еще в Финляндии он убедился, что в изготовлении нетупящихся инструментов самой трудной операцией будет соединение разных слоев металла. Наилучший из существующих способов этой операции — электросварка — не удовлетворял его. При изготовлении многослойных пластинок для бритв максимальное выделение тепла

происходило в местах наилучшего контакта плоскостей. Это вызвало неравномерный нагрев и соответственно пережог или «недовар» в разных точках. Кроме того, сварка на этих стыковых машинах происходила медленно, на небольших плоскостях. Более совершенных машин не было ни в Финляндии, ни в России. Предполагалось, что такие машины имеются в Германии. Однако, не надеясь и на немецкую технику, Игнатьев, еще будучи в Финляндии, начал работать над созданием машины, которая бы сваривала в одно целое пучок идущих с большой скоростью металлических лент. Перед этим он несколько лет упорно изучал электротехнику и машиностроение.

Мысль о высокопроизводительной машине преследовала его повсюду. Однажды, поглощенный думами о ней, Игнатьев сел не в свой поезд и уехал. Километрах в семидесяти от города он спохватился, сошел в потемках на каком-то разъезде, полагая, что это полустанок. Была осень, надвигалась ночь, дул холодный пронизывающий ветер. На разъезде не оказалось даже будки стрелочника, где можно было найти убежище. Засунув руки в рукава легкого пальто, изобретатель стал шагать то вперед, то назад вдоль разъезда в ожидании встречного поезда. Времени было вволю, чтобы обдумывать схему будущей машины. К вечеру следующего дня пришел поезд, к этому же времени изобретатель нашел решение задачи. Проголодавшийся, измученный холодом и бессонницей, но счастливый, он уехал обратно, повторяя мысленно: «Ток перпендикулярен давлению, ток перпендикулярен давлению».

В обычных электросварочных машинах ток идет в направлении давления на деталь. Игнатьев решил, что в его машине ток пойдет через пучок свариваемых лент перпендикулярно давлению. Это создаст равномерный нагрев плоскостей лент, а необходимое давление на них будет оказано на ходу с помощью роликов. Разработав конструкцию, изобретатель представил чертежи фирме АЕГ с просьбой изготовить по ним лентосварочную машину и такой же пресс. Ознакомившись с проектом, инженеры знаменитой фирмы грубо высмеяли его, сказав, что никогда нельзя сваривать полоски металла со скоростью пять метров в минуту. Вообще, по их мнению, электросварка может быть произведена в пределах точек

или небольших плоскостей. АЕГ отказался принять заказ. Инженеры фирмы «Шухард-Шютте» сказали, что изобретение не входит в рамки их производства, а когда Игнатев вышел за дверь, они нарочито громко расхохотались, называя изобретение абсурдом, фантазией безграмотного человека. Пришлось обратиться еще к фирме «Леве» и к нескольким другим, но результат был тот же. Наконец, директор завода «Гефей» Крумбюгель и главный инженер Шредер, высмеяв конструкцию, сказали, что они могут изготовить машины точно по чертежам Игнатева, но машины де работать не будут. Если изобретатель берет на себя ответственность, то завод примет заказ. Игнатев согласился, но, чтобы сразу начать работу в лаборатории, купил у «Гефея» две стыковые машины.

— И вы уверены, что ваша машина будет работать с такой небывалой скоростью?— спросил Горький, удивляясь смелому единоборству биолога Игнатева со светилами германской электротехники.

— Уверен, Алексей Максимович.

— Позвольте, вы же не электрик. Может быть у вас есть ошибки, теоретические или практические,— возразил Горький.

— «Гефей» начал нарушать договорные сроки выполнения заказа, а это значит, что фирма оттягивает день своего морального поражения,— спокойно ответил изобретатель.

— В таком случае я вам желаю успеха и победы над зубрами немецкой техники,— сказал Алексей Максимович, встав и пожав руку Александру Михайловичу. Больших успехов пожелала ему и Мария Федоровна.

Когда машина тронулась, увозя дорогих гостей, Александр Михайлович обратился к Карскому, говоря взволнованно своим мягким грудным голосом:

— Хорошее у нас начало работы. Я не суеверен, но мне кажется, Георгий Петрович, что сегодняшнее посещение Алексея Максимовича есть знамение будущих наших удач. Ведь правда, а?

Карский согласился с ним, и они вернулись в лабораторию.

Игнатев рывком снял пиджак, надел рабочий халат, затем вызвал сварщика Венцеля и мастера Ивана Ивановича Маслова.

— Пробы готовы?— спросил он.— Будем делать сначала пятислойные резцы.

Венцель взялся за маховичок сварочной машины.

— Нет, я сам, пока я сам попробую сварить,— сказал Игнатев, складывая металлические пластинки.

О ПРАВЕ НАЗЫВАТЬСЯ ГРАЖДАНИНОМ

В восемь часов утра, когда старый цветовод-немец поливал из лейки под окнами последнюю клумбу георгин и настурций, лаборатория пробуждалась от недолгого сна. Люди в синих халатах открывали фрамуги окон, и музыка их труда вырывалась наружу и пропадала в шумные улицы. Мерно пели токарные станки, разматывая с толстых болванок бесконечные ленточки стружек; тихо скрежеща зубьями, грыз металл фрезерный станок; гудела от натуги и сердито потрескивала током сварочная машина; скрипели ножовки и напильники, а в конторе, расположенной в дальнем углу здания, то и дело звонил телефон. Как консультант Металлоимпорта Александр Михайлович руководил лабораторными анализами и проверкой качества проб различных марок сталей, присланных агентами торгпредства, писал характеристики. Пользуясь данными Игнатева, в торгпредстве отбирали нужные марки металла и заключали с соответствующими фирмами договоры о поставках. По правде говоря, работа эта занимала у изобретателя очень мало времени, да к тому же она нужна была и его делу. Анализы проб облегчали задачу подбора «гамм» прочностей для многослойных лезвий.

После испытаний резцов на заводе «Сименс» изобретатель решил набрать несколько пластинок металла с различным содержанием углерода, ибо от количества углерода зависит крепость стали. Он рассчитывал, что стружка будет тереться о более прочную переднюю грань резца и «слизывать» ее не так быстро, как прежде. Но расчеты эти не оправдались, и стабильности угла заострения не получилось. Начали менять сочетание прочностей слоев стали, комбинировать, испытывать инструменты при разнообразнейших режимах резания... и все безуспешно!

Резцы заострялись, ломались и вновь заострялись. Чтобы избежать поломок слишком заострившейся режущей кромки, надо было примерно через каждый час ра-

боты резца снимать его и затуплять на наждачном камне. Не затачивать инструмент вследствие износа, а затуплять! Эффект оказался ошеломляюще неожиданным. Он словно говорил о том, что изобретатель переусердствовал, что он шел к своей цели слишком темпераментно, стремительно и перескочил границы этой цели. Теперь надо было вернуться к ней, достигать золотой середины, то есть добиться постоянства угла заострения инструмента. Но эта-то задача равномерного износа как раз и оказалась самой трудной.

Уже который раз Александр Михайлович сидел в конторе лаборатории и думал о тайнах законов резания. Какова сила давления стружки на грань лезвия и притом какой толщины стружка, какой ширины, степени шероховатости, какого металла, содержания углерода, при каких скоростях работы? Каково влияние температур, возникающих от трения, а также влияние вибрации на износ? Как определить точки максимального давления и прочности на лезвии? При каких режимах резания какие происходят перемещения этих точек? Как происходит износ?.. Возникали десятки, даже сотни вопросов. Разгадать соотношения действующих сил и сопротивления материалов можно было лишь с помощью сложнейших математических формул. В решении их Игнатъев не был силен, поэтому чаще старался постигать истину путем опытов. Составив очередной комплект пластинок, он хотел, было, выйти в мастерскую и сварить их, как вдруг его остановил знакомый веселый голос:

— Алло, гутен морген, господин Игнатъеф! Я рад отметить, что вытасченный из мешка ваш драгоценный «кот» оказался великолепным. Я шел сюда через мастерскую, все увидел и испытал нечто похожее на восторг,— сказал рыжий чиновник патентамта Гельмут и засиял, обнажив три золотых зуба.

В ответ Игнатъев вежливо улыбнулся, протянув через стол руку незваному гостю, затем предложил ему сесть в кресло. Рыжий уселся, снял очки в золотой оправе, продолжая разговор:

— Ваш талант — ваше счастье! Вы скоро разбогатеете и — я уверен — станете крупным акционером! — сказал он, и лицо его расплылось от счастья, словно сам он становился богачом.

— Сомневаюсь,— промолвил Игнатъев.

— О, я в один миг рассею ваши сомнения. Прошу выслушать: по моему совету представитель Круппа инженер Вальтер присутствовал на демонстрации ваших опытов в Далеме. Он очень сожалел, что тогда не сумел переговорить с вами,— вы быстро покинули гостиницу,— и попросил меня вести с вами предварительный разговор.

— На какую тему? — спросил Игнатъев, зная уже, о чем будет речь.

— На очень большую тему! Крупп изъявил желание приобрести ваш патент! — сообщил торжественно Гельмут и почему-то ухмыльнулся.

Игнатъев раздумчиво погладил ус, потупил глаза.

— Как видите, господин Игнатъев, одно ваше слово «да» сделает вас богатым. Крупп предлагает за патент триста тысяч рейхсмарок! — закатив в экстазе глаза, выговорил рыжий.

Изобретатель молча складывал и раскладывал на столе пластинки стали, затем, прервав занятие, посмотрел на посетителя. В больших серых глазах вспыхнули огоньки лукавинки.

— Так что же передать Вальтеру? — спросил Гельмут.

— Заверение о моем глубоком к нему почтении.

— Благодарю вас... М-м... и больше ничего?

— Нет, почему же, передайте еще...

— Да, да, еще?

— ...Передайте, что я прибыл из Советской России, а там с некоторых пор акционеры не в почете.

— Это пустяки, зато вы будете иметь почет, уважение, богатство, славу! И где будете иметь! — в центре мировой цивилизации — в Германии. Право же стоит ради этого не возвращаться в большевистскую Россию. Что вам делать там — талантливому инженеру, изобретателю, — сказал Гельмут, понизив голос и оглядываясь по сторонам.

На лице Игнатъева вдруг заиграли желваки. Кладя ладонь на стопку книг русских классиков, которые читал в свободные часы, он сказал резким тоном:

— Господин Гельмут, прошу вас не забывать, с кем вы разговариваете!

— О, я вас хорошо понимаю, вы истинный патриот, но патриотизм — чувство ветхое, немодное в наш век интернационализма. Хо-хо-хо, — неприятно засмеялся и, снова понизив голос, добавил: — Поймите, господин Игнатъ-

еф, как много вы потеряете, отклонив предложение Круп-
па. Ведь, кроме трехсот тысяч рейхсмарок за патент, он
приглашает вас еще и на службу к себе с хорошим
окладом.

— Сколько?

— Шесть тысяч рейхсмарок в месяц, — думая, что
дело идет на лад, обрадованно сообщил немец.

— Так много? А я думал гораздо меньше.

— Что вы, что вы! Как можно! Крупп хорошо платит.
А сколько вы думали?

— Тридцать серебрянников.

— Сколько?

— Тридцать иудиних серебрянников, говорю!

— Что?..

— Ничего! Прошу оставить ваш недостойный, оскор-
бительный разговор!

— Позвольте, какое же это оскорбление, — удивился
Гельмут, — я полагаю, что предложение знаменитого
Круппа — великая честь для русского инженера...

— Вы окажете мне великую честь, освободив поме-
щение, освободив сию же минуту! — закричал Игнатъев,
внезапно потеряв самообладание. Он встал, побагровев-
ший от ярости, с шумом отодвигая кресло. Немец тоже
встал, забормотал что-то невнятное и осекся. На шум
прибежал Карский, за ним — Иван Иванович. Немец ис-
чез, поняв, что дело проиграно.

— Скотина! — бросил вслед ему Александр Михайло-
вич, задыхаясь.

— Что случилось? Я вас не узнаю, — обратился к не-
му Георгий Петрович.

— Покупать пришел.

— Патент?

— Нет, меня! С патентом и со всеми потрохами. И
какое у них представление о человеке, какое гадливое,
мерзкое представление о человеке!

— Да вы успокойтесь, Александр Михайлович, — ска-
зал мастер Маслов.

Игнатъев сел, почувствовав внезапную головную боль.
В последние годы его все чаще стали беспокоить голов-
ные боли, но случались они поздно вечером, а тут только
день начался.

Недели через две в лабораторию пришел высокий
господин с длинным носом и отрекомендовался:

— Джон Фреунд — представитель Форда.

Мистер Фреунд сел в кресло, не ожидая приглашения,
закинул ногу за ногу, достал сигару, откусил кончик,
сплюнул и начал немного гнусавым голосом:

— О вашем изобретении, мистер Игнатъев, пишут в
Америке.

— Очень приятно...

— Я получил каблогранму от директора одного из
заводов Форда, который уполномочивает меня вступить
с вами в контакт. Мы хотим купить ваше изобретение.

— Я не продаю его, — перебил Игнатъев. Мистер
Фреунд не обратил никакого внимания на его слова и,
как ни в чем не бывало, продолжал:

— Компания Форда предлагает вам немалые деньги,
мистер Игнатъев, — сто тысяч долларов за изобретение
при условии монопольной эксплуатации его в течение
десяти лет. — Американец с достоинством протянул изо-
бретателю портсигар. Этот жест и манеры дельца чем-
то напомнили Игнатъеву следователя Тунцельмана перед
очной ставкой.

— Благодарю вас, не курю, — промолвил изобрета-
тель и, чтобы поскорее закончить аудиенцию, сказал: —
Продать патент я не могу, ибо он принадлежит Совет-
скому государству.

— У вас государство купило его? — встрепенулся
американец.

— Нет, зачем ему покупать? Патент просто принад-
лежит государству, как и все в Советском Союзе.

— Понимаю, понима-аю, — кивнул мистер Фреунд. —
Большевики конфисковали ваше изобретение.

— Вы не совсем поняли, мистер Фреунд. В нашей
стране граждане сами отдают изобретения государству.
Они считают, что плодами их труда должен пользоваться
весь народ, а не отдельные лица или фирмы.

Вошел Георгий Петрович с чертежами. Мистер Фре-
унд досадливо выдул из груди сизый сигарный дым,
обдав им обложку «Пошехонской старины» Салтыкова-
Щедрина, лежащую сверху стопки книг, и развел ру-
ками:

— Не понимаю, какие же вы имеете выгоды, возна-
граждение?

— Самое большое у нас вознаграждение — это бла-
годарность правительства, народа.

— Но ведь без долларов благодарность — фикция!

— Мы не доллары, а рубли получаем, но не они служат главным стимулом творчества для нашего изобретателя.

Мистер Фреунд не поверил ни тому, что в СССР изобретатели сами отдают свои творения государству, ни тому, что Советское государство платит им за это деньги. Он теперь был глубоко убежден, что большевики конфисковали патент Игнатьева, и решил послать об этом каблогранму в Детройт. Когда он сухо откланялся и ушел, Александр Михайлович схватил за руку Георгия Петровича и сказал:

— На разных языках говорили, но я его понял, а он меня — нет. В этом наше преимущество, Георгий Петрович, преимущество советских людей. Эх, после встречи с этими господами риманами, гельмутами, фреундами с новой силой сознаешь глубокий смысл слова великого Щедрина. Послушайте-ка, что он пишет, — Игнатьев раскрыл «Пошехонскую старину» и начал читать: «...бывали исторические моменты, когда идея отечества вспыхивала очень ярко и, проникая в самые глубокие захолустья, заставляла биться сердца... Как бы ни были мало развиты люди, все же они не деревянные и общее бедствие способно пробудить в них такие струны, которые при обычном течении дел совсем перестают звучать. Я еще застал людей, у которых в живой памяти были события 1812 года и которые рассказами своими глубоко волновали мое молодое чувство. То была година великого испытания, и только усилие всего русского народа могло принести и принесло спасение. Но не о таких торжественных моментах я здесь говорю, а именно о тех буднях, когда для усиленного чувства нет повода. По моему мнению, и в торжественные години, и в будни идея отечества одинаково должна быть присуща сынам его, ибо только при ясном ее сознании человек приобретает право назвать себя гражданином».

— Ну вот, — сказал Игнатьев, закрывая книгу. — А теперь покажите чертежи.

Карский надел на большой нос очки, надвинул на них густые с проседью брови и развернул чертежи системы охлаждения роликов лентосварочной машины, выполненные чертежником Броунером. Расчеты показали, что при больших скоростях сварки ролики должны

перегреться, поэтому в ходе изготовления машины Игнатьев заменил схему охлаждения, усилив его. Рассмотрев чертежи, сделанные по его же эскизам, Игнатьев подписал их и спросил Карского:

— Фотокопии сняли? И расписку за уплаченные деньги взяли у Броунера?

Карский кивнул.

— Отлично, отвезите тотчас же на завод, — сказал Игнатьев.

Георгий Петрович медленно сложил листы, снял очки, переминаясь с ноги на ногу, и, наконец, решил:

— Александр Михайлович, вы хорошо относитесь к главному инженеру «Гефея» Шредеру, говорите, что он порядочный человек, выходец из рабочих и тому подобное. У вас мягкий характер, поэтому вы очень доверчивы...

— Ближе к делу, Георгий Петрович.

— Трудно быть ближе... Нет фактов, но я хочу сказать вам, что Шредеру не доверяю. Он, наверное, мошенничает. Да и Ульман из фирмы «Леве» говорит, что он опытный мошенник.

— Ну, это он от зависти. Сам отказался принять мой заказ, а теперь чувствует, что у Шредера дело выгорит, начинает клеветать на него. Везите лучше чертежи.

— По-моему, мастера Клатт и Крумгауз тоже что-то замышляют заодно со Шредером, — не унимался Карский.

— Экий вы мнительный, Георгий Петрович, везите, друг мой, чертежи. Пока вы доедете, я поговорю по телефону с директором «Гефея» Крумбюгелем. Обязан же он выполнить заказ! ...Кто там еще?

— Не беспокойтесь, это не мистер Фреунд номер два, а наш почтальон.

Игнатьев расписался в почтовой книге и вскрыл голубой конверт. Слева на бланке, извлеченном из конверта, было напечатано: «Союз немецких фабрикантов». Текст послания гласил:

«Уважаемый господин Игнатьев!

Союз немецких фабрикантов имеет честь сообщить Вам, что в 1906 году изобретатель Макс Людвиг заявил патент на способ наваривания стальной пластинки на

державку, в целях экономии высокосортных сталей. Авторские права Людвигу имели силу до 1921 года, однако в связи с войной эти права продлены до 1929 года. Таким образом, Вы, господин Игнатъев, широко пользуетесь методом наваривания сталей дорогих сортов на дешевые, обязаны уплатить господину Людвигу установленную законом долю прибылей (текущий счет № 25314, Ведингское отделение рейхсбанка). Союз немецких фабрикантов предупреждает Вас, господин Игнатъев, что в случае неуплаты Людвигу авторской доли, Вы будете с помощью властей оштрафованы, либо заключены в тюрьму».

Этот документ был подписан президентом «Союза немецких фабрикантов».

Прочитав бумажку, изобретатель и технорук переглянулись, растерянно улыбаясь.

— Да, это действительно не мистер Фреунд номер два, но гораздо похлеще, — нарушил молчание Александр Михайлович.

— Клянусь вам, — рассердился Карский, — это гнусное вымогательство — дело рук рыжего Гельмута. Мстит, окаянный! Ведь примитивное «изобретение» Людвигу — напайка твердых пластин с помощью меди на сравнительно мягкие вовсе не достигает и не предусматривает эффекта самозатачивания.

— Напрасно грозятся они. С помощью простого здравого смысла легко можно доказать, что между моим изобретением и изобретением Людвигу нет ничего общего.

— Здравый смысл? Ха! Он меньше всего подействует на этих гешефтахеров из Союза фабрикантов, — возразил Георгий Петрович. — Если энергичными мерами вы не пресечете в самом начале их подлые происки, они не уймутся, будут шантажировать, крючкотворствовать, всячески пакостить и вредить вам!

Оба помолчали, подумали над текстом ответа. Вдруг Игнатъев схватил шляпу и письмо Союза фабрикантов, сказав:

— Поеду-ка я к Марии Федоровне, она поможет нам советом.

Прочитав бумажку, Мария Федоровна посмеялась, потом недовольно покачала головой. Она ведь предупреждала Игнатъева о возможных интригах, аферах и

шантаже. В Берлине все возможно. Она не удивится, если завтра ей пришлют ультиматум, требуя доли от продажи палехских шкатулок или азербайджанских ковров. Чтобы избавить Александра Михайловича от подобного рода хлопот Мария Федоровна заявила, что берет в свои руки все нетехнические дела лаборатории. Что же касается данной угрозы фабрикантов, то она поручит дело юристу торгпредства, и тот быстро покончит с кляузой.

— Кстати, вы подумали о том, что, отказав Фреунду в продаже патента, вы лишили Форда монополии на ваше изобретение, но развязали руки всей Америке? — спросила она.

— Каким образом? — ответил он вопросом на вопрос.

— А таким, что в Америке начнут безвозмездно пользоваться многослойными инструментами.

— Что же мне делать?

— Надо взять патент и в Америке, и в Англии, во Франции, Бельгии, — во всех промышленно развитых странах. Тогда, в случае применения вашего изобретения, Советский Союз потребует от них свою законную долю платежей! — пояснила Мария Федоровна.

— Как же мне оформить заявки? Дело это канительное, а я скоро должен выехать в Москву испытать на заводах первую партию резцов.

— Так что ж? Пускай заявки оформит Георгий Петрович, а доверенности оставьте на мое имя, и я получу все патенты. Кстати, напомните ему, чтобы он приложил к материалам копии актов испытаний в Далеме и на заводе «Сименса».

— Мария Федоровна, я не знаю, как выразить вам мои чувства благодарности! — произнес с жаром Игнатъев. — Вы мудрая наставительница моя...

— Полноте, полноте, Александр Михайлович! — остановила его Мария Федоровна. — Давайте условимся на будущее, что вы будете выражать свои чувства спокойными словами, без превосходных степеней.

— Не могу я соблюдать этого условия. Вы ангел-хранитель моих дел; чем же я хоть частично возмещу свой неоплаченный долг, если вы мне запретите говорить вам горячие слова признательности?

— Оплатите доверием. Пишите мне доверенности на получение патентов, — рассмеявшись, сказала Мария Федоровна.

— Сделаю это с великой радостью, — ответил Александр Михайлович. Он написал четыре доверенности на имя Марии Федоровны Андреевой и скрепил их печатью торгпредства.

В МОСКВЕ

Начались приготовления к отъезду в Москву. Лаборатория работала с небывалым подъемом. Продолжались поиски все новых и новых сочетаний прочностей для лезвий. Игнатьев не ограничился только работами, связанными с отъездом. Он не смог удержаться от того, чтобы хоть частично, вчерне, не проверить на практике занимавшую в последнее время все его помыслы идею трубчатого резца, который, обтачивая деталь, будет вращаться за счет трения лезвия о стружку. Такой инструмент должен был меньше нагреваться и обладать высокой стойкостью. Уже в первых набросках эскизов трубчатый резец с державкой напоминал своими очертаниями мортиру, ввиду чего изобретатель назвал новый инструмент «мортирой». Закончив эскизы, Александр Михайлович хотел тотчас же приступить к изготовлению первой «мортиры», но не успел, не желая откладывать дальше поездку в Москву.

В июле изобретатель приехал в Москву с двумя чемоданами — тяжелым и легким. В первом он привез семьдесят резцов, а во втором игрушки для шестилетнего сына Миши. Игнатьев поехал в Ленинград, где жили жена и сын, побыл у них неделю и научил Мишу читать наизусть два стихотворения Пушкина и Лермонтова. У него, было, возникла мысль вывезти семью в Берлин, но потом раздумал, вспомнив, что в скором времени лаборатория будет перевезена в столицу.

Вернувшись в Москву, он первым делом посетил Белоцерковца, которого видел лишь накоротке года четыре назад. Приехав в Лосиноостровскую, Игнатьев еще издали заметил своего друга юности, стоявшего на веранде, изрядно поседевшего, с бритым лицом, худого, каким Анатолий Петрович был всегда. Игнатьев хотел подкрасться тихо и внезапно обнять его, но шутка не удалась. Анатолий Петрович почувствовал за спиной шаги, обернулся, узнал Александра Михайловича и опрометью бросился ему навстречу. Друзья крепко обнялись. Оба постояли несколько секунд молча. Первым

заговорил Анатолий Петрович, пропуская друга вперед к лесенке веранды:

— Слышал, Шура, о твоих успехах и радовался безмерно... Да и ты, отвечая мне дважды на письма, общал кое-что — всего лишь дважды — маленькими отписками. Ты попрежнему ленишься писать.

— Принаюсь, Толя, грешен я в нелюбви к писанию... Впрочем, и без писем ты все обо мне знаешь со слов друзей, поэтому Расскажи о себе, — предложил Игнатьев, садясь на диван.

Белоцерковец вкратце рассказал о своих делах, которые отчасти знал и Игнатьев. С первых дней советской власти Анатолий Петрович работал инженером, переквалифицировавшись из электрика-путейца в строителя, и построил около десяти заводов и электростанций. Теперь он строил под Москвой завод, был весь поглощен своей работой, мечтал о строительстве гидроэлектростанций больших масштабов, воздвигаемых по плану ГОЭЛРО. Александр Михайлович с одобрением выслушал горячий рассказ друга, но попросил, чтобы он не очень торопился с планами новых работ, сказав ему:

— Ты сначала построшь мне завод самозатачивающихся инструментов.

— Это когда же? — заинтересованно спросил Белоцерковец.

— Вот испытаю резцы, тогда и решится вопрос.

— Ради твоего изобретения, Шура, я все на свете брошу.

— Спасибо, Толя, я знал, что ты так ответишь. Пока прошу тебя сделать в свободные часы наброски проекта завода на выпуск миллиона резцов в год.

— Ого, такой размах?!

— Думать такими масштабами меня научили в Высшем Совете Народного Хозяйства, где я имел предварительную беседу.

Обедать накрыла на стол жена Анатолия Петровича, Мильда Ивановна. Гость выпил немного вина, ел мало и больше разговаривал. Он перевел взгляд с бледноватого лица друга на лицо Мильды Ивановны, рассказывая эпизоды из детства ее мужа, сопровождая рассказ выразительными жестами и мимикой с такой живостью, что слушатели покатывались от хохота. Он искусно подражал немцу Рихарду Карловичу, говорившему «собака,

отрубленная по отношению к хвосту», кривошейке Ляпину, историку Чевакинскому, требовавшему, чтобы Рацина называли Стенькой, имитировал перекупщиков скота.

Белоцерковец слушал, всматриваясь в лицо Игнатьева. Линию широких разрезов его глаз продолжали две глубокие морщины, отчего разрезы эти казались еще более широкими, чем прежде. Седеющие волосы, зачесанные назад, поредели, и высокий лоб стал еще выше, седины появились также и в усах и в клинообразной бороде; между бровей тоже легли вертикальные морщинки. Во всем облике Игнатьева запечатлелись следы трудового напряжения и мучительных бессонниц от головных болей. Он не знал, отчего эти боли, так как ни разу не обращался к врачу. Во время оживленной беседы Анатолий Петрович видел перед собой не седеющего, солидного мужчину, а юного Шуру, и чем дальше, тем грустнее ему становилось.

— А помнишь, как ты задумал построить лодку, которая подобно раку использует силу течения для движения против него?— спросил Анатолий Петрович и обратился к жене.— Знаешь, насилу отговорил тогда, увлек электротехникой, иначе трудился бы впустую.

— А знаешь, Толя, что ты ошибаешься?— спросил Игнатьев.

— Это почему же?

— Потому что такую лодку построить можно.

Вспыхнул спор. Хозяин дома высмеивал гостя, а гость, ораторствуя, горячился, настаивал на своем.

— Оба мы горячи, Шура, видимо от вина, но погоди, ты поймешь, что прав был я, а не ты,— возражал Анатолий Петрович, смеясь.

На прощание супруги Белоцерковец взяли с Игнатьева слово, что он будет часто бывать в их доме, да и где же ему, при отсутствии семьи, еще бывать, как не у них. Игнатьев пообещал навешать их по мере возможности и уехал.

...Главметалл разослал многослойные резцы заводам АМО, «Красный пролетарий», «Красный путиловец», Коломенскому, Путиловскому, Луганскому паровозостроительному, Харьковскому механическому и другим. Изобретатель не мог бывать повсюду, поэтому он послал вместе с резцами подробные инструкции о том, как надо

производить испытания, указал режимы резания. Сам же он должен был неотлучно находиться на демонстрационном складе Оргаметалла, где намечались основные испытания резцов. Прежде чем приступить к этому делу, Оргаметалл созвал совещание специалистов и поставил доклад изобретателя. Небольшой зал был полон людей.

Игнатьев поднялся на трибуну. При виде сотни взглядов специалистов, обращенных к нему, он вновь испытал знакомое чувство радости, волнения и тревоги, чувство огромной моральной ответственности за успех начатого им дела. Медленно, с расстановкой, изобретатель начал свою речь:

— Американец Тейлор определяет достоинства режущего инструмента степенью его «экономической стойкости», то есть прибыльностью для заводчика. Известный немецкий профессор Шлезингер говорит, если можно так выразиться, более крылато: «На лезвии режущего инструмента — дивиденды машиностроительных заводов». У нас, у советских людей, другое отношение к функциям и достоинствам инструмента. Работая над совершенствованием лезвия, мы думаем об одном — об успехе советского социалистического машиностроения, поставленного на службу народу. Решая эту важнейшую задачу, наши инженеры идут разными путями. Одним из наиболее разумных путей, как мне кажется, является принцип самозатачивания, ввиду чего я предлагаю вниманию присутствующих далеко еще не завершённые мной исследования в этой области.

Далее докладчик рассказал об истории изобретения, об опытах с мертвыми зубами бобра, которые устранили его сомнения в правильности идеи: о пластинках, заостренных с помощью струи песка, о резцах, чрезмерно самозатачивающихся и от этого ломающихся. Самая трудная часть проблемы — равномерный износ лезвия — еще не решена. Оратор надеялся, что путем дальнейших теоретических и практических поисков, можно...

Вдруг его прервал резкий истерический голос с места:

— Это что за ахинея?.. Я у вас спрашиваю, гражданин председатель! Что за галиматья?..

— Чернавского, Чернавского взорвало...

— О, это крупный специалист...

— Так что ж, ему дозволено обструкции устраи-

вать?..— пронесся по рядам шопот, а Чернавский продолжал кричать:

— Как вы могли собрать столь почтенную аудиторию, чтобы она слушала эту антинаучную чушь какого-то любителя экспериментов и... и досужих домыслов!— наседали Чернавский на опешившего председателя собрания. Взырошенный от ярости он стоял спиной к стене и размахивал руками. Справа и слева от него вдоль стола сидели на стульях люди, загородив выход. Чернавский хотел, было, податься в одну, затем в другую сторону, но, увидя, что ему не пробраться, вдруг нырнул под стол. Выскочив с другой стороны, он поднялся на ноги, захлопал ладонями и скрылся, громко хлопнув дверью.

— Можно продолжать?— прорезал тишину голос Игнатьева.

— Продолжайте, — ответил председатель.

Своим спокойствием докладчик покорила аудиторию. Вскоре он закончил речь и сел. Начались прения. Иные из противников идеи самозатачивания, быть может, и готовились выступить с резкой критикой, но Чернавский испортил им дело. Не желая быть похожими на него, они критиковали изобретателя весьма корректно, намеками. Подавляющее же большинство присутствующих горячо поддерживало Александра Михайловича, выражая готовность участвовать в испытаниях новых резцов.

Выходка Чернавского оказалась не случайной вылазкой против идеи Игнатьева. После ряда тайных и открытых, устных и печатных выступлений противники изобретения так замутили воду, что потребовалось вмешательство авторитетного органа. ВСНХ назначил комиссию, которая должна была определить реальную ценность самозатачивающихся инструментов. Официальный эксперт профессор А. С. Бриткин детально ознакомился с устройством и принципом работы новых инструментов, дал им высокую оценку и написал письменное заключение. На следующий день в научно-техническом отделе ВСНХ состоялось заседание комиссии под председательством профессора Л. К. Мартенса. С речью выступил Бриткин, подробно мотивировавший каждый пункт своего заключения. В защиту изобретения выступили еще несколько человек и еще больше — против. Мартенс и Бриткин разбили доводы скептиков или злобствующих врагов Иг-

натьева. Комиссия вынесла решение, признав целесообразным внедрение новых инструментов в различные отрасли народного хозяйства.

Первый тур испытаний на демонстрационном складе Оргаметалла и на заводах не дал отрядных результатов. Резцы попрежнему затачивались в работе, затем кромка острия чуточку ломалась и вновь затачивалась. Стабильности угла заострения не получалось. Противники изобретателя вновь подняли голоса, радуясь его неудачам. И, наоборот, многие из сторонников новатора попристихли, стали выжидать. Александр Михайлович видел, что впереди предстоит еще много трудов, а между тем время не ждало. Пока плоды этих трудов созреют, идея изобретения будет скомпрометирована, загублена...

Чтобы выиграть время, Игнатьев с отчаяния задумал рекомендовать потребителям резцов такой режим работы, при котором инструмент должны были затуплять на камне через известные промежутки в работе. Затупление или подточка лезвий требовали меньшей затраты материалов и энергии, нежели затачивание, поэтому имели некоторые преимущества. Пусть многослойные инструменты временно существуют на таких началах, пока изобретатель не доведет дела до конца. Изложив эту мысль Георгию Петровичу, Игнатьев попросил его сообщить свою точку зрения. И Георгий Петрович высказался решительно, возражая вместе с Иваном Ивановичем против выпуска на рынок «самозатачивающе-затупляемых» резцов. Оба уверяли, что у них еще много пороха в пороховницах, поэтому никакие препятствия им не страшны и лишь разжигают в них исследовательский пыл. Александр Михайлович согласился с ними и с удвоенной энергией взялся за работу.

Он снимал по несколько слепков с каждого резца на разных стадиях износа лезвия. Специальный пластический материал воспроизводил с микроскопической точностью изменившиеся углы лезвия, его деформацию, его «историю болезни». Изобретатель подвергал полученный материал тщательному анализу, писал свои заключения и посылал их вместе со слепками Георгию Петровичу.

Изучая слепки резцов и корреспонденции своего шефа, Карский и Маслов изготовляли и высылали очередную серию резцов. Но, увы, результат испытаний оказывался пока тот же, менялись лишь степень и ха-

раक्टर нарушения угла резания. Лезвие с углом в 82 градуса через две-три минуты заострялось иногда до 60 градусов и в этом не было бы большой беды, если бы при дальнейшей работе угол не уменьшался. На различных резцах градусы угла заострения падали до 35 и даже до 30, вследствие чего режущая кромка лопалась даже при небольших нагрузках.

Демонстрационный склад Оргаметалла находился на углу Орликова переулка и Каланчевской улицы, а жил Игнатъев на Новокузнецкой в доме своего друга Шведчикова, находившегося на работе за границей. Домой Александр Михайлович возвращался поздно вечером по тесной и шумной Мясницкой, пересекая Красную площадь, мимо мавзолея Ленина. И не раз при взгляде на усыпальницу великого вождя в Игнатъева возникало щемящее чувство тревоги, неудовлетворенности собой и жгучего стыда за свои неудачи. Он вспоминал слова, сказанные о нем Ильичем: «Нужно, чтобы он ничем иным не занимался». Это пожелание вождя Игнатъев, как ему казалось, пока не оправдал делами, а в будущем, возможно, тоже, кроме неудач, ничего не будет. Временами ему было очень горько, солоно на душе, но тем не менее он никогда не приходил в бездейтельное уныние, никогда ни на минуту не переставал трудиться.

При испытании последней серии резцов Александр Михайлович потерпел жестокий провал. Технические комиссии нескольких заводов прислали акты, в которых отмечали непригодность резцов для промышленного применения, жаловались, что, несмотря на многослойность резцов, зоны твердостей их лезвий не отличаются друг от друга. В газете «Экономическая жизнь» появилась статья, резко критикующая «нежизненную идею» Игнатъева. В Главметалле прозрачно намекали на то, что он, мол, совсем забросил работу консультанта Металлоимпорта. Только в письмах Горького он находил утешение, черпал в них новые силы.

Кому не знакомо гнетущее чувство надвигающегося крушения больших планов и надежд, ставших единственной и основной целью жизни. Именно с таким чувством, опустив голову, медленно шел Игнатъев через Красную площадь, мимо «Василия Блаженного». Больше всего его томил стыд за то, что он оказался не в состоянии довести до практических результатов решенное теоретически.

Изобретатель не представлял себе, как он станет свертывать лабораторию, как будет смотреть в глаза знакомым, друзьям, Горькому, что скажет людям о своем скандальном творческом провале? Мысль об этом приводила его в ужас.

Дома, на письменном столе, Игнатъев увидел конверт. Писал из Берлина Георгий Петрович. Он обрушивал на голову адресата поток дурных вестей. Вначале он жаловался на тяжелые условия работы, недостаточное внимание к себе со стороны Игнатъева, высказал обиду за резкую форму требований усилить эксперименты. Знает ли Александр Михайлович, что когда пишутся эти строки, Иван Иванович лежит под ножом хирурга в клинике, а сам он, Георгий Петрович, один-одинешенек вертится волчком среди не заинтересованных в успехе дела немецких рабочих.

«Главный инженер «Гефеея», Шредер, начал сам конструировать лентосварочную машину по принципу «ток перпендикулярен давлению», — продолжал автор письма. — На столе у Шредера я видел чертежи, а также циркульную пилу с напайкой на зубья твердых пластинок. На мое заявление о том, что это есть прямое вторжение в область Игнатъева, Шредер ответил молчанием. Помните, Александр Михайлович, как я Вас предупреждал, говоря, что ему доверять нельзя, ибо он мошенник? Теперь, как видите, я оказался прав, о чем, конечно, весьма сожалее. Прежде я удивлялся, что «Гефей» честно хранит от воров секрет Вашей лентосварочной машины, а нынче я все понял. Зачем, спрашивается, разглашать «Гефею» тайну изобретения, если он сам хочет украсть его? Уверю Вас, Александр Михайлович, что в случае успешной работы машины, «Гефей» присвоит ее и будет Вас душить.

С чувством горечи должен известить Вас и о проделках профессора Кюррена. Он галопом производит опыты по изготовлению многослойных ножей и бритв. Если Кюррен опередит Вас с этим делом, то придется затеять тяжбу, либо потерять приоритет. Фирма «Жиллет» в связи с опытами Кюррена забеспокоилась. Она производит два с половиной миллиона лезвий бритв в день и затоварилась лет на десять. Чтобы «обскакать» Кюррена, я начал изготовление пятислойных ножей по схеме медь — сталь — стеллит — сталь — медь. Договорился с швед-

ским инженером Магнусоном о продаже нам наитончайших стальных лент для бритв. Он обещал ленты холодного проката в два микрона толщиной и выше. Начну опыты с бритвами, а то из-за этих злосчастных резцов прозеваем все на свете. Еще одна мерзость: «Гефей» привлек Берковича в качестве консультанта по вопросу изготовления лентосварочной машины. И что вы думаете? Сей «консультант» охаял Ваш метод электросварки, однако сам же провел опыты и заявил патент. Если ему выдадут патент, то придется опять же подать в суд. Мария Федоровна говорит, чтобы я не отвлекал Вас от дел, и хочет сама заняться защитой Ваших интересов. Шенфогель оказался честнее Берковича. Он просит Вашего разрешения на эксперименты по самозатачивающимся буровым коронкам. Как Вы на это смотрите? Важная штука — буровая коронка!

Должен огорчить Вас, Александр Михайлович, еще одной неприятностью, пожалуй, самой большой: деньги вышли все. Чтобы выдать рабочим зарплату, я попросил в долг у Марии Федоровны. Может быть, вы скажете что-нибудь утешительное? У нас же дела, как видите, архискверные.»

— Архискверные, архискверные, архи-скверные! — повторил Игнатьев вслух слово, характеризующее состояние всех его дел.

Вот и нужда в деньгах! Она настала раньше, чем он успел дать промышленности новый резец, новое лезвие... «На лезвии режущего инструмента — дивиденды машиностроительных заводов», — вспомнил изобретатель слова Шлезингера и горько улыбнулся, перефразируя слова: «На лезвии моего резца растаяли все мои капиталы, все имение Ахиярви с лугами, лесами, озером и особняком. Деньги! Без денег — ни шагу, ни одного опыта! Прежде сам отказался от государственных денег, теперь же, после всех неудач, провалов с резцами, неудобно просить у государства денег, да и не дадут ему ни копейки».

Так думал Игнатьев, теребя бородку и нахмутив брови. Вдруг он почувствовал в висках боль. Усиливаясь, боль поползла ко лбу, затылку, охватила всю голову... Она мучила Игнатьева до самого рассвета.

СВЕТЛОЕ УТРО

В восемь часов утра Александр Михайлович ехал в трамвае на работу. Головная боль утихла, но он чувство-

вал себя разбитым физически и морально. Зачем он ехал? Что он мог предпринять еще для спасения дела? Можно ли было надеяться, что испытываемый сегодня какой-нибудь пятисотый по счету резец поведет себя в работе так, как нужно изобретателю? Игнатьев не мог ответить на эти вопросы, и чувство гнетущей безысходности все сильнее овладевало им.

Трамвай, скрежеща колесами, взбирался по мокрым рельсам на Красную площадь. Утром пошел теплый дождь, затем облака рассеялись, и над Москвой легла бирюзовая синева неба. Под лучами весеннего солнца обновились башни и зубчатые стены Кремля, весело заблестели зеленые крыши дворцов, вспыхнуло золото лукович церквей, а над куполом кремлевского дворца высоко заполыхало алое полотнище. У входа в мавзолей неподвижно стояли часовые...

Вчера Александр Михайлович шел через Красную площадь и думал о Ленине, позавчера — тоже, сегодня едет тоже думает и завтра будет думать. Всегда каждый советский человек, едущий, идущий мимо мавзолея, думает о Ленине. В думах о Ленине советский человек обретает веру в себя, черпает силы для больших и трудных дел. Попад в трудное положение, он спрашивает: «А как бы поступил на моем месте Ильич?»

Горький рассказывал Игнатьеву, что Ленин ни разу не пожаловался на трудности даже в самые тяжелые минуты революции. Гражданская война, голод, тиф, голод, разруха, кольцо интервенции, сжимающее горло молодой республики, и взоры миллионов, с надеждой обращенных к Ленину. На страну нагрянули небывалые беды, борьбу против которых возглавлял Ильич, и ни на минуту не ослабевала в нем вера в победу!

Какими же микроскопическими показались Игнатьеву собственные беды! Ведь, если здраво рассудить, ничего страшного еще не произошло. И с чего это он так захандрил? Хорошо еще, что он ни с кем не успел поделиться свшими мрачными мыслями. Ничего страшного! Путей и средств поправить дело еще много. Нет денег? Так можно придумать что-нибудь. Дело ведь стоящее. Недаром за границей столько хищников бросаются на патенты, значит, что-то в его патентах все же есть?

Есть, есть! Да, впрочем, в этом он никогда и не сомневался.

И что это трамвай ползет так медленно? Игнатьеву, когда он что-нибудь придумывал, трамвай всегда казался тихоходным. А все-таки, почему его душа вдруг стала рваться вперед? Разве он нашел выход из положения? Нет, ничего не нашел! В голове ничего не зародилось, но он стал почти весел и спешил, торопился скорее приехать на работу. Никаких новых идей в голове как-будто не было и в то же время, как ему казалось, что-то было.

Перед широким окном демонстрационного склада, выходящим на Орликов переулочек, стоял большой токарный станок с начатой накануне стальной болванкой. Изобретатель быстро надел спецовку, поставил новый резец и включил станок. Прошла, мелко завиваясь, тонкая серебристая стружка. Игнатьев углубил резание, не отрывая глаз от лезвия. Стружка стала толще, матовее от температуры, завитки — крупнее. Станок поработал час, другой, резец, как и прежде, затачивался, лезвие так же чуть ломалось и вновь затачивалось. Все по-старому. Игнатьев сменил инструмент, еще более углубив резание. Сосед-фрезеровщик равнодушно взглянул на него, чистя станину. Игнатьев жадно следил за стружкой. Благодаря увеличенному диаметру завитка стружки нижний сгиб его отступил от острия резца. Это явление изобретатель замечал и прежде, а также читал о нем в трудах многочисленных исследователей мегаллорезания. Они писали, что максимальное давление от стружки приходится не на самую режущую кромку, а немного отступя. Исходя из этого, он искал точку максимального давления и располагал там слой потверже. Дальше его мысль не шла. Но в это утро чувства Игнатьева были необычайно обострены, а глаза так зорки, что он сумел увидеть в этом известном явлении нечто новое. Задумавшись с минуту, он вдруг хлопнул себя по лбу и быстро зашагал назад и вперед своей семенящей походкой, столкнулся с фрезеровщиком, остановил станок и вылетел из мастерской.

— Здравствуйте, Александр Михайлович, что это вы, батенька, своих не узнаете? — спросил член комиссии по испытаниям его резцов, инженер Петров.

— Да, да, здравствуйте, — пробормотал Игнатьев и помчался дальше.

— Что такое случилось с ним? — спросил инженер фрезеровщика.

Тот недоуменно пожал плечами.

Через десять минут Игнатьев был на почте, где писал Георгию Петровичу телеграмму такого содержания: «Сверхсрочно изготавливайте резцы схеме: У-13 — четвертый. Подробности письмом».

С почты он поехал не на службу, а домой, сел за стол, схватил перо и бумагу...

Обычно лезвия многослойных резцов составлялись из пластинок стали, расположенных по порядку: самая твердая сталь — впереди. Она служила режущей кромкой, за которой располагались слои, твердость которых постепенно убывала вплоть до мягкого железа. Твердость стали определяется содержанием в ней углерода. Самый твердый слой имел 1,3 процента углерода, самый мягкий слой — железо — 0,1 процента. Марки сталей определялись знаками — У-13, У-10, У-5 и т. д. Таким образом, если самую твердую сталь условно обозначить просто цифрой 13, а железо — цифрой 1, то пластинки сваривались по порядку: 13—11—9—7—5—3—1. Со времени первых опытов с многослойными резцами эта основная схема подвергалась всевозможным новым комбинациям. Одна или несколько пластинок исключались, и число слоев падало иногда до двух, образуя такой порядок твердостей: 13—9—6—4—1, 13—8—5—1, 13—6—1, 13—1 и т. д.; в других случаях толщина пластинок то увеличивалась, то уменьшалась с таким расчетом, чтобы, скажем, в одном случае пластинка восемь была бы дальше, в другом случае — ближе к режущей кромке. Но при всех комбинациях 13 — самая твердая сталь — была впереди, а 1 — железо — позади. Новое же открытие Игнатьева заключалось в том, что он отодвигал самую твердую сталь от режущей кромки. Слова телеграммы Георгию Петровичу «У-13 — четвертый» означали, что резец должен быть сделан по такой схеме, при которой 13 занимала бы четвертое место, например, 10—11—12—13—11—9—7—5—1. Таким образом, режущая кромка 10 сказывалась несколько мягче своего ближайшего тыла — 11, 12, 13.

Это как будто было нелогично и противоречило традициям. Ведь все режущие инструменты в мире изготавливаются так, чтобы жало их острия было тверже или не мягче других зон лезвия. А Игнатьев пошел ломать и эту традицию, рекомендуя в своем письме Карскому, кроме упомянутой выше, еще и такие схемы: 10—11—13—10—

8—5—3—1, 11—10—13—11—8—6—4—1, 12—13—10—4—1 и т. д., то есть уже не допускал, чтобы самая твердая сталь оказалась бы впереди, составляла бы режущую кромку. Чем же были вызваны эти изменения?

Стружка, оторванная резцом от болванки, упирается в переднюю грань лезвия, деформируется, сгибается и по мере поступления завивается. Точка соприкосновения стружки с гранью лезвия испытывает максимальное давление от стружки. А так как эта точка максимального давления находится несколько отступя от режущей кромки, то и самый твердый слой стали должен несколько отступить от режущей кромки. Тогда действительно прочность каждой зоны лезвия будет соответствовать давлению стружки, что обеспечит равномерный износ и сохранится стабильность угла лезвия. Так решил и написал своему техноруку изобретатель.

Он поехал на почту отправить письмо в Берлин и лишь в пути заметил, что разъезжает по городу в засаленной спецовке. Едва успел Игнатъев вернуться на демонстрационный склад, как принесли ответ технорука на утреннюю телеграмму: «Теория верна, требует развития. Срочно изготавливаю три резца».

Александр Михайлович хотел расцеловать почтальона, но вместо этого дал ему рубль. «Удивительное дело, а ведь понял старик, а? С двух слов понял. Голова!», — подумал он о Карском.

В три часа ночи изобретателя разбудил другой почтальон и вручил срочную телеграмму: «Problema stabilitati ugla reschena...», — прочел он русские слова, напечатанные латинскими буквами. — «Проблема стабильности угла решена. Резец работал до полного износа. Поздравляю! Карский».

Игнатъев почувствовал слабость в ногах, легкое головокружение. «Наконец-то, наконец», — прошептал он, подошел к постели и сел. Он держал в руке бледнозеленый бланк международного телеграфа и перечитывал текст еще и еще. Тень его фигуры с исклокоченными на голове волосами уродливым силуэтом падала на стену. Изобретателю не хотелось ложиться, он страдал от того, что не мог ни с кем поделиться своей радостью. Семья все еще оставалась в Ленинграде. Так, сидя на постели, он долго раздумывал о будущем развороте дела, затем

лег, но не мог уснуть. Нет, не головная боль мешала спать, а биение сердца, радость, нагрянувшее счастье!

Вечером пришла еще одна телеграмма: «Письмо авиапочтой получил. Гениально! Вот когда Вы действительно открыли самозатачивание. Диффузия углерода портит дело. Изготавливаю путем холодного проката. Это замедляет темпы. Завтра вышлю самолетом двадцать резцов. Карский.»

Первый же резец, изготовленный по новой схеме, показал явные преимущества перед прежними резцами. Испробовав несколько штук, Александр Михайлович отобрал наиболее удачный и, не говоря членам комиссии Главметалла ни слова, поехал на завод «Красный пролетарий» к инженерам, которые недавно писали в акте: «Резцы Игнатъева непригодны для промышленного применения».

Выслушав изобретателя, инженеры больше из вежливости к нему, нежели из веры в его утверждения, пошли в цех. Игнатъев достал из портфеля чуть затупленный резец и вручил старому токарю. Тот хотел заточить инструмент на камне, но гость не дал, сказав:

— Работайте тупым.

— Да он сгорит, — возразил токарь.

— Напротив, заострится!

Старый токарь метнул исподлобья недружелюбный взгляд на интеллигента с крохотной холеной бородкой. «Издевается он, что ли, надо мной?» Но Игнатъев лишь лукаво улыбался.

— Работайте, работайте, Сергей Иванович, так нужно для пробы, — сказал один из инженеров.

Токарь досадливо поморщился, зажал в супорте резец и осторожно подвел его к болванке.

— Смелее! — произнес Игнатъев.

Обтачивая сталь, резец слабо пошумел минуты три, а потом затих, пошел плавно, снимая ровную стружку. Удивленный токарь остановил станок и посмотрел на лезвие. Оно было нормально острым. Старик снова взглянул исподлобья на изобретателя, на этот раз с любопытством и теплотой. Инженеры стояли спокойно, полагая, что резец, как и на прошлых испытаниях в другом цехе, заострится и кромка сломается. Но этого не случилось ни через полчаса, ни через час, ни через три часа. Возле станка росла горка из стружки.

— Ну как, все работает?— спросил один из инженеров, подойдя к токарю через пять часов.

— Работает, нечистая сила, хоть бы что!— крикнул радостно токарь.

Станок со всех сторон обступили рабочие с застывшим на лицах выражением жадного любопытства и недоумения.

— Все колдуешь, Сергей Иванович?— спросил токаря кто-то.

— Это не я, а вот кто,— кивнул токарь головой вправо.

Все обернулись к изобретателю. И он, делая вид, что не понимает смысла этих взглядов, пережил в эту секунду редкое чувство удовлетворения.

На демонстрационном складе комиссия Главметалла испытала другой резец. Рабочие аккуратно собирали в кучки стружку и взвешивали на больших весах. Члены комиссии поочередно дежурили у станка, следя за стрелками часов. Когда резец весь износился и остаток его отломился, комиссия записала в акте.

«Девятислойный резец системы А. М. Игнатьева работал без заточки 521 минуту и снял 541 килограмм стальной стружки, после чего настолько сточился, что остаток лезвия изломался. Инструмент работал при следующем режиме резания: в течение 119 минут работал при подаче 1 мм, глубине резания 5—6 мм, скорости 7—20 метров в минуту и снял 42,56 кг стружки; вторая стадия: работал в течение 402 минут при подаче 1,7 мм, при глубине резания 4,5—6 мм и скорости резания 15—24 метра в минуту, сняв 498,44 кг стружки».

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ

Изредка Игнатьев встречался с Белоцерковцем, делился с ним своими творческими горестями и удачами, любил слушать и о его делах. Анатолий Петрович не только бывал в курсе истории опытов с резцами, но и сам увлекался ими не на шутку, давал разные советы, а когда Александр Михайлович надолго исчезал с горизонта, справлялся о нем по телефону. Белоцерковец давно закончил черновые наброски проекта завода игнатьевских инструментов и ждал решения о его строительстве.

После признания комиссией Главметалла стабильности угла лезвия Игнатьев поехал на Лосиноостровскую сооб-

щить другу эту радостную весть. Подмышкой он нес завернутую в газету продолговатую легкую вещь. Белоцерковец поздоровался и хотел принять сверток, но Александр Михайлович встрепенулся:

— Осторожно, ломаешь!

— Что это?

— Сейчас узнаешь... Но сначала мне нужны две бочки, — ответил Игнатьев с таинственным видом.

Анатолий Петрович хорошо знал этот многообещающий блеск серых глаз.

— Ага, ты что-то новое придумал?.. Бочки найдутся.

Игнатьев поставил одну бочку перед лестницей веранды на табуретку, а другую — повыше — на веранду. Затем он сколотил из трехметровых старых досок жолоб шириной в 15 сантиметров, законопатил зазоры и замазал их дегтем. В бочку, что была наверху, он налил до краев воды, а другую оставил пустой, соединив их жолобом.

— Готово! А сейчас ты узнаешь, что это такое, — сказал торжественно Игнатьев, развязывая сверток. — Помнишь, Толя, наш спор о раке и лодке, идущих вверх по реке напором течения? Ты говорил, что я откажусь от своих слов, как только винные пары выветрятся из головы. Как видишь, не отказался.

Изобретатель высвободил из бумаги маленькую странную лодочку и поставил ее на нижний конец жолоба. Белоцерковец увидел на модели колесики и длинную гусеницу, каждое звено которой было снабжено лопастью. Лодка опиралась колесиками на ребра досок, а гусеница висела между ними, не задевая лопастями дна жолоба.

Закончив подготовку, Игнатьев взял ведро, зачерпнул воду из бочки и вылил в жолоб, заставив и Белоцерковца действовать таким же способом другим ведром. Чередуясь, друзья выливали воду, создавая искусственный ручеек, который своим течением двигал гусеницу и связанные с нею механизмами колесики. Лодочка бойко поплыла против течения, вызывая восторженные возгласы и смех собравшихся детей и взрослых. И каждый раз, когда модель доползала до верхнего конца жолоба, друзья повторяли опыт, пока, наконец, Анатолий Петрович не произнес, виновато улыбаясь:

— Хватит.

— Ну, Толя, признаешь себя побежденным? Ага,

прекрасно! Теперь, значит, я могу спокойно уехать в Берлин, — пошутил Игнатъев.

За обедом он рассказал о положении дел. Белоцерковец понял, что поездка его друга в Берлин не обещает ему ничего хорошего, потому что вызвана тревожными сигналами оттуда.

После удачных опытов в Оргаметалле технорук присылал одну за другой посылки с резцами, которые Игнатъев распределял по заводам. В посылках попадалось большое количество неудачных инструментов, не обнаруживающих равномерного износа лезвия. Игнатъев по-прежнему снимал слепки лезвий, отправлял их Георгию Петровичу, неумоимо переписываясь с ним. Технорук стонал от безденежья. «Денег, дайте денег, иначе рабочие разбегутся», — вопил он.

Сумма долгов Марии Федоровне и другим работникам торгпредства достигла шестнадцати тысяч рублей. В требованиях Карского порой раздавались неприятные Игнатьеву нотки, вроде того, что они вправе требовать от государства не только покрытия нужд лаборатории, но и для собственного вознаграждения. В ответах Игнатъев читал ему нотации, а однажды, приди в раздражение, закончил письмо следующими словами:

«...Вы, Георгий Петрович, не знаете наших условий работы. Я уверен, что Вы не прочли Марии Федоровне моих писем, как мы договорились. А это было бы очень полезно, ибо она на многое раскрыла бы Вам глаза. Я сам живу деньгами за счет будущих благ, благами же я считаю не государственные дотации, а ту выручку, которую принесут нам резцы. Поэтому лаборатория уже сейчас должна изготавливать по сто резцов в день, а в скором времени — по двести. Успех испытаний вызвал сенсацию и теперь все требуют резцов; заводы и тресты мне ходу не дают, посылают столько запросов, что я то-ну в бумагах. Вот Вам и все условия для перехода лаборатории на самокупаемость. Дадите по двести резцов в день, будут деньги, не дадите — не будут. Ведь нетерпимо, когда вы присылаете по 25 резцов в день, да еще авиапочтой, что очень дорого. Поймите эти мои условия и больше не требуйте денег.

Поймите, что если бы я просил денег на разработку резцов, то их не было бы. Это как будто нелогично, а между тем логика такова: предложений, изобретений,

проектов весьма важных, имеющих мировое значение, у нас много, а средств на их проведение в жизнь ограниченное количество и распределяются они в крайне малых дозах между самыми значительными и важными новинками. Конечно, теперь, когда я на свои личные средства довел изобретение до производства, я мог бы рассчитывать на дотацию, но почему бы не сделать так, чтобы наше производство покрыло бы государственные субсидии?

Главметалл выдал тридцать тысяч рублей. Эта сумма покрывает долги лаборатории, а на остатках продержимся немного, так что торопитесь с производством резцов. Кстати, Георгий Петрович, переходите на выпуск резцов исключительно из металла «Электросталь», тульской стали и других отечественных марок. Я буду высылать их в Берлин. Будущий завод должен работать только на отечественных материалах.

Нам нужно также заняться популяризацией изобретения среди рабочих и инженеров СССР. Для этого Вы должны написать сценарий фильма и заснять всю технологию изготовления нетупящихся инструментов и пользования ими. Пока перевезем лабораторию в Москву, пока построим завод, пусть наш фильм путешествует по экранам предприятий страны.

Крепко жму руку, Ваш А. Игнатъев».

Георгий Петрович страшно обиделся на Александра Михайловича и ответил ему, что он, вместо благодарности за преданную службу, «ранит его в самое сердце». Почему он, собственно, каждый раз читает ему нотации? Технорук вспомнил «бесчисленные обиды», нанесенные в прошлом ему, седому человеку, которого, неизвестно на каком основании, Игнатъев взялся воспитывать. Дальше технорук переходил на деловой тон и, как ни в чем не бывало, отвечал на письмо по пунктам: сценарий будет написан, резцы из отечественных сталей уже начал делать, выпуск резцов повысят и т. д. и заканчивал: «Сделаем все, лишь бы Вы приехали, а то без Вашей энергии все дела разваливаются. Держимся благодаря Марии Федоровне». В следующем коротком и нервном письме взывал:

— «Приезжайте поскорее! Лентосварочная машина и сварочный пресс Вашей системы готовы. Свариваем со

сказочной быстротой. Этот блистательный результат и послужил причиной того, что «Гефей», хаявший вначале Ваше изобретение и не давший Вам гарантий, ныне присвоил его и заявил патент. Рыжий Гельмут играет первую скрипку в этой темной махинации. Зря Вы тогда обонялись с ним так круто, выгнав его из конторы. Опасного врага нажили. Берковича, начертившего свой вариант конструкции, мигом отвели. Гельмут называет его вором, а между тем до патента «Гефея» якшался с ним. Сейчас директор «Гефея» Крумбюгель заключает договоры на продажу «своих» лентосварочных машин. Шютте и Ульман уже купили машины и налаживают опыты. Крумбюгель дошел до такой наглости, что предложил нашему торгпредству приобрести серию этих машин для СССР.

Приезжайте, Александр Михайлович, немедленно, иначе потеряете крупное изобретение, являющееся новым словом в мировой электротехнике».

Всю эту историю Игнатъев передал Белоцерковцу за обедом. Посидев еще немного, он сказал шутливо:

— Прощай, Толя, поеду драться с акулами империализма.

Анатолий Петрович немного прошелся с ним, а когда остановился, долго смотрел ему вслед, к горлу неожиданно подступил ком. До того близок и дорог был ему в эту минуту Игнатъев.

СНОВА В БЕРЛИНЕ

Прибыв в Берлин, Игнатъев немедленно предъявил иск фирме «Гефей», обвиняя ее в незаконном присвоении своего изобретения. Суд, однако, отклонил его иск, мотивируя это тем, что он не включил в договор о постройке машины особого пункта, где оставлял бы за собой право заявить патент. На основании этой мотивировки изобретателями лентосварочной машины и прессы были признаны Крумбюгель и Шредер.

Возмущенный Игнатъев подал кассационную жалобу в высший имперский суд, нанял адвоката Веснига и стал терпеливо ждать разбора дела.

Георгий Петрович отчитался перед Александром Михайловичем в работе лаборатории за время его отсутствия. Все поручения были выполнены. Мария Федоровна

по доверенности получила патенты — английский, бельгийский; в скором будущем получит американский и французский; резцов выпускают около ста штук в день; первые две мортиры были бы готовы, если б не нужда в деньгах. Но с особенным удовольствием технорук рассказывал о лентосварочной машине и прессе. Как и проектировал Игнатъев, пять мотков стальных лент различной толщины и твердости, разматываясь, проходили непрерывным потоком через рабочую часть машины, на ходу нагревались в ней, затем прокатывались роликами, свариваясь в одно целое. В дальнейшем ленты, ставшие уже пятислойной штангой прямоугольного сечения, распиливали на короткие заготовки для резцов.

Сварка же большего числа слоев металла производилась с помощью прессы. Технорук показал пластинки для бритв из 9, 11 и 15 тончайших слоев стали. Это была безукоризненно равномерная сварка без местных пережогов и недоваров. Ни один из существующих в мире сварочных прессов не мог дать такого качества сварки тонких пластинок. У изобретателя загорелись глаза. Сколько он мечтал об этом в Финляндии, когда делал первые бритвы и ножи.

Закончив беседу, Игнатъев хотел сразу же приступить к экспериментам с тонкими пластинками, но Карский воспротивился, предложив заняться этим делом, когда уйдут рабочие-немцы.

— А почему не сейчас? — спросил изобретатель.

— Потому что Гессель, по-моему, шпионит за нами. Он неоднократно перехватывал почту, и я получал ваши письма перлюстрированными.

— Он же русским языком не владеет.

— Зато владеет отличным фотоаппаратом Лейца. Ему ничего не стоит заснять фотокопии писем... Но вот нечто более достоверное: выходя из конторы, не раз я запираю дверь, поворачивая ключ в замке один раз, а по возвращении отпираю ее в два поворота. Как видно, шпион недостаточно опытный, но он есть!

Все же Гессель не был пойман с поличным, а увольнять его на основании одних только подозрений при наличии острой безработицы в Германии Игнатъев не стал. Кроме того, не было уверенности, что можно доверять другим рабочим, поэтому решили экспериментировать по

вечерам. В работу включился выздоровевший после операции Иван Иванович.

Пятнадцатислойные пластинки Георгия Петровича имели два-три миллиметра толщины. Центральный слой имел четыре микрона, по бокам его — по десять, далее толщина слоев резко повышалась. Игнатьева не удовлетворяли эти пластинки. Он хотел при таком же количестве слоев создать лезвия, равные толщиной лезвиям безопасных бритв. После упорных опытов он изготовил пластинки, доведя их толщину до 1, затем до 0,7, 0,5 и, наконец, — 0,45 миллиметра. Не успокоившись и на этом, изобретатель утоньшил путем холодного проката эту пластинку до 0,15, то есть сделал ее тоньше лезвия безопасной бритвы. Пятнадцать слоев, сваренных вместе, составляли 0,15 миллиметра! Мировая техника не знала подобного факта. Однако, как и ожидали, лабораторные анализы показали, что в результате операции сварки произошла диффузия углерода и слои изменили свои физические свойства. А это означало, что для достижения цели придется проводить еще много исследований.

Если вечерами Александр Михайлович работал над бритвами, то дни он целиком посвящал резцам. Для резцов — «кубиков» и «столбиков» — он создал оригинальные державки и заявил на них патенты. «Столбики» отличались от обычных резцов тем, что они закреплялись на державке не горизонтально, а почти вертикально. Слои стали располагаться в них вдоль на всю длину, делая «столбик» сплошным, постепенно раскрывающимся лезвием. Этот вертикально поставленный инструмент обтачивал металл своим торцом. Стружка слизывала торец и, по мере износа, укорачивала «столбик». Изобретатель рассчитывал, что такой инструмент должен работать до полного износа, послужив человеку весьма долго. Резцы «кубики» имели аналогичное устройство, и назывались они «кубиками» потому, что были очень коротки, близки к кубической форме. Ценность этих резцов заключалась в баснословной их дешевизне по сравнению со «столбиками».

Александр Михайлович взялся, наконец, и за изготовление вращающихся резцов — «мортир». Однажды в полдень, во время испытания первой собранной «мортиры», Иван Иванович позвал его в контору. Там ждал

какой-то странный поджарый субъект со шляпой набекрень.

— Отто Кример — сыщик частного бюро детектива, — представился субъект, показывая значок за петлицей. — Имею честь доложить вам, что у Шютте и Ульмана похищена заявка с чертежами на метод сваривания многослойных тончайших пластинок... с чертежами, — повторил он, добавив: — Три дня моих усиленных поисков по всему Берлину привели меня сюда.

Игнатьев, Карский и Маслов переглянулись, как бы спрашивая: «Что за афера?»

— Вы хотите сказать, что я похитил чертежи Шютте и Ульмана? — спросил сухо Игнатьев. Он говорил стоя, заставляя стоять и сыщика.

— Я не смею утверждать этого, но допускаю возможность участия одного из ваших сотрудников в этой прискорбной истории похищения.

— Мгм... Допускаете! И что же, в связи с этим, вы хотите от меня?

— Взглянуть на вашу схему сварки, чтобы уяснить, на правильный ли след я напал или ложный, — сказал сыщик, глядя мимо собеседника.

— Не тратьте даром время, ибо вы на ложном следе, — последовал ответ.

— Я должен убедиться в этом сам.

— А если я, господин частный сыщик, не доставлю вам этого удовольствия? — насмешливо глядя на Кримера, спросил Игнатьев.

— В таком случае сюда немедленно явится полицейский чиновник и сделает необходимое именем закона.

— Господин Кример, вы плохо играете роль в этой афере Шютте и Ульмана... Впрочем, зовите полицейского! — отрезал Игнатьев и вышел из конторы.

Полицейский чиновник долго не появлялся. Это усилило подозрение насчет аферы. Утром следующего дня Александр Михайлович послал технорука в полицию узнать, известно ли там о краже чертежей Шютте и Ульмана и знают ли они о поисках сыщика Кримера? В полиции ответили, что о Кримере им ничего неизвестно и посоветовали при повторном появлении агента задержать его и вызвать полицию. Выслушав технорука, Игнатьев спросил:

— А что если Ульман добьется вмешательства поли-

ции? Тут дело явно пахнет аферой, но ведь не так-то сложно сделать ее соучастницей и полицию? Все дело в гешефте.

— Не знаю, не думаю,— усомнился Георгий Петрович.

Только он произнес эти слова, как в мастерскую вошел полицейский чиновник во всем блеске новенького мундира.

— Легок на помине,— заметил Иван Иванович.

Как и сыщик, чиновник потребовал материалы по электросварке тонких пластинок, которые, по его словам, нужно было сличить с копиями материалов Шютте и Ульмана, чтобы выяснить, не идентичны ли они?

— Я вам не дам моих документов о моем методе электросварки, осуществленном на прессе моей системы,— твердо ответил Александр Михайлович.

— Изобретателями лентосварочных машин согласно решению суда являются Крумбюгель и Шредер,— ехидно и неуместно смеясь, сказал чиновник.

— Я уверен, что имперский суд придет к иному выводу... Но все равно, вы ни одного эскиза у меня не получите.

— Я потребую именем закона!

— Именем закона я последую с вами в полицию, не без чертежей!— гневно предупредил Игнатъев, взял шляпу и предложил чиновнику выйти из конторы. Карский последовал его примеру. Чиновник замялся, говоря, что незачем ему идти туда с пустыми руками. Игнатъев согласился взять с собой папку с чертежами.

Все трое сели в трамвай. До полиции надо было ехать минут двадцать. Игнатъев продвинулся вперед с папкой в руках, предавшись мыслям об этой кляузной истории. Вдруг он оглянулся и заметил, что Карский соскочил на ходу и побежал через улицу. Сердце вздрогнуло. Неужели измена? Но почему чиновник не погнался за ним?.. Да где же он? И только тут Александр Михайлович заметил, что и полицейский чиновник бежит далеко впереди Карского. Соскочив на полном ходу с трамвая, Игнатъев погнался за ними.

На улицах Берлина происходило нечто небывалое. Пожилым штатский человек гнался за полицейским офицером, сиюсь поймать его. Сотни прохожих немцев останавливались на тротуарах и удивленно, со страхом та-

рашили на бегущих глаза. Полицейский чиновник трижды пересек улицу, лавируя между автомашинами. Карского едва не сшиб мотоцикл. Полисмен пронзительно засвистел и задержал его. Полисмену псказалось, что рассвирепевший или обезумевший штатский покусается на жизнь должностного лица, да еще старшего по чину. Грузноватый Георгий Петрович, тяжело отдуваясь, захлебываясь воздухом, с трудом объяснил полисмену причину столь необычного происшествия. Полисмен не погнался за аферистом и, не поверив техноруку, повел их в участок.

В полиции выслушали и высказали предположение, что сбежавший не иначе как переодетый агент частного бюро детектива, и пообещали разыскать его. На прощанье чиновник полиции сказал предупреждающе:

— Вы будьте осторожны с этим народом.

Очутившись на улице, изобретатель и технорук переглянулись и дружно расхохотались.

— Вот вам и детективный роман. Надеюсь, на этом и кончится охота незадачливых Шютте и Ульмана за моим изобретением,— заключил Александр Михайлович.

Однако он оказался плохим пророком. Вернувшись как-то после недолгой отлучки в лабораторию, он еще издали услышал голос Марии Федоровны, отчитывающей Георгия Петровича.

— Вы и Александр Михайлович и все изобретатели работаете, теряя головы. Вам нельзя доверять даже маленького хозяйства... Нет, видимо, мне надо взять заведывание лабораторией в свои руки и навести в ней порядок... О, вы меня ужасно расстроили, ужасно!

Взволнованный Игнатъев подбежал и спросил:

— Что произошло, Мария Федоровна?

— Ах, Александр Михайлович, наконец-то приехали, здравствуйте! Что случилось?— переспросила Мария Федоровна...— Полчаса назад украли сценарий фильма о вашей технике.

СТОЙКОСТЬ

Почти ежедневно из Москвы поступали радостные вести. Заводы сообщали об удачных испытаниях, правда, не всех резцов, но многих из них, и давали заказы на новые серии инструментов системы Игнатъева. Удовлет-

ворить этот растущий спрос лаборатория не могла, тем более что отходы ее производства были велики. Еще больше таких запросов поступало в Главметалл, который, в конце концов, вызвал Игнатьева в Москву на переговоры.

Собираясь в путь, изобретатель быстро закончил неотложные дела. Он подготовил материал о методе продольной электросварки тонких стальных лент, написал заявку в патентamt и новую доверенность Марии Федоровне для получения патента. Эти меры Александр Михайлович предпринял, чтобы помешать похитителям сценария фильма стать «авторами» новой технологии. Затем он изготовил около ста пятислойных резцов-столбиков, которые, по его мнению, имели наиболее удачную схему. Их слои были соединены с помощью лентосварочной машины лучше, чем это можно было сделать на сварочных машинах любой из немецких фирм.

В Главметалле давно собирались вынести решение о переходе на массовое производство самозатачивающихся резцов, но оттягивали из-за яростного сопротивления противников Игнатьева. Особенно рьяно восставал против оригинальной новинки один из руководителей треста «Электросталь» Бабурин. Он не гнушался никакими средствами, чтобы опорочить достижения Игнатьева. Бабурин называл его изобретение фикцией и нарочно заставлял рабочих резать металл при режимах, которых резцы Игнатьева не могли выдержать. И резцы быстро тупились, гнулись, ломались, либо не показывали эффекта самозатачивания. С другой стороны, значительная доля резцов была неудачна и тупилась даже при соблюдении указанных изобретателем режимов. Через своих ставленников на заводах треста «Электросталь» Бабурин собирал материал против новинки и, выступая на технических заседаниях, сеял среди специалистов недоверие к ней.

Но на этот раз противники разминулись в пути. Приезд Игнатьева в Москву совпал с командировкой Бабурина в Берлин. В торгпредстве Бабурин собирав знакомых сотрудников и клеветал на изобретателя. В беседе с Марией Федоровной он доказывал абсурдность самой идеи самозатачивания и, полагая, что убедил ее, называл эксперименты Игнатьева очковитирательством человека, ищущего легких путей к славе.

— Вы, Мария Федоровна, не сведущи в вопросах техники,—продолжал Бабурин,—поэтому поверили Александру Михайловичу. Я же ему нисколько не верю. Вот зайду в лабораторию, ознакомлюсь с технологией изготовления инструментов и докажу всем, что Игнатьев не своим делом занимается...

Мария Федоровна действительно не знала техники, но в людях она разбиралась очень хорошо, поэтому она взяла телефонную трубку и, позвонив Карскому, приказала сердитым голосом:

— Георгий Петрович, к вам собирается в гости инженер Бабурин. Так вы ни в коем случае не пускайте его в лабораторию, чтобы ноги его там не было, поняли?! — хлопнула трубкой и встала, бледная, гневная.

Бабурин тоже встал, испуганно глядя на нее, хотел сказать ей что-то, но вошел посетитель, и Мария Федоровна занялась им.

В это время сто резцов-столбиков, доставленных Игнатьевым в Москву, испытывались на заводах. И здесь произошли вещи, которые должны были, с одной стороны, порадовать злобствующего Бабурина, а с другой — огорчить его. Недочет, который был замечен еще в Финляндии в многослойных бритвах, обнаружился при испытании резцов с особой силой. Из 100 резцов 85 либо не самозатачивались, либо обнаруживали эффект самозатачивания в очень незначительной степени. Эти резцы оказались по существу браком, причина которого заключалась в диффузии.

Сталь различной твердости, как было сказано выше, имеет различное содержание углерода: от 0,1 процента — железо, до 1,3 процента — самая твердая сталь. Во время электросварки в пластинках металла происходила диффузия, перемещение углерода из одной пластинки стали в другую. Таким образом, мягкая железная пластинка, насыщаясь углеродом, превращалась в стальную. Другие слои лезвия тоже меняли свои качества — одни становились мягче, другие — тверже, и вследствие этого нарушалась вся намеченная «гамма» прочностей. Диффузия была настоящим бедствием для изобретения, но Игнатьев не сдавался. Он проделывал множество опытов, тщетно пытаясь устранить это бедствие. Еще в Финляндии после долгих поисков Александр Михайлович вдруг сообразил, что если сделать заготовки многослой-

ных инструментов из толстых пластинок, а потом путем холодного проката уменьшить толщину заготовок до нужного размера, то «гамма» прочностей не нарушится. Опыт удался, но не полностью. В дальнейшем он был повторен на резцах. В одной и той же партии резцов оказалось, что диффузия появлялась не в одинаковой степени, а у некоторых резцов последней партии ее и вовсе не было.

Пятнадцать резцов-столбиков из ста показали хорошие результаты. Они работали без заточки день, два, три дня, а два резца проработали в присутствии комиссии Главметалла в течение шести дней и укоротились от износа настолько, что их уже нельзя было зажать в державке. За 48 часов эти резцы сняли по три тонны стружки. «Три тонны стружки без заточки резца!» Этот возглас изумления можно было услышать на всех этажах здания Оргаметалла, в цехах московских заводов, куда с быстротой молнии долетала весть о небывалом в истории резания рекорде стойкости инструмента.

Это событие окончательно склонило Главметалл к решению, которое он вынес 13 мая 1927 года:

«Признавая, что в настоящее время состояние опытов с резцами изобретателя Игнатьева дает достаточную уверенность в целесообразности и необходимости эксплуатации этого изобретения в заводском масштабе: 1) Предложить «Электростали» организовать специальный отдел по эксплуатации этого изобретения под общим руководством А. М. Игнатьева; 2) Зачислить А. М. Игнатьева на службу с оплатой ему содержания, как специалиста, по взаимному согласованию; 3) Предоставить А. М. Игнатьеву право на самостоятельность, которая обеспечивала бы ему возможность развернуть массовое производство резцов своей системы; 4) Организовать при заводе «Электросталь» специальный цех по выпуску резцов-столбиков и резцов-кубиков, назначив А. М. Игнатьева начальником этого цеха». Далее в решении предусматривался ряд организационных и финансовых пунктов с указанием календарных сроков их выполнения.

Получив новое служебное удостоверение, Александр Михайлович вернулся в Берлин, чтобы ускорить разбор тяжбы с фирмой «Гефей» и вывезти лабораторию в Москву. Адвокат Весниг ничем не мог его утешить. Он сказал Игнатьеву, что дело все больше и больше запу-

тывается, чему немало способствует рыжий Гельмут. Этот чиновник патентамта утверждает, что Шредер показывал ему эскизы машины гораздо раньше, чем Игнатьев дал фирме заказ. Весниг очень сожалел по поводу утери первичных эскизов лентосварочной машины Игнатьева и расписки чертежника Броунера о получении им этих эскизов для составления чертежей. Броунер готов честно дать в суде свидетельские показания в пользу Игнатьева. Но что может стоить это показание, если в пользу фирмы «Гефей» выступят свидетелями Гельмут, мастера Крумгауз, Клатт и другие?

Расписка Броунера и эскизы, на которых были даты, могли действительно послужить веским доказательством авторства Игнатьева, но бумаги эти потерял сам же Игнатьев. Нескольким раз он перевернул архив лаборатории и бумаги в своей квартире на Фрейгештрассе. Документы словно испарились. Впрочем, было весьма похоже на правду и предположение об их краже, подобно сценарию фильма. Словом сказать, судебное дело не двигалось с места и точно так же застыла на месте организация цеха при заводе «Электросталь». Александр Михайлович выехал в Москву, чтобы хоть там сдвинуть дело с мертвой точки. Это также оказалось нелегкой задачей.

Работник «Электростали» Бабурин, вернувшись в Москву и узнав о постановлении коллегии Главметалла, пришел в бешенство. «Ну, я сделаю так, что Игнатьев сам отвяжется от нас», — сказал он своим приближенным. Эту угрозу Бабурин выполнял тонко и старательно, добиваясь оттяжки утверждения проекта цеха, плана производственных работ, финансирования, подбора штатов и прочее.

СВЕТ И ТЕНИ ЧЕРЕДУЮТСЯ

Неприятности возникали одна за другой, смешивались, запутывались в один клубок и часто трудно было разобраться, отчего тошно на душе, — от разбоя фирмы «Гефей», от тайных проделок Бабурина, от диффузии углерода или от безденежья? В течение года Игнатьев путешествовал из Москвы в Берлин и обратно, пытаясь решить хоть один из этих вопросов, но тщетно. Однако он не складывал оружия, зная, что теневые стороны жизни чередуются со светлыми, более сильными ее сторонами.

ронами, которые рано или поздно одержат победу. Он знал также, что победа одерживается в борьбе, и боролся с неистощимым упорством, всегда чувствуя локти друзей и доброжелателей, их горячее участие в своих делах. Самым большим другом Игнатьева был Горький, с которым он поддерживал нечастую письменную связь. Писал он ему, правда, односторонне — только о своих успехах и радостях, о горестях же... ни слова. Но Горький узнавал сам о невзгодах изобретателя и нередко помогал ему. В каждый свой приезд в Берлин Алексей Максимович не упускал случая побывать в лаборатории Александра Михайловича.

Летом 1928 года Горький без предупреждения посетил берлинскую лабораторию. Когда он зашел в помещение, то застал Игнатьева за испытанием вращающегося резца. Услышав необычный звенящий шум токарного станка, Алексей Максимович еще издали крикнул:

— Догадываюсь по музыке, что сотворили что-то новое.

Игнатьев вскинул голову, узнав знакомый голос. Лицо его вспыхнуло от радости, он быстро выключил станок и кинулся к Горькому. После крепкого рукопожатия Алексей Максимович взглянул на токарный станок, с выражением любопытства сдвинул брови и сказал:

— Это ваша «пушка»?..

— «Мортира», — поправил Игнатьев.

— ...Ваша «мортира», о которой вы мне писали не раз? Ну-те, ну-те, Александр Михайлович, покажите, как она работает.

Изобретатель погладил усы, откинул со лба редющую прядь волос, поправил съехавший набок галстук и ответил гостю:

— Не успели мы и двух слов сказать, а вам уже покажи работу. Нет уж, сначала расскажите, Алексей Максимович, о себе, о том, как вам работается и живется.

— Недурно, спасибо.

Ответ гостя, слишком короткий, не удовлетворил Александра Михайловича. Кроме того, после долгой разлуки надо было задать Горькому кучу накопившихся вопросов, поэтому он пригласил его в контору. Там они побеседовали с полчаса и вернулись к станку.

— А теперь можно и «мортиру» показать, — сказал Игнатьев, энергично крутя маховичок.

Уловив гордость в голосе друга, Горький решил, что он создал нечто необычное, и заметил:

— Говорят, ваша «мортира» режет сталь, как репу.

— Образно, но преувеличенно.

— Если сравнение образно, значит оно в сущности верно, — возразил Горький, желая сказать приятное Игнатьеву и нисколько не подозревая, что никогда и никто не резал репы с такой быстротой и легкостью, как режет сталь «мортира» системы Игнатьева.

«Мортира» состояла из короткой стальной трубки на шариковых подшипниках, вставленных в массивный цилиндрический корпус инструмента. Конец трубки по всему кругу был заострен и превращен в лезвие. Основание корпуса-mortиры привинчивалось к супорту, а из корпуса торчала трубка под углом в сорок градусов, как ствол настоящей-mortиры. «Жерло» — лезвие «mortиры» — резало вращающуюся деталь. Стружка, отделенная от детали, проходила сквозь трубчатый резец и корпус «mortиры». Своим давлением на лезвие стружка вращала трубку.

Солнечный свет падал на токарный станок, отчего до боли в глазах блестела обточенная болванка. Алексей Максимович стал спиной к окну, спрятав лицо в тени широкополой шляпы. Георгий Петрович и Иван Иванович прилаживали конец длинной водопроводной трубы к нижнему отверстию корпуса «mortиры». Для безопасности стружка должна была вылетать сквозь эту трубу в сторону. Закончив приготовления, Александр Михайлович пустил станок, развивая неслыханную скорость, и смело подвел лезвие инструмента к болванке. Стружка оторвалась и с веселым жужжаньем и тонким звоном, резонируя в трубе, вылетела из другого ее конца в угол помещения. Резец издавал непрерывный, очень приятный певучий свист, вращаясь в несколько раз быстрее обрабатываемой болванки. В этом двухголосом пении станка было что-то вдохновляющее, необычайно трогательное, звучащее, как радостная песня торжеству человеческого гения.

Горький наблюдал молча, сосредоточенно сдвигая брови. В глазах его вспыхнули и все ярче загорались огоньки ненасытного любопытства. А когда он заметил,

с какой ошеломляющей скоростью растет куча стружек в углу цеха, то по-юношески заснял, заволновался, переводя взгляд то на «мортиру», то на Игнатьева. Потом тихо и со свойственной ему задушевностью сказал:

— Теперь я понимаю, почему многие не верят вашим достижениям...

— Почему?

— Нельзя поверить всему этому, не видя глазами. Фантазия почище уэлсовской.

Пройдя резцом вдоль болванки несколько раз и сделав ее заметно тоньше, Игнатьев остановил станок и начал объяснять Алексею Максимовичу принцип работы «мортиры».

— Инструмент резал сталь со скоростью свыше ста метров в минуту,— говорил изобретатель, охваченный радостным возбуждением.— «Мортира» выдержала этот темп, так как благодаря вращению непрерывно менялись участки режущей кромки. Каждый сектор кольцеобразного лезвия десятую долю секунды резал, нагреваясь, а девять десятых долей секунды совершал круг, охлаждаясь. Кроме того, трубчатая форма прочнее прямоугольной,— отчего кости животных, бамбук имеют трубчатую форму,— поэтому лезвие заточено под более острым углом, нежели у резцов с прямоугольным сечением. Острота же лезвия уменьшает трение, а следовательно, и нагрев резца. Таким образом, оба условия дают лезвию возможность меньше нагреваться и оставаться твердым при очень высоких скоростях. Стружка тоже отличается от обычной. Она почти прямая, и структура ее не разрушена. Этой «стружкой» можно было бы, например, связать, вместо проволоки, прессованное сено, помня конечно, о том, что можно порезать ею руки. Объясняется эта прочность стружки тем, что встречное вращение лезвия противодействует стружке и не дает ей завиваться.

— А какова высшая скорость резания существующих резцов?— поинтересовался Горький.

— У лучших резцов тридцать метров в минуту,— ответил вместо Игнатьева Иван Иванович,— а «мортира» дает больше ста метров в минуту. Александр Михайлович не сказал вам главного, а именно, что в истории техники подобной скорости резания стальной детали не было.

— Превосходно и даже волшебное... Рад, рад вашему

успеху,— сказал Горький, пожимая руку взволнованному Игнатьеву.

— Спасибо... Я безмерно счастлив, Алексей Максимович, что моя работа прилась вам по душе, поэтому хочу похвастаться другой своей работой,— сказал Игнатьев, подводя гостя к лентосварочной машине.

Горький хорошо помнил рассказ изобретателя в день открытия лаборатории о том, как он сел не в свой поезд, сошел где-то на пустыре и в ожидании встречного поезда додумался до формулы «ток перпендикулярен давлению», легшей потом в основу схемы новой машины и прессы. Теперь перед ним стояла приземистая лентосварочная машина со множеством рычажков и маховичков. Пять мотков стальных лент были надеты на круги специальных стоек, расположенных недалеке. Ленты тянулись к машине, смыкаясь в ее рабочей части.

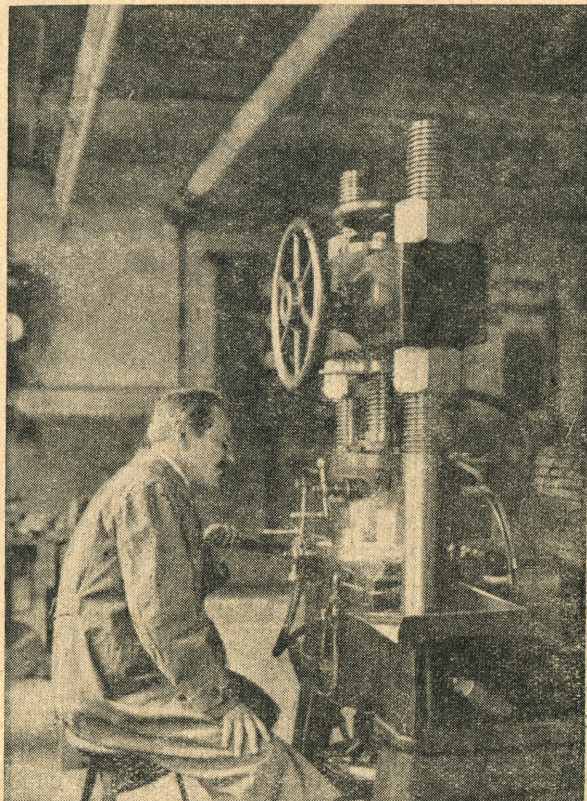
Игнатьев включил ток, что почувствовалось по глухому ровному гудению машины. Промежуток лент, находящийся в ее рабочей части, быстро накалился почти добела. Вслед за этим тотчас же завернулись две пары вальцев, подтягивая ленты, крепко обжимая их и выпуская с противоположной стороны в виде монолитной штанги. Пять лент на глазах у Горького сливались в одно целое. Сначала это происходило сравнительно медленно, со скоростью одного метра в минуту, потом скорость постепенно возросла до пяти метров в минуту. Великий писатель следил за этим захватывающим зрелищем с еще большим интересом, чем за работой «мортиры». Это было зрелище не только удивительное, но и поразительно красивое. По мере прохождения через вальцы ленты приобретали все оттенки накала, отбрасывая отсветы разной силы яркости на части машины, усиливая красноватыми бликами выражение счастливой одухотворенности на лице изобретателя.

Выключив станок, Игнатьев пригласил Горького к прессу своей же системы. На нем сварка происходила непрерывно, а отдельными частями, но зато сразу можно было сварить большее количество пластинок. Александр Михайлович сложил в пачку 15 тонких стальных пластинок, сварил их и, взяв щипцами уже монолитный кусок металла, показал гостю.

— Заметьте, Алексей Максимович, что мировая техника не знала также и подобных темпов электросвар-

ки, — сказал Георгий Петрович. — Что бы ни говорили противники Александра Михайловича, а увиденные вами две, пусть даже экспериментальные, скорости — резания и электросварки — большое достижение русской науки.

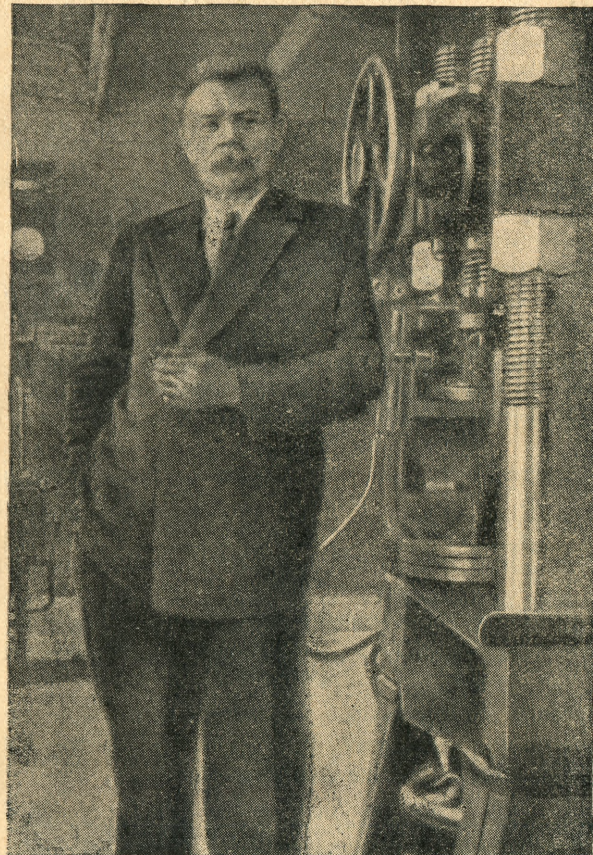

А. М. Игнатьев за работой у своего лентосварочного пресса

Горький остался очень доволен и этим изобретением Игнатьева. Он начал задавать ему вопросы, вникая во все детали его метода электросварки.

В мастерскую вошел человек, одетый в форму служащего электростанции. Тень беспокойства промелькнула на лице Александра Михайловича. Технорук подбежал к посетителю, чтобы тот не вздумал подойти к со-

беседникам. Через минуту он начал делать знаки, зовя Игнатьева. Извинившись перед Горьким, Игнатьев отошел, не скрывая своей досады. Гостем занялся Иван Иванович, отвечая на его многочисленные вопросы. Не-

А. М. Горький у лентосварочного пресса Игнатьева

мец энергично жестикулировал, доказывая что-то. Игнатьев и Карский говорили очень миролюбиво, стараясь, как видно, успокоить сердитого посетителя. Горький заметил это и догадался о сути разговора, хотя слов их не слышал. Когда Игнатьев вернулся к нему, он спросил:

— У вас нужда в деньгах?

Александр Михайлович слегка смутился. Да, денег не было. Суммы, выделенные Главметаллом, он получал маленькими частями с большими перебоями. «Действовал» Бабурин.

— Не беспокойтесь, Алексей Максимович, деньги будут...

— Много задолжали электростанции?

— Тысячу семьсот марок.

— И рабочим лаборатории три тысячи пятьсот, — вставил Георгий Петрович.

Игнатьев недовольно взглянул на него. Но технорук сделал вид, что не понял выражения его взгляда, и добавил:

— Хозяева электростанции грозятся выключить ток, между тем как наши опыты сварки быстрорежущей стали в разгаре.

— Прискорбно, друг мой, и вижу, нелегко вам, однако опыты не должны быть прерваны, — обратился Горький к Игнатьеву... — Кстати, как обстоит дело с вашей тяжбой?

О суде Игнатьев не писал ему, но Алексей Максимович сам узнал через общих знакомых. Изобретатель рассказал, как чиновники имперского «правосудия» осложняют, запутывают ясное дело. Горький слушал, ссутулившись, чуть приподняв худые, острые плечи и, сильно хмурия брови, качал неодобрительно головой.

— Вам бы поскорее надо перебраться в Москву, — сказал он.

— Давно хочу, но, к сожалению, пока еще не могу. Связан той же судебной волокитой. Нельзя покидать совсем Берлина, пока не выиграю дела.

— И выиграете, не огорчайтесь, — произнес с ободряющей уверенностью Горький. — А теперь я бы хотел иметь на память снимки ваших машин.

Готовых фотографий не было, но у Карского имелся фотоаппарат. Он заснял Игнатьева у сварочного пресса, затем у этого же пресса заснял Алексея Максимовича и обещал к вечеру доставить ему фотографии.

Горький попросил, чтобы разыскали шофера советского полпредства, который привез его. Он собирался ехать.

— Принесите Алексею Максимовичу из конторы плащ, — обратился Игнатьев к Карскому.

— Не надо, мы зайдем туда, — возразил Горький.

В конторе он сел в кресло и попросил ручку. Затем он достал из кармана маленькую тонкую книжку, открыл ее, опустил перо в чернила и вывел на листке книжки раздельными буквами слова: «Десять тысяч рейхсмарок».

— Что это? — забеспокоился Игнатьев.

— Чек.

— Что вы, Алексей Максимович, не нужно, я скоро, совсем скоро получу деньги.

— Очень хорошо, а эти — пригодятся сейчас.

— Безмерно благодарен вам, но я не имею права... я не могу принять этих денег...

— А я не могу оставить их себе. Чек уже выписан.

Игнатьев испытывал чувство неловкости, почти стыда. Он горячо доказывал, что никакой беды не случилось, что все обойдется, ибо не сегодня, так завтра «Электро-сталь» сделает перевод. Но Алексей Максимович не внял его отговоркам.

— Опыты не должны быть прерваны! — повторил он еще раз уже сказанную им фразу и встал.

Изобретатель с трудом сдержал спазмы в горле, глаза его увлажнились, заблестели. Горький отвел от него взгляд, сделав вид, что не замечает его волнения. Игнатьев не искал ярких слов благодарности за помощь, за дружбу, за то, что Горький такой, какой он есть, — он тихо произнес только одно простое, обыкновенное слово:

— Спасибо!

СУД

Директор завода «Гефей» Крумбюгель и главный инженер Шредер сделали новую попытку продать Советскому Союзу серию лентосварочных машин. В этой сделке немцев интересовала не столько денежная выгода, сколько то, что актом покупки машин торгпредство СССР фактически признало бы их авторами изобретения. Но немцам не повезло. Их неблагоприятная попытка совпала с вмешательством в дело «Игнатьев — «Гефей»» влиятельных лиц из советского полпредства и торгпредства, с которыми Горький повстречался. Но Игнатьев тоже не сидел сложа руки. Он выехал в Москву и взял советский патент на свой метод электросварки. Таким образом, защиту авторских прав изобретателя Советское государ-

ство брало на себя. Об этом уведомил следователя имперского суда юрист торгпредства и начал сотрудничать с адвокатом Игнатьева Веснигом.

Почувяв опасность, Шредер и Крумбюгель приняли меры для контратаки. Они завербовали новых лжесвидетелей, придумали новую версию, не фигурировавшую на первом судебном разбирательстве. «Свидетели» показывали, что Игнатьев принес на завод чертежи своей конструкции со схемой обыкновенной электросварочной машины. Шредер же и Крумбюгель де внесли в них схему «ток перпендикулярен давлению», что собственно и является сущностью изобретения. Это утверждение «свидетелей» можно было легко опровергнуть с помощью первичных эскизов машины, если бы они не были утеряны или украдены.

Спустя несколько месяцев после взятия советского патента Игнатьев вновь выехал в Москву добиваться освоения проката ленты быстрорежущей стали на заводе «Электросталь». Что же касается цеха для производства резцов, то Бабурин и другой ответственный работник треста Каналенков сперва всякими проволочками оттягивали строительство, а затем стали открыто препятствовать ему. «Металлургия и режущие инструменты на нашем заводе — чужеродное тело, заноза!», — говорил Бабурин на коллегии Главметалла и эти же слова повторил изобретателю в своем кабинете.

— Почему же вы сразу не сказали об этом, а морочили мне голову? — вскипел Игнатьев.

— Говорил много и кому надо, а вам не обязан докладывать.

— Вы это могли сделать не по обязанности, а из чувства элементарного такта.

— Вы мне не читайте морали, потому что...

— Потому что бесполезно? — перебил Игнатьев. — Хотите сказать, что бесполезно ожидать от вас такта, вежливости, просто честного отношения к делу?

Невозмутимый Бабурин вдруг побагровел, навалился грудью на край стола и, выпучив глаза, заорал:

— Я не позволю разговаривать со мной таким тоном!

— Вы умышленно нарушали режимы резания, чтобы мои резцы горели, ломались, чтобы скомпрометировать мое изобретение...

— Это ложь, сплетня!

— Вы сознательно вредили делу!.. — не унимался Игнатьев.

— Довольно! — ударил кулаком по столу Бабурин и встал.

— Чтобы окончательно не погубить изобретение, я отныне порываю с трестом «Электросталь», потому что в нем сидят такие люди, как вы!

— Сделайте одолжение!

— И сделаю!

— Только не забудьте представить документы о подотчетных суммах, — бросил вдогонку уходящему Игнатьеву Бабурин, наливая дрожащей рукой воду в стакан.

Изобретатель хлопнул дверью, раздумывая над вопросом: был ли Бабурин вредителем, врагом или он принадлежал к числу мелких завистников, которым чуждо все новое и которые не терпят чужих успехов. Прошло несколько лет, и Игнатьев убедился в том, что Бабурин действительно не терпел чужого успеха.

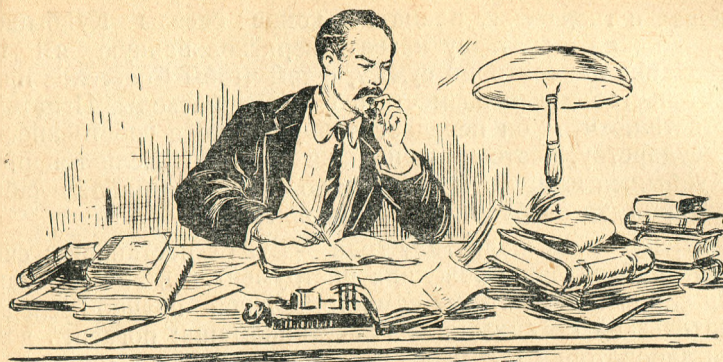
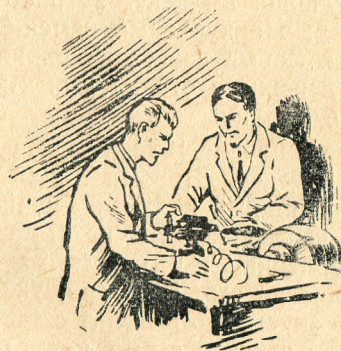
Документы о подотчетных суммах не сразу нашлись. Игнатьев часто по рассеянности совал разные бумаги в такие места, что потом находил их с большим трудом. Он перерыл все бумаги в ящике стола, на подоконнике, в книжном шкафу. Почти на каждой полке за книгами лежали свернутые трубками бумаги. Вдруг он обнаружил среди этих свертков то, что всеми считалось потерянным. Сердце застучало... Нет, не финансовые это были документы — они нашлись в другом месте, а эскизы лентосварочной машины. А он, горемыка, искал их в Берлине. Вместе с эскизами оказались и две расписки чертежника Броунера о получении им денег за работу и фотокопии эскизов, на которых аккуратный немец-фотограф поставил дату съемки. Забыв все свои неприятности, изобретатель передал денежные отчеты «Электростали», а сам спешно выехал в Берлин.

Суд состоялся в начале 1929 года. Из двух ответчиков пришел один — Шредер. Это был тощий немец с бегающими, глубоко сидящими глазами. Он начал упорно доказывать, что в чертежах истца не было схемы «ток перпендикулярен давлению» и что схема эта была внесена в чертеж Броунером по его, Шредера, указанию. Броунер сказал гневно — «пусть его выгонят с завода «Гефей», но он не отступит от истины: схема «ток перпендикулярен давлению» в конструкции господина Игнатьева была». В

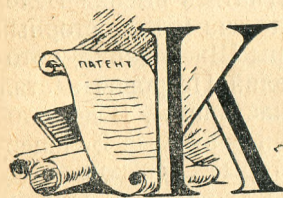
защиту русского ученого выступили также рабочие его лаборатории Венцель и Кайбер. Шредер выставил против них десять свидетелей, среди которых был рыжий Гельмут. Он показал суду заявку Шредера и Крумбюгеля на лентосварочную машину с датой более ранней, нежели дата первого посещения Игнатьевым завода — «Гефей». Адвокат Весниг заявил, что дата поставлена задним числом, поэтому заявку следует рассматривать как фальшивку. Адвокат Шредера и Гельмут заявили протест против поведения Веснига, требуя от него доказательств своих слов. Весниг сказал, что Гельмут был некогда выставлен Игнатьевым из лаборатории за непристойное предложение, поэтому он не может считаться объективным свидетелем. Шредера же и его адвоката Весниг не раз ставил в тупик, а под конец нанес им удар, решивший исход дела. Он представил судьям найденные эскизы, их фотокопии и расписки Броунера. К ним была приложена судебно-техническая экспертиза, подтверждающая, что эскизы эти соответствуют схеме изготовленных заводом «Гефей» лентосварочных машин. Фотокопии были помечены более ранней датой, чем заявка Шредера и Крумбюгеля.

Перед лицом неопровержимых фактов и документов имперский суд вынужден был признать приоритет русского ученого. Согласно решению суда Игнатьев получил германский патент на лентосварочную машину и пресс за номером 500624.

Глава седьмая

ГОРИЗОНТЫ РАСШИРЯЮТСЯ

КОЛЛЕГИЯ Главметалла рассмотрела заявление Игнатьева о его освобождении от работы в тресте «Электросталь». Недостойное поведение Бабурина было единодушно осуждено, но в вопросе о строительстве цеха мнения разошлись. Раздались голоса о том, что стальные ленты для резцов прокатывать можно, но само по себе производство резцов на металлургическом заводе — явление несуразное. Александр Михайлович поддержал эти голоса, говоря, что изобретение его находилось в тресте на положении пасынка. Денег, полагающихся по договору, не выдают, лаборатория задыхается от непомерных долгов. Инструментальный цех должен быть при инструментальном заводе, дабы люди, подобные Бабурину, не косились на него. А более всего было бы целесообразно на первых порах самостоятельное существование лаборатории в Москве. Коллегия Главметалла согласилась с ним и постановила перевезти лабораторию из Берлина в Москву.

О решении доложили председателю Высшего Совета Народного Хозяйства Куйбышеву. Валериан Владимирович вызвал изобретателя и подробно расспросил о его

делах и творческих планах. В конце беседы Куйбышев предложил Игнатьеву назвать израсходованную им на создание лаборатории сумму, с тем чтобы Советское правительство могло возместить ему эти расходы. Игнатьев ответил, что он передает лабораторию в собственность государству, поэтому денег не возьмет. Если товарищ Куйбышев выделит необходимую смету для работы лаборатории, то он будет вполне удовлетворен.

Вскоре — в июле 1929 года — ВСНХ постановил: считать лабораторию режущих инструментов и электросварки системы Игнатьева самостоятельной научно-исследовательской организацией Главстанкомаша; погасить долги лаборатории в сумме 116 тысяч германских марок; выделить 207 тысяч рублей на покупку дополнительного оборудования для лаборатории и ее текущих расходов в 1929 году. Ввиду того, что комиссии по составлению сметы не удалось установить точно все нужды лаборатории, считать смету ориентировочной.

Получив текст этого решения, Игнатьев вызвал Белоцерковца в гостиницу Метрополь, где снимал просторный номер, — он давно ушел с квартиры Шведчикова, который вернулся из-за границы. Анатолий Петрович застал друга в возбужденном состоянии, счастливым. В помолодевших серых глазах его ярко горели знакомые Белоцерковцу «игнатьевские» огоньки, которые вспыхивали у изобретателя в минуты рождения большой идеи, жажды творчества. Александр Михайлович ходил из угла в угол мелкими, частыми шагами и рассказывал сидящему на диване Анатолию Петровичу о своих делах. Говорил о Горьком, о победе над фирмой «Гефей», об уходе из «Электростали», о встрече с Куйбышевым и о результатах этой встречи. Белоцерковец с выражением изумления на лице слушал его, приговаривая: «Здорово, здорово, прекрасно!» В заключение изобретатель показал гостю постановление ВСНХ. Анатолий Петрович прочел текст и сказал:

— Драгоценный документ! Это то, о чем ты мечтал.

— Ты понимаешь, Толя, что теперь у меня будет, если сам Куйбышев заинтересовался моим изобретением? — спросил Игнатьев и сам же ответил: — Будет простор, широта, настоящий размах исследований и опытов. До сих пор меня заставляли делать только резцы. А это ведь неправильно, — правда, я пробовал делать еще бриг-

вы, ножи, но это пустяки, — неправильно потому, что надо было двигаться более широким фронтом: изготавливать разнообразнейшие инструменты по камню, дереву, горному делу — поскорее развивать производство тех видов, которые наиболее удались и нужны промышленности. Резцы же по металлу оказались самыми капризными, самыми трудными в изготовлении из-за точности их лезвия, строгости режимов работ, разнообразия физических свойств обрабатываемых материалов.

Игнатьев жестикулировал обеими руками и говорил о своих планах так горячо, что Белоцерковец заразился его энтузиазмом и начал сам развивать отдельные его мысли.

— Насчет камня и горного дела ты прав, надо заинтересовать соответствующие организации и поставить их опыты, — сказал он.

— Разумеется, инструменты горные и по камню работают как бы в точильной среде, осуществить их самозатачивание, очевидно, будет легче, нежели у инструментов по металлу.

— Надо привлечь внимание строителей, архитекторов, горных инженеров, нефтяников, нужно тебе организационно развернуться, а то Главметалл зажал тебя в узкой проблеме, и ты не видел просторов...

— Толя, знаешь, зачем я позвал тебя? — перебил Александр Михайлович, — чтобы уговорить тебя перейти ко мне на работу. Ты ведь по образованию путеец-электрик, а по опыту строитель. А у меня электросварочные работы займут половину объема всех дел лаборатории; что же касается строительства, то будешь строить завод, как мы раньше уговорились. Но я хочу, чтобы ты возглавлял всю организационную и административную работу в лаборатории. Давай работать вместе, Толя, согласен?

Белоцерковец ожидал этого вопроса. Он подумал и ответил:

— Я строю завод, где дел мне хватит еще года на полтора.

— Ах, досада!

— Что делать? Бросить стройку сейчас никак не могу.

— Не надо... Ну, потерплю, Толя, если ты даешь слово.

— Потерпишь? Тогда я буду попрежнему весь твой.

Говоря «попрежнему», Анатолий Петрович имел в виду далекие годы юности, когда они были неразлучными друзьями. Александр Михайлович понял это и был очень тронут. Крепким рукопожатием они молча скрепили договор. Снова союз, прочный, сцементированный большими творческими замыслами, товарищеский союз на всю жизнь!..

В дверь постучали. Вошел курьер, вручил Игнатьеву конверт со штампом Наркомфина и ушел.

— Что это? — удивился изобретатель, — не успел я еще перебазироваться в Москву, а Наркомфин уже налогов хочет?

В конверте оказались две выписки из решения коллегии Наркомфина. В первой выписке говорилось о том, что согласно указанию Советского правительства Игнатьев премируется за свои изобретения деньгами в сумме 100.000 рублей. Вторая выписка была справкой для местного финотдела о том, что премия Игнатьева освобождается от государственных налогов.

— Не было ни гроша, и вдруг алтын! — воскликнул ошеломленный изобретатель.

— Хорош алтын. Сто тысяч для тебя — астрономическая сумма! — сказал не менее удивленный Белоцерковец.

— Подозреваю, что это инициатива Куйбышева. Придумал же Валериан Владимирович предложить деньги таким способом, чтобы я не смог отказаться от них.

— Ничего, ты бери, деньги не пропадут.

— Разумеется... О, идея, Толя, давай выпьем! Выпьем за здоровье товарища Куйбышева, за процветание лаборатории, за нашу совместную плодотворную работу!

Игнатьев нажал на кнопку звонка. В дверь постучались, и вошел Валериан Иванович Богомолов, некогда носивший в Боевой группе кличку «Чорт».

— О, а я думал официант такой быстрый! Пришли очень кстати, будем пировать, — сказал Александр Михайлович, приветствуя гостя. Богомолов был инженером, работал в Центральном бюро рабочего изобретательства, знал все о делах Александра Михайловича и помогал ему. Он пришел поздравить друга с премией и побеседовать о планах работ.

Официант накрыл стол, поставил закуску, вина, конь-

як. Игнатьев налил гостям в рюмки коньяку, а себе кагор. Те решительно запротестовали.

— Не могу, врачи запретили пить водку и коньяк, — оправдывался изобретатель. — Десять лет — с 1919 года — как меня временами беспокоят головные боли. Все некогда было ходить к врачу. Наконец, на днях пошел и узнал, что у меня «сердечная недостаточность». Что это такое, не знаете?

— Порок какой-то. Смотрите не запускайте, — посоветовал Богомолов.

— А я всегда был уверен, что у меня, так сказать, «сердечные излишки», а тут нате вам — «недостаточность»... Ну, бог с ним, с сердцем, — сказал Игнатьев, подняв рюмку. — Выпьем!

КАМЕНЬ ЗА ПАЗУХОЙ

Лаборатории отвели помещение в доме номер 4 по Лучниковому переулку, между Мясницкой и Маросейкой. Начали набирать людей.

В марте 1930 года приступили к монтажу оборудования. Как-то утром, стоя среди нераспакованных еще станков, Игнатьев отдавал приказания об их расстановке. Вдруг он услышал знакомый голос:

— Можно повидать Александра Михайловича?

Игнатьев обернулся и пошел навстречу посетителю, простирая руки:

— Верещагин, друг мой, Николай Федорович, сколько лет не виделись! — сказал он, обнимая бывшего матроса.

— Да уж поболее четырех лет будет, как не виделись, — ответил Верещагин, подняв вздернутый нос и сияя от радости. Он мало изменился, говорил все так же неторопливо, скупясь на слова. Игнатьев спросил:

— Как же вы поживаете, что у вас нового? Рассказывайте.

— Что уж мне рассказывать? Работаю на бетонном заводе. Вчера прочитал в газете, что привезли лабораторию, вот и приехал вас повидать. Лучше вы о себе расскажите, у вас дела-то поинтереснее моего, созвучнее протекают.

— Созвучнее, говорите? — рассмеялся Игнатьев, хлопав по плечу Верещагина. — Друг мой, вы не представляете, какое «несозвучие» терпели мои дела, по ка-

ким ухабам и колдобинам пробивался я к цели в эти годы. Только сейчас наладилась жизнь. Написать бы обо всем книгу, да вам известно, не люблю я писание.

— Верно, Александр Михайлович, сколько я вам слал писем, а вы ответили раза три.

— Виноват, виноват перед вами, Николай Федорович, надеюсь, теперь буду отвечать на все ваши вопросы тотчас же, потому что будем работать вместе, не так ли?

— Я про это и хотел спросить вас. С вами приятно работать, Александр Михайлович.

— С вами тоже. Вот что я вам скажу, Николай Федорович, я привез сюда немца Венцеля — мастера по сварке. Платим ему валютой. Сами понимаете, что, чем скорее немца отправим обратно, тем лучше. Я поставлю вас к Венцелю помощником, а вы обещайте мне месяца за три освоить профессию рабочего на лентосварочной машине и прессах.

Верещагин обрадовался и сказал:

— Спасибо большое вам. Был на войне я наводчиком вашего зенитного прибора, стану теперь механиком вашей электросварочной машины.

— Прекрасно, идемте в контору, оформитесь на работу.

После Верещагина в разное время были приняты на работу инженеры Николай Куприянович Четвериков, Владимир Александрович Рогозинский, Валериан Иванович Богомолов, Николай Александрович Бухман, Николай Владимирович Соколов и другие. Внутри лаборатории было создано несколько маленьких лабораторий — по металлографии, электросварке, резанию. Коллектив разделили на группы по отраслям: металлорежущих инструментов, деревообделочных, горных, кожевенно-текстильных. В общую программу работ записали изготовление резцов, сверл, фрез по металлу; сегментов уборочных машин, лемехов, плугов, предплужников, ножей для жаток; топоров, пил, фуговочных ножей, стамесок; ножей мездрильных для вырезки кожи, стрижки ворса; ленточных и дисковых пил, скапелей, бочардов и шпунтов для обработки камней; горнорудных инструментов — буровых коронок, зубьев врубных машин, долотьев и т. д.

О такой программе работ мечтал изобретатель, когда просил о выделении лаборатории в самостоятельную ор-

ганизацию, не зависящую от ведомства с узкими задачами.

Георгий Петрович и Иван Иванович не вошли в новый коллектив лаборатории. Первый серьезно заболел и не мог работать; второй по совместительству был консультантом по закупке оборудования и остался в аппарате торгпредства. Отсутствие этих специалистов на первых порах тормозило развертывание опытов, но москвичи дружно, со страстью взялись за дело, и работа пошла.

Спустя год с лишним Игнатьева вызвали на заседание коллегии Главка с докладом. В первую минуту изобретатель слегка оробел, увидя столь многочисленное собрание. За длинным накрытым зеленым сукном столом сидело, кроме членов коллегии, множество крупных инженеров, специально приглашенных. Были основания ожидать нападков на изобретателя со стороны некоторых из них, особенно со стороны Комаровского, но этого не случилось. Месяцев девять назад на одном из заседаний экспертов ВСНХ Комаровский грубо обрушился на Игнатьева, вместе с друзьями учинил суд над изобретателем, потом потребовал, чтобы его удалили из помещения для вынесения решения о судьбе изобретения в его отсутствие. Профессора Бриткин и Мартенс осадили Комаровского. И эксперты решили вопрос в пользу изобретателя. Теперь Комаровский сидел молча. Заседание протекало в деловой обстановке, и те, кто обычно критиковал работы Игнатьева, не подавали признаков недоброжелательства. Выслушав доклад о ходе научно-исследовательских работ лаборатории, коллегия одобрила ее деятельность. И когда с этим вопросом было закончено, вдруг руководитель Главка спросил, обращаясь к докладчику:

— А что вы можете сегодня предложить нам для массового внедрения в промышленность?

— Резцы-кубики и резцы-столбики, только двуслойные.

— А многослойные?

— Они пока невыгодны, если позволите, доложу по чему.

— Доложите.

— Диффузия углерода в тонких пластинках дает большой процент нарушения градиции прочностей, а сле-

довательно, и нарушения эффекта самозатачивания, — начал Игнатьев. — Сваривая относительно толстые слои углеродистой стали, мы почти полностью устраняем вредное действие диффузии, но тогда приходится слишком толстую заготовку резца делать тоньше путем холодного проката. Это приводит к другому недочету: резцы обходятся очень дорого. Меня могут спросить: почему же так, если по подсчетам Научно-исследовательского института машиностроения повсеместное внедрение этих резцов сэкономит государству свыше ста миллионов рублей в год? Да, сэкономит, если многослойные резцы будут стоить не дороже обычных. Пока же, при современном уровне техники, они обходятся настолько дорого, что преждевременно добиваться их массового применения.

Совсем иное дело с двуслойными резцами. Их можно изготовить просто, дешевле обычных и с большой выгодой в работе, но они будут как бы слишком самозатачиваться и тут не обойтись без того, чтобы подточить их твердый слой примерно с такой же периодичностью, с какой приходится затачивать обычные резцы. Многослойные резцы не удалось сделать из более стойкой быстрорежущей стали, в которой, кроме углерода, содержится вольфрам, ванадий, кобальт, хром и т. д. Трудно из этой стали составить желаемую градацию прочностей, приварить пластинки, и почти невозможно прокатывать ее в холодном состоянии. А двуслойные резцы из быстрорежущей и простой стали мы изготовили без труда, и они показали хорошие результаты, — Игнатьев извлек из портфеля штук шесть сверкающих брусков, которые пошел по рукам.

— Какие плюсы у этих инструментов против обычных? — спросил один из членов коллегии.

— Я приведу данные из актов специальной комиссии НИИМАШ и машиностроительного завода. На этом заводе нормальные резцы обрабатывали одну деталь за 51,5 минуты, а резец-столбик — за 25 минут, другую деталь соответственно — 60 и 36 минут. Если принять количество быстрорежущей стали на сплошном резце за 100 процентов, то на наварном резце будет 33 процента, а на резце-столбике — 6,7 процента при одинаковом объеме работ. На один час резания дорогостоящего металла на сплошном резце расходуется 36,5 грамма, на

наварных — 11,6 грамма и на резце столбике-кубике 2,08 грамма. На каждой тысяче станков при двусменной работе наши резцы сэкономят около четырех миллионов рублей в год. Учитывая эти выгоды, заводы «Красный пролетарий», имени Карла Маркса, «Красный путиловец» и другие начали применять наши резцы и настойчиво требуют от лаборатории увеличения поставок.

Инженер Комаровский сидел напротив изобретателя. Он протянул руку через широкий стол к актам комиссии резания, нахмутив свое желчное лицо, внимательно изучил подписи под ними, иронически повел усом и молча вернул бумаги. Двое из подписавших акты выступили, поддержав докладчика. Начальник Главстанкомаша спросил Александра Михайловича:

— Вы совсем оставили мысль о многослойных резцах?

— Нет, не оставил. Лаборатория продолжает свои поиски.

Наступила тишина, показавшаяся Игнатьеву очень напряженной. Между тем люди шопотом спокойно обменивались мнениями. Инженер Комаровский вдруг обратился к изобретателю:

— А как обстоит дело в отношении твердых сплавов? Не думаете ли вы, что их развитие грозит жизненности, долговечности вашего изобретения?

У Игнатьева больно кольнуло в сердце. Он вспомнил диагноз — «сердечная недостаточность». Вопрос был задан спокойным голосом, и мало кто заметил в нем ядовитый оттенок. «Грозит жизненности, долговечности изобретения?». Это был камень, который держал за пазухой Комаровский. Вот почему он и его сторонники сидели на этот раз тихо, мирно. Теперь камень был брошен... «Грозит жизненности, долговечности...» Да, грозит, об этом думал Игнатьев, но выхода пока не нашел.

— Лаборатория начала опыты с твердыми сплавами для инструментов по камню, — сказал изобретатель.

— Меня интересуют только резцы.

— Думаем и с резцами начать опыты.

Голос Игнатьева прозвучал неуверенно, вяло. Один из противников изобретателя поерзал на месте, поднял руку, прося слова, собираясь, очевидно, атаковать Игнатьева. Комаровский тоже поднял руку. Однако председатель не дал им слова. Члены коллегии Главка приняли к сведению ответ Игнатьева и вынесли решение ходатайствовать

перед правительством о строительстве завода резцов системы Игнатьева, избрав ориентировочно местом стройки Харьков.

ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ

Что, собственно произошло на коллегии: одержал Александр Михайлович победу или очутился в преддверии поражения? На этот вопрос он не мог ответить. Радость в связи с тем, что завод будет построен, и тяжелый осадок в связи с вопросом о долговечности изобретения смешались в какое-то мутное, неопределенное чувство. Чтобы разобраться в этом чувстве, следовало бы отделить в душевном хозяйстве отрадное от горечи, взвесить и оценить их порознь, а затем уже действовать.

Из Главка Александр Михайлович вернулся в Метрополь очень поздно. Войдя в номер, он зажег настольную лампу и невольно залюбовался мягким, уютным светом, падавшим от зеленого абажура. Он сел под этот свет за письменный стол, подпер щеку ладонью и, глядя немигающим взглядом в одну точку, продолжил прерванную думу...

Люди, мечтавшие о передвижении по земле сверхвысокими скоростями, изобретали шаропоезда, аэровагоны, пути-тоннели с разреженным воздухом и тому подобное. Иные из проектов были, несомненно, талантливы и вошли бы в обиход человечества, не родись авиация. Самолеты выгодно решили вопрос сверхскорого передвижения, сдав эти проекты в архив истории техники. Подобно авиации, идя наперекор различным, часто очень талантливым новинкам в инструментальном деле, наступали твердые сплавы. Наипрочнейшие стальные резцы выдерживали скорость в 30 метров в минуту, а резцы с лезвием из твердого сплава давали до 100 метров. И были люди, утверждавшие, что будущее узнает скорости в 400 — 500 метров в минуту. Впрочем, их осмелили те же специалисты, которые смеялись и над Игнатьевым.

Но сам Игнатьев чувствовал в новых сплавах большую, не вскрытую еще силу, перед которой никакое стальное лезвие, даже «мортира» не устоит. И в этом факте для него было что-то катастрофическое. Ведь все созданное им до сих пор — стальные инструменты!

Развитие режущих инструментов, начиная с первобытных времен, шло двумя основными путями: улучшения

геометрических форм лезвия и повышения прочности материала лезвия. Игнатьев нашел третий путь — самозатачивание. Появись его открытие полвека назад, еще до рождения твердых сплавов, ничто не могло бы соперничать с его многослойкой, или мортирой. Но теперь появился некий «самолет» в инструментальном деле — твердый сплав, и все его труды могут полететь насмарку. Новое грозило новому! Две новинки вступили в соревнование, где победа одной из них — твердого сплава — была несомненна.

Многие называли в шутку, а то и всерьез, трест твердых сплавов «конкурентом» Александра Михайловича. Это слово всегда больно кололо его сердце, вызывая чувство, похожее на сожаление, немного — на зависть, отчего становилось вовсе нехорошо на душе. Игнатьев отдал полжизни совершенствованию лезвий. Но разве не за то же борются творцы новых сплавов? Почему же они вызывают у него недоброе чувство? Почему он, поборник передового, создав новое, чувствовал нечто вроде неприязни к новому же? Уж не потому ли, что оно не им было создано?.. Вероятно, ему было бы хорошо, если бы на свете не было твердых сплавов. Ему?.. Нет, нет, не ему, а какому-то другому существу, которое вселилось в него вместе с приходом славы изобретателя. И чувство уязвленного самолюбия испытывал не он, а другое «существо», именуемое Славой.

Здесь Игнатьев впервые понял до конца природу нечестных, подлых поступков Чернавского, Комаровского и им подобных. Ведь они отрицали новое потому, что оно принадлежало не им, а Игнатьеву, потому что новое выступало как отрицание сделанного ими, их многолетнего опыта, их идей. То, что они создали, может быть даже выстрадали, могло погибнуть в случае признания верности идеи Игнатьева, поэтому они ревностно отстаивали свое, только свое, не брезгуя ничем для того, чтобы дискредитировать «соперника», втоптать его в грязь.

Словно испугавшись чего-то, Александр Михайлович откинулся от стола, встал и в смятении зашагал по комнате. Сумерки по углам ее и мягкий, зеленоватый свет над столом, тишина майской ночи и этот уход в мир неожиданно возникшей душевной неразберихи обострили мысль. Он постарался вскрыть корни своей ошибки, разобратся в тревогах, одолевавших его, понять, почему он,

старый революционер, вдруг соскользнул на эгоистические позиции мелкого себялюбца. Чорт возьми! Неужели он дошел до этого? Нет, нет! Тут что-то не так, что-то не его, ему не свойственное и чуждое. Ведь по самой природе своей он не завистлив и, в конце концов, разве то, что он делал, чему отдал все свои силы и ум, он делал для себя, а не для народа, не для блага людей? Спокойно, трезво взвесив все «за» и «против», он беспощадно, жестоко осудил свое второе «я», которое до сих пор подло пряталось где-то далеко и до поры до времени не давало о себе знать. Очищающие душу мысли помогли ему найти правильное решение:

Нельзя было медлить, — думал он, — нельзя вообще медлить в век индустриализации, когда год равен десяти годам, когда народ по призыву Ленина и Сталина взялся пробежать расстояние в 50—100 лет за 10—15 лет, когда нужны неслыханные темпы и темпы и в труде и в научном творчестве! Новое тоже стареет со сказочной быстротой и спасти новое, отстоять его жизнеспособность можно лишь ценой непрерывного его совершенствования. Нет, он никогда не пойдет по стопам чернавских, которые уподобляются многим московским извозчикам, проклинаящим автомобиль. Он будет следовать примеру тех, кто, понимая требования времени, перестраивается на новый лад, овладевая новыми профессиями, проникая в новые области знаний.

Он создаст самозатачивающиеся лезвия из твердых сплавов!

Александр Михайлович снова сел за стол, начал продумывать план действия и делать записи. Просидев несколько часов, он вдруг заметил, что какой-то новый свет борется со светом лампы, и лампа, будучи не в силах противостоять ему, становится бесполезной. Игнатъев повернул голову к окну и увидел рождение нового дня. Из открытой форточки веяло освежающим воздухом майского утра, а вдали на фоне розовеющего неба высились кремлевские башни, по вершинам которых ударили первые оранжево-огненные брызги зари.

Ночное бдение оказалось отрицательно. Заболела голова. Изобретатель умылся, освежившись холодной водой, и с нетерпением стал дожидаться часа открытия дверей Центрального научно-исследовательского института машиностроения. Войдя в институт первым из посе-

тителей, Игнатъев обратился к его руководству с заявлением. Он просил, чтобы специальная лаборатория начала работу по созданию тонких пластинок из твердых сплавов для резцов-столбиков. Кроме того, он просил решить задачу изготовления тончайших пластинок для многослойных лезвий или толстых пластинок, но с зонами неравномерной твердости. В институте подробно ознакомились с планом научных исследований Игнатъева и заключили с ним договор. Стоимость работ на первом этапе определили в пятнадцать тысяч рублей, которые изобретатель согласился уплатить из личных средств.

Придя в лабораторию, Игнатъев встретил у дверей своего кабинета Rogozinskogo, одетого в летнее пальто с сильно оттянутыми карманами. Зная причину деформации карманов Владимира Александровича, Игнатъев улыбнулся ему, говоря:

— Вы мне как раз нужны, зайдем ко мне.

Кабинет изобретателя представлял собой маленький музей инструментов его системы. На полках в строгом порядке лежали всевозможные образцы, созданные для обработки самых различных материалов. С каким-то особенным интересом Игнатъев рассматривал экспонаты своего «музея». Перебрав десятки экспонатов, он недовольно сказал:

— Маловато у нас опытов с твердыми сплавами, — и обратился к секретарю: — Позовите, пожалуйста, Богомолова, — и снова к Rogozinskogo: — Надо больше, побольше лезвий из твердых сплавов. Как у вас дела?

Rogozinskogo выложил из карманов десятка три инструментов по камню — наконечников скампелей, шпунтов, «рыбьих хвостов», бочардов, «коронки», дисковую пилу. У Игнатъева вытянулось лицо, и он спросил:

— Как же вы все это тащите в карманах? Здесь же полтонны металла.

Пришел Богомолов. Игнатъев сразу обратился к нему, извинившись перед Rogozinskogo:

— Валериан Иванович, есть срочное дело. Сегодня же попытайтесь найти в Москве пластинки твердых сплавов миллиметра в три-четыре — тоньше, к сожалению, не бывает — и немедленно приступите к изготовлению первых резцов-столбиков из стали и твердых сплавов. Запомните, — это не случайный эксперимент, а начало нашего будущего... А теперь слушаю вас, Владимир Александрович.

Инженер Рогозинский положил свои большие мозолистые руки на кучу инструментов и начал докладывать:

— Все они прошли испытания. Трест строительства набережных Москвы-реки очень доволен нашими скарпелями, бочардами, шпунтами. Все они по признанию каменщиков и инженеров треста показали эффект самозатачивания. Сейчас просят лабораторию заключить с трестом договор об увеличении поставок этих инструментов... Вы правы, Александр Михайлович, насчет твердых сплавов. На камне они изумительно оправдывают себя. Вот, взгляните на эту дисковую пилу. В лаборатории Академии архитектуры она распиливала гранит, мрамор, кирпич. Пила стала вдвое меньше своего первоначального диаметра, но, как видите, зубья сохранили свой угол острия. Утопленные в стальном диске, твердосплавные зубья великолепно обнажаются по мере износа.

Игнатьев взял пилу, повертел в руках, осмотрел зубья по всему кругу и по-мальчишески засиял, точно ему подарили редкую и занимательную игрушку.

— Прекрасный образец, Владимир Александрович, поздравляю вас, — сказал он и воскликнул воодушевленно. — О, а знаете, что Политехнический музей собирается организовать выставку новых станков и инструментов. Нашей лаборатории предоставляют большой стенд. Нужно, чтобы инструменты по камню занимали на стенде свое место, а эта пила и совершенно такая же новая пила должны красоваться там рядом. Пускай они мозолят глаза скептикам.

В контору вошел Бухман. Худое лицо его выражало нетерпение. Игнатьев спросил его:

— Что, Николай Александрович, тоже с хорошими вестями?

— И да и нет, — ответил Бухман, кладя на стол акты, подписанные лесорубами севера, их письма. — Вот, что нам пишут. Полтора-два миллиона топоров ежегодно выбрасываются как негодные. Их лезвия либо чересчур мягкие, либо слишком хрупкие, либо имеют трещины. Это недобрая весть. А добрая — в актах, где лесорубы отмечают, что наши трехслойные топоры показали эффект самозатачивания, правда, неполный. Обычный топор им приходится затачивать после обработки каждых 14 кубометров древесины, а трехслойные топоры — после

56 кубометров. Притом наши легче заточить, ввиду того что опорные слои лезвия мягкие, железные.

— Значит, стойкость лезвия повышена в четыре раза. Хорошо, но мало, — заметил Игнатьев.

— Институт механизации обработки древесины считает этот результат прекрасным и предлагает нам сотрудничество.

— Вот это замечательно!

— В письме лесорубы благодарят нас, просят дать побольше трехслойных топоров. Они говорят, что сами начнут ходатайствовать о массовом заводском производстве наших топоров, — закончил Бухман.

— Это было бы чудесно!

У ВЕЛИКОГО ДРУГА

Часто Александр Михайлович приходил в отчаяние от недостатка времени. Он «погряз» в больших и малых делах будней, особенно в малых, «заедавших» жизнь, отнимавших часто самое лучшее, что было в человеке, обескрыливавших мысль. На творческую работу за сутки не оставалось иногда и часа, а между тем, чем больше Игнатьев погружался в водоворот неотложных дел, тем бешенее и незаметнее летели дни, недели, месяцы. Расширялись связи с предприятиями, институтами, трестами, росло число договоров, заказов, росли заботы о снабжении, финансировании лаборатории, усложнялись работы и ко всему этому добавлялась связывающая по рукам и ногам теснота помещения. Лаборатория, в сущности, превратилась в маленькое предприятие, производящее целый ассортимент массовой продукции, а развернуться было негде.

И вот Анатолий Петрович пришел на выручку, сдержав свое слово. Он стал заместителем Игнатьева, его правой рукой, фактическим директором лаборатории, взвалив на свои плечи все организационные, административные и хозяйственные вопросы. И повел Белоцерковец эти дела энергично, мастерски, во всем быстро наладив порядок, который был слабой стороной его друга-изобретателя. Александр Михайлович облегченно вздохнул и жадно взялся за отложенные творческие дела.

В августе лабораторию посетил Алексей Максимович. Он осмотрел тесное помещение и недовольно нахмурился.

Игнатьев, словно оправдываясь перед гостем, объяснил причину тесноты ростом лаборатории:

— Видите ли, одежда стала не по мерке.

Горький улыбнулся, спросил:

— И это объяснение вполне утешает вас?

— Нет, но мы не теряем надежды на лучшее. Коллегия Главстанкомаша постановила строить нам завод, но лабораторию передали в ведение Станкоинструментального главка, начальство которого не милует нас...

— И тормозит дело?

— Не затормозит, — ответил Игнатьев, боясь, что Горький опять начнет хлопотать о его делах. — У меня есть энергичный помощник, Анатолий Петрович, он пробьет бюрократическую твердыню Главка... А вот и он!

Горький увидел высокого седого человека, идущего к ним широким, размашистым шагом. Игнатьев представил ему Белоцерковца...

Спустя недели две Алексей Максимович позвонил Игнатьеву и попросил заехать к нему домой на Малую Никитскую.

Изобретатель застал писателя в рабочем кабинете за огромным высоким письменным столом, поздоровался и улыбнулся как-то загадочно.

— Чему вы улыбаетесь? — спросил Алексей Максимович.

— Тому, что если бы меня посадили за ваш стол, то я бы был похож на ученика первого класса за партой выпускника.

Горький расправил худые плечи, показал дымящейся папиросой в сторону и сказал:

— А в той комнате для вас есть подходящий стол и все условия для работы.

— Что?

— Не поняли? — спросил Алексей Максимович, вставая. — Я тоже не понимаю вас, Александр Михайлович. Мастерская ваша в тесноте, а вы сами, оказывается, совсем бездомный. Что это значит? Живете в гостинице, а между тем, достаточно было вам слово молвить, и получили бы квартиру или комнату.

— Знаю. Не до этого было, да и просить самому, Алексей Максимович, было как-то неудобно.

— Излишняя застенчивость... Я вас пригласил отчасти за тем, чтобы сообщить о моем отъезде на лечение. —

Горький потушил папиросу о попельницу и добавил: — Еду надолго, а посему предлагаю вам жить в моей квартире.

Игнатьев опешил от неожиданности, начал благодарить Горького, отказываясь от предложения. Он уже опять ругал себя за то, что против своей воли — уже который раз — причиняет Алексею Максимовичу хлопоты. Горький выслушал изобретателя с выражением нетерпения на лице и, как всегда, настоял на своем. Затем он поправил на столе стопку чьей-то рукописи, многозначительно улыбнулся Игнатьеву, шевеля усами.

— Изобретатели — народ ловкий в открытии тайн науки, — упирая на «о», сказал Горький, — но не очень догадливы они насчет тайн души человека.

— Это уже ваша область, — заметил Игнатьев.

— А все же вы не догадались о наличии у меня более важной новости для вас, нежели та, о которой я вам сообщил?

— Какая же еще новость может быть важнее и огорчительнее для меня, чем сообщение о вашем длительном отъезде... — Игнатьев хотел было добавить еще — «и об ухудшении вашего здоровья», но воздержался.

Алексей Максимович усмехнулся с оттенком той доброй, снисходительной иронии, с какой взрослые подтрунивают над недогадливостью маленьких и, дразня любопытство Александра Михайловича, сказал:

— А вы попробуйте, угадайте.

— Не могу, никак не могу, — ответил Игнатьев, подумав.

— На днях я встретился со Сталиным и говорил между прочим о вас... — начал Горький.

— Обо мне? — Игнатьев испуганно ткнул пальцем себя в грудь.

— Чему вы удивляетесь? Полагаете, подобно мне, что вы для него новость? Иосиф Виссарионович сказал, что знает о ваших изобретениях. Я подумал, из газет, и, разумеется, ошибся. Сталин интересовался вами, помимо газет, и довольно подробно. Не знал он только о тесноте в вашей мастерской. Об этом уже я рассказал ему, и Иосиф Виссарионович тотчас же распорядился через секретаря, чтобы построили для вашей мастерской специальное помещение или выделили старое.

Эта новость ошеломила Игнатьева. Он понял, что Горький шутил, говоря о его недогадливости, ибо догадаться о решении самого насущного для него вопроса в таком неожиданном плане он не мог. Игнатьев долго молчал, и, наконец, придя в себя, заговорил торопливо, взволнованным голосом, будто боясь не сказать всего.

— В случае новой встречи передайте Иосифу Виссарионовичу мое спасибо... И вам, Алексей Максимович, такое же спасибо за все. Своей дружбой и неустанной поддержкой вы обязали меня до конца дней моих... — и замолк, остановленный сдавившей горло спазмой...

КИПУЧАЯ ЖИЗНЬ

Вскоре стало известно, что для будущего завода Игнатьев получит трехэтажный корпус и пристройку Московского инструментального завода — МИЗ, а для лаборатории — дом заводоуправления. Переселение в эти здания на Большой Семеновской улице должно было состояться сразу же, как только закончится строительство больших корпусов для МИЗ на противоположной стороне улицы. Эта весть вызвала большой подъем в коллективе лаборатории.

Будет завод инструментов системы Игнатьева, а рядом — лаборатория! «Будет большой корабль, надо готовиться к большому плаванью», — говорил Белоцерковец. Он начал проектировать завод мощностью на миллион резцов в год, планировал расстановку станков, разрабатывал вместе с другими будущую поточную технологию. Игнатьев и Бухман сконструировали новую лентосварочную машину большой мощности, могущую развивать скорость сварки в среднем семь метров в минуту. Машину заказали ленинградскому заводу «Электрик». С трестом «Электросталь» договорились об увеличении поставок лент быстрорежущей стали, которой, сколько ни доставляй, не напасешься отличному мастеру сварки Берещагину. После отъезда Венцеля в Германию бывший матрос стал хозяином лентосварочной машины и без усталости готовил двуслойные штанги для текущих нужд и впрок.

Игнатьев и Богомолов усовершенствовали «мортиру», которая развивала скорость резания до двухсот метров в минуту. «Мортиры» демонстрировались на заводах.

Пошли слухи о «чуде» техники — 200 метров в минуту! В числе свидетелей одного из испытаний «мортиры» находился и автор этих строк — бывший слесарь-инструментальщик. Никто не мог поверить, в том числе и я, что быстрорежущая сталь, которая выдерживает не более тридцати метров резания в минуту, у Игнатьева выдерживала двести метров. Поверили лишь после того, когда увидели работу «мортиры» собственными глазами. Но и тогда иные из специалистов все еще упорствовали и уверяли, что это «фантастически» быстрое резание практически не нужно. Однако токари-ударники просили дать им такие «мортиры», и МИЗ взялся изготовить первые шестьдесят штук.

Богомолов выполнил задание Игнатьева, сделав несколько десятков резцов-кубиков и столбиков из твердого сплава и стали. Новые инструменты показали высокие скорости резания и стойкости. От времени до времени приходилось подтачивать твердосплавный слой, стальной же слой стачивался стружкой. Эти резцы имели большие преимущества по сравнению со стальными, главным же их преимуществом перед твердосплавными резцами была четырехкратная экономия ценного металла.

Широко поставили опыты по изготовлению фрез, сверл и других самозатачивающихся инструментов по металлу.

Не отставали от металлостроителей и создатели новых инструментов для камня, дерева, бумаги. Rogozinskiy сверлил буровыми коронками уменьшенного диаметра камни на сверлильном станке, сверлил с утра до вечера инструментами различной конструкции, которыми были полны его всегда оттянутые карманы.

— Да вы бы, Владимир Александрович, сделали себе железные карманы, а то спецовок на вас не напасешься, — говорил Белоцерковец. Rogozinskiy, поднимая свое круглое, бледноватое лицо, доставал из кармана один из инструментов и отвечал радостным тоном:

— Не жалко кармана, если его протирает такая штучка, — и показывал буровую коронку. — Ею я просверлил суммарно сто пятьдесят метров известняка и она еще остра, матушка.

Из всех конструкций коронок Александр Михайлович отобрал четыре типа, заказал их по несколько штук нормального размера и повез в Баку испытывать. Изобретатель не мог мириться с тем, что половина машинного

времени затрачивается на подъем и спуск буровой штанги для замены затупившейся коронки. Затрачивалось громадное количество часов при глубоком — километр и выше — бурении земной коры. Буровые мастера соглашались с ним и разводили руками:

— Ничего не поделаешь, в недрах земли встречаются всякие твердые породы, которые и стачивают зубья буровых коронок, как точило.

— А надо, чтобы затачивали, — сказал Игнатьев.

— Так не бывает.

— Должно быть, — возразил изобретатель, показывая на коронки своей системы, — вы попробуйте-ка вот эти.

Нефтяники внимательно осмотрели инструменты. Причудливые они были: слоенные или осыпанные с боков крошкой твердого сплава, или сделанные из отдельных двуслойных колец хрома и железа, спрессованных вместе. Попробовали бурить. Сначала ничего не получалось, но нефтяники отнеслись внимательно и чутко к чудаковатому московскому ученому, который всегда ходил в чистом костюме и белоснежном воротнике, и не позволяли себе смеяться над его коронками. И правильно сделали, потому что последним пришлось бы смеяться Игнатьеву. Наряду с большим количеством неудач попадались случаи, когда буры явно самозатачивались, а одна коронка произвела фурор. Она пронизала 1200 метров разных пород земной коры и ни разу не пришлось вытаскивать штангу. Нефтяники поздравили изобретателя и попросили прислать им побольше таких инструментов. Александр Михайлович увез в Москву первую самозатачивающуюся буровую коронку, и она заняла почетное место на полке в его кабинете-музее инструментов. А спустя немного времени лаборатория заключила договор с Главнефтью на дальнейшее ведение опытов по бурению.

Игнатьев любил читать романы, бывать в театре, слушать оперы. В Третьяковской галерее он подолгу простаивал перед картинами «Боярыня Морозова» Сурикова, «Три богатыря» Васнецова, перед пейзажами Шишкина, Поленова, Левитана и всеми произведениями, которые с большой глубиной, правдивостью и лиризмом отражали народную фантазию, русскую природу, русскую жизнь, прошлое страны. Александр Михайлович любил поэзию и во время своих нечастых поездок в Ленинград к семье старался и сыну Мише внушить лю-

бовь к родной стране, к ее славному прошлому, к могучему русскому искусству, к великой русской литературе, ко всему, что показывало необычайную талантливость народа, его неутомимость в труде и редкую сердечную отзывчивость. Часами, прерывавшимися мальчишескими дурачествами, он с упоением читал ему стихи Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Однако Игнатьев как человек разносторонних интересов отличался от многих любителей поэзии тем, что находил поэзию и в какой-нибудь бочарде, скампеле или зенкере. Будучи в гостях, он часто забывал, что собеседник — вокалист, врач или селекционер, и вдруг, блестя голубыми огоньками глаз, начинал увлеченно рассказывать:

— А вы знаете, как наш инженер Николай Владимирович Соколов просто решил вопрос с бочардами. В куске мягкого железа с квадратной гранью он просверлил сорок две дырки, утопил в них трехмиллиметровые шпильки серебрянки...

— Что такое серебрянка? — спрашивал вокалист.

— Сталь такая.

— А бока... бочарда?.. Бочарда! Ужасно грубое слово.

— Я вам не объяснил? Это инструмент для обработки поверхности камня. Гранитные набережные Москвы-реки им обрабатывают.

— Что же в вашей бочарде хорошего?

— А то, что она у нас показывает эффект самозатачивания.

— Самозатачивания? — начинал интересоваться вокалист, — это значит, что ваша бочарда сама затачивается, вместо того чтобы тупиться. Каким же образом?

Тут-то, попадая на свой конек, Александр Михайлович забывал обо всем на свете и, все более и более распаляясь, захватывал слушателя, как в тиски, ошеломляюще ярким рассказом о бобрах, дятлах, кошках, о зубах, резцах, не забывая и о своих последних опытах, планах и мечтах всего дружного коллектива лаборатории, о будущих необыкновенных инструментах. Слушатель — вокалист или поэт, — потрясенный рассказом, сам начинал ощущать поэзию бочарды. И само слово «бочарда» начинало казаться ему звучным, мощным и красивым.

Александр Михайлович мог доказать любому человеку, что и шпунт, и скампель, и зенкер, и штрипсовая пи-

ла, не говоря уже о резцах и фрезах, — все это из области чистейшей поэзии. И это была правда, ибо люди лаборатории в волнениях, муках и в бесчисленных творческих поисках нового, еще никому неизвестного, больше были поэтами, чем иные люди, пишущие стихи. Простейшая вещь — шпунт, и тот при его изготовлении требовал такого же вдохновения, как и любое поэтическое произведение. Шпунт похож на карандаш. Вместо грифеля, сердцевину его составляла двух-трехмиллиметровая серебрянка, спрятанная в двухсантиметровом по толщине железном прутике. Летом 1913 года Игнатев обрабатывал первым таким инструментом камень в Ахиярви и обнаружил самозатачивание. Тогда же он испробовал на камне трехслойное зубило, которое, в несколько измененном виде, у каменщиков называется скапелем — долото по камню. И вот прошло столько лет, а эти простейшие инструменты не были доведены до отличного качества, и приходилось продолжать исследования, то есть опять-таки погружаться в поэзию творческих исканий, в мир вдохновенного труда.

Николай Владимирович добивался самозатачивания шпунтов из однородного металла. Особым способом, известным в металлургии под названием обезуглероживания, он отнимал углерод у наружных зон стального прутка, оставляя его лишь в сердцевине. После закалки сердцевина затвердевала, а наружные зоны оставались мягкими ввиду недостатка углерода. Казалось, что вопрос решен, но ясный эффект самозатачивания показывали лишь отдельные экземпляры инструмента. Много еще надо отдать пытливого труда, чтобы твердость металла падала от сердцевины к краям с такой крутизной, какая наиболее выгодна для поставленной задачи. А тут еще твердые сплавы. Логика времени говорила, что сердцевина самой сердцевины шпунта должна состоять из тончайшей шпильки твердого сплава, шпильки, которой в науке еще не существовало. Словом сказать, карандашная схема шпунта хранила в себе прорву тайн, разгадать которые до конца было не так-то легко.

Главк, в системе которого находилась лаборатория, несколько раз менял название и, наконец, определился как Всесоюзное объединение инструментальной промышленности — ВОИП. Начальник ВОИП, лысый человек с угрюмым, слегка скуластым лицом, встречал Игнатева

легким кивком головы, беседовал с ним холодно, делая двусмысленные, нередко бестактные намеки. Минут через пять он вставал во весь свой высокий рост и, глядя на Игнатева сверху вниз, молча давал понять, что прием окончен. Чаще всего Игнатев обращался к этому неприятному человеку с просьбой не срывать планового финансирования лаборатории. «Подумаем, сделаем что-нибудь», — отвечал угрюмый начальник и ничего не делал. Перебои в выдаче денег привели к тому, что Александр Михайлович тратил на неотложные нужды лаборатории личные средства, пока не исчерпал их.

— Надо жаловаться Серго, — настаивал Белоцерковец.

— Нет, нет, не надо беспокоить Серго, мы сами одолеем упрямство начальника Главка, — отвечал Игнатев. — Мы развернем неслыханное для наших условий производство резцов-кубиков, завоюем широко признание заводов и тогда нашим противникам в верхах деваться будет некуда.

Реальные результаты сделанного Игнатьевым были настолько очевидны, что и в самом Главке появилось много горячих сторонников Александра Михайловича. Кроме того, заводы имени Калинина, Златоустовский и другие охотно пользовались резцами и давали отличные характеристики. Серго Орджоникидзе ознакомился с этими отзывами заводов и поставил доклад Игнатева на заседании коллегии Наркомтяжпрома. Работа в мастерской вновь закипела.

ПРИКАЗ НАРКОМА

Столы, накрытые зеленым сукном, стояли буквой Т, за ними сидели члены коллегии и управляющие главками Наркомтяжпрома, директора, главные инженеры ряда заводов Москвы и других городов, специально приглашенные. Заседание коллегии вел Серго Орджоникидзе.

Делал доклад Игнатев. В этом событии Александру Михайловичу, человеку эмоционально экспансивному, казалось что-то торжественное, праздничное, между тем как остальные видели в нем лишь строго деловую обстановку. Игнатев говорил внешне спокойно, не повышая голоса, и это помогало ему скрыть от присутствующих свое большое внутреннее волнение. Они следили за каж-

дым его движением, ловили каждое слово, поддаваясь яркому и содержательному докладу. На столе перед Игнатьевым лежали чертежи, схемы, образцы инструментов. По ходу речи он передавал присутствующим чертежи и резцы, на которых были ясно видны разные степени износа самозатачивающихся лезвий. Орджоникидзе пылливо осматривал лезвие, его режущую кромку, обменивался мнением с соседями и передавал инструмент дальше. Изобретатель обрадовался, видя довольное выражение на лице Серго, и вдруг, изменив своему всегдашнему правилу не просить, не жаловаться, заволновавшись, заговорил о стесненном положении дел в лаборатории.

— Наша мастерская могла бы дать за полгода сто тысяч резцов, но она не дает и, к сожалению, не может дать этой цифры из-за недостатка или отсутствия денег...

— А как вам помогает Главк? — перебил Орджоникидзе.

— Главк не помогает. Да мы и не просим помощи, а просим денег, полагающихся нам по смете, — ответил Игнатьев, виновато глядя на сидящего напротив начальника инструментального объединения. Глаза его говорили: «Вот видите, не люблю я жаловаться, а вынужден».

Серго спросил у начальника Главка возмущенным тоном:

— Что же это получается? Игнатьев работает, стараются дать стране побольше резцов, а Главк, вместо помощи, тормозит работу! Объясните, в чем дело...

— Резцы Александра Михайловича имеют исключительное значение для промышленности, — ответил лицемерно начальник Главка, вставая. — Наша задача повсеместно внедрить их. На Златоустовском механическом заводе производство этих резцов уже ставится в массовом масштабе...

— Это разговоры, — заявил Игнатьев.

— Всякому делу предшествуют разговоры, — сказал руководителю Главка... — Что же касается финансирования лаборатории, то в этом вопросе Игнатьев прав, Григорий Константинович, но у нас средств было мало...

— На какие же деньги вы сейчас работаете? — спросил Серго, обратясь к Игнатьеву.

— Мне дал 15 тысяч рублей товарищ Каспаров — управляющий трестом твердых сплавов.

— Это тот, которого называют вашим конкурентом? —

Серго усмехнулся. — Выходит, что друзья вас подводят, а «конкурент» поддерживает?.. Каспаров здесь?

— Здесь!

— Товарищ Каспаров, за что вы Александру Михайловичу деньги дали?

— Игнатьев обогнал Германию в технике электро-сварки. Я дал ему заказ на разработку метода сварки твердого сплава и стали для наварных резцов и уплатил по договору за труды. Признаюсь, я торопился внести деньги, чтобы выручить «конкурента». Ведь и наши твердые сплавы и его резцы одинаково нужны стране.

После доклада выступили директора заводов, главные инженеры и рассказали об испытаниях «кубиков» и «столбиков», которые хорошо самозатачивались, нуждаясь лишь в маленькой подточке твердого слоя. Все они подчеркивали, что инструменты эти сберегают много ценного металла, большие средства; смена «кубика» на державке системы Игнатьева занимает доли минуты.

В заключение Серго Орджоникидзе подверг критике инструментальное объединение и его руководителя, требуя, чтобы они помогали изобретателю в его деле, затем, повернувшись к стенографистке, Серго продиктовал проект приказа.

Приказ Наркомтяжпрома номер 457 вышел вскоре — в июне 1933 года. В нем нарком обязал инструментальное объединение наладить массовое производство новых резцов; обеспечить лабораторию Игнатьева всеми необходимыми средствами для успешного ведения дальнейших научно-исследовательских работ; ускорить строительство корпусов МИЗ, с тем чтобы освободить занимаемые этим предприятием помещения для лаборатории и будущего завода резцов системы Игнатьева.

Приказ обсудили коммунисты лаборатории, а потом созвали на митинг весь коллектив. Митинг проводили наскоро, стоя. Игнатьев подошел и остановился возле Соколова, Белоцерковца, Лушников и Богомолова. Секретарь партбюро обратился к собранию:

— Товарищ Серго хочет, чтобы до конца года было изготовлено сто тысяч резцов системы Александра Михайловича. Ответим на приказ нашего наркома встречным планом! Дадим больше?

— Дадим!!!

— «Кубиков» дадим и двести тысяч! — раздался чей-то голос.

— Двести? Можно и больше!

— До конца года «кубиков» можно дать тысяч чтыреста! — зычно крикнул Богомолов.

— Если «Электросталь» не подведет с лентой!

— А я думаю — и все полмиллиона можно дать, — вмешался главный инженер. — Ведь из одного метра штанги можно около полусотни «кубиков» сделать. Сколько, Николай Федорович, метров двуслойной штанги дадите за смену?

— Нажму на все педали, так километра два сделаю. За мной дело не станет! — ответил Верещагин.

— Полундра, Верещагин! — закричал, предостерегая, рабочий Мошкин.

— Цыц! Не твое дело.

Спросили второго сварщика, шлифовщиков, фрезеровщиков, термистов. Выяснилось, что все берутся за выполнение пятисоттысячного встречного плана.

— Дадим полмиллиона резцов-кубиков! — снова прозвучал голос секретаря партбюро.

— Дадим! Дадим!

— Дадим полмиллиона!

— Пускай Александр Михайлович скажет слово!

— Просим Александра Михайловича!

— Просим! Просим!

— Давайте, Александр Михайлович!

Все обернулись туда, где он стоял. Но Александра Михайловича не было на месте, не было нигде. Он исчез. Начали искать его и нашли в кабинете. Он стоял, облокотившись на одну из нижних полок «музея» своих инструментов, прижав ладонь к левой стороне груди. Дышал он неравномерно и часто. Глаза Александра Михайловича были влажны от радости и блестели страдальчески от боли.

— Шура, что с тобой, Шура? — спросил Белоцерковец.

— Что с вами, что случилось, Александр Михайлович? — спрашивали другие, входя в кабинет.

— Ничего, ничего, — ответил тихо Игнатьев, — это просто «сердечная недостаточность».

РАСЦВЕТ

В мастерской не унимался гул, визг, скрежет станков, не гасли искры. Шлифовщики очищали на камнях полоски быстрорежущей стали и штанги мягкой стали, затем передавали их Верещагину. Между обжимными вальцами лентосварочной машины металлы ярко накалялись, освещая лоснящееся лицо сварщика, и выходили с другой стороны слитной штангой. От времени до времени Верещагин поднимал защитные очки, вытирал серым платком пот с лица и, снова опуская очки на глаза, трудился. Бывший матрос задавал тон всему производству, стал законодателем его ритма. Шлифовщики, фрезеровщики, термисты, контролеры должны были идти в ногу с ним и они шли форсированным маршем, не отставали.

Видя картину безукоризненно налаженного труда, Игнатьев приходил в хорошее настроение, испытывая неодолимую потребность поговорить с кем-нибудь. Как-то декабрьским утром, побуждаемый таким желанием, он подошел к Верещагину и, потрогав его за плечо, спросил:

— Ну как, Николай Федорович, созвучно, а?

— Вполне созвучно! — ответил Верещагин, рассмеявшись. Теперь он понимал, что слово это нередко употреблял не к месту. — Работа идет дружно, кипит, только уж больно тесновато стало, Александр Михайлович!

— Ничего, Николай, сегодня я был на Большой Семеновской. МИЗ переселится недели через две в новый корпус, тогда и мы заживем.

Убедившись, что все в порядке, Александр Михайлович вскоре ушел домой работать над очередными изобретениями, число патентов на которые достигло двадцати шести. В течение дня он несколько раз приходил в лабораторию, интересуясь ходом дел. Жил он совсем рядом, получив неожиданно квартиру. А случилось это так: когда Горький вернулся после длительной отлучки в Москву, Игнатьев собрал вещи и хотел вновь переселиться в гостиницу. Догадавшись о намерении изобретателя, Алексей Максимович задержал его. Через два дня он сказал Игнатьеву, чтобы тот поехал на Маросейку в дом номер 7/8 получить ключ от квартиры. Изобретатель не удивился, а лишь покраснел, поняв, что Горький снова позаботился о нем.

Ежедневно Белоцерковец и Богомолов показывали Игнатьеву полученные с заводов отзывы о «кубиках» и

«столбиках». Последние также изготавливались сериями. Работники предприятий благодарили коллектив лаборатории, сообщая, что скромные «кубики», стоимостью по 80 копеек, их выручают, экономя дефицитный металл. «Для массовых работ «кубики» очень хороши, — писали с завода Можерез, — они в значительной степени самозатачиваются, производительны, расходуют меньше электроэнергии, вследствие того что не тупятся, как обычные, и сход стружки облегчен; они заменяют твердосплавные резцы».

— Эх, заменили бы совсем, если бы лаборатория Центрального института машиностроения сумела создать тончайшие пластинки твердого сплава или сплава с зонами различной твердости, — вздохнул Игнатъев.

— Ничего у них не получается? — спросил Белоцерковец.

— Нет, видимо это проблема нескорого будущего, — ответил изобретатель и, воспрянув, добавил: — Но ничего. наши стальные «кубики» и «столбики» вполне завоевали себе право гражданства.

Рогозинский, Бухман, Соколов тоже докладывали. Лесорубы прислали новые отзывы о трехслойных топорах, стойкость которых против обычных топоров повысилась в пять раз. Лесорубы и не рассчитывали, что топор может самозатачиваться до самого обуха. Балахнинский бумкомбинат хвалил двуслойные ножи для окорки древесины и круглые ножи для резки бумаги. Московские деревообделочные заводы писали о фуговочных фрезах, долотях, железках для рубанков, которые также были очень стойки в работе вследствие частичного самозатачивания. То же самое писали обувные фабрики о ножах для вырезки кожи. Не было еще ответа из Монгольской Народной республики, куда послали партию ножниц для стрижки овец. Лаборатория заключила договоры с Главнефтью, Главуглем, Институтом механизации обработки древесины, с трестами «Строитель» и строительства набережных Москвы-реки, с металлообрабатывающими и камнеобрабатывающими заводами, поддерживала тесные связи с Академией архитектуры и другими организациями.

Декабрь закончили выполнением встречного плана, дав промышленности полмиллиона резцов-кубиков. Серго Орджоникидзе, внимательно следивший за успеха-

ми лаборатории, издал приказ, объявив благодарность большой группе рабочих и инженеров лаборатории и премируя их разными суммами. Игнатъева нарком премировал легковой автомашиной ГАЗ.

В январе 1934 года МИЗ освободил часть старого трехэтажного корпуса и пристройку. Начал действовать Экспериментальный завод режущих инструментов системы Игнатъева — ЭЗРИ. Проектную мощность завода определили в четыре миллиона резцов — «кубиков» и «столбиков». Лаборатория разработала обширную программу научно-исследовательских работ по созданию новых типов самозатачивающихся и наварных инструментов для заводов и фабрик, горного дела, сельского и лесного хозяйства.

О каждой своей удаче Игнатъев рассказывал Горькому, у которого попрежнему бывал часто. Горький радовался вместе с изобретателем, и синие глаза его трогательно блестя. Игнатъев с нетерпением ждал, пока новый завод — ЭЗРИ — сделает первые резцы-столбики и, дождавшись их, собственноручно отшлифовал несколько штук и отвез в дар Горькому. Алексей Максимович принял резцы с горячей благодарностью, положил их на стол рядом с письменным прибором. Во время очередных посещений дома на Малой Никитской изобретатель видел, что великий писатель не убирает резцы куда-то в ящик, а держит попрежнему на письменном столе, и от этого становилось светло на сердце.

В апреле Александр Михайлович увидел рядом с резцами свежий номер журнала «Наши достижения», редактируемого Алексеем Максимовичем.

— Можно взглянуть? — спросил Игнатъев, протягивая руку.

— Пожалуйста, — ответил Горький, улыбаясь лукавой доброй улыбкой.

Гость был слегка озадачен этой улыбкой, потом догадался и понял ее, перелистав журнал до 176-й страницы. Игнатъев увидел свой портрет и очерк о своих изобретениях. Он не скрыл от Горького своей радости и спросил, можно ли ему взять себе этот экземпляр журнала? Горький ответил, что журнал специально для него отложен.

Несколько дней спустя изобретатель, сидя у Горького, читал в «Правде» его статью «Беседа с молодыми» и неожиданно наткнулся на следующие строки:

«Еще не так давно в нашей стране соха заменена плугом, и, как всюду в мире, мы тратили массу труда и времени для натачивания различных режущих инструментов. И вот у нас в наши дни открыто, что любой режущий инструмент может самозатачиваться в процессе его работы, что дает нам сотни миллионов экономии во времени и на материале. Этот факт — как многие подобные — малоизвестный, является достоверным доказательством в пользу нашей способности не только догнать, но и перегнать мощную технику Европы и С. Америки. Мы уже обогнали буржуазию количеством интеллектуальной энергии, и у нас как нигде в мире заботятся о повышении качества ее».

Каждый раз, встречая Игнатъева, Горький крепко пожимал его руку и неизменно спрашивал:

— С какими новостями?

Изобретатель понимал, что вопрос относится к его творческим новостям и, если они были, охотно делился ими со своим великим другом. И на этот раз Игнатъев ответил на вопрос Горького:

— Есть у меня одна новость... Правда, идея ее возникла сорок лет назад, но осуществляю ее сейчас. — Он рассказал историю о том, как, еще будучи юношей, наблюдал в 1894 году в ручье за раком и как у него тогда родилась мысль о постройке буксира, который поползет против течения под напором самого же течения. Рассказывал также и о модели, которую изготовил в порядке доказательства своей правоты в споре с Белоцерковцем.

— А теперь строю буксир большого размера.

— Думаете, пригодится в народном хозяйстве? — спросил Горький тоном сомнения.

— Нет, работаю для своего удовольствия. Кто любит рыбку удить, кто лобзиком выпиливать ажурные рамочки для семейных фотографий, чтобы отвлечься от текущих дел, а я увлекаюсь экспериментальными игрушками.

— Где вы будете испытывать своего «рака»? — спросил Алексей Максимович.

— В настоящей реке.

— Отлично, вот я и погляжу, как ползет он против течения. Условимся, однако, что вы испытаете его у меня на даче, в реке Пахре.

— С великим удовольствием, — ответил Игнатъев

К Горькому пришел вызванный им начинающий писатель Александр Авдеев. Изобретатель как раз собирался уходить. Горький проводил его до двери, что-то говоря ему. А Авдеев тем временем начал жадно осматривать предметы на огромном столе. Вдруг он увидел металлические бруски, неизвестно зачем лежащие рядом с чернильным прибором великого писателя.

— Знаете, что это такое? — вернувшись, спросил Горький и, получив отрицательный ответ, сказал: — Почитайте мою статью «Беседа с молодыми» в «Правде», а потом я вам объясню.

Когда Авдеев прочел, Горький указал на абзац об Игнатъеве и вновь заговорил. Он коротко рассказал историю изобретения самозатачивающихся инструментов и заключил:

— Удивительные силы поднимаются у нас. Вот о таких людях нам надо писать, а мы их знаем мало, непостижительно мало! Игнатъев — это новый тип изобретателя, порожденного социальным строем Союза Советов. Это не узкий специалист. Такие, как он, вносят в науку глубину охвата явлений и удивительную смелость экспериментов и обобщений... — помолчал, подумал и новая мысль осветила его лицо: — И знаете, какая в этих людях самая замечательная черта?.. В них чудесно сочетаются качества передовых ученых нашего времени и одареннейших умельцев из народа.

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ

Спустя два месяца Игнатъев вместе с Верещагиным делал на даче Горького первые приготовления к сборке буксира.

За лето они не успели завершить его сборку. То «звездочки» гусеницы не могли подогнать на ось, то лопасти оказывались непригодными, то подшипники пропускали воду, а говоря по совести, не успели спустить буксир на воду из-за недостатка времени. Наступила осень, выпал снег и пришлось отложить испытание механического «рака» до будущего лета.

Зима пролетела незаметно. Александр Михайлович как-то даже не почувствовал ее. Дважды он съездил в длительные командировки к нефтяникам испытывать бу-

ровые коронки, а в Баку весна начиналась в феврале. В Москве он без конца курсировал на «газике» между Лучниковым переулком и Большой Семеновской улицей, работая и в лаборатории, и на заводе. Приходилось еще «воевать» с МИЗ, который не торопился освободить помещение заводоуправления, предназначенное для лаборатории. Так, в неустанных хлопотах Игнатьев не заметил, как подошел праздник весны — Первое мая.

Александр Михайлович любил, чтобы праздники отмечались торжественно, весело, чтобы у людей дома была полная чаша, обильный стол, чтобы была великая радость и хороший отдых для души и тела. Он бережно копил премиальные суммы, иногда выкраивал их из сэкономленных средств и перед праздником почти всем раздавал премии. 28 апреля партбюро лаборатории совместно с месткомом обсудило список премируемых, и коммунисты резко покритиковали Игнатьева. Александр Михайлович возразил критикам, говоря, что к празднику все должны иметь лишние рубли, чтобы радостно провести его, обиделся за критику и сильно расстроился. В это время зашел курьер с запиской от секретаря партбюро ЭЗРИ Семеновой. От имени коллектива завода Семенова просила Игнатьева и коллектив лаборатории провести совместно торжественное собрание, посвященное Первому мая. Игнатьев сообщил об этом остальным, обида быстро сошла, но ни одного имени из списка премируемых он не вычеркнул.

— Упрямя, — шепнул Богомолов кому-то на ухо.

В канун праздника Александр Михайлович сидел в президиуме торжественного собрания в цехе ЭЗРИ. Сначала был доклад о международном пролетарском празднике, затем читали приказы Игнатьева и директора завода с объявлением благодарности и выдачей премий ударникам. Затем один из ударников попросил слова и вышел на трибуну с большим альбомом в руке. Он извлек из альбома приветственный адрес на имя Игнатьева, написанный на ватманской бумаге. Рабочий с чувством прочитал адрес и вместе с альбомом вручил Александру Михайловичу. Раздался гром аплодисментов. В задних рядах люди встали, чтобы лучше видеть церемонию передачи. Изобретатель пожал руку рабочему, поблагодарил коллектив и сел за стол. К прочной обложке альбома была прикреплена полированная до блеска пластинка из

нержавеющей стали, красиво окаймленная фасками. На пластинке было выгравировано каллиграфическим шрифтом: «Александру Михайловичу Игнатьеву от коллектива з-да ЭЗРИ». Развернув огромную обложку, Игнатьев прикрывался ею от собрания, как щитом. Люди все же заметили мелькнувший за обложкой кончик носового платка. Он рассматривал фотографии, портреты ударников, диаграммы, показывающие достижения завода за год и четыре месяца работы. Успехи были огромны, как то счастье, которое испытывал в эту минуту и он сам.

В напряженной работе и новых поездках проходили и летние месяцы. Александр Михайлович совсем, было, забросил своего механического «рака», но в августе улучил время и довел сборку до конца. В день испытаний небо с утра было свинцово-облачным, а после обеда полил унылый дождь, и подул холодный ветер. Игнатьев и Белоцерковец ждали на даче у Горького погоды, но когда увидели, что дождь едва ли перестанет, решили пойти к реке. Горький тоже собрался с ними, но Игнатьев и Белоцерковец решительно запротестовали, зная, что си простужен, слегка хворает. Алексей Максимович начал уверять, что чувствует себя хорошо, поэтому считает их протест несправедливым.

— Если вы пойдете, Алексей Максимович, тогда мы не станем испытывать буксир. А лучше, — я предлагаю вам подождать до завтра, мы сегодня приведем все в порядок, а завтра испытаем еще, — сказал Игнатьев.

Горький развел руками и сел.

— Кажется уговорили, — тихо сказал Анатолий Петрович.

На берегу реки у буксира ждали Верещагин и еще трое рабочих. Буксир состоял из двух пар колес грузовой автомашины, гусеницы и рамы. Гусеница с лопастями приводила в движение колеса, нижняя часть ее уходила глубоко под воду, а верхняя часть была над водой. Кроме лопастей, над поверхностью реки виднелась еще площадка, на которой предполагался штурвал для управления.

Начали толкать буксир в воду. Работа оказалась легкой, отнявшей много силы и времени. Все шестеро сначала остерегались воды, а потом, увидя, что дождь и так мочит их, влезли в реку по самый пояс. Наконец, сооружение стало на дно реки всеми четырьмя колесами, а

когда отпустили тормоз, оно тотчас же поползло против течения. Буксир был так устроен, что, несмотря на неровности дна, площадка для управления и верхняя часть гусеницы все время находились над водой. Дождь лил не переставая. Игнатъев и Белоцерковец с часами в руках шагали по берегу и проверяли скорость движения, — четыре километра в час.

Измученные и измокшие до нитки, они вернулись на дачу, довольные результатами испытаний. Увидя Горького еще издали, Игнатъев хотел рассказать ему о буксире, но Горький опередил его. Опираясь руками на перила крыльца и закинув голову, Алексей Максимович смеялся, приговаривая:

— А я все видел, а я все видел! — и озорно погладил усы, залившись смехом.

Игнатъев и Белоцерковец переглянулись. «Вот он как нас провел», — говорили их взгляды, и вдруг оба расхохотались вместе с Горьким.

Ночью Игнатъев проснулся от сильной головной боли и скверного привкуса во рту. Измерил температуру — 39,5. Он пролежал больше недели, не давая о себе знать Горькому. Но Алексей Максимович сам позвонил в лабораторию. Трубку взял Белоцерковец. Горький удивился причине молчания Александра Михайловича. Он ведь хотел в погожий день еще раз испытать «рака», так в чем же дело? Дни-то стали хороши? Белоцерковец сообщил о случившемся. Алексей Максимович забеспокоился и сказал, чтобы позвали хорошего врача.

Через десять дней по рекомендации врача Игнатъев поехал в Сочи. В санатории проверили состояние его здоровья.

— Где вы раньше отдыхали? — спросил санаторный врач.

— Нигде.

— В спуску ведь бывали?

— Не бывал.

Врач не понимал его. Он взглянул на документы, лежащие на столе и снова спросил:

— Вам пятьдесят шесть лет и вы ни разу не пользовались отпуском?

— Ни разу.

— Будем лечить. Сестра, отведите больного в третью палату.

К концу месяца больному стало хуже. Врач запретил принимать дальше серные и солнечные ванны. Игнатъев вернулся в Москву настолько ослабевшим, что едва мог ходить. Вопреки протестам друзей, он посещал лабораторию, пытался работать. Однажды в кабинете ему стало дурно. Когда он пришел в себя, Белоцерковец повел его к дому, но поднять друга на шестой этаж, где он жил, не смог. Лифт не работал. Анатолий Петрович взял машину и повез его к себе домой в район Покровских ворот...

Алексей Максимович совсем забеспокоился, часто справлялся о больном, прислал к нему своего врача.

С каждым днем Александру Михайловичу становилось хуже и хуже. Анатолий Петрович выделил ему одну из комнат. Кровать поставил в центре комнаты, чтобы можно было подойти к больному с любой стороны. «Сердечная недостаточность» прогрессировала. Он слабел, бледнел, лицо отекало. Мучительные головные боли унимались лишь не надолго. Тогда больной начинал говорить с другом, который редко отходил от его постели, расспрашивая о лаборатории, о предстоящей конференции по горному инструменту в Харькове, куда приглашали и Игнатъева; говорил об изобретениях и неизменно переходил к воспоминаниям о минувших годах. Эта жажда воспоминаний о юности вызывала у Анатолия Петровича предчувствие недоброго, страшного. В таких случаях он поддерживал беседу вяло, стараясь перевести разговор на другие темы, но временами незаметно увлекался и сам, невольно поддаваясь нахлынувшему на него незабываемым картинам безвозвратно ушедшей поре юности.

— А помнишь, Толя, как мы бунтовали в школе против Чевакинского?

— Это по поводу Стеньки? Помню, Шура, помню.

— А как динамо испытывали, помнишь?

— Как же, как же, Шура, разве можно забыть момент, когда ты зажал в зубах концы проводов и ток ударил тебя. На твоем лице одновременно изобразились испуг и радость. Испуг и радость выразились одновременно в таком сложном сочетании, что дай художнику нарисовать это выражение — не сумеет передать во всей живости.

Игнатъев слабо улыбнулся, но тут же лицо его страдальчески исказилось от боли. Выражение улыбки и му-

ки... Что-то похожее было на радость и испуг юного Шуры. Нет, это было не сходство, а лишь подобие сходства, слабейшее напоминание о жизни, о минувшей юности; это было зловещее напоминание о близком конце, о конце земного поприща и с пользой поработавшего, незаурядного и разносторонне одаренного человека, недаром жившего на свете.

Анатолий Петрович хотел отвести глаза от взгляда больного, чтобы скрыть от него то, что он понял, но это невозможно было скрыть, и Белоцерковец продолжал смотреть в бледное, измученное лицо товарища, и Игнатъев все понял.

— Я бы хотел, Толя, чтобы после меня ты стал главой лаборатории и довел бы дело до конца, — сказал он еле слышным, леденящим сердце голосом.

«Понял», — подумал Анатолий Петрович и ответил:

— Ну, что ты, Шура, ты скоро выздоровеешь и будешь, как всегда, управлять всем.

Больной покачал головой, ответил тихо:

— Первый раз в жизни, Толя, ты говоришь мне неправду, но все умирающие прощают близким эту невольную ложь.

Из Ленинграда приехали Канина, братья Игнатъева Федор и Михаил и сын Миша. Мальчик часто приходил к больному отцу, но ему не давали долго задерживаться возле него, жалея обоих. Однажды Александр Михайлович не дал увести сына и, держа его за руку, начал слабым, прерывающимся голосом рассказывать о счастливом будущем, которое ожидает мальчика и его товарищей, его Родину. Затем, отпустив Мишу, больной попросил, чтобы записали то, что он собирается сказать. И он продиктовал два завещания — о будущих работах лаборатории и о передаче личного имущества и оставшихся средств сыну. С большим трудом больной вывел буквы своей фамилии под завещаниями. Потом Игнатъев совсем ослаб, потерял сознание. Его перевели в Кремлевскую больницу. Сознание не возвращалось. Родственники перестали впускать к нему. 27 марта 1936 года Игнатъев умер.

Под некрологом, напечатанном в «Правде», первыми стояли подписи Ворошилова и Горького. В некрологе коротко говорилось о жизни и деятельности покойного о том, как горячо поддерживал изобретателя в его начи-

наниях Серго Орджоникидзе. Некролог заканчивался словами:

«Тов. Игнатъев был подлинным революционером техники, и к этому он пришел, пройдя большой путь революционной борьбы и участия в рабочем движении. Ряд лет до Октябрьской революции тов. Игнатъев вел активную революционную работу, и партия большевиков доверяла ему многие ответственные поручения. В период гражданской войны тов. Игнатъев был неизменно в рядах Красной Армии. В последующие годы он был на ответственной хозяйственной работе и, наконец, позднее посвятил себя целиком изобретательству и реализации своих выдающихся технических достижений».

Постановлением Советского правительства лаборатории было присвоено имя Игнатъева. Директором ее назначили Белоцерковца.

В НАШИ ДНИ

...— За этим столом творил Алексей Максимович, — говорит экскурсантам сотрудник Музея Горького.

Наступает минута молчания. Мысли и чувства, возникающие при взгляде на этот стол, вызваны чувством благоговения и гордости за того, кто за ним работал. Дорога нашему сердцу каждая вещь на большом горьковском столе, навечно накрытом сплошным стеклянным колпаком, — очки, тонкий длинный мундштук, ручка, которой писал Алексей Максимович, карандаши, папки... Они лежат в таком же порядке, в каком оставил их на столе великий писатель.

Под лучами солнца блещут на зеленом сукне металлические бруски. Среди обычных письменных принадлежностей они кажутся случайными и даже лишними. С тех пор как Игнатъев подарил Горькому резцы-столбики, они не убирались со стола писателя и теперь оставлены на нем навеки. Так, в музее рядом с крупными творениями советской литературы очутились и творения техники, как бы символизируя этим бессмертную дружбу их авторов в борьбе за новую, создаваемую нами жизнь.

Шестнадцать лет лежат под стеклянным колпаком без движения резцы Игнатъева, и за эти годы не один посетитель музея интересовался их судьбой. Что же стало с большим делом, развернутым еще при жизни выдающимся русским изобретателем?

На стене лаборатории горных пород Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного строительства и проектирования висит портрет Игнатьева. За столом, одетый в простую косоворотку, сидит Александр Михайлович и пишет письмо. Он отвел на минуту взгляд от стола. Из-под высокого лба, окаймленного аккуратно зачесанными, редкими волосами, куда-то далеко вперед устремлен проницательный взгляд больших добрых глаз. На лице — отражение пришедшей на ум счастливой мысли, которая вызвала легкую улыбку в углах глаз и чуть обвисших усах. Перед портретом, не в рамке, а на столе, лежит щиток с прикрепленными к нему семью образцами резцов разной степени износа. Первый образец инструмента совершенно новый, не коснувшийся ни разу мрамора, последний — изнашивается настолько, что им нельзя больше пользоваться. Длина резцов от первого до последнего образца постепенно убывает, но остаются неизменными, стабильными их углы резания. Это самозатачивающиеся резцы одного из лучших продолжателей дела Игнатьева — лауреата Сталинской премии инженера Николая Еремеевича Черкасова. Теперь нам кажется, что ясный, озаренный внутренней радостью взгляд изобретателя на портрете, его мягкая одобрительная улыбка относятся не к содержанию начатого им письма, а к настойчивому и успешному труду Николая Еремеевича. Развивая основную идею Игнатьева, Черкасов создал самозатачивающиеся инструменты, которые сегодня с большой выгодой для государства применяются в промышленности.

Двуслойный резец, состоящий из твердого сплава и стали, изнашивается равномерно благодаря игнатьевскому принципу распределения линий наибольших усилий на твердый слой и — меньших усилий на сравнительно мягкий слой. Опираясь на этот принцип, Николай Еремеевич использовал для самозатачивания оба взмаха пилорамы — передний и задний. Первая попытка использования обратного взмаха была сделана Игнатьевым на косилке, но она не удалась. Черкасов блестяще решил эту задачу на горных породах, идя тем самым еще дальше Игнатьева.

Николай Еремеевич снабжает огромную пилораму от 600 до 800 самозатачивающимися резцами. Пилорама опускается на глыбу мрамора и начинает распиливать

ее сразу на 30—40 плит. Восемьсот резцов стоимостью по 70—80 копеек до полного износа распиливают от 800 до 1600 квадратных метров мрамора. Но представим на минуту, что резцы обычные, стальные. В этом случае пришлось бы через каждые десять сантиметров пропила снимать все восемьсот резцов и натачивать их лезвия. Работа совершенно немыслимая! По этой причине до сих пор камни распиливают беззубыми, так называемыми штрипсовыми, пилами с помощью песка. Этот вековой давности способ протирания камня песком в наши дни начал успешно вытеснять самозатачивающиеся резцы. Производительность пилорамы Черкасова по известнякам в десять раз выше производительности штрипсовых пил, а по мрамору — в пять раз. Внедрение новых инструментов конструкции инженера Черкасова уже в этом году принесет десятки миллионов рублей экономии нашей Родине. Николай Еремеевич продолжает совершенствовать свои резцы, создавать новые инструменты для горных пород.

Последователи Игнатьева имеются и в других отраслях народного хозяйства.

«Принцип самозатачивания положен в основу изготовления применяемых с успехом в Советском Союзе коронок для бурения», — пишет Большая Советская Энциклопедия нового издания. Коронки эти особенно хорошо работают на крепких горных породах.

Группа новаторов Всесоюзного института сельхозмашиностроения создала самозатачивающиеся культиваторные ножи для обработки почвы. Опыты использования их проводились уже в послевоенные годы и показали хорошую работу. Приводим один из актов испытаний.

«Мы нижеподписавшиеся, старший агроном МТС Ново-Кубанского района, Краснодарского края Мироничев, председатель колхоза «Ленинский путь» Бредихин, бригадир того же колхоза Руденко, бригадир тракторной бригады МТС Худенко и представитель Всесоюзного института сельхозмашиностроения инженер Шафарьян составили настоящий акт в том, что экспериментальные культиваторные лапы с наплавленным твердым сплавом — 12 штук, из коих наплавлено сверху 5 штук, снизу 7 штук и 4 обычных лапы во время культивации черных паров с сильно засоренными сорняками, дали следующие результаты:

Всего культивировано 182 гектара. За время работы обычные лапы оттягивались два раза. Наплавленные же лапы все время самозатачивались, особенно лапы с верхней наплавкой».

Известны еще самозатачивающиеся ножи для рубки кожи также с наплавкой твердого сплава. Далеко не все факты развития дела Игнатьева описаны здесь, да и едва ли есть необходимость перечислять их. Но хочется остановиться еще на одном факте из практики не последователей, а самого Игнатьева. Этот факт заслуживает внимания. О нем следует сказать несколько слов.

Как, очевидно, помнит читатель, я оставил без ответа вопрос о том, что же стало с бритвами, которые Игнатьев, будучи торгпредом СССР в Финляндии, изготовил в мастерских обанкротившейся фирмы «Рапид», а затем — в Берлине? Я оставил этот вопрос без ответа потому, что никак не смог разыскать лиц, в чьи руки попали эти бритвы. И вот совсем недавно мне удалось найти одного из обладателей девятислойных бритв, с разрешения которого я и называю в этой книге его имя — Дмитрий Николаевич Сулимов. В 1928 году друг Игнатьева Н. К. Четвериков подарил Д. Н. Сулимову девятислойную бритву. С тех пор Сулимов пользуется ею, ни разу не направив на осилке, и лишь сравнительно редко — на ремне. Дмитрий Николаевич — транспортник-изыскатель, человек, не имеющий никакого отношения к инструментальному делу, и заподозрить его в приверженности к какой-либо из школ инструментальной науки невозможно. Он заявляет, что за 24 года неизменного пользования бритвой лезвие его лишь слегка сузилось, но сохранило свои режущие качества.

— Эту бритву я никогда не выпускаю из рук, зная, что другого такого инструмента нет нигде в мире, а если есть, то лишь у тех, кто сохранил подарок Игнатьева. Жизни одного человека нехватит на эту бритву, поэтому я решил завещать ее своему сыну, — заключает шутиливо Сулимов.

Что же стало с теми инструментами, которым Игнатьев отдал большую половину своей творческой жизни, с резцами?

ЭЗРИ и лаборатория имени Игнатьева существовали фактически до 1941 года.

Несмотря на неуклонное совершенствование инструментов из твердых сплавов, игнатьевские двуслойные резцы пользовались на заводах у стахановцев огромным успехом, спрос на них изо дня в день повышался. В годы войны, а особенно в послевоенные годы, техника металлорезания фантастически шагнула вперед. Открытие так называемых отрицательных углов лезвия, достижения советской науки, стахановцев-скоростников Борткевича, Быкова, Маркова и тысяч других, доведших скорости резания металлов до 2000 метров в минуту и выше, не могли не вытеснить стальных резцов, в том числе и игнатьевских. Александр Михайлович понимал, что век стального резца по металлу проходит и попытался изготовить многослойные резцы из твердых сплавов, но его усилия не увенчались успехом вследствие того, что наука его времени еще не могла справиться с поставленной задачей.

Достижения скоростников-стахановцев послевоенных лет стали самым могучим движением, революционизировавшим производство, изменившим технологию производства многих отраслей промышленности, в частности и станкостроение. Скорость в 2000 метров резания! Игнатьев не мог и мечтать об этом, и то, что за полтора десятка лет мировой рекорд скорости его «мортиры» — 200 метров в минуту — превзойден в десять раз, является лишь свидетельством нашего могучего, неудержимого движения вперед по пути новых завоеваний. Игнатьев мог бы лишь радоваться этому, и он безусловно внес бы свой вклад в современное скоростное движение.

Передовая мысль советских ученых-инструменталистов, стахановцев продолжает совершенствовать лезвия из твердых сплавов, новых керамических резцов, режимы резания. Не все резервы этих лезвий исчерпаны, поэтому идея Игнатьева о самозатачивании в металлообработке как бы оставлена пока в резерве.

История изобретений знает много примеров, когда какое-либо открытие, войдя в жизнь, затем вытесненное другими открытиями, предается забвению, пока через десятилетия вновь не возрождается, чтобы уже прочно занять свое место в промышленности. Известно, например, что в семидесятых годах прошлого века на вооружении русской армии были реактивные снаряды. Затем их сняли с вооружения, признав несовершенными. Из-

вестно также, что на фронтах Великой Отечественной войны реактивные снаряды «катюш», возрожденные и усовершенствованные советской наукой, сыграли выдающуюся роль в защите Отечества от фашистских захватчиков. Нет сомнения, что самозатачивание в металлорезании также возродится.

Что же касается обработки горных пород, почвы и других материалов, то здесь твердые сплавы уже поставлены на службу промышленности. Твердые сплавы применяются не только у нас, но и за границей. Правда, там идея самозатачивающихся инструментов приписывается не ее настоящему автору, а тем, кто открывает давно открытое.

В июле 1936 года через несколько месяцев после смерти Игнатьева вышли номера американских журналов: «Механикаль Уорлд» № 2593 и «Окси ацетелентайпс» № 7. В обоих солидных органах сообщалось об изобретении американскими инженерами самозатачивающихся зубьев экскаватора и ряда колющих, долбящих, скоблящих инструментов.

Газета «Британский союзник» в № 25 от 19 июня 1949 года, издававшаяся в Москве, сообщала, что Эссекский завод выпускает культиваторы с самозатачивающимися лопастями-ножками в массовом количестве. Эти культиваторы экспортируются в 45 стран. Из этих сообщений явствует, что самозатачивающиеся инструменты изобретены в одном случае американскими, в другом — немецкими, в третьем — английскими инженерами. В советских же архивах имеются достоверные документы о том, что самозатачивающиеся инструменты изобретены русским биологом Игнатьевым в 1912 году, а патенты на это изобретение им взяты в 1926 году, то есть за десять лет до американского «изобретения». Быть может, плагиаторы скажут, что документы советских архивов для них — не закон? Что ж, будем пользоваться документами американского, немецкого, английского архивов. Если американским плагиаторам от техники дорога истина, а не бизнес, то мы попросим их зайти в нью-йоркский патентamt и взять с соответствующей полки патент № 1607083, который подтверждает, что самозатачивающиеся инструменты изобретены русским ученым А. М. Игнатьевым. Подобным же образом могли бы поступить и их собратья по плагиату в

Лондоне, если бы они поинтересовались английским патентом № 261166 на имя Игнатьева и немецким — № 438705.

В июле 1949 года Комиссия истории техники Академии наук СССР рассмотрела вопрос о самозатачивающихся инструментах и подтвердила приоритет Игнатьева.

Но заслуга Александра Михайловича Игнатьева перед наукой не ограничивается открытием принципа самозатачивания и его осуществления на практике. Биолог Игнатьев в ряде технологических процессов достиг высот, каждая из которых сделала бы честь выдающемуся инженеру. Игнатьев — первый скоростник по резанию металлов в нашей стране и во всем мире. В 1927 году его «мортира» резала сталь со скоростью свыше 100 метров в минуту, а пять лет спустя — 200 метров, в то время когда всему миру были известны скорости резания стандартных инструментов не более 30 метров в минуту.

Игнатьев достиг небывалой стабильности лезвия. В 1927 году в присутствии комиссии Главметалла его многослойные резцы-столбики работали неделю, не тупясь. Игнатьев открыл новый в мировой науке принцип электросварки по формуле «ток перпендикулярен давлению» и добился скоростной сварки по восьми метров в минуту. Эти достижения выдающегося русского изобретателя должны быть закреплены в истории советской науки.

В минуты тяжелых переживаний, когда неудачи опытов приводили к отчаянию, Игнатьев говорил:

«Не может быть, чтобы человечество не научилось регулировать износ лезвия в разумном, выгодном для себя направлении», — и вновь принимался за работу. Он верил в победу и побеждал. Он верил, что в будущем человечество полностью осуществит самозатачивание инструментов на базе высочайшей техники коммунизма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	5

Глава первая

Загадки мира	7
Лабиринт	10
Всякий живет, как может	13
Не все на свете черное	17
Белый Колодезь	20
В Петергоф	27
„Премудрый пескарь“	31
Стенька или Степан	35
Педагогический эксперимент	41
Снова в путь	43

Глава вторая

Бедные студенты	50
Откровенный разговор	53
Неожиданная встреча	55
„Григорий Иванович“	58
Володя Наумов	61
Кровь на снегу	66
В боевой группе	69
Дары моря	73
Друг каких мало	78
По другому пути	83
Встреча в лесу	87
Последние визиты	92
Суд над Володей	95
Когда же срубят елки?	98

Глава третья

На остров Капри	102
Очная ставка	108

	Стр.
Конец штиля	117
Нашла коса на камень	120
Выходка „Барсика“	123
Новая загадка	125
Открытие Александра Игнатъева	129
И второй „блин“ комом	138
„Мученик идеи“	140
Кем быть	143

Глава четвертая

По команде „смирно“	147
Аэроплан	152
Разговор в землянке	158
Лиха беда начало	165
Новая головоломка	172
Летят журавли	175
Новая присяга	180
Три самолета	186
Обманутые надежды	191

Глава пятая

Новое назначение	194
Николай Верещагин	200
Конец елки	203
Тринадцать лет спустя	205
Поспевая за временем	209
Незабываемая встреча	215

Глава шестая

Университет на дому	221
Необычная бригада	226
Консультант Главметалла	232
„Эффект Игнатъева“	235
Лаборатория „Металлизатор“	244
О праве называться гражданином	249
В Москве	258
Светлое утро	266
Срочный вызов	272
Снова в Берлине	276
Стойкость	281
Свет и тени чередуются	285
Суд	293

Глава седьмая

Горизонты расширяются	297
Камень за пазухой	301
Время не ждет	306
У великого друга	311

	Стр.
Кипучая жизнь	314
Приказ наркома	319
Рассвет	323
Последние встречи	327
В наши дни	333

Редактор *А. В. Гури*
Техн. редактор *К. В. Крыночкина*

☆☆☆

Сдано в набор 11/VII 1952 г.
Подписано к печати 29/X 1952 г.
Л 160678. Бумага $84 \times 108\frac{1}{32}$ —
5,38 бум. л. = 17,63 печ. л.
В 1 п. л. 34 400 зн.
Уч.-изд. л. 18,25. Уч. № 165/1436.
Тираж 90.000. Цена 6 р. 10 к.

☆☆☆

Типография Трудрезервиздата.
Москва, Хохловский пер., 7. Зак. 941.